

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Сборник научных трудов

**Выпуск 5
2013**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2014

УДК 316.014
ББК 60.504/506
П 29

*Печатается по решению
Ученого совета Социологического института РАН*

Редколлегия:

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д. э. н., проф., засл. деятель науки РФ
(главный редактор, СИ РАН); *Р. Г. Браславский*, к. с. н. (зам. главного редактора,
СИ РАН); *А. С. Быстрова*, к. э. н. (отв. секретарь, СИ РАН);
К. С. Дивисенко, к. с. н., СИ РАН; *Е. А. Иванова*, к. и. н. (СПбНЦ РАН);
М. В. Масловский, д. с. н., проф. (СИ РАН); *Д. Б. Тев*, к. с. н. (СИ РАН);
И. Шубрт, д-р социол., доцент (Карлов университет, Прага, Чехия)

П 29 Петербургская социология сегодня — 2013 : Сборник научных
трудов Социологического института РАН. Вып. 5. — СПб. :
Нестор-История, 2014. — 376 с.

ISSN 2308-3166

В сборнике представлены результаты исследований научных сотрудников Социологического института РАН и других организаций, в которых освещаются исследования в области трудовых отношений и инновационного развития организаций, социологии здоровья, истории социологии и науковедения, социологии культуры и девиантности.

Для социологов, историков, политологов и науковедов.

УДК 316.014
ББК 60.504/506

ISSN 2308-3166

© Социологический институт РАН, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Социология труда и организаций

<i>И. Б. Олимпиева, А. Кондаков, Л. В. Ежова, А. Л. Слободской.</i> Социальный капитал организации: аналитические подходы и возможности измерения на уровне организации	10
<i>Б. И. Максимов.</i> Характеристика и действия современных российских рабочих	42
<i>Е. В. Митягина.</i> Ресурсность российских рабочих: противоречия индустриальной и информационной модернизации	72
<i>Б. Г. Тукумцев.</i> Формирование понятийного аппарата социологического анализа инновационной деятельности	107

Науковедение

<i>С. А. Кугель, А. Н. Ирецкий.</i> Центры коллективного пользования как новая форма функционирования науки	158
<i>М. С. Полтинникова.</i> Проблемы лицензирования компьютерной программы контекстно-ориентированных методов построения социального знания	173

Социология культуры

<i>М. В. Масловский.</i> Концепция советской модерности Й. Арансона и исследования российской политической культуры	187
<i>К. С. Дивисенко, О. В. Тупахина, А. Э. Белов.</i> Практическая составляющая структуры религиозного жизненного мира (на примере православных христиан)	199

История социологии

<i>А. В. Малинов.</i> Биологическое направление в социологии: из лекций академика А. С. Лаппо-Данилевского (опыт реконструкции)	217
<i>А. Э. Зайнутдинов.</i> Социологические взгляды С. С. Шашкова	230

Социология права и девиантности

<i>Е. В. Масловская.</i> Социолого-правовой анализ динамики правовых институтов советского общества	244
<i>И. Н. Гурвич.</i> Социальное конструирование подростковой девиантности в общеобразовательной школе	269

Социология здоровья

<i>И. С. Паутов.</i> Современные теоретические подходы к осмыслению здоровья как социального феномена: концепция человеческих возможностей и социология риска	289
<i>Л. В. Панова, О. В. Озерова.</i> Контекстуальные факторы табачной эпидемии в России	308

Научная жизнь

ХII всероссийский семинар «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (<i>А. В. Степаньев</i>)	339
Пятые чтения по истории российской социологии «Понимание общественно-исторического развития и современности: методология социальных наук» (Памяти А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919): 150 лет со дня рождения) (<i>А. Э. Зайнутдинов</i>)	347
Всероссийская научно-практическая конференция «Современное общество и труд» (<i>Б. Г. Тукумцев</i>)	355
Российско-китайский научный семинар «Процессы модернизации семьи в России и Китае» (<i>К. С. Дивисенко</i>)	361
Региональная молодежная научная конференция «Социологические аспекты трансформации российского общества» (<i>П. И. Лешукова</i>)	365

In Memoriam

Памяти Иосифа Наумовича Гурвича	369
Памяти Александра Афанасьевича Клёцина	370
Сведения об авторах.	372
Информация для авторов	374

CONTENTS

Introduction	7
Labour and Organization Sociology	
<i>I. B. Olimpieva, A. A. Kondakov, L. V. Erzova, A. L. Slobodskoy.</i> Social Capital: Analytical Approaches and Possibilities of Measurement at the Level of Organization	10
<i>B. I. Maximov.</i> Characteristics and Activities of Modern Russian Workers	42
<i>E. V. Mitjagina.</i> Resources of Russian Workers: Controversies of Industrial and Information Modernization	72
<i>B. G. Tukumtsev.</i> Formation of the Conceptual Notions Apparatus for the Sociological Analysis of Innovation Activity	107
Sciences Knowledge	
<i>S. A. Kugel, A. N. Iritskiy.</i> Centers for Collective Use as New Form for Science Organization	158
<i>M. S. Poltinnikova.</i> Software and Context-oriented Methods of Constructing Social Knowledge	173
Sociology of Culture	
<i>M. V. Maslovskiy.</i> Johann Aranson's Theory of Soviet Modernity and the Studies of Russian Political Culture	187
<i>K. S. Divisenko, O. V. Tupachina, A. E. Belov.</i> Practical Component of Religious Lifeworld (the Case of Orthodox Christians)	199
History of Sociology	
<i>A. V. Malinov.</i> Biological Current in Sociology : from Academician Alexander S. Lappo-Danilevsky's Lectures	217
<i>A. E. Zainutdinov.</i> Seraphim S. Shashkov's Sociological Views on Siberian Regionalism and Feministic Issue	230
Sociology of Law and Deviation	
<i>E. V. Maslovskaya.</i> Theoretical Sociological Analysis of the Dynamics of Soviet Legal Institutions	244
<i>I. N. Gurvich.</i> Social Constructing of Teenage Deviation in Secondary School	269

Sociology of Health

<i>I. S. Pautov.</i> Modern Theoretical Approaches in Conceptualizing Health as a Social Phenomenon: Capability Approach and the Sociology of Risk	289
<i>L. V. Panova, O. V. Ozerova.</i> Contextual Factors of Tobacco Epidemic in Russia	308

Scientific Life

12th Whole-Russian Workshop “Sociological Problems of Power Institutions in the Transit Period”	339
5th for Russian History of Sociology “Understanding of Social-Historical Development and Modernity: Methodology of Social Knowledge” (In Memoriam A. S. Lappo-Danilevsky (1863–1919))	347
Whole-Russian Theoretical and Practical Conference “Modern Society and Labour” (<i>B. G. Tukumtsev</i>)	355
Russian-Chinese Workshop “Family Modernization in Russia and China”	361
Regional Youth Conference “Sociological Aspects of Russian Society Transformation”	365

In Memoriam

Iosif N. Gurvich	369
Alexander A. Klyotsin	370
Authors of the Issue	372
Summaries	374

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник статей является очередным выпуском сборника трудов Социологического института РАН. Границы сборника расширились: в нем представлены статьи исследователей, работающих в университетах и других организациях, с которыми СИ РАН имеет тесные связи. Стали публиковаться обзоры научных мероприятий. Изменился статус издания: теперь сборник зарегистрирован как периодическое издание со своим ISSN и включен в РИНЦ. Для привлечения внимания читателей все материалы сборника размещаются в открытом доступе на сайте издания¹.

Откликаясь на злободневные проблемы (патриотизм, Россия и мир), подчеркнем, что российская социология никогда не развивалась в изоляции от западной. Доминировавшая долгое время в социальных науках установка «методологического национализма» не способствует адекватному пониманию действительных механизмов и процессов развития и функционирования самой науки. Национальные социологические традиции существуют, но не как возникающие сами из себя, закрытые и самодостаточные системы мысли. В действительности национальные социологии формируются и получают свою идентичность в более широком интеллектуальном и социальном пространстве мировой социологии. Российские социологи, как и социологи других стран, занимались исследованием и осмыслением реалий, прежде всего собственного общества, но делали они это в ходе рецепции идей своих зарубежных коллег.

Даже территориально отечественная социология развивалась не только (а иногда и не столько) внутри страны, но и за пределами Российского государства. Начало институционализации российской социологии в сфере образования положила Русская высшая школа

¹ Адрес сайта издания «Петербургская социология сегодня»: <http://www.pitersociology.ru/>

общественных наук, которая была создана в 1901 г. в Париже (Гутнов, 2004). Главное место в системе преподавания Школы занимала социология, причем в применении к «экономическим, политическим и духовным проблемам России». В Школе читали лекции многие выдающиеся ученые, имена которых ныне встречаются практически во всех учебниках по истории российской социологии: Е. Де Роберти, М. Ковалевский, Н. Кареев, А. Чупров, К. Тахтарев, П. Милуков, В. Чернов, А. Исаев, М. Туган-Барановский, П. Струве. Преподавали в Школе и европейские профессора. Например, один из главных курсов, который был посвящен междисциплинарным отношениям социологии, вел Г. Тард. Слушателями школы за пять лет ее существования стали более двух тысяч русских студентов, обучавшихся в различных институтах и университетах Франции. Деятельность Школы широко освещалась в отечественной печати. Организационный опыт и культурный капитал Русской школы в Париже был использован спустя три года при создании в Петербурге частного Психоневрологического института с кафедрой общей социологии (Голосенко, Козловский 1995: 24–25).

Деятельность Русской высшей школы общественных наук — лишь один эпизод из истории российской социологии, который демонстрирует, с одной стороны, тесную связь социологии русского зарубежья с российским обществом, а с другой — ее включенность в европейскую и мировую социологию. Картина фактического развития социологии в разных странах показывает, что национальные социологические традиции формировались в условиях транссоциетальных взаимодействий, интеллектуального и институционального импорта/экспорта, международной мобильности ученых (в России часто принимавшей форму вынужденной политической эмиграции). История российской, как и любой другой национальной социологии, является частью глобальной истории социологии.

Без тесных связей с мировым научным сообществом невозможно развитие сильной национальной науки. Времена, когда социология в России находилась под прямым запретом или идеологическим контролем, как это было в царский или советский период, прошли. Сегодня научная бюрократия разных уровней — от министерского до университетского — ориентирует отечественных ученых добиваться международного признания. Эта научная политика находит выражение в конкретных мерах стимулирования публикаций российских исследователей в мировых научных изданиях, при игнорировании публика-

ций на русском языке. Однако для национальной социологии равно опасны как изоляция от мирового научного сообщества, так и отрыв от родного языка и культуры. Современное социально-научное знание, не находя в русском языке адекватных средств для своего выражения, будет вытесняться из культурного пространства российского общества, перестанет перетекать в публичную сферу и оказывать влияние на формирование общественно-политического дискурса по актуальным проблемам бытия российского общества.

Национальная социология — это способ думать и говорить об обществе на родном ему языке. Социология выполняет важнейшую коммуникативную функцию в обществе. Она не только говорит об обществе, но и разговаривает с ним. Но поймет ли социология общество и будет ли она сама понятна обществу, если разучится говорить об этом обществе и с этим обществом на родном ему языке? Языковой барьер приведет к обеднению когнитивных возможностей для самопонимания российского общества, к сужению концептуального пространства для ведения диалога и выработки общественного консенсуса. Издаваемый Социологическим институтом РАН сборник «Петербургская социология сегодня» видит одну из своих главных задач в том, чтобы содействовать укреплению позиций отечественной социологии, с одной стороны, в мировой социальной науке, а с другой — в культурном пространстве российского общества. С этой целью мы планируем продолжать публикации работ отечественных и зарубежных исследователей как на русском, так и английском языках.

Редколлегия

Источники

Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995. 288 с.

Гутнов Д. Русская высшая школа общественных наук в Париже. 1901–1906. М.: РОССПЭН, 2004. 334 с.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИЙ

И. Б. ОЛИМПИЕВА, А. А. КОНДАКОВ, Л. В. ЕЖОВА, А. Л. СЛОБОДСКОЙ

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ НА УРОВНЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассматриваются аналитические подходы и возможности эмпирического измерения социального капитала на уровне организации. Проводится обзор разнообразия теоретических понятий социального капитала, отмечается их концептуальная противоречивость. Дано описание основных положений разработанной авторами методики измерения социального капитала, которая позволяет нивелировать проблемы измерения социального капитала на уровне конкретной организации. Показано, каким образом измерение трех составляющих социального капитала на разных уровнях организационной иерархии позволяет оценить уровень и конфигурацию социального капитала, а также его возможные эффекты на функционирование организации. На основе эмпирических данных, полученных в ходе социологического исследования, проведенного авторами в глобальной компании российского происхождения, иллюстрируются возможности разработанной методики для диагностики и мониторинга проблем внутриорганизационных отношений.

Ключевые слова: социальный капитал, организация, доверие, социальные сети, организационная культура, социально-трудовые отношения, конфигурация социального капитала, «бондинговый» и «бриджинговый» эффекты.

I. B. OLIMPIEVA, A. A. KONDAKOV, L. V. ERZOVA, A. L. SLOBODSKOY

SOCIAL CAPITAL: ANALYTICAL APPROACHES AND POSSIBILITIES OF MEASUREMENT AT THE LEVEL OF ORGANIZATION

The paper considers analytical approaches and possibilities of empirical measurement of social capital at the level of organization. The review of the variety of existing theoretical approaches to social capital demonstrates conceptual inconsistency of this notion. A description of the main provisions of the methodology of measuring social capital developed by the authors is presented, which allows overcoming major

problems of social capital measurement at the level of organization. It is shown how the measurement of the three components of social capital and their analysis at different levels of the organizational hierarchy allow evaluating the scope and configuration of social capital of the organization and its possible impact on the organizational functioning. The empirical data collected during the survey conducted by the authors in a multinational company of Russian origin, illustrates the possibilities of the developed technique for the diagnosis and monitoring of intra-organizational relations problems.

Keywords: social capital, organization, trust, social networks, organizational culture, socio-labour relations, configuration of social capital, 'bonding' and 'bridging' effects.

Введение

Социальный капитал — один из самых перспективных исследовательских аналитических концептов, используемых в социологии для понимания механизмов, регулирующих человеческие взаимодействия в разных сферах. Концепция социального капитала может быть использована как в качестве самостоятельной исследовательской стратегии, так и в качестве полезного дополнения к существующим подходам к исследованию социальных взаимодействий. В данной статье мы попытаемся продемонстрировать, каким образом концепция социального капитала может быть использована для исследования социальных взаимодействий на уровне конкретной организации. Представляется, что в ситуации современной экономической и социальной нестабильности традиционные для социологии труда подходы к исследованию отношений на уровне организаций и предприятий оказываются недостаточно эффективными. На этом фоне использование «социального капитала» в качестве исследовательской категории обладает, на наш взгляд, существенным исследовательским и эвристическим потенциалом для анализа отношений внутри организаций, и, в частности, для диагностики степени включенности сотрудников в организацию и определения проблемных точек внутриорганизационных взаимодействий. При использовании понятия социального капитала в качестве исследовательской категории основная проблема заключается в том, что данное понятие оказывается весьма сложным для операционализации. В отечественной и зарубежной исследовательской практике нам не встречались методики комплексного измерения социального капитала на уровне организации, позволяющие учитывать многообразие охватываемых этим понятием взаимоотношений. В данной статье мы

попытаемся представить вариант решения этой задачи путем разработки собственной методики эмпирического исследования социального капитала организации и проиллюстрируем возможности ее использования на эмпирических примерах.

В аналитическом обзоре, с которого начинается данная статья, представлено разнообразие аналитических подходов к понятию социального капитала. Не вдаваясь в углубленный анализ имеющихся концепций социального капитала, мы представим лишь некоторые наиболее известные теоретические подходы, и в первую очередь, те, которые в дальнейшем используются для формирования логики нашего собственного исследования. Отдельный раздел статьи посвящен описанию особенностей социального капитала организации и исследовательских подходов к его измерению. Далее будет представлен аналитический подход к исследованию социального капитала организации, который использовался авторами при исследовании крупной российской транснациональной компании российского происхождения¹. Методика измерения социального капитала разрабатывалась по заказу крупной транснациональной компании (ТНК) российского происхождения, имеющей филиалы и дочерние структуры в 9 странах. Апробация методики проходила в основном в подразделениях компании, расположенных в двух российских городах, и фокусировалась на внутреннем социальном капитале ТНК, включая взаимодействия между иностранными филиалами в Германии, США, Китае, Японии.

Разнообразие и противоречивость аналитических подходов к понятию «социальный капитал»

В социальных науках нет единого мнения по поводу того, что подпадает под понятие «социальный капитал». Эта концепция используется достаточно широко и уже стала в определенном смысле классической не только в экономике и социологии, но и в антропологии или психологии. В самом общем смысле социальный капитал можно понимать как предпочтительные отношения одних акторов социальной

¹ В статье используются материалы социологического исследования «Возможности использования социокультурных факторов в развитии глобальной компании российского происхождения», проведенного Центром независимых социологических исследований в одной из лидирующих российских транснациональных компаний в рамках проекта некоммерческого партнерства «Институт национального проекта “Общественный договор”» в 2012–2013 гг.

действительности с другими, в результате которых они получают взаимные выгоды и идут на взаимные уступки. Разумеется, степень взаимности может варьироваться и не всегда основывается на равенстве. Таким образом, можно сказать, что акторы (индивиды, институции, корпорации) вступают друг с другом в неписанные контрактные отношения, имеющие тем не менее весьма жесткие условия, а также социальные санкции за нарушения условий «контракта». Стоит иметь в виду, что принципиальным в понимании социального капитала является его продуктивная способность. Отношения, которые можно описать через данную категорию, производят вполне конкретные эффекты — достигают определенных целей, реализуются в производстве какого-либо продукта, облегчают выполнение той или иной задачи. Поэтому социальный капитал называется именно «капиталом», то есть ресурсом, используемым для производства.

История появления термина «социальный капитал» связана с Северной Америкой, где локальные объединения граждан городских районов или деревень, так называемые *комьюнити* (сообщества), основанные на взаимовыручке, симпатии, добрососедстве, до сих пор имеют решающее значение в повседневной жизни людей. Подобные отношения являются фундаментом для построения сообществ, в которых каждый отдельный индивид делает свой вклад в общее благо, тем самым улучшая жизни окружающих и свою собственную (Hanifan 1916). Именно такие отношения скрепляют сообщества и формируют наиболее удобную форму существования их членов, однако в то же время исключают многие категории других граждан: новичков, чужаков, нонконформистов.

Пьер Бурдьё продолжил данную логику, основывая аргументацию по объяснению понятия социального капитала на практике отношений между родственниками или членами иных групп (Bourdieu 1977; Бурдьё 2001). Он предложил разграничить эффекты социального капитала от эффектов других типов капитала. Капитал понимается как накапливаемый и воспроизводимый ресурс, суть которого сводится к его рациональному использованию, то есть такому, при котором различными акторами (индивидами, группами, организациями) будут достигнуты поставленные перед ними цели или реализованы конкретные задачи. Именно поэтому «подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен» (Коулман 2001: 124). При использовании ресурсов социального капитала становится проще выполнение тех или иных задач, достижение целей.

В работе «Формы капитала» П. Бурдье различает экономический, культурный и социальный капиталы (Бурдье 2002). Все эти формы инструментальны, но их эффекты осуществляются в разных полях, и, следовательно, цели, которые они помогают достигать, существенно различаются. Экономический капитал — это произведенные товары или деньги, их замещающие, которые являются предметом обмена. Культурный капитал представляет собой знания, навыки, уровень образования, которые облегчают социальную мобильность индивида. Такую форму капитала также называют *человеческим* капиталом (Becker 1993; Schultz 1971). Культурный капитал может привести к экономическим выгодам, но напрямую никак с ними не связан. Экономический капитал всегда ассоциируется с хозяйственной деятельностью, распределением и накоплением материальных благ. Социальный капитал во многом объединяет обе эти черты: его можно понимать и как атрибут отдельного человека, и как корпоративное свойство. При этом объект, исследуемый через категорию социального капитала, — это актор хозяйственной деятельности, то есть преследующий цели экономического свойства. Социальный капитал, таким образом, понимается и как отношения между людьми, и как социально-экономические взаимодействия между корпоративными акторами.

Основа социального капитала — сеть связей между субъектами социально-экономических отношений. По определению Дж. Тернера, «социальный капитал — это те силы, которые увеличивают потенциал экономического развития общества путем создания и поддержания социальных связей и моделей социальных организаций» (Turner 2000: 95). Коулман и Бурдье считают, что элементом, поддерживающим такие связи, является взаимное доверие между субъектами социальных сетей. Доверие в данной системе координат — это ожидания взаимности, которые аккумулируются через серию услуг и уступок акторов по отношению друг к другу (Коулман 2001: 127). Ожидается, что услуга, оказываемая внутри той или иной социальной сети, при необходимости будет вознаграждена взаимной услугой. Это формирует систему взаимных обязательств, надежно связывающих членов сети в единую социальную структуру, которая может характеризоваться разным уровнем доверия и потребности в использовании ресурсов этой структуры.

Система, позволяющая воспроизводить данные типы взаимодействия, безусловно, вырабатывает собственные нормы и правила, имеющие, как и всякие нормы, санкции за их несоблюдение. Передача знания о нормах и санкциях происходит внутри формирующихся

социальных сетей имплицитно и может быть неизвестна стороннему наблюдателю. Поэтому включение в социальные сети важно для начала накопления социального капитала. Обмен информацией между членами социальных сетей — важный параметр социального капитала. Однако нормы сетей формируются не столько за счет информационного обмена, сколько ввиду разделяемых членами сетей общих ценностных установок (Putnam 1993).

Ценности, на которых основывает свои аргументы Патнам, представляются зыбкой категорией, которая тем не менее помогает раскрыть еще одну характеристику социального капитала: он способен консолидировать солидарные группы вокруг определенной идеологии, активно поддерживаемой и воспроизводимой всеми членами сообщества. Наряду с положительными эффектами данное свойство имеет и негативные последствия, закрывая пути к модернизации и инновации. Социальная структура, основанная на уже готовых способах взаимодействия, а также на нормах поведения, воспроизводимых внутри длительно существующей сети, имеет ограниченные ресурсы к обновлению.

Подход к определению социального капитала с акцентом на разделяемые членами группы правил и нормы разделяет и Фрэнсис Фукуяма. При этом важно, что «нормы, которые производят социальный капитал, по сути, должны включать искренность, обязательность и взаимность» (Fukuyama 1997). Другой ключевой категорией в отношениях, производящих социальный капитал, он считает доверие, под которым понимается возникающее внутри сообщества ожидание постоянного, честного, ориентированного на совместно разделяемые ценности поведения со стороны других членов этого сообщества» (Цит. по Бусова 1999: 144). Доверие проецируется на уровень общества в целом с помощью понятия «спонтанной общительности». Спонтанная общительность — это способность к кооперации и сотрудничеству с «посторонними» людьми по определенным правилам, способность создавать ассоциации. Спонтанная общительность решающим образом определяет предельный уровень накопления социального капитала. Для обществ с низким уровнем социального капитала и спонтанной общительности характерен фамелизм — такая структура общества, в которой доверие формируется только среди членов закрытых социальных кругов (семья, клан) в ущерб другим видам социальных отношений. Фамелизм рассматривается Фукуямой как препятствие для прогрессивного экономического развития, поскольку люди не могут выйти

за пределы семейного бизнеса. Общества с низким уровнем доверия и спонтанной общительности не имеют возможности самостоятельно создавать крупномасштабные экономические организации. Для стимуляции доверия между социальными акторами таких обществ необходимы либо прямые иностранные инвестиции и совместные предприятия, либо непосредственное вмешательство государства в экономику.

В своей работе Фукуяма также развеивает миф о существовании особой коллективистской «восточной» культуры как противоположности «западной». Он противопоставляет страны с низким уровнем доверия, куда относит Китай, Италию, Корею, Францию как типичные примеры фамелизма, и страны с высоким уровнем доверия — Японию, Германию, США. Он также развеивает миф об исключительно индивидуалистской культуре США, показывая, что помимо индивидуализма она включает важный корпоративистский компонент².

Использование понятия социального капитала для анализа ситуации в России весьма противоречиво. С одной стороны, исследователи российского общества отмечают чрезвычайно высокую роль неформальных связей для ведения бизнеса и социального функционирования в России. Следовательно, концепция социального капитала как совокупности неформальных социальных сетей используется для объяснения феномена российской неформальной экономики (Радаев 2003; Барсукова 2004; Бюссе 2005). С другой стороны, рассмотрение социального капитала из перспективы доверия (согласно идеям Фукуямы), открытости коммуникаций, спонтанной общительности и позитивных ожиданий совместных действий, основанных на разделяемых нормах и правилах, в российском контексте дают отрицательные результаты. Видимо, поэтому Фукуяма относит Россию (наряду с другими постсоветскими странами и странами Африки) к группе так называемых «атомизированных» обществ, страдающих полным отсутствием социального капитала.

² Данный тезис нашел подтверждение в ходе сравнительного исследования организационной культуры hi-tech компаний, которое проводилось сотрудниками ЦНСИ в России, США и Германии. Исследование, в частности, продемонстрировало ключевое значение командной идеологии и открытости к кооперации на уровне межличностных взаимодействий для успешности американских hi-tech. (См.: http://www.strategy-2020.ru/sites/default/files/public/64/kulturnye_factory_modernizacii.pdf, Oлимпиева, Атаиантс 2012.)

Возможности измерения социального капитала

Помимо разнообразия аналитических подходов к понятию социального капитала, исследования данного феномена сталкиваются с такой проблемой, как концептуальная противоречивость (Castiglione 2008). Во-первых, понятие социального капитала на стадии его операционализации широко использует уже имеющиеся в социологическом арсенале категории: доверие, социальные сети, культура (нормы, правила и т. п.). Практически никаких принципиально новых категорий в оборот не вводится. Мартин Палдам выделяет три основных подхода к исследованию социального капитала: фокус на доверии, социальных сетях и сотрудничестве между индивидами, основанном на соблюдении общих норм и правил взаимодействия (Paldam 2000). При фокусировании на одном из аспектов социального капитала влияние других фактически игнорируется, существенно сужая измеряемый спектр влияния социального капитала.

Во-вторых, категория «капитала», заимствованная в экономике, способна как объяснять некоторые характеристики исследуемой социальной реальности, так и поставить новые неразрешимые вопросы. Не является очевидным, что можно считать капиталом — все социальные связи, которые имеются у индивида, или только те, которые он сознательно использует для получения каких-либо выгод? Вынужденное или только добровольное использование социальных взаимодействий может рассматриваться в качестве социального капитала? Рассматривать ли социальный капитал как индивидуальную характеристику, или это всеобщее благо? Является ли социальный капитал исключительно позитивным фактором, или он имеет «темные стороны» и несет негативные последствия? В какой мере социальный капитал может анализироваться именно как капитал с использованием экономических показателей и категорий?

В-третьих, не менее существенным фактором является двойственность характера социального капитала с точки зрения его влияния на экономические и социальные процессы в обществе. Эти вопросы исследуются в рамках разделения социального капитала на «устанавливающий связи» (bridging) и «налагающий обязательства» (bonding). Исследователи разделяют социальный капитал на «открытый», который опирается на большой «радиус доверия», способствующий созданию широких общественных коалиций («группы Патнэма»), и «закрытый», способствующий возникновению узких групп интересов,

опирающихся на «ограниченную мораль» и узкий «радиус доверия» («группы Олссона») (Полищук, Меняшев 2011). Закрытый СК способствует возникновению узких групп интересов. Разнонаправленность влияния социального капитала также сказывается на возможности его эмпирического измерения и интерпретации полученных результатов.

Термин «социальный капитал» во многом стал популярной исследовательской категорией благодаря усилиям Всемирного банка, использующего ее при изучении социально-экономической и общественно-политической ситуации в разных странах. Специалисты Всемирного банка определяют социальный капитал как «институты, отношения и нормы, которые формируют качество и количество социальных интеракций в обществе»³. Социальная сплоченность, по мнению специалистов банка, является важной составляющей стабильного экономического процветания.

Всемирным банком разработан интегрированный опрос для измерения социального капитала, который позволяет собрать эмпирические количественные данные по поводу разнообразных аспектов социального капитала, чтобы связать их с общим исследованием экономики той или иной страны. Этот опрос включает рассмотрение шести измерений социального капитала: 1) группы и сети; 2) доверие и солидарность; 3) коллективные действия и кооперация; 4) информация и коммуникации; 5) социальная сплоченность и включенность; 6) *эмпаурмент* (наделение правами и возможностями) и политическое действие (Grootaert 2004). Как видно, специалисты банка предлагают широко трактовать понятие и включить в него наибольшее количество разнообразных аспектов социальной, экономической и политической действительности, чтобы получить максимально широкую картину социального капитала.

В заключение обзора аналитических подходов следует отметить, что социальный капитал концептуализируется в нескольких противоречивых областях: экономике и культуре, политике и личных взаимоотношениях между людьми. «Неопределенность предмета» социального капитала — общепризнанная проблема, хотя в целом исследователи согласны с тем, что взаимодействие людей оказывает влияние на эффективность их экономической деятельности. Эkleктический характер

³ Доступно на сайте Всемирного банка: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTSOCIALDEVELOPMENT/EXTTSOCIALCAPITAL/0,,contentMDK:20185164~menuPK:418217~pagePK:148956~piPK:216618~theSitePK:401015,00.html>

понятия влияет на возможности его использования для полноценного исследования, так же как и разнонаправленность его возможных эффектов. Перечисленные сложности, однако, не умаляют аналитический потенциал социального капитала как комплексной исследовательской категории.

Особенности исследования социального капитала организации

В исследованиях социального капитала организаций основное внимание уделяется его влиянию на экономические и управленческие успехи компаний. Это отчасти объясняется тем, что категория социального капитала в основном применяется в исследованиях бизнес-организаций в поисках путей повышения их эффективности. Позитивные эффекты социального капитала для деятельности организаций многообразны. Отмечается, что социальный капитал уменьшает многообразные транзакционные издержки (Belliveau, O'Reilly & Wade 1996; Burt 1997), расширяет круг сотрудников, которым может доверять компания (Fernandez, Castilla & Moore 2000), облегчает взаимодействие между подразделениями, что способствует возникновению инноваций⁴. В целом, социальный капитал организации рассматривается как совокупный ресурс, используемый в процессах управления персоналом, а также при разработке стратегий организационного развития и достижения экономических целей (Adler & Kwon 2002). В качестве определяющих характеристик социального капитала организации рассматриваются его целесообразность или полезность, сознательный характер использования и социальная структурированность, что в совокупности отличает социальный капитал от простой социальной сети.

Исследователи разделяют социальный капитал организации на внутренний и внешний. Если социальный капитал рассматривается в качестве внутреннего фактора, то фокус исследования сводится к изучению различных видов доверия, внутренних формальных и неформальных правил, межличностных сетей взаимодействия. Исследование внутреннего социального капитала организации может строиться вокруг понятий солидарности и общих ценностных установок, также связанных с внутренними неписаными нормами. Внутренний социальный капитал можно понимать как элемент, связывающий работников одной

⁴ См.: Rosenthal E. A. Social networks and team performance. Unpublished doctoral dissertation. University of Chicago. 1996.

компании. В то же время внутренние ресурсы могут быть также использованы для накопления индивидуального человеческого капитала (как в форме репутации, так и в форме интеллектуальных способностей), что в конечном итоге может повлиять на репутацию самой компании, поскольку любая фирма состоит, прежде всего, из людей (Nahapiet & Ghoshal 1998).

Помимо внутреннего социального капитала организации исследуется внешний социальный капитал, связанный с функционированием компании во внешней среде (например, в форме репутации, повышающей уровень доверия к компании на рынке). Проведенные исследования свидетельствуют о том, что социальный капитал укрепляет отношения с внешними партнерами (Helper 1990; Uzzi 1997), облегчает процессы создания новых компаний (Walker, Kogut & Shan 1997), способствует развитию делового партнерства (Kraatz 1998). Внешний социальный капитал организации выражается, помимо прочего, во включенности компании в разнообразные бизнес-группы. В отличие от других способов сотрудничества организаций, в бизнес-группах связи между партнерами носят устойчивый характер, они сложны, многогранны и регулируются как формальными, так и неформальными правилами. Организации, включенные в бизнес-группы, могут пользоваться ресурсами других компаний — членов группы и уменьшить транзакционные издержки при заключении сделок.

Во внешних отношениях социальный капитал часто рассматривается как доверие, на основе которого новые члены бизнес-сообщества могут допускаться в существующие сети (Stickel, Mayer & Sitkin 2009). Сети открываются для тех компаний, которым доверяют, о которых положительно отзываются партнеры, включенные в сеть. Доверие может определяться и как готовность к уязвимости от действий группы (Davis, Bartkus 2009). Наличие неформальных норм, гарантирующих защиту от рисков доверия, делает сети компаний более сплоченными, а их существование более продолжительным.

Внешний социальный капитал организации рассматривается также как некий «набор мостов», связывающих организацию с другими институтами во внешнем мире (Burt 1997). Характер внешнего социального капитала, степень открытости и доверия в таком ракурсе определяются не только (а возможно, и не столько) характеристиками самой организации, сколько свойствами внешней среды. К их числу можно отнести особенности институциональной структуры, национальной культуры, экономические и социальные факторы, предпопре-

деляющие способы взаимодействия компаний на рынке. В формировании внешней среды велика роль правительств, которые своими действиями задают уровень доверия к экономическим и государственным институтам (Levi 1996).

Особым сегментом в исследованиях социального капитала организаций выступают транснациональные корпорации (ТНК). Одной из самых насущных задач для ТНК является внутренняя интеграция, координация и обмен ресурсами между филиалами в разных странах. Отношения между филиалами регулируются системой формальных правил, однако, как показывают исследования, такие правила часто нежизнеспособны (Nohria, Ghoshal 1997). Гораздо эффективнее, по мнению некоторых исследователей, использование социального капитала, усиление доверия между штаб-квартирами и филиалами ТНК в разных странах (Kostova, Roth 2003). Концепция социального капитала оказывается также весьма полезной при выработке новых стратегий рекрутинга сотрудников для ТНК в филиалах, удаленных от штаб-квартир. С одной стороны, логика подсказывает, что местные менеджеры, включенные в социальные сети, могут находить новых сотрудников на свободные позиции с большей эффективностью. С другой стороны, без понимания того, как работают социальные сети в тех или иных странах, остается неясным, оказываются ли «правильные» люди на «правильных» позициях или освобождающиеся должности замещаются родственниками и друзьями топ-менеджера без учета их опыта и квалификации (Collings, Scullion 2006).

При измерении социального капитала на уровне организации возникает вопрос о том, кто является обладателем социального капитала — индивид или организация? Кто получает бенефиты от использования социального капитала? Ответ на данный вопрос неоднозначен. С одной стороны, социальный капитал организации не может существовать вне его носителей: если все сотрудники организации уволятся, социальный капитал потеряется вместе с ними⁵. С другой стороны, социальный капитал организации хотя и складывается из индивидуальных социальных капиталов сотрудников, но принадлежит организации в целом, примером чему может служить хорошая репутация компании на рынке. Также неоднозначен ответ на вопрос о том, кто получает

⁵ См.: Knoke D. Organizational Networks and Corporate Social Capital // Corporate Social Capital and Liability / ed. by R. Leenders, S. M. Gabbay. N. Y.: Kluwer Academic Publishers, 1999.

выигрыш от использования социального капитала и всегда ли использование социального капитала отдельным работником является одновременно благом для организации в целом.

Обобщая существующие исследовательские подходы, можно выделить четыре возможных уровня анализа социального капитала в организации:

1. *Индивидуальный*. Каждый сотрудник компании обладает неким социальным капиталом (в виде доверия со стороны коллег и руководства, социальных сетей и связей, включенности в неформальные структуры и знание «правил игры») который он/она может инвестировать для достижения собственного успеха и продвижения в компании. Объектом исследования на данном уровне являются отдельные работники организации, предмет исследования — межличностные взаимодействия. Оценка социального капитала и его эффективности проводится из перспективы отдельного работника.

2. *Внутриорганизационный*. На данном уровне анализируется весь спектр взаимоотношений внутри организации. Объектами анализа могут выступать группы работников (включая, например, профессиональные команды, бригады), а также номинальные группы, различающиеся по социально-профессиональным характеристикам (например, молодые сотрудники, мужчины, женщины, сотрудники с высшим образованием и т. п.). Для данных групп характерна определенная специфика социального капитала. Предметом анализа является социальный капитал индивидов, групп и подразделений. Анализируются взаимоотношения между работником и организацией, между подразделениями внутри организации. В транснациональных компаниях объектами исследования могут являться региональные (страновые) подразделения и их отношения с головной организацией. Оценка социального капитала на данном уровне проводится из перспективы отдельных подразделений, групп и в совокупности организации.

3. *Внешне-организационный*. На данном уровне компания или ее филиалы рассматриваются во внешнем контексте (локальном, национальном, институциональном, культурном и т. д.). Анализируются отношения с внешними институтами, а также с социальной и культурной средой. Для транснациональных компаний не менее важен анализ глобального контекста — включенность компании в систему международных организаций и ассоциаций в соответствующей сфере для реализации глобальных стратегий развития компании и т. п. Эффективность использования социального капитала рассматривается из перспекти-

вы организации в целом и отдельных подразделений, включенных во внешний контекст.

Уровни анализа социального капитала не изолированы друг от друга, тем более что независимо от уровня изначальным носителем социального капитала является отдельный индивид. Остальные виды социального капитала — социальный капитал группы, подразделения, организации — являются производными от индивидуального.

Использование методических разработок различных социальных отраслей для исследования компонентов социального капитала организации

При разработке комплексной методики измерения социального капитала организации следует принимать во внимание тот факт, что в различных научных отраслях, таких как социология труда, социология организаций, социальная психология и наука управления, достаточно хорошо разработаны подходы к исследованию отдельных компонентов социального капитала — доверия, социальных сетей, социальных норм и правил взаимодействия.

Пожалуй, наиболее методически проработанной составляющей социального капитала является доверие, хотя содержание данного понятия существенно варьирует в представлениях исследователей из разных научных отраслей. Доверие измеряется на разных уровнях (межличностный, групповой, организационный, институциональный и т. п.), между различными субъектами — доверие между индивидами, доверие к институтам и организациям, доверие между организациями, доверие в сетях и т. п. В социологической теории, например, принято различать личное, сетевое и безличное доверие (Sztompka 1999). Доверие всегда связано с *практическими действиями людей*, опирается на существующий опыт взаимодействия с другими индивидами или институтами, а также составляет основу для *ожиданий* в отношении будущих действий. Доверие не является константой — оно может возрастать и уменьшаться в зависимости от результатов полученного опыта (Кузина, Ибрагимов 2010). Различают доверие в профессиональных отношениях и доверие в личных отношениях. В профессиональных отношениях доверие инструментально, оно формируется при выполнении общей работы или ориентации на какой-то общей внешней цели. В персональных отношениях доверие — самооценочность, больше связанная с эмоциональными аспектами взаимодействия (Sheppard, Sherman

1998). При этом, безусловно, существует взаимосвязь между данными типами доверия.

Исследования доверия в организациях приобретают все большую популярность в последние годы. Они фокусируются как на межличностном взаимодействии, так и на формировании доверия в группах. Из перспективы психологического подхода внимание акцентируется на структуре данного феномена, выделяются различные компоненты доверия (когнитивный, эмоционально-оценочный, установочно-поведенческий), оценивается их специфическое содержание. Исследуются факторы формирования различных компонентов доверия, разрабатываются различные модели доверия.

В отличие от социально-психологических методик, рассматривающих доверие на межличностном уровне, исследования доверия на уровне организации в целом, которые могли бы быть использованы в комплексной методике оценки уровня социального капитала организации, не столь многочисленны. Наиболее часто используемой (по крайней мере, среди российских исследователей) разработкой является методика Роберта Шо (Шо 2000). Он рассматривает доверие как центральную составляющую организационного успеха. Его подход к проблеме отличается от психологического, при котором считается, что доверие — главным образом проблема отношений между людьми. С точки зрения Шо, доверие — это мощная универсальная сила, влияющая практически на все, что происходит внутри организации и в отношениях между организациями.

Говоря об исследовании социального капитала как сети межличностных взаимодействий, невозможно не упомянуть социометрическую технику (Дж. Морено) — широко известную методику измерения взаимодействий в малых группах, которая применяется для диагностики межличностных и межгрупповых отношений. С помощью социометрии можно выявить уровень доверия к руководителю подразделения, расхождение между формальной и реальной властной иерархией, формальной и неформальной структурами группы. Методика социометрии прекрасно зарекомендовала себя в исследованиях взаимодействия в малых группах и широко используется для исследования небольших трудовых коллективов (оптимально — до 15 человек, максимум — до 30–40). Основное ограничение методики (и не только технического) — невозможность ее использования для исследования крупных многоуровневых организаций, где проблемы взаимодействия определяются не только межличностными отношениями.

Исследование третьего аспекта социального капитала, формальных и неформальных норм и правил, фактически может осуществляться через призму организационной культуры. Организационная культура привлекает внимание исследователей многих научных отраслей — социологии и антропологии организаций, социальной психологии, науки управления. Относительно содержания понятия «организационная культура» среди исследователей нет единого мнения. Так, из перспективы социологии организаций организационная культура видится как «специфическая, характерная для конкретной организации система связей, действий, взаимодействий и отношений, осуществляющихся в рамках конкретной предпринимательской деятельности, способа постановки и ведения дела» (Радугин, Радугина 1995). С точки зрения социальной антропологии организаций, исследование организационной культуры предполагает изучение неявных социальных взаимодействий, неформальных отношений, культурных практик, скрытых от глаз внешних наблюдателей (Романов 1995).

Исследования организационной культуры включают различные уровни ее проявления:

- *видимые культурные артефакты* — формально-иерархическая структура организации, система лидерства, формы контроля, технология, устойчивые способы отношений с внешней средой, формы и способы внутриорганизационных взаимодействий;
- *уровень организационных ценностей* — декларируемых и осознанных, организационная символика и идеология;
- *неосознанные «базовые» представления*, конструирующие систему смыслов, разделяемых членами организации, формирующие культурные нормы и правила поведения.

В отличие от академических исследований, которые направлены на выявление содержания и смысла организационной культуры как таковой, менеджериальный подход вполне прагматичен. Основной вопрос, на который пытаются ответить исследователи, работающие в менеджериальной парадигме: как использовать различные виды и типы организационных культур для повышения эффективности работы компании. Аналогично менеджериальный запрос на разработку комплексной методики измерения социального капитала сталкивается с проблемой объединения различных его компонентов и учета в рамках одной методики возможных эффектов социального капитала на успешность работы компании.

Социальный капитал организации как исследовательская категория

Как следует из проведенного анализа литературы, эмпирическое измерение социального капитала сталкивается с двумя серьезными проблемами. Это эклектический характер данного понятия и разнонаправленность его эффектов для организации. Именно на решение этих проблем были направлены основные усилия при разработке методики.

Эклектический характер социального капитала

Социальный капитал представляет собой эклектическое понятие, плохо поддающееся операционализации на уровне конкретной организации. Как исследовательская категория социальный капитал представляет собой комплексный методологический конструкт, включающий три взаимосвязанных компонента, которые собственно и отражены в различных теоретических подходах к данному понятию: доверие, социальное взаимодействие (сети), нормы и правила (культура). В организационной среде все три компонента тесно переплетены и взаимопределяют друг друга, однако при попытках эмпирического измерения единое понятие социального капитала распадается и исследования обычно сводятся к изучению одной из его составляющих — доверия, сетей или организационной культуры. Создание комплексной методики измерения социального капитала, таким образом, неизбежно сталкивается с проблемой учета всех трех его компонентов.

В отличие от существующих методик, измеряющих отдельные аспекты социального капитала, был разработан подход, в котором социальный капитал рассматривается в его триединстве, как комплексная характеристика отношений внутри компании, которая отражает состояние и качество социальных отношений по трем основным параметрам (компонентам):

1. *Доверие* — определяет в целом социально-психологическое самочувствие работника в компании. Доверие рассматривается как личностная характеристика, через призму которой компания воспринимается и оценивается индивидуальным сотрудником. При оценке уровня доверия важны не столько объективные характеристики производственной среды, сколько субъективное восприятие этих характеристик работником, поэтому задача выяснения «правильности» оценки, ее соответствия действительности в рамках данной методики не рассматривается. Высокий уровень социального капитала характе-

ризуется высоким уровнем доверия к коллегам, руководителям и организации в целом.

В основу оценки доверия сотрудников к компании положена методика Р. Шо. Подобно методике Шо мы выделяем в оценках доверия следующие аспекты:

- *результативность* (в нашей интерпретации — профессионализм, компетентность) — доверие к компетенции коллег и руководства, оценка в целом уровня профессионализма специалистов компании; доверие к профессионализму руководства, высокая оценка компетентности руководителей разных уровней, способности решать стоящие перед подразделением задачи;
- *порядочность* — характеризует личное доверие работника к коллегам и руководителю, к справедливости решений в случае конфликтных ситуаций, к умению руководителей держать слово, отсутствие скрытых «корыстных» мотивов в поведении коллег и т. д.;
- *забота* — предопределяет легитимность организации в глазах индивида, характеризует общее чувство защищенности в данной организации;
- *общая оценка уровня доверия* — отражает восприятие ситуации в целом.

2. *Взаимодействие* — данная характеристика отражает сетевой характер социального капитала. Включенность в социальные коммуникации рассматриваются как важное условие формирования социального капитала, облегчающее взаимодействие внутри компании. Методика предполагает измерение трех компонентов взаимодействия:

- оценка информированности, возможности получения необходимой информации как условия эффективного взаимодействия между работниками и подразделениями организации;
- оценка открытости и готовности к взаимодействию как соответствие определенным ожиданиям работника;
- оценка характера неформальных отношений — наличие/отсутствие общей доброжелательной поддерживающей атмосферы, которая способствует формальным взаимодействиям.

3. Нормы и правила (организационная культура) нашли отражение в характеристике социального капитала, получившей название *интернализированная нормативность*. Она отражает, во-первых, степень доверия сотрудников и менеджеров к действующим правилам и, во-вторых, индивидуальную готовность реализовать эти правила на практике. Для

эффективной работы организации необходимо, чтобы каждый сотрудник принимал действующие правила как необходимые и справедливые. От того, насколько правила взаимодействия внутренне принимаются (или отторгаются) работником, насколько он/а считает их целесообразными и эффективными, зависит поведение сотрудника и эффективность его работы. В нашей методике интернализированная нормативность оценивается по трем основным элементам:

- восприятие действующих формальных правил, регулирующих деятельность работника (степень эффективности действующих правил);
- готовность использования формальных правил в своей работе, особенно в случае возникновения нестандартных ситуаций;
- оценка эффективности существующего уровня формализации трудовой деятельности.

В соответствии с трактовкой социального капитала, принятой в исследовании, он рассматривается в двух ракурсах: вертикальный ракурс предусматривает отношения с сотрудниками, находящимися выше/ниже в организационной иерархии; горизонтальный — восприятие коллег, находящихся на том же уровне организационной иерархии. Операционализация понятия социального капитала организации представлена на рис. 1.

Соотношение различных компонентов социального капитала характеризуют его *конфигурацию* или *«гармоничность по горизонтали»*, которая показывает «вклад» различных компонентов в формирование общего уровня (силы) социального капитала.

Сила социального капитала не всегда, однако, может быть направлена на укрепление организационной интеграции. С одной стороны, социальный капитал выполняет функцию своеобразного *социального «клея»*, формирующего организационную солидарность, работает как «социальная смазка», повышающая уровень психологического и социального комфорта сотрудников, что прямо или косвенно влияет на эффективность их деятельности. Доверие к компании, руководителям, коллегам, открытость и информированность, понимание и следование принятым правилам и нормам облегчают деловые взаимодействия внутри организации, способствуют лучшему выполнению сотрудниками компании своих профессиональных задач, а также большей включенности работника в организацию. Интегрирующий эффект проявляется и в том, что социальный капитал позволяет нивелировать недостатки формальной системы; неэффективные взаимодействия,

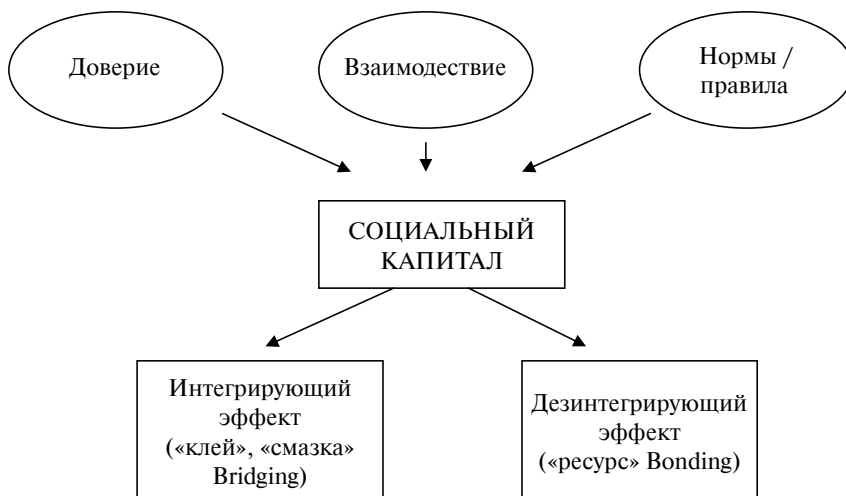

Рис. 1. Социальный капитал организации как исследовательская категория

часто заложенные в формальные правила, на практике могут заменяться более эффективными неформальными связями. С точки зрения интегрирующего влияния социального капитала как «организационного клея» на работу компании, бенефициарами оказываются как сам работник, так и организация в целом — чем выше уровень социального капитала работников, тем лучше и работнику, и организации. В целом можно сказать, что социальный капитал как организационный клей способствует большей включенности работника в организацию, преодолению возрастающей отчужденности работников, которая видится сегодня все более актуальной проблемой трудовых отношений.

Наряду с интегрирующей функцией социальный капитал может оказывать на работу организации прямо противоположный дезинтегрирующий эффект. Те же самые компоненты социального капитала могут работать как специфический социальный ресурс, конкурентное преимущество, используемое работником или подразделением во внутриорганизационных взаимодействиях. Причем ресурсом может выступать любой компонент социального капитала. В крупных компаниях, как и в любых крупных социальных сообществах, неизбежно формирование устойчивых сетевых взаимодействий в виде «кругов доверия», «групп влияния», «организационных элит», которые напрямую

связаны с распределением ресурсов и власти и влияют на формирование производственной, финансовой и прочей корпоративной политики. Использование неформальных правил и связей, лучшая информированность позволяют некоторым работникам эффективнее решать возникающие проблемы по сравнению с их коллегами, которые подобными ресурсами не располагают. В целом можно сказать, что в своей «ресурсной» ипостаси социальный капитал полностью оправдывает свое название, выступая как инвестиция, конкурентное преимущество, которое используют работники, группы, подразделения в борьбе за ресурсы и влияние внутри компании.

В отличие от интегрирующего эффекта социального капитала как «клея», где бенефициарами сильного социального капитала оказываются как работник, так и организация, эффект использования социального капитала как «ресурса» может не всегда отличаться подобным совпадением. Например, хорошие отношения руководителя подразделения с высшим руководством могут привести к благоприятному для подразделения, но неэффективному для компании распределению ресурсов. Аналогично высокое межличностное или профессиональное доверие между руководителем и работником может, с одной стороны, экономить время на выполнение задания, с другой стороны, привести к неэффективному или несправедливому (с точки зрения сотрудников) распределению выгодных работ. Возникновение в отдельных подразделениях и группах «анклавов» высокого доверия, с одной стороны, свидетельствует о высокой сплоченности данного подразделения, с другой стороны, может привести к изоляции подразделения внутри компании. Таким образом, по аналогии с «бриджинговым» или «бондинговым» эффектами на уровне общества в целом, социальный капитал может иметь *интегрирующий* либо *дезинтегрирующий* эффекты на уровне организации. При разработке методики мы исходили из того, что желаемая (позитивная) роль социального капитала — обеспечение организационной интеграции, высокой организационной включенности отдельных работников, социально-профессиональных групп, коллективов компаний и структурных подразделений в общую структуру ТНК, обеспечение «социального и профессионального комфорта» взаимодействий внутри организации и повышение их эффективности. Социальный капитал в данном ракурсе предстает как своеобразная потенциальная социальная энергия организации, которая не является константой, а потому нуждается в измерении и постоянном мониторинге. Эту задачу и должна была решить разработанная методика. Дру-

гая задача состояла в том, чтобы методика помогала выявлять дезинтегрирующий эффект, «проблемные точки» негативного воздействия социального капитала на развитие компании как на уровне организации в целом, так и в отдельных структурных единицах.

Измерение социального капитала предполагается проводить *на разных уровнях* организации — на уровне подразделения, на уровне компании и на уровне группы компаний. Оценка социального капитала осуществляется с точки зрения его роли для *внутриорганизационной интеграции* на каждом уровне и в организации в целом. При интерпретации результатов мы исходили из того, что высокий уровень доверия, открытость и информированность, следование принятым правилам и нормам облегчают взаимодействия внутри организации, способствуют лучшей включенности работника в организацию, а также обеспечивает интеграцию отдельных бизнесов, подразделений и групп в единый социально-экономический организм, каковым является транснациональная компания.

Измерение влияние социального капитала на внутреннюю организационную интеграцию

Для определения характера влияния социального капитала на внутреннюю организационную интеграцию различаются два вида социального капитала — *внутренний* и *внешний*. Внутренний социальный капитал характеризует отношения внутри той или иной структурной единицы (например, подразделения, компании, регионального филиала) или внутри организации в целом. Внешний социальный капитал отражает характер взаимодействия данной структурной единицы с тем организационным контекстом, в который данная структурная единица включена. Так, на уровне подразделения внутренний социальный капитал характеризует оценку сотрудниками взаимодействия внутри подразделения, внешний — взаимодействия и восприятие других подразделений и более высоких уровней управленческой иерархии. Для компании внешний контекст подразумевает взаимодействие в рамках группы компаний ТНК (ГК).

Соотношение силы внутреннего и внешнего социального капитала получило название «*гармоничность по вертикали*», которая характеризует эффект воздействия социального капитала на организационную интеграцию. Так, например, сочетание сильного внутреннего социального капитала подразделения (высокая оценка сотрудниками

социальных взаимодействий в своем подразделении) и низкого уровня внешнего социального капитала (низкая оценка взаимодействий на других уровнях компании) позволяют говорить об *исключающем* характере или «*бондинговом эффекте*» социального капитала. В этом случае структурная единица, хотя и обладает сильным социальным капиталом, слабо интегрируется в общую организационную структуру. Чем больше расхождение и чем выше уровень внутреннего социального капитала, тем сильнее проявляется «бондинговый эффект». И наоборот, сочетание высоких уровней внутреннего и внешнего социального капитала можно считать гармоничным, *включающим*, дающим «*бриджинговый эффект*», ведущий к усилению организационной интеграции. Гармоничность социального капитала по вертикали может измеряться для различных организационных структур — подразделения, компании, региональных и национальных структурных единиц, территориальных организаций и т. п.

Источники данных

Для измерения социального капитала используется метод опроса с помощью стандартизированного вопросника. Структура анкеты отражает операционализацию понятия социального капитала. Она включает три основных блока — доверие, взаимодействие, интернализированная нормативность (нормативность), а также «паспортнику» — информацию о личностных характеристиках опрашиваемого.

Для каждой составляющей социального капитала разработан набор утверждений в формате полярных суждений, которые респондентам предлагается оценить в соответствии с количественной шкалой (значения от «полностью соответствует» до «в чем-то соответствует», с промежуточным значением «скорее соответствует»). Шкала намеренно составлена таким образом, чтобы не содержать положительных или отрицательных баллов, во избежание нормативного характера оценивания. Основная задача респондента — оценить степень соответствия высказывания реальной ситуации.

Оценка составляющих социального капитала ТНК осуществляется на разных уровнях: подразделения, компании в целом и группы компаний. Поскольку, как показал пилотаж, рядовые сотрудники плохо разбираются в ситуации на уровне группы компаний, мы использовали два вида анкет — отдельно для менеджеров и для рядовых сотрудников. Сотрудникам предлагается оценить составляющие СК на уровне их *подраз-*

Уровни взаимодействия	Подразделение	Компания	Группа Компаний
Сотрудники	Оценка СК на уровне подразделения	Оценка СК на уровне компании	
Менеджеры			Оценка СК на уровне Группы компаний

Рис. 2. Уровни оценки социального капитала (СК) разными группами респондентов

деления и компании, менеджерам — на уровне компании и группы компаний (далее — ГК) в целом (рис. 2). Таким образом, ситуацию на уровне компании оценивают как рядовые сотрудники, так и менеджеры, ситуацию на уровне подразделения оценивают только сотрудники, а взаимоотношения на уровне Группы компаний — только менеджеры. Блок анкеты, содержащий вопросы о компании, идентичен в анкетах для сотрудников и для менеджеров, что делает возможным расчет общей оценки социального капитала на уровне компании всеми работниками.

Характеристики социального капитала

В целом социальный капитал на каждом уровне может оцениваться по трем параметрам: *уровень, сила и эффект* социального капитала, определяемый характером его воздействия на внутриорганизационную интеграцию.

Высокий/низкий уровень социального капитала в самом общем виде определяется соответственно высоким/низким уровнем составляющих его компонентов. Уровень социального капитала определяется на основе коэффициентов, рассчитанных с учетом полученных данных, которые дают наглядную обобщенную картину структуры социального капитала в разных подразделениях и в компании в целом. При анализе используется три типа коэффициентов социального капитала:

1. Интегральные коэффициенты социального капитала (ИСК).
2. Общие коэффициенты по отдельным компонентам социального капитала: коэффициент доверия (КД), коэффициент открытости взаимодействия (КВ), коэффициент интернализованной нормативности (КН).

3. Частные коэффициенты (ЧК): частный коэффициент доверия-компетентности, ЧК доверия-порядочности, ЧК доверия-заботы, ЧК доверия по вертикали; ЧК информированности, ЧК сотрудничества и т. д.

Частные коэффициенты (ЧК)		
Доверие	Взаимодействие	Нормативность
«доверие—компетентность» «доверие—порядочность» «доверие—забота» «доверие по вертикали»	«информированность» «сотрудничество» «неформальность»	«на уровне компании» «на персональном уровне»

Для интерпретации интегрального коэффициента социального капитала, а также коэффициентов, характеризующих отдельные его компоненты, более информативным и корректным является использование сравнительной перспективы — сравнение СК на разных уровнях, в различных компаниях и регионах, а также динамики изменения коэффициентов во времени.

Используемые в инструментарии шкалы позволяют применять также такие статистические виды анализа, как:

- расчет коэффициентов корреляции (коэффициент сопряженности, определение двухсторонней связи с помощью R Пирсона);
- балльные оценки, рассчитанные как средневзвешенные (опция «средние» в SPSS).

Сила/слабость (неустойчивость) социального капитала определяется показателем *гармоничности конфигурации по горизонтали*, то есть соотношением вкладов различных компонентов социального капитала в формирование его общего уровня. Поскольку все три компонента социального капитала тесно связаны и взаимно определяют друг друга, то в случае, если общий высокий уровень достигается лишь за счет одного компонента, а также при наличии «провала» по одному из компонентов, социальный капитал считается неустойчивым, слабым. Измерение гармоничности по горизонтали проводится с использованием различных коэффициентов социального капитала и может проводиться на разных уровнях — уровне подразделений, уровне компании и группы компаний.

Интегрирующий/деинтегрирующий эффекты социального капитала определяются путем расчета показателя *гармоничности по вертикали* за счет сопоставления общих коэффициентов, характеризующих внутренний и внешний социальный капитал структурных и региональных подразделений. Чем меньше разброс коэффициентов разных уровней, тем более гармоничен социальный капитал, тем сильнее его интегрирующая функция. Высокая степень разброса коэффициентов позволяет определить наиболее проблематичные уровни формирования социального капитала.

Алгоритм анализа данных

Алгоритм анализа данных предполагает направление анализа данных от общих интегральных коэффициентов к частным, с описанием «бондингового» и «бриджингового» эффектов и последующей детализацией на основе применения статистических методов анализа данных:

- оценка общего уровня социального капитала — анализируются и сравниваются интегральные коэффициенты СК;
- оценка конфигурации социального капитала — сравнение коэффициентов СК по отдельным составляющим, анализируется степень разброса коэффициентов («гармоничность по горизонтали»);
- оценка «бондингового» и «бриджингового» эффектов — сопоставляются общие коэффициенты, характеризующие внутренний и внешний социальный капитал («гармоничность» социального капитала по вертикали);
- анализ формирования отдельных компонентов СК (анализ частных коэффициентов);
- сравнение коэффициентов социального капитала в различных социальных и профессиональных группах.

Для иллюстрации приведем некоторые примеры полученных в результате апробации методики эмпирических данных⁶.

Оценка общего уровня СК как интегрирующего фактора трудового коллектива производится на основе расчета интегральных коэффициентов СК на уровне подразделения, компании и Группы компаний. Интегральные коэффициенты СК дают представление об уровне

⁶ Название компании не упоминается в связи с необходимостью соблюдения конфиденциальности данных.

социального капитала в целом по организации, о его позитивном либо негативном характере, представляют наиболее общую оценку уровня включенности персонала в работу организации.

В нашем исследовании общий интегральный коэффициент СК по компании составил 0,32 (см. табл. 1), что говорит о высоком уровне социального капитала по организации в целом. При этом анализ структуры социального капитала демонстрирует его довольно существенные расхождения на разных уровнях. Самый высокий показатель отмечается на уровне подразделения (0,46), как по сравнению с оценкой на уровне компании (0,35), так и на уровне группы компаний (0,14). Можно предположить, что именно уровень подразделений является в настоящее время основным ресурсом социального капитала компании.

Таблица 1

**Интегральные коэффициенты социального капитала
на разных уровнях компании**

	Уровень подразделения	Уровень компании	Уровень группы компаний	В целом
	ИСК (П)	ИСК (К)	ИСК (ГК)	ИСК (общий)
Сотрудники	0,46	0,39	—	0,43
Менеджеры	—	0,31	0,14	0,23
Вся выборка	0,46	0,35	0,14	0,32

Анализ расхождения интегральных коэффициентов на разных уровнях позволяет также судить о *гармоничности социального капитала «по вертикали»*. Напомним, что чем меньше разброс коэффициентов разных уровней, тем более гармоничен социальный капитал, тем сильнее его интегрирующая функция. Высокая степень разброса коэффициентов позволяет определить наиболее проблематичные уровни формирования социального капитала. Как видно из табл. 2, таким уровнем в данном случае является уровень группы компаний в целом. Значение интегрального коэффициента на данном уровне попадает в зону «не-

устойчивого равновесия», то есть значительная часть опрошенных склоняются к негативной оценке взаимоотношений на уровне группы компаний.

Сравнение интегральных коэффициентов по различным категориям персонала (сотрудникам и менеджерам) демонстрирует более высокую организационную интеграцию рядовых сотрудников по сравнению с менеджерами (0,43 по сравнению с 0,23). В то же время имеется относительное единодушие в оценках ситуации на уровне компании рядовыми сотрудниками и менеджерами (хотя для менеджеров все же характерно более негативное восприятие: 0,31 по сравнению с 0,39). Возможно, более критичный настрой, характерный для менеджеров, является следствием их лучшей осведомленности о ситуации в компании. В любом случае, судя по интегральным коэффициентам СК как на уровне компании, так и на уровне группы компаний, менеджеры как категория персонала выступают более слабым «производителем» социального капитала по сравнению с рядовыми сотрудниками. То есть методика позволила зафиксировать проблемную зону в области включенности менеджеров в организацию, что можно рассматривать как проблему, требующую специального исследования.

Чтобы понять, каким образом формируется интегральный социальный капитал компании, за счет чего происходит его прирост или снижение, необходимо рассмотреть структуру социального капитала, и прежде всего его уровень в разных компаниях. Предлагаемая методика позволяет провести такое сравнение (см. табл. 2).

Таблица 2

**Интегральные коэффициенты социального капитала (ИСК)
в разных компаниях ТНК и в группе компаний в целом**

Название компании	Уровень подразделения	Уровень компании			Уровень группы компаний	Интегральный коэффициент (ИСК)
		сотрудники	менеджеры	общий		
№ 1	0,55	0,43	0,37	0,40	0,02	0,32
№ 2	0,44	0,44	0,42	0,43	0,17	0,35
№ 3	0,53	0,41	0,38	0,39	0,08	0,33
№ 4	0,26	0,11	0,03	0,08	-0,10	0,12

Так, например, как видно из табл. 2, таким уровнем в случае нашего исследования является уровень группы компаний в целом.

Дальнейшее углубление анализа возможно в разных направлениях. Так, рис. 3 демонстрирует различия в конфигурации социального капитала на разных уровнях, что является информативным с точки зрения определения факторов, характеризующих состояние компонентов социального капитала в целом по ТНК.

Не вдаваясь в детальный анализ представленной диаграммы, отметим, например, что обнаруженный низкий уровень социального капитала группы компаний формируется, как следует из диаграммы, за счет неудовлетворительной оценки взаимодействия на данном уровне ($-0,02$). Стоит также отметить существенное снижение данного коэффициента интернализированной нормативности при переходе от уровня подразделений к уровню компании (от 0,25 до 0,08). Если рассматривать интернализированную нормативность как доверие к действующим правилам и готовность выполнять эти правила на практике, то подобное соотношение свидетельствует о значительно более высоком уровне интернализации (одобрения и принятия) действующих правил в подразделениях, чем в компании.

В заключение отметим, что основное назначение разработанной методики состоит в оценке и мониторинге изменений уровня социального капитала компании в целом и отдельных структурных единиц,

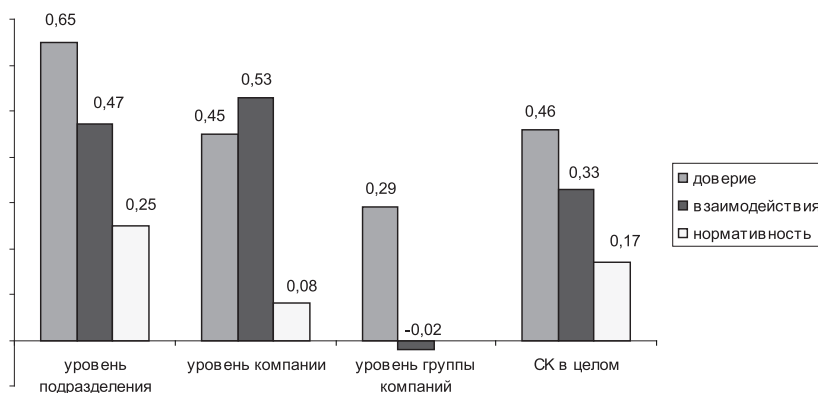

Рис. 3. Конфигурация социального капитала на разных уровнях ТНК

определение источников (ресурсов) его формирования и проблемных точек, ведущих к «утечке» социального капитала. Следует отметить, что интерпретация абсолютных значений уровня социального капитала затруднена, основной акцент делается на возможностях сравнительного анализа полученных коэффициентов. Сравнение ситуации в различных подразделениях и группах позволяет определить проблемные точки, а проведение периодического мониторинга социального капитала дает возможность отслеживать происходящие изменения.

Таким образом, предлагаемая методика позволяет решить следующие задачи:

1. Определение общего уровня социального капитала ТНК как индикатора внутриорганизационной интеграции и мониторинг изменения его во времени.
2. Выявление различий структурных, региональных подразделений ТНК по характеру и уровню социального капитала, определение основных структурных «ресурсов» социального капитала организации.
3. Выявление особенностей социального капитала представителей различных социальных и профессиональных групп.
4. Определение конфигурации социального капитала — анализ различных компонентов социального капитала из перспективы их «вклада» в формирование общего уровня СК. Оценка «гармоничности» социального капитала, что позволяет определить проблемные точки социальных отношений внутри компании.
5. Определение гармоничности социального капитала по вертикали, что позволяет определить его «бриджинговый» или «бондинговый» характер для различных структурных подразделений ТНК.

Методика дает возможность проводить анализ динамики уровня и конфигурации социального капитала компании на основе ежегодного мониторинга в режиме «экспресс-диагностики», которая может проводиться специалистами отдела HR самостоятельно. Для этого разработан упрощенный вариант инструментария и алгоритма анализа данных. Методика также предусматривает возможность проведения углубленного анализа социального капитала для исследования как общей ситуации, так и проблемных «зон», выявленных в процессе «экспресс-диагностики».

Источники

- Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60–75.
- Бусова Н. Культурные корни социального капитала // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 144–148.
- Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России. Мир России. 2005. № 2. С. 97–115.
- Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
- Кузина О. Е., Ибрагимова Д. Х. Доверие финансовым институтам: опыт эмпирического исследования // Мониторинг общественного мнения, № 4 (98). 2010. С. 26–39.
- Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–64.
- Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.
- Радугин А. А., Радугин К. А. Введение в менеджмент: социология организаций и управления. Воронеж, 1995. С. 42–100.
- Романов П. В. Социологические интерпретации менеджмента: исследования управления, контроля и организаций в современном обществе. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2000.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
- Шо Р. Б. Ключи к доверию в организации. Результативность. Порядочность. Проявление заботы / Пер. с англ. М.: Дело, 2000.
- Adler P. S., Kwon S. Social capital: Prospects for a new concept. *Academy of Management Review*. 2002. 27 (1). 17–40.
- Araujo L., Easton G. A Relation Resource Perspective on Social Capital. In: R. Th. A. J. Leenders, S. M. Gabbay () *Corporate Social Capital and Liability*. Boston: Kluwer Academic Publishers, 1999, p. 68–87.
- Becker Gary S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press, 1993, 3d Ed.
- Belliveau M. A., O'Reilly C. A., & Wade J. B. Social capital at the top: Effects of social similarity and status on CEO compensation. *Academy of Management Journal*, 1996, 39: 1568–1593.
- Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge University Press, 1977
- Bourdieu P. The forms of capital. In J. C. Richards (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, 1983
- Burt R. S. The contingent value of social capital. *Administrative Science Quarterly*, 1997, 42: 339–365.

- Castiglione D., Deth van G., Wolleb J. The Handbook of Social Capital. Oxford University Press, 2008.
- Coleman J. Foundations of Social Theory. Belknap: Harvard University Press, 1990. Chapter 1. P. 27–44.
- Collings D. and Scullion H. Global Staffing, in *Handbook of Research in International Human Resource Management*, G. K. Stahl and I. Bjorkman, Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2006, P. 141–157.
- Davis J. H., Bartkus V. O. Organizational trust and social capital in J. H. Davis and V. O. Bartkus (eds.) *Social Capital: Reaching Out, Reaching In*, 2009, Chapter 13, P. 319–338
- Fernandez R. M., Castilla E. J. & Moore P. Social capital at work: Networks and employment at a phone center. *American Journal of Sociology*, 2000, 105: 1288–1356.
- Fukuyama F. Social Capital, Tanner Lecture on Human Values. Brasenose College, Oxford (12–15 May 1997).
- Fukuyama F. Social Capital and Civil Society. Washington.: IMF Institute and the Fiscal Affairs Department, 1999, <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/1999/reforms/index.htm> (accessed may 23, 2012)
- Grootaert C., Narayan D., Nyhan Jones V. and Woolcock M. Measuring social capital: an integrated questionnaire. Washington: World Bank, 2004.
- Hanifan L. J. The rural school community center. In *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1916, 67: 130–138.
- Helper S. Comparative supplier relations in the U.S. and Japanese auto industries: An exit voice approach. *Business Economic History*, 1990, 19: 153–162.
- Kostova T., Roth K. Social Capital in Multinational Corporations and a Micro-Macro Model of Its Formation. *Academy of Management Review*, 2003, 28 (2), 297–317.
- Kraatz M. S. Learning by association? Interorganizational networks and adaptation to environmental change. *Academy of Management Journal*, 1998, 41: 621–643.
- Lin N. Social Capital, Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Б. И. МАКСИМОВ

ХАРАКТЕРИСТИКА И ДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ

В статье рассматриваются особенности российских рабочих как социальной группы, обсуждаются действия рабочих в начале трансформационного периода и в настоящее время. Отмечается «встраивание» рабочих в современный менеджмент при потере активности.

Анализируется проблема защитной деятельности, осуществляемой ныне в основном профсоюзами. По опыту наиболее активных профорганизаций выявляются предпосылки успешности профессиональных объединений. Рассматривается также новая конструкция защитных организаций (субъектов) в деятельности по защите трудовых прав работников во взаимодействии с профсоюзами.

Ключевые слова: социальная группа, рабочие, ориентации, действия, динамика, технологии защитной деятельности, профсоюзы.

B. I. MAXIMOV

CHARACTERISTICS AND ACTIVITIES OF MODERN RUSSIAN WORKERS

The problem of protecting activities carried out today mainly trade unions. In the experience of the most active trade union organizations identified prerequisites for successful trade union associations. We also consider the new design protective organizations (entities) in the protection of workers' rights in cooperation with trade unions.

Keywords: social group work, orientation, action and dynamics, protecting activities, trade union.

Актуальность социологического анализа положения, ориентаций, действий социально-профессиональной группы рабочих сохраняется. Это обусловлено несколькими моментами. Прежде всего — значительной численностью, важным, в принципе, значением группы в различных аспектах и в то же время ее проблематичностью в различных отношениях, при недостаточном общественном внимании к рабочим, в том числе со стороны исследователей, включая социологов. Каковы

реальное место рабочих и их роль в производстве и общественной жизни, общественных трансформациях, как рассматривать рабочих в социальной структуре, социальной стратификации, какова тут динамика, какие изменения претерпело само понимание группы рабочих? Подобно «рабочему вопросу» в начале XX века, через сто лет возникают сходные проблемы. В настоящее время отмечается дефицит рабочих кадров, в сфере производства, особенно квалифицированных, а также общее низкое качество рабочих, низкая стабильность и к тому же — отчужденное («пофигистское») отношение к труду. «Радикальный переход от пропаганды ведущей роли рабочего класса к отрешенности и безразличию к его проблемам» А. Л. Темницкий обозначил «как одну из значимых системных инноваций в постсоветской России» (Темницкий 2008: 115).

Из новейших актуальных (проблемных) вопросов можно назвать роль рабочих в провозглашенном инновационном развитии производства, экономике, возможная роль рабочего движения в качестве «социального ограничителя», субъекта, сигнализирующего о степени переносимости или непереносимости лишений, связанных с проведением кардинальных преобразований (реформ), в том числе в контексте проявившегося протестного (оппозиционного) движения конца первого и начала второго десятилетия 2000-х гг.

Разумеется, не всех названных и неназванных проблемных вопросов, по крайней мере — не всех их аспектов можно коснуться в данной статье. Их упоминание делается в стремлении показать актуальность рабочей тематики-проблематики, когда общественный интерес к социальной группе низок.

Актуальность обращения к рабочей тематике подкрепляется некоторыми выступлениями рабочих в середине 2010-х, (например, рабочих завода «Форд» во Всеволожске), напомнивших о себе и привлечших общественное внимание.

В данной статье речь пойдет о рабочих 1990-х — начала 2000-х гг. — известного периода радикальных трансформаций. Рабочие этого периода представляют интерес (в т. ч. исследовательский, социологический) ввиду того, что они, как часть и проявление рабочего движения, ближе всего к настоящему времени (турбулентному периоду), были (и остаются) участниками (в качестве со-субъектов или объектов) трансформаций, имеют существенное значение для процесса преобразований и представляют собой проявление рабочего движения, оцениваемое большинством исследователей как возрождение такого

движения в России. При этом — в весьма своеобразный период — возвращения от социализма к капитализму, соответственно имеющего своеобразные же черты (например, «кентавризмы», по терминологии, использованной участниками исследования и авторами книги, посвященной становлению трудовых отношений в России (Становление трудовых отношений... 2004)). Главный же исследовательский интерес представляют рабочие как социальная группа (социальный слой), подвергшаяся трансформациям в ряду других групп.

Прослеживание динамики важно, чтобы увидеть, к какому состоянию пришли процессы в период стабилизации.

Таким образом, объект анализа здесь — рабочие 1990-х — 2000-х, рассматриваемые с позиций состояния, динамики, ориентаций и действий рабочих данного периода.

Для анализа динамики нами применен следующий методический прием. Предыдущие результаты исследования автора, отраженные в монографии (Максимов 2004), сопоставляются с данными последующего и настоящего времени (по статистическим данным — в основном до 2010 г.). Тем самым анализ приобретает характер (черты) лонгитюдного исследования, позволяющего выявить тенденции изменений в положении, ориентациях, действиях рабочих (или отсутствие таковых). При изложении содержания применяется общая схема: краткое напоминание отмеченного ранее, далее — констатация наличия (или отсутствия) изменений, рассмотрение их (анализ), формулирование возможных выводов.

Характеристика динамики носит, разумеется, фрагментарный характер ввиду, прежде всего, ограниченности и неполной сопоставимости данных.

В качестве исследовательских материалов, как и ранее, применяется анализ статистических данных государственной статистики, позволяющей построить динамические ряды, данные отдельных мониторингов, документов, опросов, в последнее время — в основном посредством проведения интервью. Важное место занимают собственные наблюдения автора, в течение длительного времени соприкасающегося с трудовой профсоюзной жизнью рабочих.

Одним из первых был (и остается) вопрос о трансформациях самой группы рабочих по численности, составу, характеристикам. По численности в доперестроечные времена удельный вес рабочих среди занятых в экономике и всего населения, как известно, повышался в послевоенный период. В 1990-е гг. число рабочих резко снизилось (примерно

на 40%). Но это не было догоняющим цивилизованные страны движением. Это было следствием кризиса производства, реформенных преобразований, варварского отношения к человеческим ресурсам, их растрате, сопоставимой с юридическим толкованием этого термина (за которую полагается соответствующая статья УК; но никто к ответственности, разумеется, привлечен не был). В процессе разрушения корпуса рабочих кадров значительная его часть попала в безработные (до 15%), причем, парадоксальным образом, это была наиболее работоспособная часть; многие сменили (бросили) рабочие специальности, ушли из промышленности, некоторые стали постоянными «без определенного места работы, занятия» (БОМРаи, БОМЗами по нашему обозначению), без регистрации на биржах труда (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности рабочих среди
других социально-профессиональных групп
в 1990–2010 гг., тыс. человек**

Группы	1992	1995	2000	2005	2010	Уд. вес группы в 2010
Всего занято в экономике	71 500	67 100	64 517	66 792	67 577	
Руководители	6435	5770	2710	4805	5586	0,08
Специалисты	17 875	19 660	16 223	17 786	19 363	0,27
Средний персонал	1787	2013	9772	15 255	16 200	0,23
Квалиф. рабочие			30 650	25 176	22 901	0,32
Неквалиф. рабочие	н/д	н/д	5918	5581	5754	0,08
Всего рабочих	45 402	39 656	36 568	30 757	28 665	0,41
С учетом безработных	н/д	н/д	40 072	33 010	30 898	0,44
Рабочие со средним персоналом (нижняя страта)	47 189	41 669	46 340	46 012	44 855	0,64

Источники: Российский стат. ежегодник: стат. сб. М.: Росстат, 1996. С. 84, 86; М.: Росстат, 2011. С. 124, 126.

К 2005 г. численность понизилась еще без малого на 6 млн, к 2010 г. — еще на 2 млн. При этом — в части квалифицированных рабочих. Удельный вес рабочих среди других групп стал составлять 41%. Произошло

это, как и ранее, в основном за счет разрушения промышленного производства, деградации корпуса рабочих кадров, выбывания квалифицированной его части, отсутствия пополнения рядов рабочих.

Показательна картина изменений численности рабочих по отраслям промышленности, демонстрирующая динамику производства по этим отраслям. По статистическим данным о промышленно-производственном персонале видно, что к 2000 г. численность работников промышленности упала практически на 40 %; произошло уменьшение численности в наиболее наукоемких отраслях, также отраслях обрабатывающей промышленности, усиление сырьевого характера производства. К 2007 г. в обрабатывающих производствах в целом по сравнению с 2000 г. число работников уменьшилось еще на 17%; в промышленности по сравнению с 1990 г. осталось 54,4% численности, в химическом производстве — 55,7%, в производстве машин

Таблица 2

**Динамика численности промышленно-производственного персонала
по отраслям промышленности (обрабатывающего производства), тыс. человек**

Отрасли промышленности	1990	2000	2000 к 1990, %
Промышленность в целом	17 007	10 440	61,4
Электроэнергетика	404	672	166,3
Топливная промышленность	658	579	88,0
Черная металлургия	664	585	88,1
Цветная металлургия	405	451	111,4
Химическая и нефтехимическая промышленность	919	692	75,3
Машиностроение и металлообработка	7 496	3 524	47,0
Электротехническая	403	213	50,1
Станкостроительная и инструментальная	207	90	43,4
Приборостроение	553	121	21,8
Автомобильная	602	482	80,0
Тракторное и сельскохозяйственное машиностроение	378	143	37,8
Лесная и деревообрабатывающая	1 539	936	60,8
Строительных материалов	918	558	60,8
Легкая промышленность	1 997	714	35,7
Пищевая промышленность	1 284	1 215	86,7

Источники: Труд и занятость в России: стат. сб. М.: Госкомстат России, 199. С. 67; Там же, 2001. С. 67; Российский статистический ежегодник. 2008. С. 387–429. (Расчет автора.)

и оборудования (машиностроение и металлообработка) — 14,7% в текстильном и швейном производстве — 21,5%. Отмеченная тенденция продолжалась. Об этом же говорят конкретные примеры краха отдельных предприятий, превращения целых регионов в депрессивные (например, Ивановской области), продукция которых замещается импортом. В депрессивных отраслях положение рабочих приобретает характер социальной катастрофы ввиду отсутствия работы (занятости, рабочих мест), источников существования, ухудшения всей социальной инфраструктуры. Соответственно, с падением числа занятых в отраслях уменьшается в них и производство продукции. Некоторый подъем начинался лишь в 2005–2010 гг. (табл. 2, 3).

По качественным характеристикам состава отмечалось снижение уровня квалификации рабочих в результате разрушения систем их подготовки, повышения квалификации, уменьшение степени

Таблица 3

**Производство отдельных видов продукции
в некоторых отраслях**

Продукция	1990	2000	2007
Добыча полезных ископаемых:			
угля, млн т	395	258	314
нефти, млн т	506	313	437
Металлургическое производство:			
чугун, млн т	59,4	44,6	51,5
Производство машин и оборудования:			
металлорежущие станки, тыс. шт.	74,5	8,9	5,1
тракторы, тыс. шт.	92,6	6,9	7,7
Производство электрооборудования:			
генераторы, тыс. шт.	3875	1527	
электродвигатели, тыс. шт.	2000	598	903
Производство транспортных средств:			
грузовой автотранспорт, тыс. шт.	665	184	258
Производство пищевых продуктов:			
мясо, тыс. т	6484	1193	2561
молоко, млн т	20,8	6,2	10,5
Производство кожи, изделий из кожи:			
обувь, млн пар	385	32,9	54,2

Источники: Российский стат. ежегодник: стат. сб. М.: Росстат, 1996. С. 84, 86; 2011. С. 124, 126; Труд и занятость в России: стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 131.

стабильности, ориентации на постоянную работу, основательное ее освоение; ухудшение возрастного состава (молодые частично оказались в безработных или переориентировались в другие виды деятельности, преобладающим стал старший возраст). Произошло повышение уровня образования, грамотности, общей культуры в результате долговременной тенденции, частично за счет перехода в рабочие служащих, ИТР с высшим образованием (в кризисные годы). Ухудшилось такое важное качество рабочих, как отношение к труду, предприятию, типичной стала позиция неуверенности в работе, отсутствия ориентации на «кадровую работу», так называемого «пофигизма», отчуждения. Эти тенденции сохранились к концу 2010-х. Только за 5 лет, с 2003 по 2008 г. подготовка квалифицированных рабочих сократилась на 10%. Несмотря на призывы «восстановить» систему начального профессионального образования, увеличить подготовку рабочих кадров, число выпускников с 2001 по 2010 г. уменьшилось по профессиям промышленности с 230,9 тыс. до 174,5 тыс., в т. ч. по профессиям производства черных и цветных металлов с 2,1 до 1,5 тыс., химического производства с 1,0 до 0,4 тыс., металлообработки с 117,7 по 95,9 тыс., легкой промышленности с 67,7 до 32,4 тыс. (Российский статистический ежегодник 2011: 224). В обрабатывающих производствах доля рабочих в возрасте 50–60 и более лет велика, дошла до 27,4%, что превышает долю этой группы в других видах экономической деятельности (Труд и занятость в России 2009: 77, 358).

Отмечалось, что названные процессы привели к деградации корпуса рабочих кадров и появлению острого дефицита квалифицированных рабочих.

Однако, при всех утратах и социальных травмах, согласно П. Штомпке, группа рабочих не сошла на нет, до ничтожной, малозначимой величины, как торопятся объявить некоторые деятели, принимая тенденцию за состоявшийся факт, составляет более 40% занятых в экономике, в промышленно-производственном персонале — около 80%. А если взять рабочих вместе со сходными специальностями (средним персоналом), то образующаяся «нижняя страта» социальной стратификации (пояснение см. ниже) имеет удельный вес в 2010 г. 64%. Сохранилась и социальная активность рабочих. Из этого следует, что об исчезновении рабочего класса в России говорить пока не приходится, хотя дальнейшее уменьшение его численности вполне вероятно, и не ввиду перехода к «экономике знаний», а вследствие разрушения промышленности. Производство в стране остается в основном индустриальным, заявляемое «общество знаний» еще не наступило.

Существенные изменения можно отметить в понимании группы рабочих (как другими исследователями, так и в нашем собственном). Уже тогда мы отмечали ограниченность наиболее распространенного, можно сказать упрощенного определения, применяемого до сих пор, — по одному критерию — характеру труда, а внутри него — по параметру физического труда, который, в различных формулировках, повсеместно ставится во главу угла. Так, у Э. Гидденса (Гидденс 1999: 210), как и в «Большом толковом социологическом словаре» и других источниках, везде рабочие — это «лица ручного труда» (Большой толковый социологический словарь 1999: 118) (даже станочники выпадают). Другое простое определение на практике — по профессиональной принадлежности. Это работающие по профессиям, отнесенным к рабочим (по тарифно-квалификационному справочнику, по рабочей сетке). К упрощенным, даже примитивным, метафорическим можно отнести выделение по характеру (даже цвету) одежды — «синие воротнички».

Однако одного этого признака уже явно недостаточно, в том числе потому, что во многих случаях и в возрастающей степени доля физического труда в деятельности рабочих снижается, умственного — возрастает, становится доминирующей (к примеру, в работе наладчика, оператора с танков с ЧПУ доля умственного труда явно преобладает). Да и ранее труд рабочих при машинах, механизмах, станках нельзя было назвать чисто физическим. А главное — то, что доминирующее значение имеют не физические, а социально-экономические характеристики труда, положения рабочих. Они отмечаются уже в марксистских определениях, где рабочие — это класс наемных работников, лишенных средств производства, вынужденных жить продажей рабочей силы. Современный социологический энциклопедический словарь под ред. Г. В. Осипова сохраняет такое определение, с доминирующей ролью социально-экономических критериев (Социологический энциклопедический словарь 1989: 284). В социальной стратификации главными критериями становятся уровень дохода, образования, наличие своего дела; по этим критериям рабочие попадают в разные страты, концентрируясь у Т. И. Заславской в «базовом» и «нижнем» слоях; при этом имеющие среднюю и высокую квалификацию попадают в базовый слой, неквалифицированные рабочие — в нижний, вместе с занятыми исполнительским трудом по найму пролетаризованной интеллигенцией, крестьянами, низовыми работниками торговли и сервиса (Заславская 2002: 377–381, 455, 463). По мнению автора, в настоящее время надо использовать несколько критериев при подчеркивании, что только

совокупность критериев позволяет надежно отличать рабочих от представителей других групп (Максимов).

В социальной стратификации по названным критериям рабочие попадают в «нижнюю» (но не в «низшую») группу (страту, класс), располагающуюся под «средним классом». Изменения произошли в сторону увеличения работы по найму, исполнительности труда, выключенности из управления, из собственности, ухудшения положения, осознания себя «задвинутыми», отчужденными.

Ключевым моментом выступает изменение понимания в аспекте соотношения рабочих с другими социально-профессиональными группами, состав группы в этом плане. При доминировании социально-экономических характеристик труда главным критерием (из названных выше) является наемность. Рабочие предстают, прежде всего, как наемные работники, при этом предполагается чисто исполнительский характер труда, исключающий участие в принятии решений, в управлении (за исключением специальных программ по обогащению содержания труда, вовлечению рабочих в участие в управлении). По этой характеристике, прежде всего, рабочие смыкаются, пересекаются с другими группами «нижнего класса», в статистике отделяемыми от рабочих (операторы, аппаратчики, машинисты, продавцы, водители, охранники, работники жилищно-коммунального хозяйства и др.), близко расположенными служащими, некоторыми представителями специалистов, также имеющими преимущественно исполнительский характер труда (хотя и не физического). По другим, прежде всего социально-экономическим характеристикам, применяемым при социальной стратификации, таким как уровень материального благосостояния, образования, профессиональной подготовки, наличие своего «дела», степени отчужденности, зависимости от работодателя и т. д., рабочие также смыкаются со сходными группами, или, иными словами — другие социально-профессиональные группы сближаются (соприкасаются) с рабочими. Например, представители группы служащих реально, не только теоретически, почти по марксизму, в «переходный период» переходят (опускаются) в ряды рабочего класса. Образуется конгломератная группа, состоящая из представителей разных профессий, имеющих сходный статус; ядром группы являются рабочие, а среди них, в свою очередь, фабрично-заводские рабочие как классический тип работника. Группа подходит под понятие пролетариата (неопролетариата), политизированное и в настоящее время почти не употребляемое, хотя К. Маркс под пролетариатом имел в виду не профессио-

нальную группу, да и относительно рабочих тогда применялось широкое понимание. Это последующие марксисты свели пролетариат к профессиональной группе фабрично-заводских рабочих.

Сближение групп можно толковать как растворение группы рабочих и, соответственно, движение к ее исчезновению как специфической общности. Мы полагаем, что идет другой процесс — упомянутого смыкания родственных групп «нижнего» стратификационного слоя, названное образование конгломератной общей группы, подпадающей под понятия «непролетариата», «нео рабочих», «лабореров», «воркеров». Можно эту группу называть рабочими (нео рабочими), как расширительно понимали рабочих ранее; во всяком случае, стоит рассматривать и классических фабрично-заводских рабочих в составе общей группы, а саму эту группу видеть в качестве «нижнего слоя» (класса).

Реальное проявление общности составных групп, представителей групп нижнего класса происходит в акциях протеста (совместное выступление нескольких разных групп, подгрупп в ориентациях на протест (у групп сходный уровень готовности участвовать в акциях протеста), в идентификации, соотнесении себя с нижним социальным слоем).

К такому толкованию приходят как российские, так и зарубежные авторы (З. Бауман, В. Л. Иноземцев, М. И. Воейков, М. Н. Макарова, упомянутая Т. И. Заславская, поместившая рабочих, как отмечалось, в «базовом» и «нижнем» слоях, при этом вместе с занятыми исполнительским трудом по найму пролетаризованной интеллигенцией, крестьянами, низовыми работниками торговли и сервиса). М. Н. Макарова, обобщая взгляды зарубежных авторов, отмечает: «Все большая часть наемных работников пополняет ряды нижнего слоя, “пролетаризуется”. В результате термин “рабочий класс” становится синонимом термина “нижний класс” и подразумевает обозначение... представителей наемного труда, независимо от его характера» (Макарова 2003: 100–101). Это и трактуется как расширение рабочего класса за счет других социальных групп в условиях изменения характера труда, его условий, положения работников. Идентификация рабочих все более смыкается с ценностными системами других групп наемных работников. В этой группе постоянно сохраняется угроза безработицы, состояние депривации, отчуждения (Макарова 2003: 100–101).

Следствия из отмеченного явления — группа, в составе которой находятся рабочие, не исчезает (и не исчезнет); нижний слой (класс) широк, с включением рабочих составляет более половины занятых

в экономике; «нижняя группа» (класс) является оппозиционной по своей природе, противостоящей высшему слою (элите) и отчасти — среднему классу. С учетом этого подхода тем более не идет речь об исчезновении рабочего класса.

Второй вопрос, который требует анализа, — о положении группы рабочих, об его изменениях в 1990-е — 2000-е гг. Отмечалось, что положение рабочих резко ухудшилось, практически по всем параметрам, в первую очередь — в плане занятости.

Занятость стала кризисной, при этом кризисной хронически; число рабочих, прошедших в 1990-е гг. состояние полностью или частично незанятого, сопоставимо с общей численностью рабочего класса; даже дефицит рабочих кадров не ликвидировал безработицу в их рядах (в основном структурную). При дефиците распространение получили переработки, которые работодатели практикуют вместо повышения цены труда, вынуждая работать сверхурочно, нередко без повышения тарифа, до 10 и более часов в смену; рабочие идут на переработки, чтобы сделать «приличную зарплату». Число рабочих, использующих вторичную занятость, доходило до $\frac{1}{3}$, в 2007 г. квалифицированные рабочие отмечают, что из общего заработка в 9827,9 руб. они получили за дополнительную работу 5499,1 руб. (55%), неквалифицированные, соответственно, из 4733,3—2383, тыс. руб. (50%) (Вестник общественного мнения 2007: 104).

К 2010 г. произошли улучшения в аспекте занятости, как и по другим отдельным показателям положения, хотя в целом тенденция абсолютного и относительно других групп ухудшения положения сохранилась. В начале 2000-х гг. занятость стала менее кризисной, хотя и остается неустойчивой, сопряженной с неполной занятостью. Безработица и к 2010 г. осталась самой высокой у рабочих (табл. 4).

Таблица 4

Безработица в начале 2000-х гг., в процентах

Категории безработных	2000	2005	2010
Руководители	5,7	2,8	2,9
Специалисты	5,0	3,5	4,0
Работники среднего уровня квалификации	7,2	4,4	4,4
Квалифицированные рабочие	10,9	7,0	7,3
Неквалифицированные рабочие	11,5	9,9	10,5

Источник: Российский статистический ежегодник. 2011. С. 133—135. Труд и занятость в России. 2011. С. 131.

Увеличилось число «рабочих-невидимок», принятых без оформления трудового договора. Вице-премьер правительства РФ О. Голодец отмечает, что в стране половина работающих нигде не числится, т. е. работает без оформления трудового договора и не только всю зарплату получает в «сером виде», но и при несчастных случаях на производстве не получает никаких компенсаций. А такие случаи нередки и весьма драматичны.

В предыдущем исследовании отмечалось, что условия труда повсеместно ухудшились вследствие разрушения систем охраны труда, политики работодателей экономии на здоровье работников. К 2010 г., по статданным, положение по условиям труда сохранилось, хотя минули кризисные годы и должно бы быть улучшение. Его отсутствие объясняется пренебрежением к условиям труда, сохранению здоровья, при этом в позиции не только работодателей, но и самих работников (рабочих).

Наиболее проблемным вопросом положения рабочих в период реформ оказалась оплата труда. Кроме злополучных задержек заработной платы произошло падение ее уровня до 35–40% от дореформенного размера. Зарплата рабочих стала на $\frac{1}{3}$ ниже таковой у служащих, не говоря уж о руководителях устойчиво низкой в соотношении с основными индексами жизни, особенно с субъективной нормой оплаты (которую можно считать «достойной оплатой», упоминаемой в декларациях МОТ, Конституции РФ) (табл. 5).

Таблица 5

Зарботная плата в 1990-е — начале 2000-х гг.

Годы	Зарботная плата промышленно- производственного персонала (тыс. руб., с 1998 г. — руб.)		Отношение заработной платы рабочих к:		
	Служащих	Рабочих, в т. ч. машинострое- ния, металло- обработки	зарплате служащих	прожиточ- ному минимуму	потреби- тельской корзине (в СПб)
1992	9,1	6,64,9	0,7	3,1–2,3	0,5
1993	85,3	60,146,1	0,7	2,6–2,0	0,4
1994	309,3	211,7163,8	0,6	2,2–1,6	0,4
1995	739,6	480,1373,6	0,6	1,6–1,2	0,4
1996	1211,3	780,4593,8	0,6	1,9–1,4	0,6

Годы	Зарботная плата промышленно- производственного персонала (тыс. руб., с 1998 г. — руб.)		Отношение заработной платы рабочих к:		
	Служащих	Рабочих, в т. ч. машинострое- ния, металло- обработки	зарплате служащих	прожиточ- ному минимуму	потребительской корзине (в СПб)
1997	1494,3	937,9725,7	0,6	2,0—1,5	0,6
1998	1758	1062838	0,6	1,9—1,5	0,4
1999	2755,1	1581,61393,5	0,5	1,6—1,4	0,4
2000	4111,1	2359,71848,4	0,5	1,5	0,5
2005	7201	6681	0,9	2,2	
2009	23316	14280	0,6	2,7	

Источники: Труд и занятость в России. С. 316, 319; 201. С. 361; Российский статистический ежегодник. 2011. С. 157; Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1998. № 1. С. 69; 1999. № 1. С. 65; 2000. № 1. С. 69; 2001. № 1. С. 66; Вестник общественного мнения. 2007. № 2 (94). С. 104; 2008. № 2 (96). С. 94; Справка Госкомстата России; Расчет автора.

К 2010 г., по номинальным данным (которыми чаще всего оперируют)¹, зарплата рабочих выросла в несколько раз, но, по данным о реальной заработной плате, увеличение составило только 7,2% по срав-

¹ Можно отметить, что использование номинальных данных распространено. Оно позволяет изменить картину, в определенных случаях — исказить ее, при этом, очевидно, иногда по недомыслию, а чаще всего намеренно. Если же взять динамику реальной заработной платы, т. е. с учетом инфляции, то только в начале 2000-х гг. реальная заработная плата стала выходить на уровень 1990-го года, а номинальное двукратное увеличение зарплат в 2003—2006 гг. реально составляет в лучшем случае несколько процентов. На графиках Росстата наглядно видно, что инфляция растет параллельно повышению зарплат, при этом дистанция между номинальной зарплатой и инфляцией остается существенной и практически постоянной с эпизодическим увеличением в случаях отсутствия индексирования или номинального повышения зарплат. По всей России заинтересованные лица упорно используют номинальные данные, говорят о повышениях зарплат, пенсий, пособий и т. п., хотя в лучшем случае речь идет об индексации, да и то несистематической, неполной, запаздывающей. Сомнительно, чтобы высокие чиновники не понимали разницу между номинальной и реальной заработной платой, повышением зарплат и индексацией (в случае непонимания можно говорить о вопиющей некомпетентности), скорее всего речь идет о лукавстве, мягко говоря, а пожестче — о введении в заблуждение.

нению с 1991 г. Соотношение с зарплатой служащих, специалистов, с прожиточным минимумом, с потребительской корзиной остается практически таким же.

Наиболее наглядно это было видно по среднему душевому доходу, вернее всего отражающему материальное положение семей рабочих (табл. 6).

Таблица 6

Среднедушевой доход в семьях рабочих

Годы	Среднедушевой доход, тыс. руб.	Среднедушевой дохода по отношению к		
		ПМ	потребительской корзине	субъективной норме
1997	611	1,32	0,38	0,35
1998	525	0,95	0,19	0,24
1999	649	0,65	0,17	0,23
2000	702	0,58–0,46	0,15	0,28
2001	1032	0,51	0,19	0,25
2007	5303	1,37–0,71	н/д	0,37
2008	5230	1,13–0,81	н/д	0,32

Источники: Российский статистический ежегодник. 2000; 2011. С. 157; Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1998. № 1. С. 69; 1999. № 1. С. 65; 2000. № 1. С. 69; 2001. № 1. С. 66; Вестник общественного мнения. 2007. № 2 (94). С. 104; 2008. № 3. С. 94. Расчет автора.

Как видно, среднедушевой доход в течение нескольких лет не превышал даже прожиточный минимум; в 2001 г. был в 2 раза ниже черты бедности. В потребительской корзине и субъективной норме реальный среднедушевой доход составлял еще меньшую часть. Основная масса рабочих семей по душевому доходу находилась на уровне прожиточного минимума и ниже его. К 2008 г. соотношение улучшилось, но с социальными, субъективными индексами осталось неудовлетворительным.

Сами рабочие оценивали материальное положение своих семей низко. Так, по данным Мониторинга социально-экономической, ситуации и рынка труда С. Петербурга, 55% рабочих оценивали свой среднедушевой доход как находящийся ниже ПМ, и 22% — как соответствующий ПМ, т. е. 77% считали, что находятся на грани физического выживания и ниже ее. Это значительно больше среднего числа бедных (24,4% в 1998 г., 33,2% — в 1999 г.) (Труд и занятость в России

2005: 461, 463). К 2007–2008 гг., по данным Мониторинга общественного мнения центра им. Левады, положение семей рабочих улучшилось, но среднедушевой доход все еще на уровне ПМ или незначительно превышал его; в соотношении с «социальной нормой» оставался низким.

В 1990-е гг. правилом стало лишь частичное использование права на отпуск или неиспользование его совсем. Из форм социального страхования в начале 2000-х гг. «листки нетрудоспособности» использовали «всегда» — 26% опрошенных рабочих, остальные либо «в отдельных случаях», либо «опасаются использовать». Даже выплата пособий по беременности, родам для женщин отмечалась лишь в 77% случаев. К 2010 г., судя по материалам интервью, такая практика в целом сохранилась.

Повышение квалификации отмечали только 11,5% респондентов. Участие в управлении практически сведено на нет. Из рабочих 13% отмечали, что они попадали в ситуацию унижения морального достоинства со стороны работодателей «часто», 33% — «иногда» (в сумме 46%). Материалы интервью подтверждают сохранение и этих практик.

Следующий вопрос — субъективное восприятие положения, ориентации на действия. Рассмотрение этого важно, ибо субъективное восприятие — не зеркальное отражение объективного положения, так же как реальные действия не автоматически вытекают из восприятия, тем более — объективных условий. Как известно, субъективный компонент играет преломляющую роль, и это видно на примере восприятия, ориентаций рабочих.

Неполная занятость, опасность (страх) потерять работу, процесс сокращения кадров переживались рабочими, пожалуй, острее всего. При этом охватывались такими переживаниями не только жертвы сокращений, но и рабочие, которых это непосредственно не коснулось. «Это может коснуться каждого, любого, — говорили рабочие. — Сегодня — он, завтра — я». Острота реакции обусловлена, прежде всего, непривычностью ситуации, крушением одного из главных устоев статуса рабочих — твердой уверенности в обеспечении работой, а также ненадежностью, униженностью положения безработного, низким уровнем материального положения, когда и при наличии работы едва удастся сводить концы с концами.

Ситуация сокращений имела характерные черты. У рабочих снижался уровень притязаний и — парадоксальным образом — чувства солидарности. Рабочие становились покладистыми, думающими «о себе

в первую очередь». Сам процесс сокращений воспринимался буквально болезненно. Собрания, на которых определялись кандидатуры на увольнение, проходили в тягостной атмосфере. Объявление фамилии человека переживалось как психологическая травма. Женщины начинали плакать, мужчины ругаться (но в порядке выражения эмоций, не более). В интервью приводились примеры, когда услышавшие свое имя в роковом списке, «старели прямо на глазах». Остающиеся (оставленные) отмежевывались от сокращаемых, увольняемые, в свою очередь, не ждали поддержки ни от кого; вместо «солидарности в несчастье» между теми и другими появлялось отчуждение.

Безработица и сокращения нанесли самый сильный удар по статусу рабочих, в т. ч. и в субъективном восприятии, возможно, что последнее — прежде всего. Вместо уверенных в себе, нередко бравирующих своей незаменимостью, появлялись безропотные, молчаливые, согласные на все, боящиеся быть заподозренными в протесте (тем более коллективном) рабочие кадры. По нашим данным, многие ощущали себя изгоями, «никому не нужными», отчаявшимися устроить свою жизнь, нередко обозлёнными на весь мир.

По данным исследований безработицы, нахождение в положении незанятого оказывает отрицательное влияние не только на общее психологическое состояние, но и на весь социальный статус работника и даже интеллект человека (Гелета 2003: 390—391).

К 2010 г. кампании по сокращениям перестали быть массовыми, касаются отдельных регионов, городов, населенных пунктов, особенно моногородов, монопоселков, например, шахтерских, в т. ч. ввиду дефицита рабочих кадров. Но практика сокращений при закрытии, банкротстве, реструктуризации предприятий, отраслей (например, шахт) не прекратилась, по драматичности сравнима с перестроечной. Широко известным примером являлось сокращение (более 1000 человек) работников предприятий глиноземно-химического комплекса в Пикалево, сопряженное с невыплатами заработной платы. По материалам интервью, рабочие выражали острое недовольство; в частности, женщинами с детьми, оставление без работы в моногороде воспринималось как жизненная трагедия; некоторые из них говорили, что «если бы был автомат, взяла бы и перестреляла всех». После известного вмешательства премьера рабочие были в основном восстановлены на работе. Однако после этой и подобных ситуаций в качестве следов остались неуверенность в работе, настрой не на кадровую работу, основательное овладение профессией, а временное пребывание, отчужденность,

психология «пофигизма», недоверие к властям, ибо после посещения того же Пикалева вторым лицом в государстве и его указаний по разрядке ситуации на деле мало что было сделано, и остановки предприятий повторялись. Такому восприятию «способствуют» упомянутое схождение на нет какого-либо участия рабочих в управлении, в делах своей организации.

В целом по поводу занятости реакция, как правило, была пассивной, приспособительной, ориентации на протестные действия не возникали.

В оплате труда проявилось своеобразие субъективного восприятия, придание повышенной остроты лишению, казалось бы, менее важному, чем резкое падение размеров заработка в целом. Как известно, наиболее острую реакцию вызывали задержки заработной платы. И эти реакции были переходным звеном к действиям, но и в этом случае далеко не всегда. Уровень оплаты рабочие оценивали также низко, но это в 1990-е гг. не служило источником протестных требований.

Оценку уровня оплаты труда после 2000 г. показывает таблица по данным самарского мониторинга социально-трудовой сферы промышленности области (табл. 7).

Таблица 7

**Устраивает ли уровень оплаты труда
(в процентах от числа опрошенных), 2003 г.**

Варианты ответа	Рабочие		Специалисты	Прочие
	1–3 разр.	4–6 разр.		
Вполне устраивает	1,8 2,6	1,9 3,1	6,5	7,8
Пожалуй, устраивает	11,8 3,4	13,4 6,2	31,3	15,6
Пожалуй, не устраивает	30,8 33,3	28,4 36,0	31,5	32,8
Совершенно не устраивает	52,1 56,4	53,3 47,5	38,0	37,5

Источник: Мониторинг социально-трудовой сферы промышленности Самарской области, 1 кв. 2001 г., 2003 г.

К 2010 г. недовольство задержками продолжает лидировать и служить поводом для протестных действий. Оценка материального положения семьи к 2008 г. была в целом средней у рабочих и служащих (табл. 8). В целом жизнь семьи за последний год стала «значительно лучше», «несколько лучше» — 38%, «не изменилась» 45%, «несколько хуже», «значительно хуже» — 11% (Вестник общественного мнения

2008: 89). Повышение уровня оценки происходит, очевидно, не только в силу его роста, но и привыкания к плохому положению, постоянно-го терпения.

Таблица 8

**Оценка материального положения семьи
(в процентах от общего числа опрошенных в каждой группе)**

Оценка	Руководители	Специалисты	Служащие	Рабочие
Хорошее	36	30	34	9
Среднее	53	50	52	57
Плохое	11	17	8	27
Очень плохое	—	2	4	5
Затр. ответить	—	0	2	0

Источник: Вестник общественного мнения. 2008, январь. С. 88.

Относительно условий труда характер восприятия в основном сохранился, здесь налицо занижение остроты реакции. Профсоюзы стали больше уделять внимания условиям труда (при заключении коллективных договоров), работники же по-прежнему мало ценят этот фактор.

Таково же примерно восприятие состояния социального страхования. Практика лишений по этой линии оценивается уже как неизбежная, почти как нормальная в условиях частного производства.

При низкой удовлетворенности отдельными сторонами работы, интегральная оценка положения была скорее даже положительной, чем отрицательной, особенно у квалифицированных рабочих. При этом она имеет тенденцию к повышению. Правда, перевес положительных оценок невелик, степень удовлетворенности можно характеризовать как «умеренно положительную», и все же сдвиги налицо (табл. 9).

Отмечалось, что в интегральной оценке положения трудности, лишения рассматриваются в основном как неизбежные, почти как стихийные бедствия, непреодолимые, не зависящие от руководства предприятия, во всяком случае — на уровне предприятия. Формула: «на уровне предприятия сделать ничего невозможно» общеупотребительна. Принятию ее способствовало «понимание проблемы», «вхождение в положение администрации», использование собственной, как бы встречной, согласительной интерпретации ситуации как безвыходной,

Таблица 9

**Удовлетворенность в целом своей нынешней работой
(в процентах от опрошенных)**

Варианты ответа	Рабочие				Специалисты, 2003 г.	Прочие, 2003 г.
	1—3 разр.		4—6 разр.			
	2001 г.	2003 г.	2001 г.	2003 г.		
Вполне удовлетворены	12,4	14,5	14,6	13,7	21,6	17,5
Скорее удовлетворены, чем нет	18,3	27,4	28,0	34,9	45,7	47,5
Не могут сказать определенно	38,8	23,9	25,7	14,0	11,2	15,0
Скорее не удовлетворены	25,4	22,2	27,2	32,1	19,8	5,0
Совершенно не удовлетворены	5,3	12,0	4,6	5,3	1,7	

Источник: Самарский мониторинг, 1 кв. 2001 г., 2003 г.

нахождение собственных аргументов в пользу непреодолимости. Отсюда протестовать против своего руководства не только неудобно, но и бессмысленно. Многие рабочие считают: «Директор и рад бы помочь, но ничего сделать не может». С этим связано обращение претензий не к своему начальству, а наверх, к государственным властям. Соответственно, реакция на депривации носила характер скорее не возмущения, протеста, неприятия, а «социального смирения».

В начале 2000-х гг. «вхождение в положение» сменилось пониманием «природы хозяев», против которой протестовать тем более не имеет смысла. В то же время наряду с покорностью, смирением, терпением существовало ощущение несправедливости, унижения, отсюда возмущения своим положением, которые обуславливают ориентации на действия и сами действия. Кроме того, «социальное смирение» присуще не всем группам рабочих.

В ориентациях на действия налицо распространение уже в 1990-е гг. индивидуалистического подхода, преобладание ориентаций пассивно-приспособительного характера, доминирование настроения не на протест и коллективные действия, которые можно было бы отнести к проявлениям рабочего движения, а на индивидуальное решение проблем, при этом в первую очередь — путем обращения к руководству (отметило 60% опрошенных).

Однако при прямом вопросе о готовности участвовать в акциях протеста эта ориентация выражена гораздо сильнее и фиксируется в региональных мониторингах, мониторинге ВЦИОМа. По данным ВЦИОМа, готовность рабочих участвовать в акциях протеста (в сопоставлении с таковой у других социальных групп) является достаточно высокой, устойчивой в течение длительного времени, хотя и постепенно снижающейся (табл. 10).

Таблица 10

**Готовы лично участвовать в акциях протеста
(в процентах к опрошенным)**

	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2007	2008
Рабочие	35,5	31,8	28,7	35,0	27,4	22,7	20	19
Служащие	30,9	29,1	13,1	31,8	16,9	20,1	15	13
Специалисты	23,7	20,1	16,7	30,4	17,4	20,8	19	13
Руководители	18,5	14,8	18,6	17,0	18,7	11,6	12	25

Источник: Экономические и социальные перемены. 1993. № 1. С. 67; 1995. № 2. С. 79; 1999. № 1. С. 70; 1999. № 3. С. 77; 2000. № 1. С. 69; 2001. № 1. С. 65; 2002. № 1. С. 70; 2003. № 1. С. 94; Вестник общественного мнения. 2007. № 2 (94). С. 102; 2008. № 5 (97). С. 93.

К 2008 г. ориентации на протест снижаются, но не исчезают совсем, в значительной степени сохраняются. По материалам интервью, установки на протест могут резко меняться при изменении ситуации, например, при появлении повода для выступления, возникновении конфликта, вовлечении в него всего трудового коллектива (соответственно, и сам протест может появляться «мгновенно», как бы внезапно).

В ориентациях на способы действий преобладали расчет на собственные силы и решение проблем путем обращения к непосредственному руководству (табл. 11).

В последнее время, согласно результатам интервью, начинают доминировать установки на «приспособление к условиям», поискам другого места, в т. ч. в сфере самозанятости. Ориентации на самозанятость явно усиливаются.

Общий вывод по восприятию и ориентациям — в основных чертах их характер сохраняется, в отдельных отоношениях трансформируется в сторону установки (позиции) от протеста к приспособлению или уходу от неблагоприятной ситуации

Таблица 11

**Какой способ действий предпочтут рабочие при решении трудных вопросов
(число ответивших, в процентах)**

Обратиться к непосредственному руководителю	60
Можно надеяться только на себя	58
Обратиться к владельцам, администрации всего предприятия	16
Обратиться в суд	15
Надеяться на трудовой коллектив, помощь товарищей по работе	10
Добиться решения с помощью профсоюза	8
Обратиться в КТС	7
Обратиться в органы власти	6
Создать рабочую организацию, провести акции протеста	4

Один из главных вопросов — рассмотрение реальных коллективных действий рабочих, в т. ч. в формах, которые можно отнести к рабочему движению. К компонентам рабочего движения (РД) мы отнесли субъективный настрой, ориентации на действия, реальные действия и деятельность рабочих организаций.

Субъективный настрой не всегда включают в движение и выделяют его как компонент. Однако в различных парадигмах элементы сознания включаются как когнитивный, аффективный компонент, «эмоциональное возбуждение», «социальное беспокойство», «социальное нетерпение», «осознание и артикуляция проблемы», «генерализованные убеждения», «осознанные цели» (Здравомыслова 1993: 16—19, 23—26, 31, 69, 142—143). Дж. МакКарти и М. Залд вообще все движение понимают как «совокупность мнений и представлений людей, в которых выражено стремление к изменению социальных условий (Здравомыслова 1993: 16—19, 23—26, 31, 69, 142—143). Наличие субъективных установок, готовности к действиям уже говорит о существовании РД.

Реальные действия, которые можно отнести к проявлениям рабочего движения в качестве основного компонента, отличаются, прежде всего, коллективностью, массовостью; при этом если действия совершаются даже в одиночку, не совместно, но носят массовый характер, то тоже относятся к проявлениям РД (например, голодовки, проводимые индивидуально, но приобретшие массовый характер). Основной отличительный признак — это действия, направленные на защиту

интересов, изменение (улучшение) условий, возможно, и сохранение положения, сопротивление его ухудшению, удержание позиций; имеющие характер протеста, содержащие элементы борьбы, сопротивления, принадлежащие к действиям конфликтного характера, представляющие собой мобилизацию существующего недовольства.

Деятельность рабочих организаций представляет собой одну из основных форм РД в российских условиях. По одной из точек зрения, наиболее классическими «движенческими» считаются даже именно спонтанные, неорганизованные (стихийные) действия. Но мы включаем деятельность рабочих организаций в РД и выделяем их ввиду особого значения. Представляется, что для рабочего движения в России рабочим организациям принадлежит даже ключевая роль. Они являются, как правило, инициаторами (зачинщиками), стимуляторами, если можно так выразиться, действий (выступлений, акций, в т. ч. забастовок), организаторами, координаторами активности, формулирующими и предъявителями требований, хранителями коллективных («генерализованных») убеждений, идей (пока не дорастающих в России до целостной системы взглядов, идеологии), защитниками участников действий, берущими ответственность на себя (так, удается преодолеть пассивность, страх рабочих, побудить их принять участие в акциях хотя бы по принципу «вынужденной инициативы», когда организация именно «берет на себя» ответственность, лучше даже, если согласует вопрос с администрацией); в периоды затишья, а то и полного отсутствия коллективных выступлений организации олицетворяют собой сохранение рабочего движения. Особенно важная роль принадлежит политическим организациям. По концепции Н. А. Шматко, на общественной сцене действуют не социальные группы сами, а их заменители — субституты, состоящие из представителей группы, организаций того или иного вида (Шматко 2001).

Однако эти взгляды разделяются не всеми. Практически все авторы сходятся в том, что рабочему движению в момент кардинальных общественных преобразований в России в принципе всегда принадлежала важная роль, но какова она по характеру — взгляды расходятся.

Известная группа специалистов, занимавшихся специально рабочим движением (ИМРД), теперь полагает, что задача рабочих в новых условиях состоит в «преодолении» бывшего социализма, в разрушении всех его устоев (и в экономике, и в социальной сфере) и в переходе к капиталистическому устройству. Лидер направления, Л. А. Гордон, называл это движение «преодолением государственного социализма»

(«госсocialизма»), но фактически имел в виду преодоление вообще социализма, не только «государственного», так как о переходе к какому-то другому, обновленному социализму, не говорилось (Гордон 1993: 30, 58).

Верные рабочему классу, но ярые противники советского тоталитаризма, Г. Я. и Б. В. Ракитские, отводили рабочим еще большую роль в переменах 1990-х гг., полагая, что без сильного рабочего движения прогрессивный ход реформ вообще невозможен («сильное демократическое рабочее движение — главный, если не единственный гарант перехода к демократии... препятствующий скатыванию общества назад, к диктатуре» (Ракитская 1995: 18–19), и показывали, что внедрение в России дикого капитализма происходит именно ввиду слабости рабочей оппозиции (Ракитская 1995: 18–19).

Ряд авторов социалистической ориентации, объединенных Международной ассоциацией «Ученые за демократию и социализм», ныне — движением «Альтернативы», и вокруг журнала с аналогичным названием, придерживались и продолжают придерживаться марксистских взглядов на роль рабочего движения. В частности, один из последовательных социалистов, Д. Мандель, видел задачу рабочего движения в свержении «бюрократического, диктаторского» социализма и установлении истинного, демократического социализма. Но он же вынужден отмечать, что парадоксальным образом «рабочий класс потерял осязаемое влияние на курс социальных преобразований; в лучшем случае он влиял на выбор средств и темпы перемен, но никак не на их направление» (Мандель 1997: 2–3) (Mandel 1996: 32–33).

Участники движения «Альтернативы» (как и другие социалисты), будучи убежденными в социалистической направленности рабочего движения, высказывали разное понимание социализма, который может выступать целью борьбы рабочих. Так, О. Смолин говорил о «демократическом социализме» (Смолин 1998: 4–18). М. Воейков полагал, что в настоящее время наиболее приемлем «рыночный социализм», хотя и не являющийся идеалом (Воейков 1999: 40–43).

Ортодоксальные коммунисты продолжали и продолжают повторять неизменные положения о революционности, ведущей роли рабочего класса, его историческом предназначении и т. п.; и говорить это в период кардинальных реформ в России, как бы не замечая сильнейших изменений, произошедших и в обществе, и в самом рабочем классе, в частности, опыт реального социализма, шоковой терапии, крушения классовой идеологии.

Важно понять, с какими представлениями о целях рабочего движения подошли рабочие, можно сказать, к звездному часу своей и страны истории и после, к началу 2000-х гг., после нескольких лет развития своей социальной активности, когда уже сформировались убеждения. Ответы на открытый вопрос «Как вы полагаете, в чем состоят коренные (стратегические) интересы рабочих, чего нужно добиваться посредством совместных действий?» — были знаменательными. Основной ответ (52%) — это отсутствие ответа, т. е. большинство опрошенных не имеет никаких представлений о целях действий рабочих или не захотели их высказать (не задумывались, затрудняются сформулировать и т. п.); можно выразиться так, что в головах более половины рабочих пусто на предмет целей. И это очень много значит. Можно отметить дифференциацию рабочих по данному качеству. Из шахтеров дали ответ 73%, из рабочих петербургских предприятий — около 50%, из рабочих Самары — не более 40% (таблицу ввиду громоздкости не приводим).

У имеющих представление о коренных интересах основное внимание сосредоточено на оплате труда, которая по числу ответов в 3–4 раза превосходит другие отмеченные цели и затрагивается почти всеми, давшими ответ. Эта цель доминирует безраздельно среди названных (правда, и ее упомянули только 44% от числа опрошенных). Далее, примерно на одном уровне идут условия труда (14%), обеспечение работой (занятость) (10%), реализация социально-трудовых прав (12%), улучшение жизни в целом (9%). Можно отметить, что здесь рабочие показывают все же осознание своих прав, правда, уровень осознания при этом низок. Незначительное место занимают такие цели, как участие в управлении производством (2%) и даже повышение квалификации, профессиональный рост (1,5%). В целом спектр установок ограничивается задачами экономического, тред-юнионистского характера. Практически отсутствуют цели политического характера.

Позже был предпринят опрос «лидеров мнений» (из рабочих), в котором выделялись задачи социальной активности рабочих. Наибольшее распространение здесь имело представление: «заставить хозяев делиться. Дать и работягам достойную жизнь». Это представление: «делиться», «добиваться своего места под солнцем», своей доли в доходах, места в общественной жизни (например, шансов на получение образования для детей) без взятия на себя власти, управления, ответственности за все происходящее — постоянно встречалось в материалах последующих интервью, что говорило о его широкой распространенности и устойчивости. Только на этапе, когда рабочие «почувствуют

свою силу», когда окрепнет рабочее движение, возможно предъявление и других широких социально-экономических требований (например, о природной ренте, акцизах и т. п., называемых коммунистами). Ориентации на политические цели и в будущем не просматривались (ввиду, главным образом, отсутствия представления о модели общественного устройства, которой можно было бы заменить установившийся режим, о своей новой общественной роли).

В последнее время широкие цели почти не артикулируются, в т. ч. ввиду распространенного отказа вообще от коллективных действий. Среди персональных (личных, индивидуальных) целей доминируют «нормальная зарплата», «иметь хорошее место работы», «уверенность в своем положении». При этом запросы относительно оплаты труда выросли (особенно у молодых рабочих). Упомянутой «нормальной» считается превосходящая ПМ в 2–3 и более раз.

Представление о спектре (формах) и удельном весе наиболее распространенных протестных действий в начале 2000-х гг. дает таблица 12.

Таблица 12

Формы протестных действий

Формы действий	В процентах
Забастовки	33
Голодовки протеста, в т. ч. с участием членов семей, детей	16
Митинги, шествия	12
Письма, обращения, заявления	10
Перекрытие трасс, улиц	8
Пикетирование учреждений	7
Взятие в заложники руководителей	3
Взятие предприятия под контроль (оккупация)	2
Собрания, конференции, съезды	1
Прочие (обращения в суды, захват морских судов, угроза «взорвать шахту», самоубийства и т. п.)	8

На первом месте стояли и наиболее действенными являлись забастовки. Но в целом их удельный вес невелик, если учитывать, что это самая эффективная, в принципе, форма и она должна бы составлять основную часть (а не $\frac{1}{3}$). Но основную долю занимают демонстрационные и страдательные формы протеста (см. ниже).

Уровень и динамику забастовок отражает таблица 13. Здесь мы выделяем из общего числа забастовки в тех отраслях, где наиболее вероятно участие рабочих.

Таблица 13

Забастовки в 1990-е — 2000-е гг.

Год	Всего, число предприятий	Промышленность	Строительство	Транспорт (и связь)	Итого	Число участников, тыс. чел.*
1990	260	199	10	10	229	87,9
1991	1755	324	16	44	384	168,7
1992	6273	63	14	68	145	53,6
1993	264	176	45	13	234	118,7
1994	514	209	8	8	225	117,6
1995	8856	220	11	25	256	158,8
1996	8278	527	34	28	580	379,9
1997	17 007	272	38	84	394	209,9
1998	11 162	228	24	34	286	132,3
1999	7285	21	5	6	32	10,8
2000	817	7	—	4	11	4,2
2005	25 758	1	1	1	3	84,6
2006	8	3	—	1	4	1,2
2007	7	3	—	4	7	2,9
2008	4	1	1	—	2	1,9
2009	1					0,01
2010	—					—

Источник: Труд и занятость в России: Стат. сб./Госкомстат России. М., 2001. С. 261; Российский статистический ежегодник. 2011. С. 149; Труд и занятость в России. 2009. С. 301.

* До 2000 г. — по выделенным отраслям.

С 2000 г. в отраслях, где наиболее вероятны выступления рабочих, забастовки исчислялись единицами; в последнее время забастовки почти сошли на нет. В 2004—2005 гг. вспышку дали организации образования, здравоохранения, но последние годы их общее число стало мизерным. Протестная активность рабочих ушла в демонстрационные,

страдательные формы, но и их число с участием рабочих тоже сократилось.

Демонстрационные и страдательные формы протеста, среди них прежде всего голодовки, занимают по удельному весу второе место после забастовок. Голодовки нередко отличались драматичностью: по сообщениям прессы, было немало случаев попадания людей в больницы в результате голодания. Большое распространение голодовок представляется парадоксальным в условиях, когда, казалось бы, имеются другие, наступательные, и не такие опасные методы действий. Парадоксальным выглядит также широкое распространение демонстрационных форм (митингов, шествий, пикетов, обращений и т. п.). Демонстрационные действия, как правило, не достигали каких-то конкретных результатов (и не были рассчитаны на них), служили средством (способом) проявления недовольства, хотя бы «привлечения внимания к бедственному положению»; для профсоюзных организаций служили демонстрацией их активности.

Это свидетельствует не столько об исчезновении поводов для протестов, сколько, как уже отмечалось, об усложнении процедур трудовых споров, вследствие чего конфликты не доходят до стадии регистрируемой забастовки, не становятся достоянием общественного внимания (включая ведение статистического учета).

Важно отметить, что кроме протестных, рабочие применяли и протестно-конструктивные методы действий (установление рабочего контроля, создание предприятий с коллективной собственностью, включение через профсоюзы в управление акционерными обществами).

Весьма характерной чертой российского рабочего движения периода реформ являются поводы (причины) выступлений рабочих. Спектр причин достаточно большой. Это протест против сокращения численности, «незаконных» увольнений, низкого уровня заработной платы, грубости руководства, развала, растаскивания, распродажи предприятия, в масштабных акциях — против снижения уровня жизни, развала производства. На первом этапе, в конце 1980-х — начале 1990-х гг, коллективные действия рабочих преследовали в основном широкие экономические, а также политические цели. Деятельность рабочих организаций, от стачкомов, рабочкомов на предприятиях до региональных типа Союза трудящихся Кузбасса, была сильно политизированной, в частности направленной на преодоление монополии КПСС на власть.

В середине и второй половине 1990-х годов, в период экономического кризиса, коллективные действия рабочих, деятельность рабочих организаций представляли собой почти исключительно протест против задержек заработной платы (по нашим данным — в 90% случаев, по данным А. Кацвы, — в 97,8%) (Кацва 1998: 65). Проблема ликвидации задолженностей заслоняла все другие вопросы. При проведении акций протеста по поводу задержек зарплаты попутно выдвигались и широкие экономические и политические требования. Но они оказывались «дежурными» и провозглашались лишь в связи именно с задержками заработной платы.

В настоящее время можно отметить и переход к современным формам протеста. Их черты (особенности) состоят в более основательных причинах (требованиях), грамотности, организованности, использовании различных, легитимных форм, средств, спокойном (мирном) течении, хотя и упорном противостоянии, использовании ресурса солидарности (подробнее — в параграфе «Современный социально-экономический протест»). Но задержки заработной платы как причины акций протеста продолжают лидировать.

Из факторов рабочей социальной активности наиболее значимыми были политические возможности, наличие или отсутствие идеологии рабочего движения, дефицит солидарности, организации действий и координирующих их организаций, лидеров. Состояние положения, вопреки распространенным воззрениям, не имело прямой связи с социальной активностью; иногда ухудшение положения оказывало обратное ожидаемому влияние; чрезмерное ухудшение подавляло социальную активность (за исключением причины «несвоевременная выплата заработной платы»). По результатам интервью, в настоящее время лидирующую роль играют иницирующие (и координирующие) действия организаций, рабочих лидеров, которые сдерживает страх за свое положение. Такие факторы, как политические возможности, идеология рабочего движения, рабочая солидарность (за исключением выдающихся выступлений) и в значительной степени состояние положения перестали играть существенную роль. Дело доходит до отрицательного отношения к идеологии, политическим организациям, к солидарности (например, с шахтерскими выступлениями, а внутри шахтерской среды между разными профсоюзными организациями).

В качестве резюме о реальных коллективных действиях рабочих можно отметить их широкий спектр, разнообразие форм, использование наиболее действенных форм, включая широкомасштабные (наряду

с демонстрационными, страдательными формами) в 1990-е гг., сменившиеся спадом социальной активности рабочих в 2000-е гг. вследствие относительного улучшения положения, ужесточения законодательного регулирования трудовых споров, нарастания индивидуализма, отказа от коллективных действий.

Рабочие организации (объединения) в форме профсоюзов сыграли незначительную роль в кардинальных преобразованиях. Профсоюзы не смогли предотвратить массовые сокращения работников, высокую безработицу, чрезмерное падение уровня жизни, даже такое неправо-вое явление, как длительные задержки заработной платы. Что касается рабочего движения, то его профсоюзная составляющая оставалась малоразвитой. И в этом одна из главных причин слабости РД. В характеристике состояния профсоюзов следует сослаться на глубокие, обстоятельные исследования И. Б. Олимпиевой, посвященные изучению места профсоюзов в современной системе социально-трудовых отношений — традиционных и альтернативных профсоюзов, выполненные в Центре независимых социологических исследований (в Санкт-Петербурге в 2009–2010 гг.) (Олимпиева 2010: 150). Система профсоюзов нуждается в реформировании, но удовлетворительных проектов пока не создано.

Источники

- Большой толковый социологический словарь (collins). Т. 2. М.: Вега-Аст, 1999. С. 118.
- Вестник общественного мнения. 2007. № 2 (94). С. 104.
- Вестник общественного мнения. 2008, январь. С. 89
- Воейков М. И. Споры о социализме. М.: Эконом. Демократия, 1999. С. 40–43, 128.
- Гелета И. В. Рынок труда и социально-экономическое поведение: опыт социологических исследований // Рос.общество и социология в 21 веке. М.: Альфа-М, 2003. Т. 1. С. 390–391.
- Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 210.
- Гордон Л. А. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России. М, 1993. С. 30, 58.
- Заславская Т. И. Социальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 377–381, 455, 463.
- Здравомыслова Е. А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. С. 16–19, 23–26, 31, 69, 142–143.

- Кацва А. М. Забастовки и другие формы коллективного протеста трудящихся в России в 1997 г. // Альтернативы. 1998. № 2. С. 65.
- Макарова М. Н. Образовательный потенциал рабочих: проблемы воспроизводства. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2003. С. 100–101.
- Максимов Б. И. Рабочие в процессах трансформаций
- Максимов Б. И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е — начало 2000-х гг. СПб.: Наука, 2004.
- Мандель Д. Революция, контрреволюция и рабочий класс России. М., 1997. Препринт. С. 2–3.
- Олимпиева И. Б. Российские профсоюзы в системе регулирования социально-трудовых отношений: особенности, проблемы и перспективы исследования. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 216. Москва, Московский общественный научный фонд; Центр независимых социологических исследований, 2010. 150.
- Ракицкая Г. Я. Состояние рабочего движения и перспективы России // Рабочая политика. 1995. № 2. С. 18–19.
- Российское общество и социология в 21 веке. М.: Альфа-М, 2003. Т. 1. С. 390–391.
- Российский статистический ежегодник. 2011. М.: Росстат. С. 224.
- Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М., 2001.
- Смолин О. Демократический социализм 21 века: надежды и преграды // Альтернативы. 1998., № 2. С. 4–18.
- Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г. В. Осипов. М.: Норма, 1989. С. 284.
- Становление трудовых отношений в постсоветской России / под ред. Дж. Д. Барделебен, С. Климовой, В. Ядова. — М.: Академический проект, 2004.
- Труд и занятость в России. 2005. С. 461, 463.
- Труд и занятость в России. Стат. сб. 2009. С. 77, 358.
- Темницкий А. Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М.: РОССПЭН, 2008. С. 115.
- Шматко Н. А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М., 2001.
- Mandel D. The Former “State Socialist” World. Black Rose Books. Montreal / New York / London. 1996. P. 32–33.

Е. В. Митягина

**РЕСУРСНОСТЬ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ:
ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ
И ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Статья посвящена исследованию ресурсности рабочих в условиях российской модернизации. Наиболее уязвимой группой, пострадавшей от незавершенной первичной и начавшейся вторичной российской модернизации, оказались рабочие. Ресурсы индустриальной стадии, накопленные российскими рабочими в достаточном количестве, оказались невостребованными, а опыт накопления ресурсов информационной модернизации у рабочих отсутствует.

Ключевые слова: рабочие, ресурсность, ресурсы, «двойная» модернизация, интегрированная модернизация, индустриальная и информационная стадии модернизации.

E. V. MITJAGINA

**RESOURCES OF RUSSIAN WORKERS: CONTROVERSIES OF
INDUSTRIAL AND INFORMATION MODERNIZATION**

The article is devoted to the study of resource workers in the Russian modernization. The reasons of Russian modernization failures could be, firstly, “double” modernization effect — when the movement toward its informational stage is performed while the industrial one is not finished — and, secondly, absence of persons responsible for modernization who really take some actions. From the Russian people’s point of view, the real actors of modernization are workers. However, this is workers who appear to be unprepared for stagnation of the industrial stage of modernization, on one hand, and, on the other hand, for the changes, offered by information society. During the years of reforms Russian workers’ skills turned out to be significantly deformed.

Keywords: workers; resources, “double” modernization, integrated modernization, industrial and informational stage of modernization.

Постановка проблемы

Процесс модернизации, по выражению Ж. Т. Тощенко, ставший «желаемой практикой для многих стран мира» (Тощенко 2013: 16), в России официально провозглашен основным способом экономиче-

ских трансформаций. В своем послании Федеральному собранию 2009 г. Президент РФ подчеркнул, что «в XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация, и это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанный на ценностях и институтах демократии. ...Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, полезные людям» (Послание Президента... 2009: 2).

Идея «модернизации» постоянно обсуждается в дискуссиях ученых и политиков, на страницах газет, в Интернете, на телевидении и радио, однако до сих пор не сложилось единого понимания этого концепта, «...не выделены основные направления желаемых перемен, за исключением обновления технологий. Нет общепринятого представления о том, *что* нужно и можно модернизировать в первую очередь, *кто*, *как* и на *какие средства* должен это делать, и какие *результаты* это должно принести» (Заславская 2011: 13–14).

При концептуализации понятия «модернизация» мы придерживаемся точки зрения Н. И. Лапина, который — вслед за китайским профессором, автором теории вторичной модернизации Хэ Чуаньци (Чуаньци 2011) — считает, что «в большинстве развитых стран одновременно осуществляются две стадии модернизации» (Лапин 2012: 5) — *первичная*, знаменующая переход к индустриальному обществу, и *вторичная*, начавшаяся в период зарождения информационного общества. Проблемой противоречиво развивающегося российского общества стала попытка перехода на вторичный уровень модернизации при незавершенном первичном. Возникает эффект «двойной» модернизации, когда инвестиции в одну из стадий производятся за счет эксплуатации и недофинансирования другой, в то время как оптимальным является движение к интегрированной модернизации с равномерным распределением ресурсов внутри нее.

Обращение к интегрированной модернизации ставит вопрос о ее акторах, то есть о тех действующих субъектах, которые будут ответственны за модернизацию. На протяжении почти всего прошлого столетия гегемоном общественного прогресса в нашей стране считался рабочий класс. Большинство современных российских исследователей не видят сегодняшних рабочих в этой роли. Акторами модернизации в глазах российских ученых становятся бизнес-группы (Заславская 2011), высокообразованные слои населения (Беляева 2011), средний класс (Аврамова, Токсанбаева 2011; Малеева, Овчарова 2010; Мареева 2012), ученые-профессионалы, представители активистской социологии

(Яницкий 2012). Некоторые авторы полагают, что акторы модернизации рассредоточены сегодня по разнообразным социальным группам и территориям (Горшков 2010; Яницкий 2011). То есть кто угодно, но только не рабочие.

В глазах же российского населения, согласно данным общероссийского опроса «Готово ли российское общество к модернизации?», «бесспорные лидеры среди социальных групп, способствующих развитию России, — это рабочие и крестьяне. Заметно отстают от них, но все же отчетливо выглядят <...> опорой прогрессивного развития России также интеллигенция, молодежь, предприниматели и средний класс». (Готово ли российское общество... 2010: 231–232). Рабочие, согласно данным опроса, занимают первое место в списке ключевых субъектов прогрессивного развития страны. Однако именно рабочие, оказавшиеся зажатыми «жерновами “двойной” модернизации», в большей степени, чем другие группы в структуре социума, оказались не готовыми, с одной стороны, к стагнации индустриального общества, с другой стороны, к изменениям, которые диктуются обществом информационным. Рабочие — это «порождение» индустриального периода развития модернизации. В последние годы усилились процессы нейтрализации этой группы, отсутствуют возможности активного ее участия в информационной и технологической модернизации.

Границы понятия «рабочий»

В отечественной социологии рабочие на какое-то время оказались в тени исследовательского интереса. Произошедшие в социальной структуре кардинальные изменения подвергли рабочих «почти в полном составе <...> нисходящей социальной мобильности» (Радаев, Шкаратан 1995: 197–198), что вызвало многочисленные дискуссии об уходе рабочего класса в прошлое. Этой точки зрения, в частности, придерживаются О. И. Шкаратан и В. В. Радаев, предпочитающие термину “рабочий класс” термин «работники различной степени квалификации физического и умственного труда» (там же).

Доводы ученых в защиту рабочего класса в начале нынешнего столетия строились на статистическом подтверждении значительного их количества в структуре российской экономики (Беленький 2012; Кара-Мурза 2009; Темницкий 2006; Трушков 2002 и др.). По мнению этих ученых, нельзя забывать, что «десятки миллионов рабочих — группа людей, находящихся в относительно тождественном социально-

экономическом положении и отличающихся от других групп людей по своему социально-экономическому положению. Это и есть класс как объективная общность» (Беленький 2003: 29–30). Действительно, современные рабочие, несмотря на снижение их численности с 58,2% в 2001 г. до 40,3% в 2010 г. (Голенкова, Игитханян 2012: 51), продолжают оставаться массовой социальной категорией. Однако только количественных показателей для идентификации рабочих в качестве класса в структуре общества явно недостаточно. Рабочий класс в советское время — это не только значительная часть занятого населения (почти 70%), но в первую очередь «массовое классовое образование, солидарность и мощный фактор экономического и социального развития общества» (там же, с. 51).

В социологии понятие класса вне его идеологического значения можно рассматривать с двух основных позиций: «...Как объективную социальную общность людей со схожими жизненными и профессиональными позициями, связанными с продажей своей рабочей силы на рынке труда, и как общность, субъективно осмысливающую свое социальное положение в обществе (осознание общности интересов и готовности к их солидарной защите)» (Клеман 2006: 259–260). В российской экономике за годы реформ произошли процессы размывания как объективных характеристик рабочего класса, так и субъективных. К первым относятся стирания границ, внутренняя дифференциация и снижение численности рабочего класса. Если снижение количества рабочих на западных предприятиях является следствием технологической модернизации, автоматизации производства, введения высокотехнологичного оборудования, освобождающего множество занятых в производстве. В нашей стране те же самые процессы происходят на фоне сокращения объемов и размеров производства и отсталости индустриальной базы промышленности.

К субъективным причинам относятся утрата классового сознания, психологии, самоидентификации и снижение протестной активности. П. Бурдые (Бурдые 1993) показывает, что рабочие, несмотря на общие черты в их объективной ситуации, разъединены, применяют разные стратегии действий и защищают разные интересы. Понятие «класс» требует соответствующей идентификации и готовности к солидарным действиям. П. Бурдые подчеркивал, что классовая борьба, помимо всего прочего, есть борьба «за классификацию», за право использования самого понятия «рабочий класс». Речь идет о ментальных конструкциях — коллективном самоопределении в качестве класса. Пока такое

отсутствует, из лексикона исчезает понятие «рабочий класс», и сам этот процесс препятствует его консолидации в качестве субъекта социальных действий.

Ряд российских ученых важнейшими критериями определения границ рабочего класса считают именно субъективные оценки (Тихонова 2007; Максимов 2004) и др. «В США и Великобритании численность “субъективного” рабочего класса превышает долю “объективного”. В Германии численное соотношение “субъективного” и “объективного” рабочего класса примерно одинаково. Обращает на себя внимание обстоятельство, что в США и Великобритании, где доля материального производства меньше, чем в Германии, степень идентификации опрошенных с рабочим классом выше, чем в Германии» (Жвितिашвили 2013: 40–41). В России ситуация диаметрально противоположная. Если в советское время находиться в квалификационной сетке в разряде рабочих было выгодно, так как это обеспечивало целый ряд преимуществ, начиная с «тринадцатой заработной платы», организации отдыха детей и заканчивая возможностью получить жилье, то, очевидно, что современная принадлежность к рабочему классу не дает подобных преференций. Исследования все чаще констатируют, что при оценке своего социального статуса рабочие не готовы однозначно относить себя к данной социальной группе. У рабочих, особенно у молодых, отсутствуют планы на построение долгосрочной карьеры в рабочей профессии. Все вышеперечисленное свидетельствует в пользу того, что понятие «рабочий класс», если и может быть употреблено в современной социологии, то лишь со значительными оговорками.

Н. Е. Голенкова и Е. Д. Игитханян говорят о двух классах в структуре общества — собственниках и наемных работниках, «последние в марте 2010 г. составляли 94% занятого населения» (Голенкова, Игитханян 2012: 50). В основе внутренней дифференциации группы наемных работников лежат самые разнообразные критерии, порожденные многообразием форм собственности, такие как положение в экономических секторах занятости, в системе властных и функциональных взаимосвязей, в социально-трудовой и профессиональной деятельности. «Социальные статусы <...> фактически предстают субклассовыми социальными общностями, или социальными группами, социальными стратами, но не собственно классовыми образованиями» (там же, с. 51). К ним относится и такая массовая группа, включенная в состав наемных работников, какой являются рабочие.

Говоря о рабочих как социальной группе, следует обозначить ее границы. Под социальной группой мы понимаем «совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих общественно необходимую функцию в общей структуре общества, разделения труда и деятельности. Понятие «социальная группа» является общесоциологическим, обобщающим сущностные характеристики коллективных субъектов общественных отношений, образовавшихся в результате исторической дифференциации общества как единого целого на отдельные структурные составляющие» (Антипина 2003: 338–239).

В советское время границы понятия «рабочий» были очень четко определены наемной и физической составляющей труда. В современных условиях возникает множество противоречий, так как данных характеристик явно недостаточно. Широкое толкование понятия «рабочий» в литературе продолжает очерчивать границы этой группы размерами *всех* работников наемного труда. Возникает первое противоречие. Беря за основу наемный труд, существует риск включения в состав рабочих достаточно широкого перечня профессиональных групп.

Согласно узкой трактовке, «рабочий класс состоит <...> из “синих воротничков” — людей, *заниматых физическим трудом*» (Гидденс 1999). Здесь рабочий определяется через характер труда, который является следствием разделения труда. Рождается новое противоречие. Физическая характеристика труда не позволяет включать в состав рабочих работников высокотехнологичных производств, появившихся вследствие информационной модернизации, доля умственного труда которых может преобладать. Для примера сравним российских и советских рабочих. В советское время наличие высшего образования официально не позволяло человеку находиться в квалификационной сетке в разряде рабочих. Начавшийся еще в 70-е гг. XX века новый виток в развитии информационного общества — высокие технологии, робототехника, оборонная, космическая промышленность вызвали необходимость появления нового рабочего, умственная составляющая в труде которого часто преобладала. Научно-технический прогресс второй половины XX — начала XXI веков зачастую требовал от работника высшего образования, даже на исполнительских местах. Хотя необходимо отметить, что в действующем до настоящего времени «Едином тарифно-квалификационном справочнике работ и профессий рабочих» (ЕТКС 2012), утвержденного Госкомтруда СССР и секретариатом ВЦСПС в 1985 г. (послед. ред. от 20.09.2011), за целым рядом профессий не закреплён уровень образования (дозиметрист 1–4-го разряда),

либо закреплено среднее специальное (дозиметрист 5–6-го разряда), или среднее профессиональное образование (дозиметрист 7-го разряда) за рабочими высших квалификационных разрядов. Высшее образование для рабочих в данном справочнике не предусмотрено.

Попытки разрешить данные противоречия находят отражение в современных концепциях социально-трудовых отношений. К. Клеман присваивает признакам рабочего различные степени выраженности, считая, что в современной социологии рабочий — это «работник, нанятый на исполнительскую работу с *достаточно высокой долей физической нагрузки и с высокой степенью подчиненности организаторам труда и работодателю*» (Клеман 2006: 259–260).

Дж. Голдторп в свою модель многомерной стратификации (помимо процессов вертикальной дифференциации профессий, уровня образования и квалификации) закладывает *формы занятости*. Слаборесурсными группами, согласно этой классификации, оказываются рабочие, так как они *заключают трудовые контракты и за свой труд получают лишь заработную плату*. Наиболее высокоресурсными группами оказываются высоко дипломированные профессионалы, администраторы и менеджеры в крупных учреждениях, так как кроме дохода они имеют право на гарантированную занятость, на защиту пенсионных прав и карьерный рост. Основной формой регулирования их занятости являются служебные отношения. Смешанная форма найма практикуется теми, кто занимают среднее положение между «бюрократическими структурами и рядовыми работниками» (клерки, продавцы, контролеры и др.). Наконец, особую группу работников составляют те, кто не только не продают свою рабочую силу (как мелкие собственники-работодатели), но и не покупают чужую (как самозанятые работники, фермеры и мелкие арендаторы). Их форма занятости не связана с наймом рабочей силы.

Итак, безусловной является следующая характеристика рабочих — *заработная плата — единственный источник их существования*. В этом случае следует сделать оговорку касательно рабочих, занятых на сельскохозяйственных предприятиях. Основным отличием крестьянства от рабочих является «двойной» источник доходов, который дает собственное хозяйство и работа по найму. Крестьянство, занятое сельскохозяйственным трудом, является мелким собственником средств производства (участок земли, сельскохозяйственные орудия и машины, продуктивный скот). Однако, как и рабочие, крестьяне оказались не готовыми к выходу на новый уровень модернизации, они вряд ли могут

являться ее акторами. Сельхозпредприятия, не завершившие первичную стадию модернизации, имеют сегодня очень слабую техническую оснащенность, не пользуются поддержкой со стороны посреднических организаций и государства, малорентабельны или нерентабельны, и поэтому не имеют надежных перспектив. Рабоче-крестьянский вектор модернизации поднимает еще одну проблему. Помимо двух стадий модернизации, которые были отмечены, необходимо выделить, характерную для России, аграрную стадию, которая также не является завершенной.

Переосмысление понятия «рабочие» должно решить еще одно противоречие. К рабочим долгое время относили только *промышленных рабочих* или, если пользоваться терминологией К. Маркса, *заводских рабочих*. Несомненно, промышленность является приоритетной сферой их деятельности (добыча полезных ископаемых, обрабатывающее производство, производство и распределение электроэнергии, газа, воды и др.), но далеко не единственной. Данная социальная группа представлена во многих секторах экономики: строительство, транспорт, связь, сельское, лесное хозяйство и др. Следует избегать, или хотя бы ограничивать, и чрезмерно широкий охват группы рабочих. Некоторые авторы относят к ним также и безработных, работников, нанятых на неполный рабочий день или работающих по гибким схемам, работников, оказывающих услуги, торговли, бригадиров и мастеров. Рабочий — это человек или группа лиц, *результатом профессиональной деятельности которых чаще всего является конкретный продукт, а не услуга.*

Учитывая все вышеперечисленное, а также то, что рабочие не могут быть в современных условиях названы социальным классом, базовое определение понятия «рабочие» может выглядеть следующим образом. Рабочие — *это группа в составе наемных работников с высокой долей физической нагрузки и высокой степенью подчиненности организаторам труда и работодателю, единственным источником существования которой является заработная плата (по трудовому договору или контракту) и результатом деятельности которой в большинстве случаев является конкретный продукт (товар, услуга).*

Ресурсный подход в условиях модернизации

Одним из приоритетных подходов при изучении рабочих в условиях нестабильности «двойной» модернизации является ресурсный подход, который позволяет выявить как явные, так и скрытые человеческие

резервы, которые в новых изменившихся условиях могут оказывать решающее воздействие на место той или иной группы в социуме. Ресурсный подход позволяет определить место рабочих в структуре современного общества, границы внутренней дифференциации этой группы.

Данный подход содержательно представлен в работах Н. Е. Тихоновой, Н. М. Давыдовой (исследование роли ресурсообеспеченности населения в стратификационных процессах в условиях социальных трансформаций); Т. Н. Заславской, О. И. Шкаратана, В. А. Бондаренко, Ю. М. Крельберг (разработка ресурсно-потенциальной концепции); Е. М. Аврамовой, Д. Логинова (исследование роли ресурсов в условиях социально-экономической адаптации населения); В. В. Радаева (конвертация ресурсов в различные формы капитала) и других (Тихонова 2006; Давыдова 2006; Заславская 2004; Шкаратан 2009; Шкаратан, Бондаренко, Крельберг 2003; Аврамова, Логинов 2002; Радаев 2002).

В науке существует по меньшей мере три трактовки термина «ресурс» (от *фр.* ressource — «вспомогательное средство», *resourdre* — «подниматься», *лат.* resurgere — «распрямляться, подниматься» — Фасмер 1986): 1) запасы, источник чего-нибудь. *Природные ресурсы*. Термин часто применяется экономистами для описания ресурсной, сырьевой базы экономик; 2) часть населения, обладающая физическим развитием и интеллектуальными (умственными) способностями, необходимыми для трудовой деятельности. *Трудовые ресурсы*. В трудовые ресурсы входят как занятые, так и потенциальные работники; 3) множественные характеристики индивида, прямо влияющие на экономическое положение, статус, сознание, поведение, жизненные шансы индивидов и угрожающие им риски (Тихонова 2007: 218).

Социальные ресурсы

Наш анализ ресурсов сосредоточен главным образом вокруг третьей трактовки данного понятия. *Ресурсами* при определенных условиях являются *множественные характеристики актора, которые, с одной стороны, используются им для достижения своих целей и предотвращают / снижают угрожающие ему риски, с другой — используются социальными группами, институтами, организациями для сохранения или изменения достигнутого ими состояния*. Н. Е. Тихонова отмечает, что ресурсы, которыми обладают представители различных страт и социальных

групп, представлены тремя основными видами (уровнями актуализации): ресурсный потенциал, реальный ресурс (актив), капитал (Тихонова 2007: 218). При этом основная часть ресурсов выступает не более чем ресурсными потенциалами. Для изменения жизненной ситуации ресурс должен быть актуализирован, то есть перейти в статус актива. «Как актив ресурс может рассматриваться тогда, когда он используется в процессе обмена, связанного с хозяйственной деятельностью, и оказывает сколько-нибудь ощутимое положительное воздействие на положение его владельца в социуме» (там же, с. 218). В свою очередь, капиталом актив становится тогда, когда он «не только способен накапливаться, конвертироваться в денежную форму и воспроизводиться, но и приносить новую, добавочную стоимость, превышающую объемы, необходимые для простого воспроизводства соответствующего ресурса» (там же, с. 219).

Подход, представленный в работах Н. Е. Тихоновой, методологически и методически позволяет: во-первых, рассматривать различные уровни актуализации ресурсов и четко их фиксировать у различных категорий населения (в логике соподчинения элементов «ресурс—актив—капитал—потенциал»); во-вторых, оценивать уровень обеспеченности ресурсами посредством разработанного и апробированного интегрального индекса ресурсообеспеченности; в-третьих, оценивать системные взаимосвязи различного рода ресурсов, а также взаимную конвертируемость ресурсов.

Для обозначения всей совокупности ресурсов мы предлагаем использовать понятие «ресурсность» в следующей его трактовке: *характеристика, предполагающая соотношение наличия и размеров использования, имеющихся у акторов ресурсов с различной степенью их актуализированности (в виде «потенциалов, активов и капиталов»), объем и структура которых конвертируются в различные (в том числе экономические) составляющие, «задают» стратегии действий, предопределяют эффективность этих действий как со стороны самих акторов, так и общества. Ресурсность — это мера перспективности реализации возможностей.*

На основе анализа отечественных концепций, нами были выделены, классифицированы и содержательно представлены основные виды ресурсов рабочего.

- *Квалификационный ресурс* (характер труда, уровень общего и профессионального образования, уровень квалификации, стаж работы в данной квалификации и удовлетворенность соответствием уровня квалификации выполняемой работе).

- *Экономический ресурс* (размер доходов, источник доходов, наличие собственности, особенности потребления, удовлетворенность материальным положением и способность его улучшить). Экономический ресурс, считающийся базовым в любых интерпретациях социальной структуры социума, в современном обществе является малозначимым. «Критерий экономического ресурса... не способен выполнять роль базового <...> критерия — по нему свыше 80% населения находится в одном и том же положении» (там же, с. 230). Положение рабочих на этом фоне выглядит достаточно скромным, поэтому в основу экономического ресурса рабочих не могут быть включены традиционные его составляющие: наличие недвижимости, способной приносить дивиденды, сбережений, позволяющих жить на них более года, собственного бизнеса, доходов от собственности, способной приносить прибыль, пропорциональную вложенному капиталу.
- *Властный ресурс* (способность участвовать в обсуждении и принятии решений на предприятии, перспективы служебного роста, способность отстаивать свои интересы и интересы своей группы).
- *Социальный ресурс* (включенность в формальные и неформальные сети (общественные организации и объединения, семья, трудовой коллектив, этническая, конфессиональная группа), возможности мобильности).
- *Личностный ресурс* (индивидуализм, лидерские качества, достигательные установки, креативность, инициативность, дисциплинированность, ответственность, гибкость и адаптивность и идентификация).
- *Биологический ресурс* (пол, возраст, уровень здоровья).
- *Ценностный ресурс* (смысложизненные ценности, ценность труда).
- *Информационно-инновационный ресурс* (степень осведомленности деятельности предприятия о предоставляемых услугах, способность к освоению нового и новаторской деятельности).
- *Возрастной ресурс* (как самостоятельный, отличный от биологического, ресурс).

На протяжении длительного исторического периода модернизации индустриального общества приоритетным ресурсом рабочих являлся квалификационный ресурс. Именно он оказывал существенное влияние на статус и место рабочего в обществе, организации и производ-

ственном коллективе, так как накопление его хотя бы в качестве актива предопределяло высокие позиции по всем остальным ресурсам. Принципиальное отличие информационного общества заключается в широком использовании информации и знаний, в значительной мере заменяющих затраты материальных ресурсов. Поэтому на информационной стадии модернизации приоритетными являются информационно-инновационный и возрастной ресурсы. Первый в силу того, что знания и информация есть стратегические ресурсы современности, второй — в плане нахождения, обработки и применения новых знаний. Для молодежи выполнение этих функций в свете нестабильности и постоянных трансформаций легче, нежели для представителей старшего поколения.

Таким образом, все ресурсы рабочих могут быть разделены на *ресурсы первого уровня*, к которым относятся квалификационный ресурс на индустриальной стадии модернизации, информационно-инновационный и возрастной ресурсы на ее информационной стадии. Все остальные ресурсы являются *ресурсами второго уровня*. В случае с ресурсами рабочих, согласно нашей точке зрения, — это экономический, властный, социальный, личностный, ценностный и биологический ресурсы. Можно предположить, что для успешного движения в сторону интегрированной модернизации необходимо, чтобы у рабочих были накоплены ресурсы первого уровня в статусе актива или капитала.

Схематично модель ресурсности рабочего в условиях модернизации может быть представлена следующим образом (см. рис. 1):

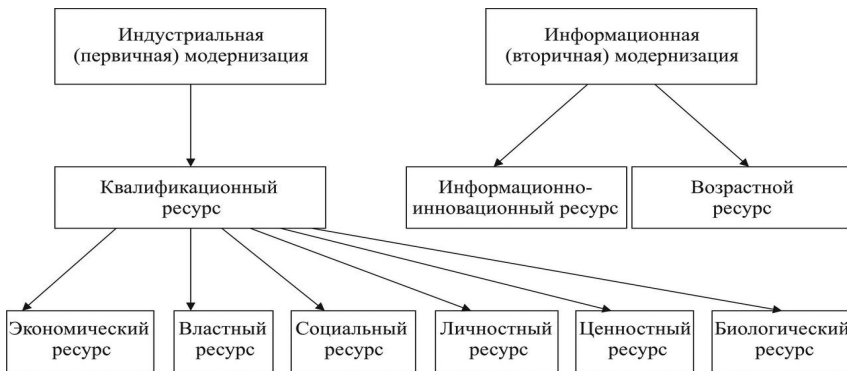

Рис. 1. Ресурсность рабочих (в зависимости от стадий модернизации)

Методология эмпирического исследования

Эмпирический анализ ресурсности рабочих целесообразно начать с взаимовлияния ресурсов первого уровня друг на друга, а также с их влияния на остальные ресурсы.

В 2010–2013 гг. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Научной социологической лабораторией Вятского государственного гуманитарного университета были проведены эмпирические социологические исследования, основной целью которых стало изучение *ресурсности* рабочего в контексте современных модернизационных процессов. В 2010 г. методом раздаточного анкетирования было опрошено 1200 человек в возрасте от 15 до 35 лет в рамках темы «Ресурсность рабочей молодежи в системе человеческого потенциала региона»¹. Территорией реализации выборки стали три региона ПФО: Нижегородская, Кировская и Самарская области (далее — Исследование 2010).

В 2012–2013 гг. в рамках темы «Ресурсность рабочих на региональном рынке труда в условиях российской модернизации» методом глубинного интервью было опрошено 35 руководителей предприятий различных сфер хозяйственно деятельности² и методом раздаточного анкетирования 1220 рабочих в Кировской и Нижегородской областях. Одним из основных тезисов стала зависимость завершенности процесса первичной модернизации от региона. Поэтому для сравнения результатов был осуществлен пилотный проект, где в качестве изучения организованного кейса был избран завод по производству электроэнергетического оборудования в Московской области. Методом глубинного интервью было опрошено руководство предприятия, руководитель отдела кадров, мастера цехов и рабочие. Методом раздаточного анкетирования — 200 рабочих всех цехов предприятия (далее — Исследование 2012–2013).

Для подтверждения выводов были использованы результаты вторичного анализа базы данных в рамках проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ» (Российский мониторинг... 2012), который ведется с 1992 г. и представ-

¹ При поддержке РГНФ, проект №10-03-00265а.

² Основными сферами хозяйственной деятельности, выбранными для анализа, стали промышленность, сельское хозяйство, строительство, связь, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и обслуживание.

ляет собой серию ежегодных лонгитюдных обследований населения РФ. Из массива 2012 г. отобраны 3106 представителей рабочих профессий (далее — RLMS).

Эмпирический анализ взаимодействия ресурсов первого уровня предполагает внутреннюю дифференциацию рабочих в зависимости от наличия или отсутствия у них тех или иных ресурсов.

Квалификационный ресурс представлен в нашем исследовании тремя группами: *рабочие «низкой», «высокой» и «средней» квалификации*. Существует множество классификаций рабочих, в основе которых заложен уровень квалификации. Простейшей из подобных классификаций является деление рабочих на квалифицированных и неквалифицированных. Нам, в частности, кажется интересной классификация, предложенная М. Н. Макаровой (Макарова 2004: 119–121). Основываясь на анализе отечественных и зарубежных концепций, она делит рабочих на три больших группы: *пролетариат* (включает работников с преимущественно низким уровнем квалификации и пассивными стратегиями адаптации); собственно *рабочий класс* (квалифицированные и неквалифицированные рабочие, для которых характерен более высокий социальный статус, а также коллективистский и идеологический тип идентификации); *«преуспевающий рабочий»* (высококвалифицированные и образованные рабочие, ориентированные на самореализацию, максимальное раскрытие своих способностей и на повышение индивидуального социального статуса). Подобная внутренняя дифференциация рабочих кажется нам вполне уместной, однако заметим, что помимо уровня квалификации в ее основу положен широкий спектр личностных и социальных характеристик.

Более близкой нашему анализу стали результаты кластерного анализа, проведенного С. Г. Климовой (Климова 2009: 210–211), и выделение трех групп рабочих: *рабочие «низкой», «высокой» и «средней» квалификации*. В основе анализа автором были положены следующие критерии: образование и его соответствие выполняемой работе, повышение квалификации, разряд или категория, стаж работы на предприятии, наличие рационализаторской, инновационной деятельности, дополнительные навыки (владение компьютером и др.). Нам представляется возможным согласиться с точкой зрения С. Г. Климовой и выделить три типа рабочих по уровню квалификации: «высокий», «средний», «низкий» уровень квалификации. Однако так как в первую очередь нас интересует квалификационный ресурс, некоторые показатели были исключены из состава факторов, а некоторые добавлены.

В результате в основу деления было положено шесть факторов, являющихся составляющими квалификационного ресурса: характер труда, уровень профессионального образования, уровень квалификации (измерялся при помощи разряда, категории или класса, если они предусмотрены), стаж работы в данной квалификации и удовлетворенность соответствием уровня квалификации выполняемой работе. За каждый фактор, свидетельствующий о «высоком» уровне квалификации, насчитывался 1 балл. И 1 балл засчитывался при отнесении индикатора к «низкому» уровню квалификации.

Для анализа информационно-инновационного ресурса использовались результаты исследований, проведенных в 2006 и 2010 г. Институтом социологии РАН, «Готово ли российское общество к модернизации?» (Готово ли российское общество ... 2009) (далее — Исследование института социологии РАН). Согласно предложенной в них классификации, рабочие, как, впрочем, и всё население страны, делится на «модернистов» (тех, кто при определенных условиях может выступить актором модернизации) и «традиционалистов» (тех, кто акторами модернизации в большинстве своем стать не может). В основу подобного деления положен «индекс модернизированности сознания, который учитывает, во-первых, специфику представлений об оптимальной модели общества, во-вторых, ценности, нормы и мировоззрение. Деление на «модернистов» и «традиционалистов» наиболее удачно, так как в их составе оказываются принципиально разные группы рабочих. Хотя некоторым недостатком является невозможность отнесения большинства населения ни к одному из данных типов, они не могут быть ни среди “modern man”, ни среди представителей традиционалистского типа. Авторы доклада относят эту группу к промежуточному типу, «само существование которой отражает переходный этап социокультурной модернизации, который переживает сегодня российское общество» (Готово ли российское общество ... 2009: 32).

Взяв за основу классификацию, предложенную сотрудниками Института социологии РАН, а также общераспространенное мнение о том, что базис современного общества составляют знания, информация и инновации, наше деление рабочих на «модернистов», «промежуточный тип» и «традиционалистов» было осуществлено при помощи ряда факторов. В первую очередь, способность к освоению нового; способность к новаторской и инновационной деятельности; степень осведомленности о деятельности предприятия; о выпускаемых продуктах и о предоставляемых услугах. За индикаторы, свидетельствующие

в пользу инновационности и информированности мировоззрения, респонденту начислялся 1 балл, и вычитался 1 балл, если они придерживались традиционалистских взглядов.

Возрастной ресурс. Ресурс молодости был рассмотрен нами с точки зрения отнесения рабочих к «рабочей молодежи» и «старшим возрастным группам». Если рассматривать рабочую молодежь как особую социально-демографическую группу, за основу ее определения необходимо взять категорию возраста. Традиционно молодым поколением считается возрастная когорта от 14 до 30 лет. С учетом того, что в современном обществе процесс профессионального обучения, который во все времена считался периодом подготовки к «взрослой» жизни, становится практически непрерывным и весьма долговременным, состояние «молодости» становится все более протяженным во времени. Молодые люди все дольше самоопределяются и «формируются» в профессии, значительно позже (в сравнении с их родителями) вступают в официальные брачные отношения и обзаводятся детьми. Это, в частности, находит отражение в том, что некоторые национальные проекты (например, «Молодая семья») несколько «продлевают» период молодости, рассматривая в качестве представителей молодого поколения лица в возрасте до 35 лет. Кроме того, нас интересуют рабочие, имеющие образование, вступившие в полноценную трудовую деятельность, самоопределившиеся в профессии. В связи с этим весьма логично считать молодым поколением лиц в указанном возрастном диапазоне — 18 до 35 лет. Необходимо также отметить, что данная возрастная группа, с точки зрения возрастных и социальных задач, весьма неоднородна. В ней условно можно выделить, как минимум, три возрастные группы, различные по своему социальному статусу.

Начало первого этапа (18–25 года) совпадает с моментом, когда молодежь вступает в трудовую деятельность. В этот период получают свое развитие все ресурсы рабочих. Этот период характеризуется высокой степенью профессиональной мобильности. Второй этап развития (26–30 лет) молодого рабочего завершается стадией достижения полного своего проявления как в качестве элемента производительных сил, так и в роли носителя всех общественных отношений. На этом этапе молодежь начинает воплощать в себе все характеристики современного ей общества, отрицая уже себя самое как молодежь. В данной возрастной группе происходит заметный скачок качества труда, что свидетельствует о завершении периода овладения профессиональными качествами. Группа в возрастном диапазоне 30–35 лет относится,

по некоторым периодизациям развития, к ранней взрослости. В массе своей это уже достаточно опытные специалисты, имеющие определенный стаж работы, самоопределившиеся в профессии, некоторые из них уже делают существенные карьерные шаги. В социальном плане это люди, имеющие определенные гражданские и личностные установки, несущие ответственность за свою семью, воспитание своих детей. С одной стороны, теоретически в этот период молодые люди уже имеют многие ресурсы (социальные, экономические, политические, квалификационные, личностные), позволяющие им реализоваться в различных сферах. С другой стороны, в весьма непростых социально-экономических реалиях российской действительности молодым людям данного и перечисленных выше возрастов зачастую приходится выживать и «существовать» в условиях постоянного «напряжения», связанного с постоянным поиском необходимых ресурсов.

Рабочие зрелого возраста также представлены тремя основными группами: группы расцвета трудовой деятельности («36–45 лет» и «46–55 лет») и группа пенсионного и предпенсионного возраста («старше 56 лет»).

Квалификационный ресурс как приоритетный ресурс рабочих на индустриальной стадии модернизации

Для *индустриальной стадии модернизации* характерен физический (рутинный и исполнительский) характер труда, рабочий должен быть подготовлен к выполнению конкретной функции или их набора. Уровень образования рабочих отличает специфический вид профессиональной подготовки, выражающейся в подготовке в учреждениях начального профессионального образования и (или) подготовке на производстве. Как правило, не требуется наличие среднего и тем более высшего профессионального образования. Уровень квалификации соответствует выполняемой работе и определяет уровень дохода, доступа к управлению предприятием, характер социальных связей и т. д. *Информационная стадия* модернизации несет в себе добавление высокой доли умственного труда (особенно на высокотехнологичных производствах), предъявляя определенные требования к уровню образования. На смену традиционному промышленному ядру рабочего класса — фабрично-заводским рабочим — приходят новые категории работников, которые приобретают свои знания при помощи образования, а не ученичества. Предприятиям нужны образованные работники,

готовые приспосабливаться к организационным и техническим требованиям, быстро осваивать необходимые знания и навыки. Инфляция образования на информационной стадии модернизации привела к снижению значимости типа и вида учебного заведения при обучении рабочих, однако вывела на первый план проблему «пожизненности» обучения, выражающуюся в готовности к постоянному обучению, переквалификации и т. д.

Нарисованная картина идеальна для интегрированной модернизации. Однако в реальных российских условиях «двойной» модернизации опять-таки наблюдаются противоречия.

Противоречие первое. *Уровень квалификации не является ключевым показателем ресурсности рабочего.* Произошедшие в России реформы, получившие название «шоковой терапии», расширили сервисную сферу в ущерб высокотехнологичным отраслям производства и неизбежно привели к обострению ситуации на рынке труда, затрудняя применение квалификационного ресурса. В состоянии поиска трудоустройства оказалось множество квалифицированных рабочих, которые не смогли адаптироваться к темпам и направлениям экономических изменений. *Первая группа* вынуждена была переквалифицироваться для работы в стремительно развивающемся третьем секторе экономики, который предъявлял к работнику более низкие квалификационные требования.

Ко *второй группе* могли быть отнесены те квалифицированные работники, которые смогли удержать свои позиции, но столкнулись с еще более серьезными проблемами невозможности построения длительных карьерных стратегий и сужением количества производств и операций, требующих высокой квалификации. Рабочие государственных предприятий вынуждены были работать на устаревшем оборудовании, с низкой производительностью труда, выпуская неконкурентную на мировом рынке продукцию. В то время как «в современной экономике производительность обеспечивается не столько самоотдачей работника, сколько применением современного оборудования, компьютеризацией и роботизацией производства, развитием новых форм управления. <...> Но на протяжении более чем двух десятилетий российское производство не получало значимых инвестиций, не обновляло технологическую базу, существуя благодаря старому, еще советскому заделу» (Россияне и китайцы... 2012: 27).

Рабочие негосударственных предприятий, процесс механизации и частичной автоматизации производства на которых приводит

к постепенному отказу от ручного труда, также столкнулись с проблемой нивелирования ресурса квалификации. Интервью с работодателями показали, что чем «успешнее» и производительнее предприятие, тем тверже оно в своих попытках «максимально отстранить человека от технологии». Большое количество ручного труда порождает целый комплекс проблем, начиная с зависимости предприятия и его управленческого звена от высококвалифицированных рабочих, заканчивая сложностями с модернизацией производства и стабилизацией вопросов качества. Найти, например, высококвалифицированного токаря сегодня все сложнее. Найти оператора токарного станка, уровень квалификации которого не является чем-то уникальным и не требует высокого разряда, намного проще. Современное производство в большинстве своем может обходиться 3–4-м разрядом рабочих, обладателями которых являются уже выпускники профессиональных технических училищ. Более высокие разряды просто не востребованы. Единственным выходом для работника становится обмен квалификации на возможность занятости.

Нивелирование показателя квалификации рождает практическую задачу — по каким критериям оценивать «рабочую силу» и ее труд. Объективно критерии оценки труда должны учитывать в первую очередь уровень квалификации и образования рабочего, меру ответственности за результаты труда, специфику предметной области и многое другое. Результаты совместного исследования Института социологии РАН и Социологического института Академии общественных наук в Шанхае показывают, что уровень оплаты труда как в России, так и в Китае далек от условий «нормальной» конкуренции, по мнению самих рабочих, они зависят от «занимаемой должности», «предприимчивости работника» и «связей с нужными людьми». Вместе с тем «при всем различии оценок, касающихся того, как в идеале должна строиться система оплаты труда, и питерцы и шанхайцы солидарны в том, что в ее основу должны быть положены “квалификация и профессионализм” и “умение хорошо делать работу”» (там же, с. 93). Установка на профессионализм, являющаяся приоритетной с точки зрения рабочих, никак не коррелирует с точкой зрения работодателей, вынужденных устанавливать свои правила.

Противоречие второе. *Уровень образования и специальность по диплому у рабочих не соответствует выполняемой работе.*

Современные рабочие имеют достаточно высокий уровень образования. Высшее образование имеет каждый шестой (16,6%). Наблю-

дается устойчивый повышательный тренд количества «счастливых» обладателей дипломов вузов среди рабочих. Опросы руководителей предприятий показали, что, выбирая при приеме на работу из двух кандидатур, предпочтение они отдадут тому кандидату в рабочие, который не имеет высшего образования, так как перспектива сохранить его на «рабочей сетке» намного выше.

Почти каждый четвертый рабочий имеет среднее профессиональное образование, которое, как правило, также является избыточным для большинства специальностей. Наблюдается устойчивое падение спроса на начальное профессиональное образование. Сокращается и доля малообразованных людей, имеющих основное общее образование, начальное и ниже.

Наблюдается статистически значимая зависимость от региона: чем меньше и экономически депрессивнее регион, тем более высокий уровень образования демонстрируют рабочие. Москва предоставляет значительно большее количество вакансий для людей, обладающих высоким уровнем образования, нежели другие города (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровень профессионального образования рабочих

Варианты ответа	Киров	Нижний Новгород	Москва	Итого	RLMS
Начальная или неполная средняя школа	3,1	4,5	5,4	3,4	5,9
Полная средняя школа	15,5	13,6	25,5	16,6	15,1
Профессиональные курсы шоферов, трактористов и т. д.	6,3	3,0	6,7	6,2	13,4
ПТУ, ФЗО, ФЗО без среднего образования	5,9	7,6	7,4	6,2	7,6
ПТУ со средним образованием, техническое училище	28,0	30,3	26,8	28,0	28,7
Техникум, мед., муз., пед., худ. училище	23,2	28,8	18,1	22,9	21,2
Институт, университет, академия	17,9	12,1	9,4	16,6	7,8
Итого	100	100	100	100	100

Однако уровень притязаний рабочих относительно соответствия уровня их образования выполняемой работе является явно заниженным. В 62,9% случаев рабочие предприятий заявляют о полном их соответствии. Каждый пятый (21,2%) считает, что уровень его образования выше, каждый десятый (12%) — ниже, чем того требует работа. Неправильную оценку рабочих по вопросу соотношения уровня образования и выполняемой работы можно объяснить «несовершенством» рынка труда, особенно в моногородах, когда не предоставляется достаточное количество рабочих мест. В таких условиях само состояние занятости является для рабочих самооценным.

Соотношение уровня образования рабочих с их профессией позволило получить более объективную картину. Она удивительным образом иллюстрирует возможность выполнения одной и той же работы людьми как с вторичным, так и с поствторичным и даже третичным уровнями образования. Машинисту-обходчику по котельному оборудованию в 25% случаев достаточно в качестве самого высокого уровня образования полной средней школы, однако в 19,4% случаев они имеют среднее профессиональное образование, в 27,8% случаев — высшее. Подобным образом обстоит дело со слесарями, электромонтерами и другими, даже низкоквалифицированными, специальностями рабочих (см. табл. 2).

Еще одной проблемой становится катастрофическое несоответствие специальности по диплому у рабочих выполняемой ими работе. На вопрос «Работаете ли вы по полученной в образовательном учреждении специальности?» ответы рабочих более объективны, чем при проведении аналогии между уровнем их образования и выполняемой работой. В 53,3% случаев рабочие считают, что не работают по полученной в образовательном учреждении специальности, в 46,6% — работают именно по ней. Результаты наших исследований показывают, что, например, специальность по диплому «повар» имеют лишь 60% поваров, 57,7% электромонтеров имеют диплом данной специальности и лишь 27,3% слесарей могут отметить подобное соответствие.

Можно сделать вывод, что экономические последствия, отдача от полученного образования и накопленной квалификации в социальной группе рабочих остается крайне низкой. Рабочие в условиях «двойной» модернизации вынуждены выполнять работу, которая не соответствует образованию, специальности по диплому и квалификации.

Таблица 2

Уровень профессионального образования, %

Профессии	Начальная или неполная средняя школа	Полная средняя школа	Проф. курсы	ПТУ, ФЗО, ФЗО без среднего образования	ПТУ со средним обр., тех. училище	Техникум, мед., муз., пед., худ. училище	Институт, академия
Кладовщик	0	0	5,9	5,9	41,2	23,5	23,5
Машинист-обходчик по котельному оборудованию	0	25,0	0	8,3	19,4	19,4	27,8
Повар	5,7	14,3	5,7	2,9	40,0	22,9	8,6
Подсобный рабочий	6,2	25,0	6,2	6,2	37,5	12,5	6,2
Слесарь	4,8	19,0	0	9,5	38,1	14,3	14,3
Сторож	0	27,3	0	9,1	4,5	59,1	0
Электромонтер	2,3	11,6	2,3	16,3	23,3	16,3	27,9

Ресурсы информационной стадии модернизации

Информационно-инновационный ресурс

Индустриальную стадию модернизации отличает ограниченный доступ рабочих к информации. Наблюдается отчуждение рабочих от информации о деятельности предприятия, о выпускаемом продукте. Восприимчивость к информации, осведомленность обо всем, что происходит в производственном процессе, способность к инновационной деятельности, восприимчивость к нововведениям в совокупности с гибкой специализацией становятся ключевыми ресурсами на *информационной стадии модернизации*.

Возникает новое противоречие. Опыт накопления информационно-инновационного ресурса, играющего решающую роль в условиях модернизации, у рабочих в большинстве своем отсутствует.

Согласно данным использованных нами исследований, в современных условиях российской модернизации модернистами среди рабочих являются 33%, традиционалистами — 9%, промежуточный тип составляют — 58% рабочих. Данные Института социологии РАН чуть более пессимистичны: модернисты составляют среди рабочих — 18%, традиционалисты — 15%, промежуточный тип — 67%. Подобные расхождения возможны, так как за основу брались иные критерии классификации (см. рис. 2).

Модернисты и традиционалисты в среде рабочих демонстрируют значимые отличия по целому ряду показателей, начиная с социально-демографических характеристик. Среди модернистов больше мужчин в возрасте от 18 до 35 лет. Промежуточный тип в большей степени представлен женщинами от 36 лет и старше. Традиционалисты представлены как мужчинами, так и женщинами в возрасте от 31 года. Особенно высок процент традиционалистов в старших возрастных группах, хотя как среди старших возрастных групп есть модернисты, так и среди рабочей молодежи — традиционалисты.

Наиболее ярко выраженные и статистически значимые различия между выделенными группами сконцентрированы в сфере образования и уровне квалификации. Они выражаются как объективно — в наличии тех или иных дипломов, аттестатов, свидетельств или разрядов рабочих, так и субъективно — в степени удовлетворенности соответствием уровня своего образования и квалификации выполняемой работе и желании продолжать образование. Что касается общего образования, то в большинстве своем рабочие окончили среднюю

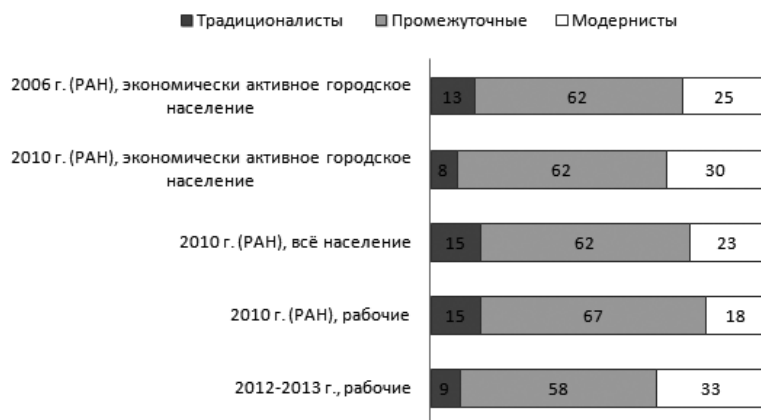

Рис 2. Доля представителей различных типов мировоззрения в составе населения и социально-профессиональной группы рабочих, %
(по данным исследований Института социологии РАН (2006, 2010 гг.)
и Исследования 2012–2013 гг.)

общеобразовательную школу (84,8%). Статистически значимые различия проявляются в том, что среди модернистов наиболее высокий процент окончивших школы с углубленным или профильным преподаванием отдельных предметов (8,6% — модернисты, 2,1% — традиционалисты) и общеобразовательные колледжи и лицеи (6,1% против 3,2%). Среди традиционалистов высокий процент закончивших вечерние школы (7,4% против 1% у модернистов).

Исследование не выявило статистически значимых различий в профессиональном образовании. Как уже было сказано выше, современные рабочие имеют достаточно высокий уровень образования, который в большинстве случаев выше, чем того требует выполняемая работа. Различия обнаруживаются в желании учиться, повышать квалификацию и в степени удовлетворенности соответствием уровня образования выполняемой работе. Традиционалисты не планируют повышать квалификацию и учиться в 95,3% случаев (модернисты — 79,1%). Модернисты в 9% случаев учатся в данный момент (1,2% — традиционалисты) и в 12% случаев планируют учиться в ближайшие 3 года (3,5% — традиционалисты). Модернисты в большей степени удовлетворены соответствием уровня образования уровню квалификации и выполняемой работе.

Важнейшей характеристикой модернизации является возможность и желание инновационного развития, стремление к освоению нового, к инновациям. Ускорение темпов развития экономики, появление наукоемкого производства требует и «нового» типа работника с инновационным мышлением, владеющего навыками освоения крупного автоматизированного производства и высоких технологий. Рабочие-модернисты в большей степени, чем традиционалисты, готовы к самостоятельному «освоению новых информационных продуктов» (54,6% — «уверенный навык», 15,5% — «владею в совершенстве» против 29,9% и 6,9% у традиционалистов). О том, что данный навык выражен у них слабо, заявили 42,5% традиционалистов. В том, что он отсутствует, признался каждый пятый из них (20,7%). У модернистов данные проценты значительно ниже (18,9% и 11% соответственно). Подобным образом обстоит дело с «поиском необходимой информации» и «готовности к освоению нового» (см. табл. 3). В данном случае мы имеем дело с принципиально разным отношением модернистов и традиционалистов к ключевым инновациям — «инновациям в сфере информационных технологий. Без освоения этих инноваций невозможно рассматривать данных работников как эффективных субъектов модернизации страны, поскольку модернизация экономики предполагает на основной массе рабочих мест использовать соответствующие технологии» (Россияне и китайцы... 2012: 248).

Дальнейшие статистические различия между модернистами и традиционалистами обнаруживаются по целому ряду показателей. Модернисты более мобильны, гибки, способны приспосабливаться к постоянным изменениям, переходить с одного места работы на другое. Они считают, что им будет легко в случае необходимости найти новое место работы (36% модернистов против 20,4% традиционалистов). В 27,3% случаев модернисты считают, что могут повлиять на принятие решений в масштабах своего подразделения (11,2% — традиционалисты), в 6,8% случаев могут повлиять на принятие решения в масштабах всего предприятия (2,5% — традиционалисты). Полагают, что от их мнения практически ничего не зависит 61,2% традиционалистов и 48% модернистов. Модернисты в 26,7% считают, что их совокупный доход выше уровня средней заработной платы рабочего их квалификации (против 14,3% традиционалистов). Модернисты чаще уверены в том, что материальное положение их семьи будет улучшаться благодаря их личному вкладу. Каждый пятый модернист (21,8%) считает, что оно «значительно улучшится» в последующее время, среди традицио-

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Владеете ли Вы следующими навыками?»
(в зависимости от типа мировоззрения), %**

Варианты ответа	Модернист	Промежуточный	Традиционалист	Итого
Навык самостоятельного освоения новых информационных продуктов				
Отсутствует	11	14,5	20,7	13,9
Выражен слабо	18,9	29,9	42,5	27,2
Уверенный навык	54,6	48,5	29,9	49
Владею в совершенстве	15,5	7,1	6,9	9,9
Навык поиска необходимой информации				
Отсутствует	7	7,5	12,8	7,8
Выражен слабо	13	25,8	24,4	21,5
Уверенный навык	56,8	55,2	51,2	55,4
Владею в совершенстве	23,2	11,4	11,6	15,3
Навык освоения нового				
Отсутствует	5,1	7	14,6	7
Выражен слабо	9,1	26,9	31,5	21,3
Уверенный навык	63,5	57,3	40,4	57,9
Владею в совершенстве	22,4	8,8	13,5	13,7

налистов подобной точки зрения придерживается лишь каждый десятый (9,9%) (см. табл. 4).

Можно сделать вывод, что среди рабочих имеется определенный процент модернистов — людей, готовых к обучению, восприятию информации и инноваций. Исследования показали статистически значимые различия между ними и теми, кто придерживается традиционалистских взглядов. Именно модернисты могут выступить активными участниками модернизационных процессов. Однако противоречием в этом случае является то, что процент их в среде современных рабочих пока еще не является достаточным, чтобы они могли представлять реальную силу.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Как изменилось и изменится материальное положение Вашей семьи?»
(в зависимости от типа мировоззрения), %**

Варианты ответа	Модернист	Промежуточный	Традиционалист	Итого
Как <i>изменилось</i> материальное положение Вашей семьи за последние три года благодаря Вашему личному вкладу?				
Значительно улучшилось	15,3	8,4	8,4	10,7
Незначительно улучшилось	31,7	31	28,4	31
Осталось без изменений	38,9	49	46,3	45,4
Незначительно ухудшилось	8,2	7,2	8,4	7,6
Значительно ухудшилось	5,9	4,4	8,4	5,2
По-Вашему, как <i>изменится</i> материальное положение Вашей семьи в следующие три года благодаря Вашему вкладу?				
Значительно улучшится	21,8	11,6	9,9	14,9
Незначительно улучшится	25,7	25	19,8	24,8
Останется без изменений	39,5	49	57,1	46,4
Незначительно ухудшится	5,5	8,7	5,5	7,3
Значительно ухудшится	7,5	5,8	7,7	6,5

Возрастной ресурс

На *индустриальной стадии модернизации* предпочтение отдавалась в первую очередь квалифицированным работникам. В *информационном обществе* привлекательным становится не опыт, а молодость. Молодежь отличает, в первую очередь, ее гибкость, способность приспосабливаться к постоянным изменениям. Изменение демографической ситуации, технологически нововведения и структурные сдвиги в эко-

номике, повышенные требования, предъявляемые к рабочей силе современным производством, оказывают непосредственное влияние на занятость, условия труда, социальную психологию рабочих. Следить за данными изменениями часто под силу только молодежи.

Существующая статистика в системе организации труда относительно возраста показывает, что происходит сужение временных рамок, в пределах которых людей нанимают на работу. В Америке и Западной Европе, предсказывает М. Кастельс, реальный рабочий цикл может сократиться и составить примерно 30 лет (с 24 до 54 лет), при ожидаемой продолжительности жизни 75–80 лет (Кастельс 2000). В России этот показатель может быть еще более снижен. При расчете физиологического ресурса Н. Е. Тихоновой учитывались в первую очередь «мужской пол респондента, его возраст в интервале от 22 до 40 лет и хорошее здоровье» (Тихонова 2007: 251), которые являлись дополнительными преимуществами при приеме на работу, способными обеспечить активы в виде рент. Пожилые работники в современных условиях «...будут “покидать сцену” задолго до того, как они физически и умственно станут неспособными продолжить свою работу» (Сеннет 2004: 148).

Отсюда вытекает новое противоречие. *Ресурс молодости востребован больше ресурса квалификации.* Передовые производства ориентированы при приеме на работу только на молодежь, которую они готовы обучать прямо на рабочем месте. «То, что пожилой работник узнал в течение многих лет в конкретной компании или профессии, может стать препятствием на пути изменений, которые диктуют начальники. С позиции выгоды организации гибкость молодых людей делает их более покладистыми как в отношении риска, так и в отношении безотлагательного подчинения» (Там же: 150). Справедливости ради необходимо отметить, что многие руководители предприятий критически оценивают попытки некоторых организаций нанимать на работу только молодежь, без учета квалификации и опыта. С их точки зрения, предпочтительнее рассматривать не средний возраст рабочих, а вывести некую формулу кадрового потенциала среднего возраста, деленного на средний стаж, то есть взаимосвязь возрастного потенциала и накопленных знаний. Чем ниже средний возраст и выше стаж, тем выше уровень кадрового потенциала предприятия.

Нехватка молодежи в среде рабочих прослеживается достаточно четко. Можно выделить две группы причин, заставляющих работодателей отдавать приоритет при приеме на работу молодежи: традиционные

и нетрадиционные. К первым относятся стереотипизированные представления, что нанимаемой на работу молодежи можно меньше платить и что у нее отсутствует так называемая «сила голоса». Однако изменения представлений о стандартных формах труда привели к тому, что традиционные причины теряют свою значимость. Доход молодых рабочих в большинстве своем находится на уровне рабочих зрелого возраста, а во многих случаях даже его превышает. Это отмечают и сами рабочие (см. рис. 3), и работодатели, часто заявляющие о том, что готовы платить молодым рабочим больше, чем рабочим зрелого возраста, лишь бы привлечь их на предприятие. Вопросы большей покладистости молодежи, ее большего подчинения также не находят своего подтверждения. Возможность участия в коллективных акциях протеста равнозначно оценивается как представителями молодежных (45,5%), так и зрелых (38,6%) возрастных когорт рабочих. Исключают возможность участия в коллективной акции протеста 18,8% молодежи и 22,3% старших возрастных групп (см. рис. 4).

Прекаризация производства, индивидуализация трудовых отношений выдвинули на первый план при приеме на работу вторую группу причин. В Исследовании 2012–2013 гг. наблюдается прямая статистическая зависимость между возрастом рабочего и его отношением к нововведениям, способностью основания нового, генерации идей и мно-

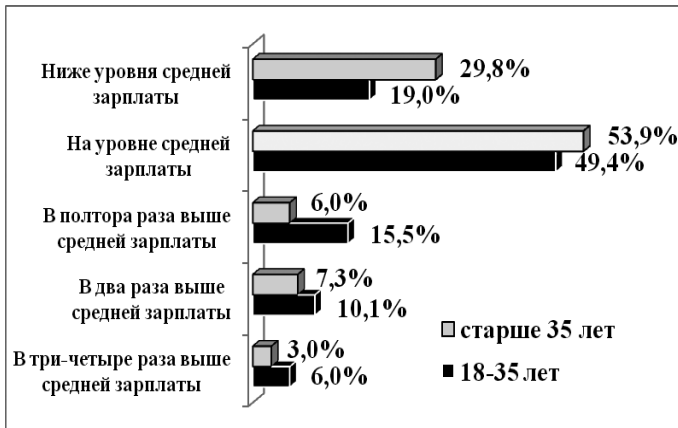
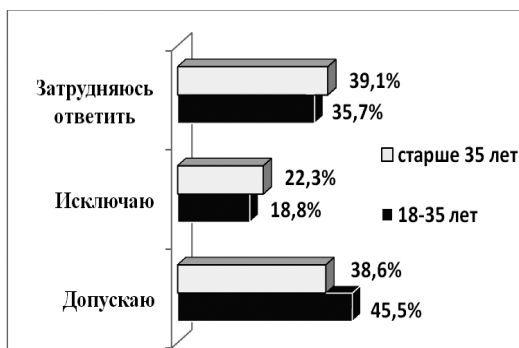

Рис 3. Совокупный доход рабочих
(в зависимости от возраста)

Рис. 4. Возможность участия в коллективной акции протеста на предприятии (в зависимости от возраста)

тому другому. Около половины рабочих (47,3%) в возрасте 18–25 лет приветствуют нововведения и готовы идти на риск ради дела. По табл. 5 можно проследить, как снижается этот показатель в зависимости от возраста. Лишь каждый четвертый рабочий старше 36 лет выбирает этот показатель отношений к нововведениям. Рабочие старших возрастных когорт чаще выбирают позиции осмотрительного отношения к нововведениям или противника нововведений. Могут возразить, что молодежь всегда была более лояльна в отношении чего-то нового. Однако сейчас в условиях гибкой организации труда и снижения значимости ресурса квалификации данный показатель приобретает особую значимость.

Таблица 5

Отношение рабочих к нововведениям, %

Варианты ответа	Возраст					
	18–25	26–30	31–35	36–45	46–55	Старше 55
Приветствую нововведения, всегда готов идти на риск ради дела	47,3	38,0	33,8	25,6	26,7	28,9
Осмотрительно, осторожно отношусь к нововведениям	46,6	56,0	52,7	62,8	65,1	57,8
Противник нововведений, не люблю неоправданные риски	6,1	6,0	13,5	11,0	8,2	13,3
Итого	100	100	100	100	100	100

Несмотря на ориентацию при приеме на работу на молодых сотрудников, в структуре труда рабочих преобладают люди зрелого, предпенсионного и пенсионного возрастов. Если расширить границы возраста молодых рабочих до 35 лет, то их количество на предприятиях Кировской области будет равно 30% (RLMS — 31,1%). Если пользоваться статистикой трудовых ресурсов, предложенной Международной организацией труда, и считать возрастом молодых рабочих от 16 до 30 лет, то процент молодежи, по данным наших исследований, будет равен 19,7% (RLMS — 20,2%).

Следующее противоречие можно обозначить так: *молодежь, которая просто необходима предприятиям в условиях гибкого производства и системы организации труда, отказывается выбирать в качестве вероятной жизненной карьеры рабочие специальности*. В Исследовании 2010 г. лишь 1,2% выпускников 9–11 классов планируют поступать в учреждения начального профессионального образования, 17,6% — в учреждения среднего профессионального образования. Остальные школьники планируют либо поступить в высшие учебные заведения, либо закончить 10–11-й класс, чтобы опять-таки иметь возможность стать абитуриентом высшей школы.

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос
«Оцените себя по следующим характеристикам», %**

Варианты ответа		Ваш возраст					
		18–25	26–30	31–35	36–45	46–55	Старше 55
Хочу сменить профессию	Всегда	33,3	20,4	14,3	16,7	11,9	2,6
	Иногда	49,3	60,2	57,1	46,2	45,2	42,1
	Никогда	17,4	19,4	28,6	37,2	42,9	55,3
Хотел бы, чтобы дети продолжили то, чем я занимаюсь	Всегда	4,1	3,1	8,6	3,9	6,7	10,3
	Иногда	22,1	13,4	15,7	25,0	17,4	7,7
	Никогда	73,8	83,5	75,7	71,1	75,8	82,1
Считаю свою профессию временным жизненным этапом	Всегда	46,2	27,8	14,1	13,5	14,3	28,9
	Иногда	42,1	52,6	54,9	50,3	34,3	23,7
	Никогда	11,7	19,6	31,0	36,1	51,4	47,4

Та молодежь, которая уже работает по специальности рабочего, предпочитает считать свою профессию лишь временным этапом в построении профессиональной жизненной стратегии и хотела бы ее сменить. Зависимость от возраста при ответах на эти вопросы является статистически значимой, равно, как и ответы на вопрос о желании, чтобы дети продолжили то, чем они занимаются (см. табл. 6).

Выводы

В России наметился процесс, получивший название «двойной» модернизации, при котором произошла попытка перехода на вторичный (информационный) уровень модернизации при незавершенном первичном (индустриальном) уровне. Государство ставит задачи, связанные с инновационным развитием экономики, решение которых возможно только при условии перехода России на новую ступень модернизации. Однако большинству производств катастрофически необходимо прохождение и завершение полного цикла первичной модернизации. Необходим последовательный переход от «двойной» модернизации к интегрированной модернизации. Особое внимание при этом следует уделить сбалансированному развитию регионов.

Наибольший урон от «двойной» модернизации нанесен российским рабочим. Ресурсы, накопленные рабочими на индустриальной стадии, оказались невостребованными, а опыт накопления ресурсов информационной стадии у выращенных реалиями советской действительности рабочих отсутствует. Движение в сторону интегрированной модернизации должно строиться на сбалансированном распределении ресурсов первичной и вторичной модернизации.

Рассмотрение рабочих с точки зрения ресурсного подхода в условиях модернизации позволит выделить потенциалы и активы рабочих и определить границы группы, их место в структуре социума, а также ответить на вопрос, при каких условиях они смогут выступить акторами модернизации.

Рабочими в современных условиях может быть названа группа в составе наемных работников с высокой долей физической нагрузки и высокой степенью подчиненности организаторам труда и работодателю, единственным источником существования которой является заработная плата и результатом деятельности которой в большинстве случаев является конкретный продукт.

В условиях «двойной» российской модернизации ресурсы рабочих представлены неравномерно. Наблюдается явный перекоп накопленных ресурсов в сторону индустриальной стадии модернизации. Квалификационный ресурс, считающийся приоритетным при определении ресурсности рабочих на различных исторических этапах, в условиях российской «двойной» модернизации теряет свою значимость в силу несоответствия уровня образования, специальности по диплому и квалификации рабочих реально выполняемой ими работе, что объективно обесценивает квалификационный ресурс. Между тем квалификационный ресурс, являющийся ресурсом первичной (индустриальной) стадии модернизации, накоплен рабочими в значительной степени. Информационно-инновационный ресурс, приоритетный на информационной стадии модернизации, накоплен рабочими лишь в незначительной степени. Поэтому инициатива рабочих направлена чаще всего на выживание, а не на участие в инновационной деятельности и поддержание модернизации.

Приоритетным в условиях «двойной» модернизации становится ресурс молодости. Рабочая молодежь более мобильна, способна к пере-квалификации, обладает гибкостью, способностью к поиску необходимой информации, к новаторской деятельности, инновационным мышлением. Однако более высокоресурсная молодежь либо отказывается выбирать в качестве профессиональной жизненной карьеры рабочие профессии и не готова поступать в образовательные учреждения, занимающиеся подготовкой рабочих кадров, либо считает профессию рабочего временным этапом в профессиональной жизненной стратегии, что усугубляет и так достаточно сложное положение обрабатывающих отраслей экономики.

Источники

- Аврамова Е. Д., Логинов Д.* Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 24–34.
- Аврамова Е. М., Токсанбаева М. С.* Особенности занятости в России // *Вестник Института социологии*. 2011. № 3. С. 106–119.
- Антипина Г. С.* Группа социальная // *Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1* / под ред. Г. Ю. Семигина. М.: Мысль, 2003. С. 238–239.
- Беленький В. Х.* Рабочий класс как объект социологического анализа // *СОЦИС*. 2003. № 1. С. 29–37.
- Беленький В. Х.* К вопросу об идеологии рабочего класса // *СОЦИС*. 2008. № 12. С. 72–79.

- Беленький В. Х. Класс наемных работников или рабочий класс // СОЦИС. 2005. № 3. С. 127–135.
- Беляева Л. А. Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // СОЦИС. 2011. № 12. С. 13–24.
- Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 53–97.
- Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
- Голенкова З. Т. Социальная стратификация российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2003. 368 с.
- Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Статусные характеристики рабочих России // СОЦИС. 2012. № 12. С. 50–56.
- Горшков М. К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // СОЦИС. 2010. № 12. С. 28–41.
- Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Кумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. 343 с.
- Давыдова Н. М., Тихонова Н. Е. Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации // СОЦИС. 2006. № 2. С. 29–41.
- Единый тарифно-квалификационный справочник (ЕТКС). URL: <http://www.rabotagrad.ru> (дата обращения: 09.02.2012).
- Жвителишвили А. Ш. Рабочий класс в постиндустриальном обществе // СОЦИС. 2013. № 2. С. 33–42.
- Заславская Т. И. О социальных акторах модернизации России // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 13–25.
- Заславская Т. Н. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 398 с.
- Кара-Мурза С. Г. Манипулирование сознанием. М.: Экспо, 2004. 832 с.
- Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. Ч. 1. М.: Научный эксперт, 2009. 465 с.; Ч. 2. М.: Научный эксперт, 2012. 384 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
- Клеман К. Рабочие // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В. А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. С. 259–260.
- Клеман К. Рабочий класс // Социология труда. Теоретико-прикладной словарь / отв. ред. В. А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. С. 261.
- Климова С. Г. Переживание экономического кризиса российскими рабочими // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 200–217.
- Латин Н. И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // СОЦИС. 2012. № 9. С. 4–24.
- Макарова М. Н. Особенности воспроизводства образовательного потенциала рабочих в современном российском обществе: дис. ... д-ра социол. наук. Ижевск, 2004. 336 с.
- Максимов Б. И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е — начало 2000-х годов. СПб.: Наука, 2004. 280 с.

- Малеева Т. М., Овчарова Л. Н. Модернизация: что модернизировать и кто модернизаторы // *Spero*. 2010. № 13. С. 21–34.
- Мареева С. В. Практики инвестирования среднего класса в свой человеческий капитал // *TERRA ECONOMICUS*. 2012. Т. 10. № 1. С. 165–173.
- Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации // *Российская газета*. 2009. 13 ноября.
- Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 4 (Сентябрь). С. 20–32.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация: учеб. пособие. М.: Наука, 1995. 237 с.
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ (RLMS–HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (дата обращения: 07.02.2012).
- Россияне и китайцы в эпоху перемен: сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае в начале XXI века / под ред. Е. Н. Даниловой, В. А. Ядова, Пан Давэя. М.: Логос, 2012. 452 с.
- Сеннет Р. Коррозия характера / пер. В. И. Супруна. Н: ФСПИ «Тренды», 2004. 296 с.
- Темницкий А. Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // *Мир России*. 2006. № 2. С. 79–107.
- Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *СОЦИС*. 2006. № 9. С. 28–41.
- Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социол. РАН, 2007. 320 с.
- Тощенко Ж. Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // *Новые идеи в социологии: монография* / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.
- Трушков В. В. Современный рабочий класс в зеркале статистики // *СОЦИС*. 2002. № 2. С. 45–51.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986.
- Чуаньци Х. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. Н. И. Лапина. М.: Весь мир, 2011. 256 с.
- Шкаратан О. И., Бондаренко В. А., Крельберг Ю. М. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 66 с.
- Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа-Групп, 2009. 560 с.
- Яницкий О. Н. Профессионал как социальный актор: случай или правило? // *Вестник Института социологии*. 2012. № 5. С. 44–60.
- Яницкий О. Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // *СОЦИС*. 2011. № 5. С. 136–145.

Б. Г. ТУКУМЦЕВ

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье предпринята попытка терминологического анализа и толкования понятий, наиболее часто используемых в исследованиях инновационной деятельности. Дается сопоставление толкования ряда понятий в отечественных и зарубежных источниках. Обращается внимание на трудности, которые возникают при отсутствии единого подхода к интерпретации понятий как в исследовательской практике, так и в реализации инновационной политики на уровне регионов и государства.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, жизненный цикл инноваций, субъект инновационной деятельности, инновационная инфраструктура, инновационное развитие.

B. G. TUKUMTSEV

FORMATION OF THE CONCEPTUAL NOTIONS APPARATUS FOR THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF INNOVATION ACTIVITY

In the paper an attempt is made to analyze terms, that are most often employed in studies, devoted to innovative activity. Some terms are compared with their counterparts in other languages. It is underlined, that many difficulties in research are caused by the absence of unified definitions of the terms, both in research practice and in innovative programs, launched by the state and regional institutions.

Keywords: innovations, innovative activity, life cycle of innovations, subject of innovative activity, innovative infrastructure, innovative development.

Введение

Инновационная сфера — это область социальной деятельности общества, содержанием которой является поиск и использование на практике новых знаний, создание на их основе средств и способов улучшения условий и содержания жизни людей. В качестве целей функционирования инновационной сферы обычно рассматривается создание, распространение и эффективное применение новшеств. К анализу проблем, возникающих в инновационной сфере, проявляют интерес

представители многих гуманитарных и естественных наук. Актуальность выполняемых ими исследований определяется тем значением, которое приобретает в современных условиях ориентация на инновационный путь развития мирового сообщества, и тем растущим вниманием, которое уделяется инновационной сфере органами государственного управления практически всех развитых и развивающихся стран мира. Между тем в настоящее время было бы преждевременным утверждать, что выработан единый подход к анализу проблем, возникающих в инновационной сфере, и достигнуто взаимопонимание в этой области. Это относится и к исследованиям, выполняемым в этой области в России. Как в теории инноваций, так и в рамках анализа практического осуществления инновационных процессов пока еще не сложилось единого, общепринятого подхода к толкованию используемого понятийного аппарата. Академики Г. А. Месяц, В. М. Бузник в своей совместной статье с рядом авторов высказались по этому поводу достаточно категорично. Они считают, что «до последнего времени в России отсутствует законодательно закрепленный понятийный аппарат инновационной деятельности, что является существенным препятствием для ее активизации и развития» (Месяц, Бузник 2005). В публикациях последних лет просматривается значительное разночтение в понимании отдельных категорий и терминов, относящихся к инновационной сфере. Это не только создает трудности в общении исследователей, но и вносит неопределенность при формировании и применении законодательных норм, осложняет практику реализации инновационной политики и формирования национальной инновационной системы.

В какой-то степени эти трудности оказались связаны с тем обстоятельством, что тезаурус инноватики в нашей стране начал складываться еще в советский период, то есть значительно раньше, чем были установлены постоянные контакты с зарубежными научными центрами и появился открытый доступ к зарубежной научной литературе. Еще в конце 1970-х гг. отечественными социологами был выполнен ряд масштабных исследовательских проектов, связанных с инновационной сферой. В процессе их выполнения был создан свой оригинальный понятийный аппарат, получивший широкое распространение в научных кругах (Лапин 1981). Поэтому неслучайно, что в настоящее время при использовании зарубежных источников и при общении с зарубежными исследователями нередко возникают трудности взаимопонимания в этой области.

О недостатках в разработке понятийного аппарата инновационной сферы говорят не только ученые. Этой проблемой озабочены и разработчики национальной инновационной системы на правительственном уровне. Важнейшей целью подготовленного в 2009 г. к принятию Государственной думой федерального закона «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации» (правда, так и не принятого) являлось введение на уровне федерального законодательства понятий, характеризующих инновационный процесс (Попова 2010). Вопрос о необходимости уточнения терминологии в области инновационной деятельности ставится и во многих других научных публикациях (см., например, Бездубный, Смирнова 2004).

При толковании рассматриваемых в этой статье терминов нами учитывались и использовались пояснения и законченные формулировки, которые содержатся в опубликованных отечественных и зарубежных работах. Прежде всего, это работы ученых-социологов, осуществлявших и осуществляющих исследования в этой области в нашей стране, включая и наши разработки. Использовались работы зарубежных авторов. Не меньшее внимание было уделено терминологическим поискам ученых других, не социологических отраслей отечественной науки, занимающихся инновационными проблемами. В настоящей статье мы остановимся на следующих терминах.

1. «Новшество». Первым термином, который лежит в основе отечественного тезауруса инноватики является термин «новшество». Это понятие широко использовалось и используется в настоящее время в отечественной научной литературе, хотя так и не получило своего строго научного определения. При обращении к нему обычно предполагалось воспринимать его в том значении, которое оно имеет в общеупотребительном смысле. В словаре русского языка (ИРЯ АН СССР 1958) ему дается такое определение: *«Что-либо новое, вновь созданное, вновь примененное и т. п.»*. Тем не менее авторы «Словаря инновационных терминов», изданного Пермским государственным университетом, нашли возможным предложить два варианта его толкования.

1. *Новшество, как объект промышленной собственности и (или) как связанный с ним продукт интеллектуальной деятельности, являющийся предметом нововведения.*

2. *Новшество — результат интеллектуальной деятельности, законченных научных исследований и разработок, обладающий новизной и спросом для включения в экономический оборот (Словарь инновационных терминов).*

Один из создателей отечественной социологии инноваций А. Пригожин пишет о том, что «новшество» может представлять собой новое оборудование или новый обряд, новую форму отчетности или новое сырье, новый метод организации или новую технологию. Но при этом оно не отождествляется с инновацией. Оно является лишь предметом нововведения или инновации. Причем новшество может иметь место и вне рамок инновационного процесса. Оно может улучшить какие-то количественные или качественные параметры производственной, экономической или социальной деятельности. Но в том случае, если оно не способствует переходу в принципиально новое состояние технологического процесса, или организации работы, или способа потребления, его использование следует отнести к таким процессам, как рационализация или модернизация. Исходя из этого можно утверждать, что понятие «новшество» имеет более широкое толкование, чем понятие «инновация». В то же время для получения значительного инновационного эффекта, считает А. И. Пригожин, необходимо комплексное инновационное воздействие, как правило не ограничивающееся одним новшеством. Но в любом случае оно обязательно должно повлечь за собой существенные изменения в деятельности объекта *инновации* (Пригожин 1995: 18).

2. «Инновации» и «нововведения». Значительно большего внимания к себе требует толкование понятий «*инновация*» и «*нововведение*». Исследователи, с работами которых удалось познакомиться автору в процессе выполнения исследовательского проекта, считают, что понятия «нововведение» и «инновация» синонимичны. Но поскольку термин «инновация» уже получил международное распространение, то отечественные исследователи, а вслед за ними и органы государственной власти постепенно переходят к использованию именно этого англоязычного варианта термина. Еще в начале XX века его ввел в научный оборот Й. Шумпетер для обозначения «изменения с целью внедрения использования новых видов потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации промышленности» (Шумпетер 1982: 175). Но если с признанием само-

го термина «инновация» все прошло благополучно, то разногласия по поводу его использования продолжают до настоящего времени. Разные авторы и разные научные школы, как в России, так и за рубежом, по-разному интерпретируют его содержание.

Одни рассматривают понятие «инновация» как обозначение законченного инновационного действия, другие — как организацию процесса его осуществления. И хотя авторы отдельных публикаций считают возможным признать допустимость сосуществования этих двух подходов, преобладают те, кто придерживается лишь одного из определений. Сопоставление отечественных и зарубежных публикаций и опубликованных официальных документов позволяет сделать вывод, что эти различия связаны не в последнюю очередь с тем, в какой стране работает ученый. Отечественные ученые в большей части случаев предпочитают рассматривать инновацию как *результат внедрения новшества*. Ученые стран Европы рассматривают ее преимущественно как *сложную и диверсифицированную деятельность по созданию и внедрению новшества*.

«Деятельностный» подход характерен и для некоторых отечественных ученых, которые под инновацией подразумевают процедуру внедрения новшества. В качестве примера можно привести толкование, предложенное академиками Г. А. Месяцем, В. М. Бузником и их коллегами. Оно выглядит следующим образом: «Инновация — процесс, завершающийся внедрением новшества, обеспечивающего получение положительного экономического, социального или научно-технического эффекта, а также повышение качества жизни населения» (Месяц, Бузник 2005: 4). К такому подходу близки позиции и ряда социологов. Один из первых исследователей инновационных процессов в России Н. И. Лапин также склонен считать, что «нововведение — это процесс создания, распространения и использования новшества как практического средства для удовлетворения потребностей людей, общества» (Статистика науки... 1998). Следует иметь в виду, что толкование инновации как процесса широко распространено в странах Европы и используется в работе Евросоюза.

Тем не менее большая часть отечественных (и не только) исследователей склоняются к тому, чтобы рассматривать инновацию в качестве итога соответствующей деятельности. Этой точки зрения придерживаемся и мы. Именно такое определение нововведения или инновации — как результата реализации новшества — представлено в кратком терминологическом словаре ЦИСИ: «Инновация — конечный результат

инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам» (цит. по: Винокуров 2004: 6).

Более широкое толкование этого термина — как законченного действия — дается в Приложении к проекту «Основы политики РФ в области развития национальной инновационной системы на период до 2010 года и на дальнейшую перспективу». Здесь говорится: «Инновация (нововведение) — результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового продукта, услуги и технологии и/или новой организационно-экономической формы, обладающий явными качественными преимуществами при использовании в проектировании, производстве и утилизации продуктов, обеспечивающий дополнительную по сравнению с предшествующим продуктом или организационно-экономической формой экономическую (экономия затрат или дополнительная прибыль) и/или общественную выгоду» (там же).

Есть основания полагать, что именно это определение будет в обозримом будущем использоваться в российской инновационной политике и во внедренческой практике на этапах финансирования, тиражирования и использования новшеств.

Рассматривая содержание понятий «нововведение» и «инновация», необходимо отметить еще один аспект, связанный с использованием этих понятий в практической деятельности по внедрению новшеств. Как отмечали еще на начальном этапе становления социологии инноватики ряд ученых, далеко не всякое новшество, внедренное в практику, может рассматриваться в качестве инновации (или нововведения). В России эту идею еще до начала 1990-х годов обосновали в своих работах А. Пригожин и Л. Косалс. В своих работах они подчеркнули необходимость более строгого подхода к использованию понятия «нововведение» («инновация»). По их мнению, основанием для использования этого термина должен стать характер последствий (в том числе и социальных) внедрения данного конкретного новшества. Организации и территории осуществляют обновление каких-то процессов, технологий, закупают и заказывают новое оборудование, новые средства управления. Но при этом не исключено, что все это совершенно не сказывается на содержании деятельности людей, имеющих отношение к объектам, где происходит обновление. После внедрения такого рода новшеств выясняется, что это никак

не отразилось на характере производственно-технического уклада предприятия, не привело к уменьшению вредного воздействия на окружающую среду, не способствовало заметным изменениям в характере и содержании труда, а также в сфере быта и обслуживания. Такие внедрения способствуют лишь постепенному или разовому нарастанию уже имеющегося характера качества или количества деятельности организации или региона, не внося в результаты их деятельности принципиальных изменений. Естественно, что развития организации или региона с внедрением таких новшеств не происходит. А. Пригожин и Л. Косалс считают, что подобные внедрения вообще не следует относить к категории нововведений или инноваций. Необходимо отметить, что ни А. Пригожин, ни Л. Косалс не ставят под сомнение полезность внедрения таких рационализаций. Но эти новшества, по их мнению, не должны рассматриваться как инновации и заслонять подлинные нововведения. «Нововведение, — писал А. Пригожин еще в конце 1980-х гг., — есть такое целенаправленное изменение, которое вносит в среду внедрения (организации, поселения, общества и т. д.) новые, относительно стабильные элементы... Нововведение суть процесса, то есть перехода некоторой системы из одного состояния в другое» (Пригожин 1995: 186—187).

Такой подход длительное время рассматривался как спорный, хотя в его основу положена абсолютно здравая идея. Она заключается в том, чтобы более объективно подходить к оценке качества инновационной политики и инновационной деятельности конкретных организаций, региона, государства в целом. Нововведения, которые не способствуют отказу от старых, относящихся к индустриальной (и даже к доиндустриальной) эпохе, технологий и видов деятельности, не могут рассматриваться как процессы, способствующие инновационному развитию экономики и общества в целом. Не может, например, рассматриваться в качестве прогрессивной технической политики воспроизводство конвейерного использования работающих, то есть способ организации, сохраняющий индустриальный уклад производства, создание технологий, наносящих урон экологии, не повышающих уровень жизни людей, не влияющих на изменение содержания труда или на рост гражданской самодеятельности населения. Такие новшества, безусловно, не могут быть отнесены к категории инноваций.

Можно соглашаться или не соглашаться с этим мнением, но сам анализ результатов нововведений по таким основаниям вполне перспективен и даже необходим. Слишком велик соблазн на уровне

формальной отчетности, отчитываясь по результатам инновационной деятельности, выдавать за инновации обыденную рационализацию.

Не исключено, что влияние именно такого рода идей о недопустимости считать каждое новшество инновацией сказалось на появлении в 1997 году в странах Европы методологического документа, подготовленного Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) совместно с Евростатом и названного по имени города, где проходит работа этой организации, — «Руководство Осло». Этот документ содержит рекомендации в области статистики инноваций, которые признаны в качестве международных статистических стандартов. В документе проведена четкая грань между теми новшествами, внедрение которых может рассматриваться как инновация, и теми, внедрение которых к инновациям не относятся. Критерием такого разграничения в этом документе является, в первую очередь, наличие принципиального усовершенствования в результате инновации функциональных характеристик продукта или деятельности организации его внедряющей (Елисеева 2011).

В 2002 году, как бы откликаясь на эту разумную, принятую в рамках ЕС меру, вышла в свет инструкция Госкомстата РФ, в которой также дается перечень видов деятельности и новшеств, которые не могут рассматриваться в качестве инноваций (Инструкция... 2002).

К их числу отнесены:

- организационные и управленческие изменения, включая переход на прогрессивные методы управления, внедрение существенно измененных организационных структур, радикально новых или значительно измененных направлений экономической стратегии предприятия;
- внедрение стандартов качества;
- эстетические изменения в продуктах (цвете, декоре и т. п.);
- незначительные технические или внешние изменения в продукте, оставляющие неизменным его конструктивное исполнение, не оказывающие достаточно заметного влияния на параметры, свойства, стоимость того или иного изделия, а также входящих в него материалов и компонентов;
- расширение номенклатуры за счет ввода в производство продукции, не выпускавшейся ранее данной организацией, но уже достаточно известной на рынке сбыта видов продукции (возможно, непрофильной) с целью обеспечения сиюминутного спроса и доходов организации.

Появление таких, пусть для начала весьма скромных, ограничений свидетельствует тем не менее о том, что сделаны серьезные шаги в правовом пространстве, требующие взвешенного подхода к оценке новшеств. И это хорошее начало.

Однако процесс уточнения понятия «инновация (нововведение)» еще далек от завершения. Приводимые в зарубежных литературных источниках варианты определения этого термина допускают направленность инноваций на решение достаточно частных, сиюминутных задач. Они не связывают эти задачи с целями инновационного развития общества, с преобразованием его технического уклада, ростом производительности труда и совершенствованием социальных систем.

Даже в Европе, где инновационная деятельность имеет куда более серьезные масштабы и историю, требования к инновациям в значительной части случаев формулируются, прежде всего, с учетом интересов предприятий и организаций.

Позиция «Руководства Осло» по этому вопросу выглядит прямо-таки «соглашательски» и далека от принципиального подхода. Наряду с принятием весьма кардинального документа относительно определения степени инновационности, о котором говорилось выше, в нем очевидно стремление не обострять отношения с создателями новшеств. Особенно отчетливо это проявилось в формулировке обнародованного от имени этой Европейской комиссии определения понятия «инновация». Это определение рекомендуется для использования в статистической практике при изучении явлений и процессов в области инноваций.

«Инновация — сложная и диверсифицированная деятельность со многими взаимодействующими компонентами. Определение состава инновации затруднено тем, что большинство продуктов и, конечно, процессов, их создающих, являются сложными системами. Инновации определяют изменения в отношении свойств и характеристик эффективности продукта в целом и изменения в компонентах продукта, которые повышают его эффективность, включая характер услуг, которые он обеспечивает» (цит. по: Винокуров 2005: 6). Здесь явно просматривается желание поддержать создателя нового продукта, не влекущего за собой кардинальных изменений в области его применения, и дать ему тем не менее шанс на успех при оценке «инновационности» его деятельности.

Не менее лояльным по отношению к создателям новшеств выглядит и предлагаемое авторами отечественного законопроекта «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской

Федерации» определение понятия «инновация». *«Инновация есть введение в употребление какого-либо нового или значительного улучшаемого продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях»* (Попова 2010: 5). Обращает на себя внимание то, что здесь ничего не говорится об учете последствий этого «введения в употребление».

Между тем исследователи и эксперты, выполняющие функцию оценки степени инновативности того или иного новшества, действительно сталкиваются с разной степенью их влияния на процессы, среду и общество. Поэтому неслучайно в некоторых научных работах этого направления предпринимаются попытки поиска дифференцированного подхода к инновациям в зависимости от степени их влияния на изменение тех структур, в пределах которых они осуществляются. От социальных последствий в обществе до улучшения условий труда на рабочем месте. Тем самым делается попытка ответить на вопрос, возможен ли некий континуум инновационности последствий различного уровня: от тех, которые влекут за собой прогрессивные макроизменения в обществе, до тех, которые оказывают лишь незначительное влияние на развитие человеческой деятельности в локальном объеме или практически такого действия вообще не оказывают?

Ответом на такой вопрос может стать континуум, предложенный Ю. М. Яковцом. Он допускает возможность классификации инноваций по масштабам вносимых ими изменений в жизнь общества:

- *Эпохальные инновации*, которые осуществляются раз в несколько столетий и ведут к существенным трансформациям той или иной сферы жизни, несут с собой переход к новому технологическому или экономическому способу производства, очередной мировой цивилизации.
- *Базисные инновации*, выражающиеся в радикальных изменениях в технологической базе и способах организации производства, государственно-правового и социокультурного строя, духовной жизни и т. п. Волны базисных инноваций в последние столетия наблюдаются примерно раз в полвека, при переходе к очередному технологическому укладу. Они отражаются в создании новых отраслей, форм организации производства, государственных правовых институтов, научных и художественных школ.
- *Улучшающие инновации*, направленные на развитие и модификацию базисных инноваций, их распространения в разных сферах

жизнедеятельности общества. По своим масштабам улучшающие инновации на порядок многочисленнее базовых инноваций. И хотя они отличаются меньшей степенью новизны и более коротким жизненным циклом, именно они закрепляют успех базисных инноваций и в общей сумме дают больший эффект от своей реализации.

- *Микроинновации*, преследующие цель улучшения отдельных параметров выпускаемой продукции, используемой технологии, экономических, социальных и политических систем. Обычно они не отличаются сколько-нибудь значительным эффектом. И, по нашему мнению, их следовало бы скорее называть *рационализациями*, которые совершенствуют технологические процессы и складывающиеся на их основе социальные отношения, но не ведут к их существенным изменениям.
- *Псевдоинновации* — изменения, направленные на частичное улучшение и продление противоестественного, с экономической и социальной точки зрения, использования устаревших технологий, общественных систем и институтов. Псевдоинновации, как правило, появляются на заключительной фазе жизненного цикла уходящей системы, когда она уже в основном исчерпала свой потенциал. Такие изменения, с нашей точки зрения, также следовало бы не относить к инновациям, способствующим развитию технической социальной и экономической систем, а рассматривать как некие *вынужденные рационализации*.

Для обозначения внедрения тех новшеств, которые не только не способствуют развитию общественных, политических и технических систем, но представляют собой шаг назад в этом процессе, предлагается использовать категорию «*антиинновации*» (Яковец 2004: 14–17).

Приведенная здесь типологизация внедряемых новшеств при всей спорности ее отдельных утверждений, безусловно, представляет собой дополнительный аргумент в пользу отказа от огульного отнесения к категории инноваций любых внедренных новшеств. И имеет все основания, чтобы использоваться при анализе и оценке реальной ситуации в инновационной сфере.

Предложения по классификации инноваций и нововведений этим не исчерпываются. В практике анализа используется дифференциация нововведений по «адресу» их внедрения, по сферам жизнедеятельности общества. В начале второй половины XX века инновации

рассматривались преимущественно с точки зрения интересов технико-технологического развития производства. Но в канун XXI века появились первые идеи и были осуществлены целенаправленные программы инновационных преобразований в других отраслях экономики, в области медицинской и духовной деятельности. Инновационные технологии начали распространяться в образовании, культуре, управлении, обслуживании и других сферах общества. Появилась возможность классификации этих инноваций.

В конце 1980-х гг. А. Пригожин предложил следующую типологию нововведений, в основу которой положено предметное содержание внедряемых новшеств:

- 1) технико-технологические (новое оборудование, приборы, технологии);
- 2) продуктные (переход на выпуск новых изделий, материалов);
- 3) социальные (в широком смысле слова), к которым относятся:
 - экономические (новые материальные стимулы, показатели, системы оплаты труда);
 - организационно-управленческие (новые организационные структуры, формы организации труда, выработки решений, контроля над их выполнением и т. д.);
 - собственно социальные, то есть целенаправленные изменения внутриорганизационных отношений (демократизация управления, создание новых общественных органов, изменения трудовых отношений);
 - правовые, главным образом выступающие как изменения в трудовом и хозяйственном законодательстве (Пригожин 1995: 199–200).

Нельзя не заметить, что эта типология А. Пригожина выгодно отличается от типологии, которая была предложена Й. Шумпетером в 1970-х гг. прошлого столетия и была ограничена рамками лишь производственной деятельности.

Существуют и более поздние классификации нововведений, подчеркивающие широту сферы их применения. Одна из них, предложенная В. Ю. Яковцом, приводится ниже:

- технологические инновации, которые направлены на расширение ассортимента и улучшение качества производимых товаров и услуг или используемых при этом технологий;
- экологические инновации, которые обеспечивают рациональное, более экономное использование вовлеченных в производ-

ство природных ресурсов, более эффективные методы их воспроизводства и уменьшение вредных выбросов в окружающую среду;

- социально-политические инновации, которые включают новые формы организации общественных движений и политических партий, оказания помощи безработным, пенсионерам, детям и т. д.;
- государственно-правовые инновации, которые представлены использованием новых форм организаций государственной власти и управления, принятием или корректировкой правовых документов, организацией выборов и обновлением государственных органов;
- инновации в духовной сфере, которые воплощены в научных открытиях, изобретениях, концепциях, теориях, конструкторских идеях, художественных, музыкальных, литературных и архитектурных стилях. Они могут быть представлены в виде театральных, кино- и теленововведениях, в новых формах образования, новых этических нормах, идеологических устремлениях;
- инновации военные и в области правопорядка, которые включают в себя новые способы ведения боевых действий, организации вооруженных сил и сил правопорядка, поддержание безопасности граждан и государства, профилактику преступлений и т. д. (Яковец 2004: 24).

Столь широкий диапазон использования инноваций еще раз подтверждает современное представление об инновационном развитии как о наиболее оптимальном варианте ускорения общественного прогресса. Неслучайно политические структуры стремятся закрепить на законодательном уровне основной перечень понятий с употреблением термина «инновации» для усиления взаимопонимания органов власти и различного рода исполнителей в процессе формирования национальной инновационной политики. Ниже приводится ряд таких понятий, толкование которых предполагается включить в новый закон «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации».

Продуктовая инновация — есть внедрение товара или услуги, являющихся новыми или значительно улучшенными по части их свойств или способов использования. Сюда включаются значительные усовершенствования в технических характеристиках, компонентах и материалах, во встроенном программном обеспечении.

Процессная инновация — есть внедрение нового или значительно улучшенного способа производства или доставки продукта. Сюда входят значительные изменения в технологии, производственном оборудовании и/или программном обеспечении.

Маркетинговая инновация — есть внедрение нового метода маркетинга, включая значительные изменения в дизайне или упаковке продукта, его складировании, продвижении на рынок или в назначении продажной цены.

Организационная инновация — есть внедрение нового организационного метода в деловой практике предприятия, в организации рабочих мест или во внешних связях (Попова 2010: 5).

Таким образом, сегодня на уровне формирования государственной инновационной политики делается попытка создать «узаконенный» тезаурус, обеспечивающий взаимопонимание в управленческих структурах, реализующих ее на практике. Отсутствие взаимопонимания в этой области не является несущественным, как это может показаться на первый взгляд. Практика показывает, что терминологический хаос способствует искажению целей и практических мер при формировании региональной инновационной политики.

3. Субъекты инновационной деятельности. Субъектами инновационных изменений в обществе выступают как отдельные его представители, так и организации, осуществляющие инновационную деятельность. В современной научной литературе представлено несколько попыток классификации инициаторов нововведений. Наиболее четкую классификацию, на наш взгляд, предложил П. Штомпка. В своей типологии он предлагает шесть типов субъектов, иницирующих перемены, которые он называет инициаторами изменений (Штомпка 2005: 439).

Первый тип — *это отдельные люди, выступающие с инновациями*. Причем новшества, предложенные ими, являются не ожидаемыми результатами их деятельности, а, скорее, исключениями из правил и свойственны выдающимся субъектам (изобретателю, ученому, художнику, политику). Ибо для того, чтобы общество приняло инновацию, оно должно доверять человеку, ее предлагающему, он должен быть достаточно популярен. «Если человек не обладает такого рода первичным признанием, любые его инновационные идеи, как правило, останутся частным делом или личными соображениями, которые не вызовут в обществе никакого резонанса и не приведут ни к каким

социальным последствиям». Предлагаемые инициаторами первого типа изменения, как правило, весьма масштабны и касаются больших групп людей. Но инновационную активность такого рода, судя по всему, трудно прогнозировать.

Другой тип субъектов изменений — *это инновационные роли*. Это могут быть научные сотрудники, ученые, шаманы, чародеи, партийные функционеры, эксперты. В этом случае право предлагать обществу проекты каких-либо изменений встроено в структуру социальной роли, независимо от того, кто конкретно исполняет эту роль. Инновационное поведение, способность к инновациям входит в обязанность каждого такого субъекта и становится общественным ожиданием. Он является инициатором по должности. Невыполнение инновационных обязанностей может привести к тому, что данный человек потеряет право на исполнение роли такого типа.

Третий тип субъектов изменений — *это инновационные организации* (исследовательские организации, конструкторские бюро, «мозговые тресты», законодательные комитеты, парламенты и т. д.). Инициирование и проведение инноваций представляет собой обязанность таких субъектов, закрепленную в их статусе. Инновации появляются здесь как результат совместных действий — кооперации.

Четвертый тип — это группы, социальные круги новаторского характера, относящиеся к миру богемы или сектантства. Чаще всего они имеют негативный характер — относятся к различным видам контркультуры, неконформизма. Они отбрасывают принятые в обществе нормы, обычаи, практики именно потому, что эти обычаи и практики являются «принятыми», распространенными. Отрицание такого рода ведет к тому, чтобы рано или поздно выработать и предложить альтернативные образцы или правила — новые обычаи, новый образ жизни, новый стиль и т. п.

Пятый тип субъектов изменений — это социальные движения (молодежные, феминистские, экологические, религиозные, политические движения и т. д.), которые уже по самому своему определению направлены на изменение социальных норм или ценностей. Их целью является позитивное, конструктивное преобразование норм и ценностей в какой-либо отдельной, частной области (реформаторское движение) или во всей целостной структуре (революционное движение).

И наконец, шестой тип субъектов инноваций — это обычные люди. Они вырабатывают в своей повседневной жизни какой-либо

новый способ речи, одежды, прически, готовят новые блюда, по-новому обставляют свое жилище, заполняют свой досуг новыми формами развлечений и т. д. Эти практики, представляющие собой нововведения в быту людей, после их одобрения окружающими, постепенно могут распространяться и даже быть признанными в широкой среде, в чем-то изменяя стиль жизни какой-то части общества (Штомпка 2005: 430).

Перечисленные выше типы субъектов обладают далеко не одинаковым инновационным потенциалом, зависящим от их отношения к той социальной системе, нормативная структура которой становится объектом изменений. Столь широкий диапазон типологии субъектов инноваций подчеркивает тот факт, что разносторонняя инновационная деятельность имеет своих акторов далеко за рамками научно-исследовательских, производственных, торговых и иных организаций и представляет собой трудно поддающийся учету социальный потенциал обновления и развития общества. Их участие в инициировании каких-либо изменений создает тот инновационный фон, который не может не учитываться при изучении источников трансформации общества.

В то же время субъекты инновационной деятельности, занятые поиском нового знания и определения возможности его практического применения, то есть исследователи, ученые, которые выполняют самые разные функции в процессе получения нового знания и превращают его в востребованные обществом новшества, составляют бесценный интеллектуальный капитал страны. По числу работающих ученых можно судить о степени заинтересованности государства в характере и темпах своего развития. А по структуре этого научного сообщества — о государственной научной политике. В конце 2004 года Россия входила в число четырех стран мира, имеющих наибольшую численность научных работников. В России работало 8,9% от общего числа ученых мира. По этому показателю наша страна уступала лишь США (22,8% научных сотрудников), Китаю (14,7%) и Японии (12,1%) (Институт статистики... 2006).

4. Инновационный процесс и его жизненный цикл. Ранее уже говорилось о том, что инновации, даже когда они подготавливаются и осуществляются в достаточно ограниченном пространстве и времени, реализуются не одномоментно. Их реализация представляет собой сложную диверсифицированную деятельность. Здесь можно говорить

о некоей протяженности, которая в исследовательской практике именуется как «*инновационный процесс*».

Наиболее часто встречающееся в научных источниках определение этого понятия выглядит так:

«Инновационный процесс — это совокупность последовательных действий направленных на создание, распространение и использование новшеств. Его структура и содержание определяется внутренней, предметной логикой инновационной деятельности. Основными характеристиками инновационного процесса являются его направленность, жизненный цикл, протяженность во времени, масштабы диффузии, социальная и экономическая эффективность» (Лапин 1980: 7–25).

Авторы Модельного закона РФ «Об инновационной деятельности» предлагают более краткое определение. «Инновационный процесс — совокупность действий (работ) связанных с организацией и осуществлением инновационной деятельности, направленных на разработку новшеств и осуществление нововведений» (Модельный закон... 2007: 12).

С учетом современных представлений о роли науки в создании инноваций можно было бы предложить такое определение инновационного процесса:

«Инновационный процесс — процесс преобразования новых знаний в инновацию, ведущий к созданию новшества, которое, будучи востребовано обществом, используется в его практической деятельности с существенным позитивным эффектом».

Инновационный процесс объединяет людей и организации, занятые разными видами инновационной деятельности. К ним относятся научно-исследовательская, экспериментальная, информационная, инженерная, патентная, консалтинговая, инвестиционная, маркетинговая, производственная, внедренческая и некоторые другие виды деятельности. Все они выстраиваются в один общий, объединенный общей целью, последовательно выстроенный ряд сменяющих друг друга частных действий или процессов. Такой целенаправленный комплекс, создающий и внедряющий какое-то новшество, способен воздействовать на развитие организации, осваивающей это новшество, на изменение содержания и результатов ее деятельности и характер труда занятых там людей. Одновременно с этим нельзя не обратить внимания на то, насколько сложной является координация деятельности всех многочисленных участников инновационного процесса, которые должны согласованно и с высокой долей ответственности

содействовать осуществлению всего цикла создания и внедрения новшества. В современных экономических условиях эта координация должна в минимальной степени ориентироваться на административное воздействие. Ее основу должно составлять последовательное использование рыночных механизмов.

Инновационные процессы существенно различаются между собой по временным характеристикам, по структуре и количеству участников, включенных в инновационную деятельность. Новшества могут создаваться как в пределах одной организации, так и с участием значительного числа организаций. В последнем случае участниками одного инновационного процесса могут, например, оказаться сотрудники научных учреждений с их возможностями экспертизы сделанных научных находок и открытий, разработчики технологий, использующие эти научные открытия, агенты информационных организаций и промышленных выставок, реализующие рекламные возможности своих организаций, представители банковского капитала, готовые на венчурное финансирование разработок, производственники с их маркетинговыми службами или инициаторы нововведений из непроизводственной сферы.

В зависимости от структуры инновационного процесса время его протекания может существенно изменяться. Как правило, чем больше взаимодействующих организаций, тем дольше длится инновационный процесс.

В то же время далеко не всегда (и не обязательно) продолжительность процесса нововведения зависит исключительно от сложного характера структуры инновационной деятельности. В немалой степени это связано с профессиональными характеристиками акторов и организаций, участвующих в этом процессе, с их отношением к целям и участникам инновационного процесса, а также с общим уровнем культуры инновационной деятельности в регионе, которые в совокупности и создают условия для осуществления всех необходимых процедур в заданные сроки.

Совокупность всех этапов одного инновационного процесса представляет собой, по действующей в инноватике терминологии, *жизненный цикл инновации*. Пространство жизненного цикла не только объединяет деятельность многих людей и организаций, занятых выполнением неодинаковых функций, но и позволяет определить трудоемкость и продолжительности этой деятельности, разную продолжительность каждого этапа. Это дает возможность прогнозировать время, необхо-

димое для реализации подготовленного новшества, планировать затраты труда на каждом этапе инновационного процесса.

В одном из толкований «жизненный цикл инновации (нововведения)» определяется как «динамика взаимодействия инновационного процесса с его средой на пути от появления научной идеи, открытия до диффузии (распространения и использования) результатов данного нововведения его потребителями» (Лапин 2006). Некоторые исследователи делают акцент, прежде всего, на возможности с помощью этого понятия определить временные параметры. Очевидно, именно поэтому сотрудники «Руководства Осло» толкуют его *«как период времени до момента коммерциализации или ожидаемый период окупаемости»* (цит. по: Винокуров 2004: 8).

В противоположность этому в приложении к проекту «Основы политики Российской Федерации в области развития национальной инновационной системы на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» временная характеристика вообще не используется. Жизненный цикл определяется как «периодически повторяющийся процесс последовательного создания инновационных продуктов — от выявления новой потребности порождения идеи (концепции) до ее практического воплощения (внедрения) и сбыта на рынке...» (там же: 9).

Некоторые исследователи считают необходимым включать в жизненный цикл такие стадии, как устаревание новшества, и отказ от него в пользу более продуктивных разработок (исчерпание возможностей, появление альтернативных новшеств) (Лапин 2002).

В процессе развития знаний об основах инновационного развития некоторыми отечественными исследовательскими организациями был разработан ряд моделей жизненного цикла инноваций. Наиболее законченный характер имеет такая модель, созданная департаментом инновационного развития Минпромнауки РФ в 2003 году. Она включает в себя три этапа жизненного цикла. Ниже представлено ее содержание.

*Модель жизненного цикла инноваций
(разработана Минпромнауки РФ)*

1 этап. Генерация знаний:

- а) развитие научной среды;
- б) прорывные направления в науке.

2 этап. Создание и коммерциализация технологий:

- а) выбор приоритетов инновационного развития и стимулирование концентрации ресурсов;
- б) развитие инновационной инфраструктуры.

3 этап. Модернизация промышленности и выход на рынок:

- а) формирование и реализация крупных проектов совместно государством, бизнесом и научным сообществом;
- б) поддержка процессов интеграции в мировой рынок;
- в) стимулирование развития малых и средних высокотехнологичных компаний (Гордиенко 2004).

Эта модель предоставляет возможность выделить три сферы анализа инновационной деятельности. Тем не менее, по нашему мнению, она не лишена недостатков. К ним в первую очередь следует отнести подмену конкретного функционального содержания деятельности акторов перечнем общих задач развития инновационной деятельности. Это, в частности, затрудняет определить состав акторов каждого этапа. Первый этап модели, несомненно, тяготеет к сфере деятельности научных учреждений. Второй — к деятельности региональных органов власти и сфере малого бизнеса. Третий — к сфере производства, массового тиражирования результатов инновационной деятельности, полученных на первых двух этапах.

При дальнейшем рассмотрении можно прийти к выводу о том, что предложенная Министерством промышленности, науки и технологий РФ модель упускает ряд существенных этапов в жизненном цикле современного наукоемкого инновационного процесса. Здесь не отражена роль рынка наукоемкой продукции. Отсутствует указание на развитие правовой, информационной и обучающей деятельности в организациях, включенных в инновационный процесс. Совершенно не видна роль территориальных органов власти в развитии инновационной деятельности, которые в соответствии с правительственными поручениями несут ответственность за создание условий для инновационного развития своих регионов.

Нам представляется возможным, с учетом сделанных замечаний, предложить для обсуждения несколько иной вариант модели «жизненного цикла инноваций». Эта модель рассматривается нами как базовая. В ходе ее разработки учитывалась возможность ее адаптации к тому объекту анализа, с которым исследователь имеет дело. В зависимости от конкретных обстоятельств она может трансформироваться. Ниже приводится предлагаемая нами модель.

Модель жизненного цикла инноваций

1 этап. Генерация инновационных идей:

- а) осуществление фундаментальных исследований и исследовательских проектов, ориентированных на инновационную перспективу;
- б) выполнение прикладных и экспериментальных исследований, определяющих возможность использования научных открытий, изобретений и иных перспективных идей для создания новшеств, имеющих инновационные перспективы;
- в) развитие системы информационного обеспечения научно-технической и инновационной деятельности в научных учреждениях и экспериментальной базы;
- г) подготовка и вовлечение в научно-исследовательскую (фундаментальную и прикладную) деятельность новых научных сотрудников.

2-а этап. Коммерциализация предлагаемых для использования новшеств:

- а) обеспечение патентной защиты инновационных идей, научных открытий и изобретений, иных результатов фундаментальных и прикладных исследований, которые могут быть защищены;
- б) организация экспертизы научно-технических и инновационных программ и проектов;
- в) использование средств научно-производственной и бизнес-информации для придания гласности результатам научных исследований, имеющих инновационную перспективу, с целью привлечения инвесторов, которых может заинтересовать данные новшества;
- г) представление результатов научных исследований, имеющих инновационную перспективу, на научных форумах и научно-промышленных выставках;
- д) развитие системы государственного (венчурного) и иного финансово-экономического обеспечения научно-технической инновационной деятельности в научных учреждениях РАН.

2-б этап. Развитие инновационной инфраструктуры региона:

- а) создание необходимых условий, обеспечивающих формирование и функционирование технопарков. Предоставление им

- в аренду помещений, лизинг дорогостоящего оборудования, экономических (налоговых) льгот;
- б) организация экспертизы наукоемкой продукции, подготовленной и предложенной на рынок инвестиционных проектов;
 - в) создание на территории региона организаций, осуществляющих информационное обеспечение инновационной деятельности, проведение научно-промышленных выставок;
 - г) создание условий для привлечения банковского и иного частного капитала для венчурного финансирования инновационных проектов, в том числе использование на эти цели средств региональных органов власти;
 - д) стимулирование развития малых инновационных предприятий, создающих образцы наукоемкой продукции и технологий.

3 этап. Диффузия — тиражирование новшества, многократное его повторение на других объектах:

- а) участие промышленных фирм в освоении наукоемких новшеств, их привлечение к подготовке производства еще на стадии разработки проектов;
- б) осуществление маркетинговых исследований;
- в) участие банковского капитала и средств венчурных фондов в финансировании подготовки производства для тиражирования новшеств. Коммерциализация новшеств;
- г) повышение качественных характеристик производственного персонала и персонала непроизводственных организаций для эффективного освоения наукоемких технологий и изделий;
- д) создание условий, при которых освоение инновационных изделий и проектов способствовало бы повышению конкурентоспособности фирмы. Развитие деятельности консалтинговых фирм;
- е) стимулирование создания и развития малых и средних высокотехнологичных компаний, ориентированных на тиражирование конкретного новшества.

4 этап. Использование новшества в производстве, а также в деятельности непроизводственной сферы:

- а) рутинизация новшества, нововведение реализуется в стабильных, постоянно функционирующих элементах соответствующих объектов;

- б) рационализация его функционирования и использования, обучение персонала;
- в) устаревание нововведения, исчерпание его возможностей, появление альтернативных новшеств.

Приведенные в этой модели элементы жизненного цикла инноваций, на наш взгляд, более полно (по сравнению с моделью Минпромнауки РФ) отражают тот объем конкретных действий, который может быть востребован в процессе осуществления нововведений.

Все модели жизненных циклов инноваций указывают на наличие «стыков» между отдельными видами деятельности и организациями, которые их осуществляют. Наличие таких межфункциональных границ позволяет предполагать, что на каждом таком «стыке» у исследователя есть основания прогнозировать появление противоречий и конфликтов, имеющих не только экономическую или организационно-правовую основу. Это могут быть и несовпадение интересов, и низкий уровень идентификации с осуществляемой деятельностью, взаимонепонимание, несовместимость организационных культур, то есть социальные противоречия, которые могут создавать непредвиденные и непреодолимые препятствия на пути инновационных процессов. Не случайно в работах известного исследователя Н. И. Лапина «жизненный цикл инновации (нововведения)» определяется как «динамика взаимодействия инновационного процесса с его средой на пути от появления научной идеи или открытия до диффузии (распространения и использования) результатов данного нововведения его потребителями» (Лапин 2006).

5. Инновационная инфраструктура. Многообразные виды деятельности, осуществляемые акторами инновационного процесса на всех его этапах, существенно различаются по тем задачам, которые они решают, по тем средствам, которые при этом используются, а также по тем требованиям, которые к ним предъявляются. В частности, это находит свое отражение в делении инновационной деятельности на *основную* и *вспомогательную*. На каждом этапе инновационного процесса идет, с одной стороны, творческая разработка идей исследования, поиск возможности их воплощения в средство решения какой-то практической задачи, определение оптимального способа их диффузии. И эта деятельность рассматривается как основная. Но наряду с этим, параллельно, должно быть решено немало проблем, обеспечивая

успешное практическое освоение и внедрение создаваемого инновационного продукта. К ним относятся проблемы финансирования инновационного проекта, представление его в информационном пространстве, защита прав на интеллектуальную собственность авторов новшества, поиск ниши и партнеров на рынке и т. д. Функции, связанные с решением этих проблем, рассматриваются как вспомогательные. Они не определяют параметров и преимуществ разрабатываемого новшества, но создают условия для его «появления на свет» и внедрения в практику. Организации, которые заняты их выполнением, относятся к инфраструктуре инновационного процесса или к *инновационной инфраструктуре*.

До последнего времени в литературных источниках отсутствовало единое определение этого термина, несмотря на значимость относящейся к нему деятельности. Анализируя проблемы создания инноваций, многие авторы подчеркивают важную роль инфраструктуры, создающей необходимые условия для успешного продвижения новшеств по этапам инновационного цикла. Перечисляются ее элементы и виды деятельности, которые с ними связаны. В рекомендациях действовавшего до начала «нулевых годов» Министерства промышленности, науки и технологий РФ инновационная инфраструктура рассматривалась как «*многообразные системы поддержки научно-исследовательской и инновационной деятельности*». К ним авторы рекомендаций относили:

- систему информационного обеспечения;
- систему экспертиз научно-исследовательских и инновационных программ;
- систему производственно-технической поддержки с такими элементами, как лизинговые организации, технопарки, объединения по совместному использованию дорогостоящего оборудования и т. д.;
- систему сертификации наукоемкой продукции;
- систему консалтинга в сфере экономики и финансов, маркетинга и внешнеэкономической деятельности;
- систему продвижения на рынок научно-технических разработок и наукоемкой продукции;
- систему координации и регулирования развития инновационной деятельности.

Но в соответствии с современными представлениями перечень видов деятельности, а также акторов и организаций, занятых поддержкой инновационной деятельности и относимых к инновацион-

ной инфраструктуре, значительно шире. Сюда, безусловно, должно быть включено совершенствование системы защиты авторских прав. По существу, именно с нее должно начинаться становление рынка наукоемкой продукции. К инфраструктуре необходимо отнести и систему инвестиционной поддержки в виде создания государственных и частных венчурных фондов. Не следует забывать о консалтинговых центрах в научных учреждениях, обеспечивающих грамотное оформление «появления на свет» и продажу инновационных разработок, а также о необходимости проведения в ряде случаев маркетинговых исследований.

Практика свидетельствует о том, что в некоторых случаях отнесение того или иного вида инновационной деятельности к разряду «основная» или «инфраструктура» носит произвольный, не научный характер. Она зависит от того, на каком этапе инновационного жизненного цикла действует сам субъект такой оценки. Так, например, для ученого исследователя вся дальнейшая деятельность по разработке его научных идей, имеющих инновационную перспективу, представляется как не связанная с основной деятельностью инфраструктура. В то же время руководителю производственной организации, осуществляющей внедренческий этап «диффузия», вся работа научных организаций, воплощающих научные идеи в реальный инновационный продукт и создающих опытный образец, представляется как инфраструктура по отношению к его предприятию. Особенно часто такую оценку можно услышать на тех предприятиях, которые имеют у себя свои научно-исследовательские подразделения.

Между тем для управления инновационной деятельностью необходима более взвешенная, более продуктивная позиция в определении ролевых позиций организаций, участвующих в инновационном цикле, повышающих их мотивацию на успех. Необходимо иметь в виду, что вопрос о том, к какого рода деятельности отнести того или иного актора инновационного процесса, не является формальным. От этого зависит характер мотивирования этого актора (научного сотрудника, инженера, чиновника, рабочего, банкира и т. д.), способ его идентификации с целями инновационной деятельности, создание благоприятных условий, в которых он будет действовать. Совершенно очевидно, что высокую культуру инновационной деятельности и заинтересованность в благоприятном результате инновационного процесса легче сформировать в группах и организациях непосредственно занятых разработкой и освоением новшества, чем среди тех, кто обслуживает этот

процесс. Эти группы обслуживания, не связанные непосредственно с конечными результатами внедряемого новшества и лишь способствующие основной работе, не увлечены достоинствами нового инновационного продукта и не видят для себя никакой пользы от его внедрения в практику. Их сложнее мотивировать на качественное участие в инновационной деятельности. Это может оказывать негативное влияние на сроки и качество подготовки продукта к рыночному этапу. Сделать его неконкурентоспособным при ошибках в его презентации. Все это требует повышенного внимания к мотивации этой части участников инновационной деятельности, причем не только материальной, но и социальной, усиливающей их заинтересованность в успешном завершении инновационного проекта.

Значение этой проблемы связано с тем, что число работников, занятых вспомогательной деятельностью, оказывается значительно большим, чем число творческих работников. Поэтому и затраты на первую и вторую часть деятельности далеко не равны. Принято считать, что на первую приходится около 20% всех затрат, а на вторую — около 80%. И тем не менее первый вид деятельности называют *основной*, а второй — *вспомогательной* инновационной деятельностью.

Грамотный подход к дифференциации участников инновационного процесса требует исключить субъективизм в решении вопроса о том, кто может быть отнесен к инновационной инфраструктуре, то есть к вспомогательной деятельности. Это, в свою очередь, связано с использованием более четкого определения термина «инновационная инфраструктура».

В уже упоминавшейся выше концепции федерального закона «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации» дается такое толкование понятия «инфраструктура инновационной деятельности»:

«Инфраструктура инновационной системы — совокупность субъектов инновационной деятельности, способствующих осуществлению инновационной деятельности, включая предоставление услуг по созданию и реализации инновационной продукции. К инфраструктуре инновационной системы относятся центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры подготовки кадров для инновационной деятельности, венчурные фонды и др.» (Попова 2010: 5).

У нас есть возможность предложить свою более общую формулировку определения этого термина. «*Инновационная инфраструктура —*

это та часть инновационной деятельности, которая не связана непосредственно с разработкой и обоснованием новшеств. Но она создает многообразный комплекс условий и услуг, без которых успешное внедрение новшеств в жизнь практически невозможно. Такого рода деятельностью занята на всех этапах жизненного цикла инноваций большая часть участников инновационного процесса».

Приведенные определения не противоречат друг друга, а, скорее, служат дополнением один к другому. Создание объектов инфраструктуры — это, как правило, прерогатива государства, неотъемлемая часть деятельности по формированию национальной инновационной системы. На практике можно столкнуться с тем, когда научные учреждения сами создают в пределах своей компетенции организации, обеспечивающие патентование, сертификацию новых идей и образцов.

Особую роль в создании и развитии инновационной инфраструктуры на территориях субъектов федерации призваны сыграть региональные органы власти. Именно на них возложена ответственность за совершенствование государственного содействия коммерциализации результатов научных исследований и экспериментальных разработок. Они призваны создавать на территории региона и за счет его ресурсов венчурные фонды для финансирования подготовки к внедрению и внедрения инновационных проектов, развивать информационную базу, позволяющую максимально использовать потенциал научных учреждений... Создание региональной инфраструктуры потребует немалых сроков и напряженной работы.

Вот небольшая справка из работы В. В. Борисенко «Наука и рыночные отношения в информационном обществе»: «В Германии, Дании, Нидерландах, Финляндии важнейшими составляющими смешанной частно-государственной информационной инфраструктуры, ориентированной на стимулирование инновационных процессов, являются научные парки, новые технологические стандарты, кластерные проекты. В этом отношении, например, в Германии помимо Патентного ведомства создано 25 патентно-информационных центров и служб, рассредоточенных по всей стране. Четыре таких центра действуют на территории земли Северный Рейн-Вестфалия, наиболее развитого промышленного региона. Цель этого проекта — облегчение доступа малым и средним предприятиям к объединенным ресурсам. А в последние годы патентные ведомства предпринимают меры по объединению информационных ресурсов в глобальном масштабе. В рамках ЕС организована Распределительная патентная служба

Интернета (DIPS), ориентированная, прежде всего, на нужды малого и среднего бизнеса и индивидуальных изобретателей» (Борисенко 2008: 160–161).

6. Мотивация инновационной деятельности. Даже краткое перечисление социальных проблем, возникающих в процессе инновационной деятельности на разных этапах жизненного цикла инноваций, дает представление о том, сколь велика роль субъектов предстоящих изменений — участников инновационного процесса — в успешном решении такой грандиозной задачи, как переход к инновационному развитию отечественной экономики.

Что может пробудить у всего этого сообщества людей и организаций, взаимодействующих друг с другом в процессе создания и реализации новых инвестиционных проектов, интерес к их успешному завершению? О таких стимулах сказано немало как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Все авторы подчеркивают то обстоятельство, что участие в инновационной деятельности не простой выбор для ученых, деятелей культуры, чиновников и бизнесменов. Этот выбор далеко не всем сулит успехи и лавры. Многие терпят здесь неудачи и «сходят со сцены». И тем не менее какая-то часть идет на такой риск (а степень риска здесь действительно велика). Что же движет ими в этой ситуации?

На первом этапе инновационного цикла (т. е. этапе генерации идей, разработки новшества) можно говорить о творческой мотивации, желании ученых и работающих с ними специалистов инженерного профиля увидеть воплощенным в жизнь продукт их индивидуального или совместного поиска. Можно говорить о заинтересованности руководителей научных и производственных организаций в сокращении сроков и высоком качестве производственного освоения или внедрения полученного у разработчиков наукоемких изделий и технологий. Что же касается остальных участников инновационного процесса, в том числе относящихся к инновационной инфраструктуре, то в этой группе участников заинтересованное отношение к появляющемуся в их поле зрения новшеству минимально, если не отсутствует вовсе. Это обнаруживается сразу же, как только авторы новшеств предпринимают, например, попытку осуществить патентование новой разработки, принять участие в различных выставках, получить финансирование на разработку опытного образца и т. п. На всех этапах процесса реализации своих разработок они, как правило, обнаружи-

вают стойкую незаинтересованность людей, имеющих к этому непосредственное отношение, в решении своих проблем, сталкиваются с обычным бюрократизмом и поборами. Это становится серьезным антистимулом для тех, кто пытается добиться успеха на поприще выхода созданного новшества на рынок наукоемкой продукции. И становится очевидным, что одного морального удовлетворения здесь оказывается недостаточно.

Вот что пишет по этому поводу Ю. В. Яковец: «Нередко ссылаются на свойственный человеческому духу авантюризм, стремление к поиску и освоению нового, неизведанного. Это, конечно, верно, но недостаточно, несравнимо с масштабами затрат, усилий и жертв, которые ждут инноваторов. Нужно искать нечто более реальное, осязаемое, зримое. Таким реальным стимулом, эффектом, наградой за смелое новаторство, за победу в соперничестве является инновационная рента и квазирента» (Яковец 2004: 66). То есть, иными словами, люди, рискнувшие посвятить себя серьезной инновационной деятельности, а также те, кто способствует этой деятельности, должны иметь право рассчитывать на то материальное поощрение, которое соответствует инновационной сверхприбыли, которая может быть получена в случае успешного внедрения находящегося в их распоряжении новшества.

Это нормальный рыночный подход к оценке труда автора (или авторов) новшества. Он необходим для развития массовой инновационной деятельности в обществе. Такой подход трудно признать обоснованным.

И прежде всего, должна быть создана ситуация, когда у ученого, разработчика новшества, выходящего на рынок наукоемкой продукции, был на руках государственный документ, предоставляющий ему право использовать результаты внедрения его научной разработки по своему усмотрению. Документ, который бы гарантировал ему охрану его авторских прав, как на территории России, так и за рубежом. Это давало бы ему возможность либо продать свое право использования созданного новшества, либо создать коммерческую организацию для его внедрения в практику, либо стать акционером предприятия, заинтересованного в использовании его разработки. Это и будет движением в сторону создания в России рынка наукоемкой продукции.

Те документы, которые получают сегодня в России многие изобретатели и ученые такими возможностями не обладают. Разумеется, некоторые функции они выполняют, но они ничтожны, по сравнению

с потребностью эпохи инновационного развития в условиях рыночной экономики. Они практически не гарантируют защиты авторских прав, тем более за рубежом. Их использование для заключения соответствующих соглашений с производственными организациями и сферой обслуживания постоянно наталкивается на претензии финансовых, фискальных и правоохранительных органов, которые рассматривают эту деятельность на уровне спекулятивного торгового бизнеса.

Все это происходит потому, что в России на сегодняшний день не решен базовый вопрос о правах на интеллектуальную собственность, без чего невозможно построение инновационной экономики. Хотя прекрасно известно, что в числе причин «утечки умов» из России — это и юридическая незащищенность авторских прав.

По состоянию на 2010 год в России отсутствовали законы о служебных изобретениях, секретных изобретениях, коммерческой тайне. Это не позволяет провести разграничение прав изобретателей, авторов научных открытий, организаций, в которых они работают, и заказчика разработки. Авторы практически лишаются прав на использование доходов от внедрения своих разработок из-за претензии на них со стороны государства и организаций, в которой они работают. Это существенно снижает интерес частных инвесторов к приобретению подобных патентов и возможность участия в их внедрении автора. В США и Европе эта проблема давно решена в пользу творца инноваций. В то же время понятие «права на интеллектуальную собственность», как понятие особого вида товара, попросту отсутствует в таможенном и валютном законодательстве России (Борисенко 2008: 180–186).

7. Управление инновационным процессом. Для интерпретации этого понятия может быть предложено следующее определение: «Управление инновационным процессом — это деятельность по соединению разрозненных действий участников этого процесса (его акторов и организаций) в единый целенаправленный ряд последовательных операций, направленный на успешное внедрение создаваемого новшества в практику».

Как показывают материалы многих исследований, управленческая деятельность в инновационной сфере имеет свои специфические особенности и требует принципиально новых подходов, отличающихся от сложившихся в научных, производственных и административных организациях правил и традиций работы аппарата управления. И прежде всего речь идет о появлении в организациях менеджеров, форми-

рующих систему отношений, благоприятствующих созданию и успешному продвижению новшества к инновационному финишу.

Поэтому появление в конце 1990-х гг. на зарубежных предприятиях и в научных центрах подобных «штурманов» инновационной деятельности стало общепризнанной практикой управления в новых условиях, ориентированных на инновационное развитие, равно как и создание фирм, которые специализируются на организации инновационного процесса, оказывая консалтинговые и посреднические услуги.

Эти специалисты сводят в единую программу тех, кто разрабатывает перспективное новшество, проектирует его, изготавливает и испытывает образцы, и тех, кто заинтересован в его использовании. Такую работу поручают людям компетентным в правовых, экономических вопросах, в вопросах использования и охраны разрабатываемых интеллектуальных продуктов. Это люди, которые владеют алгоритмом работы с коммерчески интересной идеей, знают методологию и подходы к ее реализации. За счет использования своего опыта, имеющихся связей и знаний в области менеджмента они объединяют всех участников инновационного процесса таким образом, что каждому это будет намного выгоднее, чем самостоятельно искать партнеров и вести с ними переговоры.

Есть примеры и такой деятельности управленческих фирм, когда они сами находят перспективную идею или даже сами заказывают кому-то ее разработку. А затем завершают эту работу продвижением новшества на рынок, его тиражированием (Пригожин 1995: 224).

Все это предполагает создание и совершенствование в структурах управления инновационной деятельностью новых, отвечающих интересам выполняемых работ систем управления, подготовку соответствующих специалистов. Особое значение имеет решение этой задачи в системе научных учреждений, и прежде всего тех, где создается наибольший объем новых знаний и, соответственно, создаются наилучшие условия для инновационных перспектив. Здесь оно становится все более актуальным.

8. Инновационное развитие. «Инновационное развитие» — это понятие, которое характеризует стратегию развития социальных общностей: организаций, предприятий, регионов, страны в целом. Это развитие, которое предполагает в качестве результата, наряду с существенным увеличением производительности труда, принципиальные

изменения в характере и содержании деятельности людей, занятых различными видами труда, в их профессионально-статусном положении, в техническом укладе производства, в экономических результатах. Инновационное развитие в корне отличается от традиционного развития, для которого характерно постепенное изменение качественных и количественных параметров всех видов деятельности. Оно, как правило, влечет за собой революционные изменения в сферах труда, образования и жизнедеятельности людей. Такие масштабы влияния объясняются кардинальным изменением в XX столетии роли науки и превращению ее в непосредственную производительную силу общества. Именно в связи с этим важнейшим показателем инновационного развития государства становится доля национального продукта, созданного за счет использования в сфере производства и обслуживания инноваций, созданных учеными и инженерами национальных организаций и соотношение этой доли с долей доходов от продажи сырьевых ресурсов.

Проблема темпов инновационного развития применительно к нашей стране относится к разряду наиболее острых. В силу ряда исторических, политических и социальных причин Россия оказалась в арьергарде по уровню наукоемкости выпускаемой отечественным производством продукции. Подробно сравнительные данные по этой характеристике подготовлены и опубликованы профессором Владимирского государственного университета Н. В. Родионовой (Родинова 2009).

Анализируя инновационную политику развитых стран, исследователи находят все больше подтверждений тому, что наиболее значительные, прогрессивные изменения в политической, экономической и социальной сферах достигаются инновациями, в основе которых лежат глубокие научные разработки, открытия. Все это говорит о том, что поступательное инновационное развитие возможно лишь в том случае, если при этом целенаправленно используются достижения передовой научной мысли. Страна, которая отказывается себе в возможности сохранить и развивать свою научную сферу, имеет перспективу превращения в «отверточное государство».

Такой позиции придерживаются в настоящее время многие ученые. В своей статье «О пределах инновационных заимствований» В. Ж. Келле и его коллеги из Института математического моделирования РАН обосновывают необходимость сохранять и увеличивать отечественный научный потенциал, реализуемый в инновационной деятельности. Они

считают, что это должно делаться в интересах экономической и политической безопасности страны, в интересах ее будущего. Государства, которые делают ставку на преимущественное использование зарубежных научных разработок в развитии своей экономики, пишут они, обречены в перспективе не только относительно низкий жизненный уровень населения, но и на утрату страной своей экономической самостоятельности (Келле).

Разумеется, нельзя не согласиться с тем, что в отдельных случаях нет смысла создавать технологии и продукцию, если на перспективу такая продукция не будет осваиваться отечественными производителями. И вполне логично приобретать такую продукцию или технологию ее изготовления за рубежом. Но при этом все-таки необходимо всегда иметь в виду, что такие приобретения ни при каких условиях не в состоянии помочь отечественному производству стать конкурентоспособным на международном рынке. Приобретенные импортные технологии, как показывает практика, носят для покупателя «тупиковый» характер. Они «одноразовые». Их не удастся развивать дальше. На их основе отечественные специалисты никогда не создадут что-то принципиально новое, лучшее и всегда будут проигрывать в конкурентоспособности тем фирмам, которые эти технологии создали и продали. Ведь покупаются только технические и организационные воплощения чьих-то идей. А сами идеи продолжают развиваться. Но не у покупателя, а на той территории, где они были созданы. Вся история отечественного автомобилестроения в XX столетии — убедительный аргумент для такого вывода.

Нельзя не упомянуть и еще одного обстоятельства. Широко приобретаемые в настоящее время западные технологии, предприятия, как правило, не создают условий для полноценного использования того образовательного потенциала, которым располагают сегодня регионы России. Приобретаемое оборудование и технологические процессы, представляющие «вчерашний день» развитых стран, где, как правило, присутствуют элементы конвейерного производства, не требует даже начального образования. Об этом свидетельствует их широкое применение даже в слаборазвитых странах Африки и Азии.

Прогнозируя возможные варианты развития Российского государства, один из аналитиков инновационных процессов Ю. В. Яковец достаточно жестко связывает его перспективы с направленностью инвестиционной политики. Он пишет, что если сохранятся преобладавшие в 1990-е гг. тенденции технологической деградации и отказа

федеральных властей от поддержки базисных инноваций, то страну ждет перспектива отката на периферию мирового технологического переворота. Это приведет к снижению конкурентоспособности товаров и услуг и потери позиций не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. При этом под базисными инновациями он понимает инновационные проекты, в основе которых лежат крупные, прорывные научные открытия и разработки (Яковец 2004: 147–148).

Ситуация, о которой пишет известный исследователь инновационных процессов, свидетельствует о серьезном недопонимании значимости назревшей проблемы. Это проявляется даже в том, что в правящих структурах страны словосочетание *«инновационное развитие»* не имеет однозначной интерпретации. Его толкование в научных изданиях также пока еще находится в стадии уточнения. Например, по мнению сотрудников Института стратегических инноваций, *«инновационное развитие»* — это прежде всего *«цепь реализованных новшеств»*. Развивая это определение, они пишут: *«Оно более успешно, когда охватывает не одну узкую область (например, производство деталей), а включает в себя также сферы, влияющие на общий результат (управление, маркетинг, обучение персонала, финансы, продажу и т. д.)*. Таким образом, они считают, что инновационное развитие имеет комплексный характер» (Николаев 2001: 7).

Насчет важности комплексного подхода спорить не приходится, но обращает на себя внимание то, что его авторы считают возможным относить к инновационному развитию внедрение любых новшеств. И тех, которые ведут к перевороту в организации деятельности и в системе отношений, и тех, которые лишь в какой-то степени повышают производительность труда либо несколько улучшают потребительские качества продукта. Правда, они признают, что в этом, втором, случае инновационное развитие идет менее успешно, но, дескать, *«все равно идет»*. Такая позиция законодателей инновационной стратегии лишает понятие *«инновация»* ее особого, современного смысла. Между тем небольшие изменения в производственной и непроизводственной сферах более корректно называть *«рационализацией»*. Или, как стало принято сегодня говорить, — *«модернизацией»*. Ранее, до появления понятия *«инновация»*, эти изменения так и именовались. И это соответствовало реальным результатам. Инновационным развитием могут называться лишь такие изменения в деятельности производственной и непроизводственной сферы, которые создают основу для изменения технического уклада производства, характера и професси-

онального состава, характера трудовой деятельности, всего комплекса общественных отношений.

Поскольку речь идет о научном анализе нового социально-экономического феномена, есть необходимость учитывать все аспекты его воздействия на сферу применения, включая влияние на человека, на характер его деятельности и развития. В соответствии с этим целесообразным отразить все это и в толковании самого термина «инновационное развитие». Определение, разработанное в Социологическом институте РАН и представленное ниже, на наш взгляд, более полно передает суть и содержание понятия «инновационное развитие»:

«Инновационное развитие — это прогрессивные изменения условий и содержания жизнедеятельности людей, занятых в производственной и непроизводственной сферах, а также общества в целом за счет массовой разработки и реализации инноваций. Социальные, экономические, технические, а также все другие изменения, происходящие под влиянием этих инноваций, создают условия для перехода общества к новому типу производства и общественных отношений».

9. Инновационная деятельность. Инновационный процесс, содержанием которого является трансформация нового знания в принципиально новый или усовершенствованный продукт, технологию или проект, осуществляется людьми, относящимися к самым разным сферам занятости. Они имеют разные профессии, выполняют неодинаковые функции, но их объединяет причастность к общей деятельности по осуществлению и завершению этого процесса. К той деятельности, которую сегодня называют инновационной. Поэтому инновационную деятельность можно трактовать как *«практики участников инновационного процесса, отвечающие целям этого процесса и обусловленные местом каждого участника в его жизненном цикле»*. Между тем государственных чиновников такой простейший вариант толкования устроить не может. Создавая методологическую основу Национальной инновационной системы, они стремятся к тому, чтобы принятое и используемое в государственном управлении определение четко определяло сферу функционирования инновационной деятельности и состав ее участников. Чтобы оно позволяло правильно ориентировать государственные ресурсы и контрольные функции на действительных исполнителей инновационных программ. Поэтому в правительственных учреждениях,

имеющих отношение к формированию инновационной политики, появилось немало вариантов толкования понятия «инновационная деятельность».

Подробное толкование этому понятию дает сотрудник ЦИСИ Минобрнауки и РАН В. И. Винокуров. По его мнению: *«Инновационная деятельность — это совокупность научной, технологической, организационной, финансовой и коммерческой деятельности, направленной на создание и внедрение на рынке нового или усовершенствованного продукта, создание нового или усовершенствованного технологического процесса, использованного в практической деятельности, либо новой или усовершенствованной организационно-экономической формы, обеспечивающей необходимую экономическую и (или) общественную выгоду»* (Винокуров 2005: 8).

К недостаткам этого определения можно отнести лишь тот факт, что в нем не подчеркивается определяющая роль начального этапа инновационного процесса, роль научного поиска и создания научной основы перспективного новшества. Между тем еще в конце 1990-х гг. в аппарате Правительства РФ было разработано определение термина «инновационная деятельность», которое делало акцент именно на научной основе зарождения инновационной деятельности. Оно выглядело следующим образом:

«Инновационная деятельность — это процесс, направленный на реализацию законченных научных исследований и разработок, либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки (Концепция... 1998).

Сформулировав достаточно подробные определения термина «инновационная деятельность», чиновники государственного аппарата и работающие по их заданию научные центры этим не ограничились. Они сочли необходимым создать некую внутреннюю структуру инновационной деятельности, перечисляя виды деятельности, которые могут быть к ней отнесены. Стремление придать этому перечню большую подробность нельзя считать надуманным. Как показывает практика, отсутствие такой детализации нередко становится причиной долгосрочных конфликтов между учеными и бизнесом, с одной стороны, и фискальными и территориальными органами власти — с другой.

Причиной этих конфликтов нередко является отсутствие взаимопонимания по поводу того, какие виды организации производства или

создания новых внедренческих форм относятся к инновационной деятельности. А это немаловажно для реализации права на щадящее налогообложение, на особый порядок получения земельных участков, разрешений на строительство и т. д.

Ниже приводится для примера две таких структуры инновационной деятельности. Первая из них создана при подготовке проекта документов к принятию закона о формировании инновационной системы РФ (Приложение... 12). В соответствии с ней к инновационной деятельности отнесены следующие виды различных работ:

- выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ по созданию инновационного продукта;
- комплексное научно-технологическое, индикативное планирование и целевое программирование, организация и нормативно-правовое обеспечение работ по созданию инновационного продукта;
- технологическое переоснащение и подготовка производства для выпуска инновационного продукта (услуги), технологии;
- проведение испытаний и освоение потребителем инновационного продукта;
- управление процессами коммерциализации технологий;
- деятельность по продвижению инновационного продукта на внутренний и мировой рынки, включая правовую защиту результатов интеллектуальной деятельности, использованной в продуктах;
- создание и развитие инновационной инфраструктуры;
- передача либо приобретение прав Российской Федерацией или другими правообладателями на объекты интеллектуальной собственности, включая их вовлечение в гражданско-правовой оборот;
- экспертиза, консультационные, информационные, юридические и иные услуги (включая финансирование инновационной деятельности) по созданию и реализации нового и усовершенствованного инновационного продукта.

Между тем это не единственный перечень видов инновационной деятельности, который фигурирует в последние годы в документах правительственных разработчиков и печатных изданиях. Ниже приводится, для примера, еще один перечень, подготовленный сотрудниками Госкомстата.

Этот перечень видов инновационной деятельности Госкомстата России, утвержденный в 2002 году, содержит некоторые виды работ, которых нет в приведенном выше списке (Инструкция... 2002). Поэтому он позволяет получить более широкое представление о сфере инновационной деятельности. В нем присутствуют:

- исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов;
- приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями;
- приобретение новых технологий, в том числе права на патенты, лицензии на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей;
- приобретение программных средств; производственное проектирование, другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрение новых услуг или методов их производства (передачи);
- обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями;
- маркетинговые исследования;
- прочие затраты на технологические инновации.

К факторам инновационной деятельности, таким образом, относятся не только основные разработчики, инноваторы и специалисты по внедрению, но и многочисленные сотрудники организаций, которые относятся к инновационной инфраструктуре. Но и те акторы, которые непосредственно не имеют дела с разработкой новшества, но обслуживают этот процесс. И каждый из них в состоянии оказывать влияние на качество, темпы и успешность внедрения инновационного продукта, даже не соприкасаясь с ним непосредственно.

Разумеется, наиболее фундаментальным решением этой проблемы является придание взаимодействию участников инновационного процесса рыночного характера. Имеется в виду создание условий, при которых каждый актор этого процесса имел бы должностную или материальную заинтересованность в успешном завершении своей части инновационной деятельности.

Тем не менее наряду с этим исследователи, которые анализируют социальные проблемы инновационной деятельности, сталкиваются с тем, что на поведение людей в инновационной сфере помимо экономических условий оказывает позитивное (или негативное) влияние значительное число и других факторов, порожденных другими сферами отношений. Исследователь-социолог может не вдаваться в суть

и причины их возникновения, но он не может их не учитывать. Опыт, накопленный исследователями в инновационной сфере, дает представление о таких наиболее часто встречающихся факторах, сдерживающих инновационный процесс, по вине которых инновационная деятельность может даже не начаться или, будучи начатой, не привести к ожидаемым результатам. Ниже приводится примерный перечень таких факторов.

Это прежде всего факторы политические и правовые:

- отсутствие четко сформулированной государственной инновационной политики;
- отсутствие сформированной Национальной инновационной системы;
- несоответствие налоговой политики, государственных норм и стандартов, бюджетного финансирования интересам инновационного развития;
- незащищенность интеллектуальной собственности;
- неразвитость рынка высокотехнологической и наукоемкой продукции;
- несоответствие уровня финансирования теоретических исследований целям инновационного прорыва в экономическом и социальном развитии страны.

Финансовые факторы:

- неспособность малого и среднего бизнеса осуществлять большой объем затрат на внедрение новшеств;
- неготовность отечественного бизнеса иметь дело с длительным периодом окупаемости инновации;
- неразвитость венчурного финансирования;
- отказ от финансирования из-за чрезмерного риска для инвесторов;
- ограниченность финансовых возможностей фондов внедрения научных открытий и достижений;
- отсутствие спроса на отечественном рынке на высокотехнологическую и наукоемкую продукцию.

Факторы в сфере тиражирования:

- отсутствие технологических возможностей;
- недостаточный профессионализм персонала;
- отсутствие заинтересованности в освоении наукоемкой продукции;
- недостаток маркетинговой информации.

Факторы организационные:

- недостаточность научной, технологической, маркетинговой информации;
- неудовлетворительное состояние инновационной инфраструктуры;
- плохая организация деятельности по созданию и обслуживанию МИПов;
- недейственная мотивация инновационной деятельности.

Безусловно, здесь перечислены далеко не все факторы, которые могут в современных условиях оказывать тормозящее влияние на инновационную деятельность. Не исключено, что каждое новое исследование сможет пополнять этот список. С другой стороны, есть уверенность в том, что совершенствование инновационной деятельности будет его сокращать. Но во всех случаях знание этих факторов, представление об их влиянии, не является лишним. Оно может помочь исследователю оперативнее оценить условия, в которых формируется инновационная деятельность.

Завершая описание понятия «Инновационная деятельность», необходимо, на наш взгляд, уделить внимание его использованию при анализе ситуации в научно-исследовательских учреждениях, где в последнее время имеет место достаточно спорная ситуация в его толковании. Тот факт, что все сотрудники научных учреждений (и теоретики, и прикладники) участвуют в инновационном процессе, создавая для него исходные предпосылки, по каким-то причинам ставится в настоящее время высшими властными структурами страны под сомнение. Поэтому есть необходимость более подробно проанализировать этот вопрос.

Совершенно очевидно, что, если научная деятельность и кладет начало процессу создания инноваций, ученые не являются их «повивальной бабкой». Разумеется, за исключением тех случаев, когда это касается инновационных изменений в содержании теоретических или методологических основ науки. Традиционно мы представляем себе наличие в научно-исследовательских учреждениях естественного профиля двух видов занятий. Это теоретические (фундаментальные) исследования и прикладные исследования и разработки. Правда, в реальности структура научно-исследовательской деятельности выглядит несколько сложнее. Прикладные исследования включают в себя помимо экспериментальных исследований еще и создание образцов нового продукта, конструкторско-технологическую деятельность (НИОКР). В задачу

этой деятельности входит научно-инженерная подготовка новшества, созданного на основе полученного нового знания, к внедрению на практике. Таким образом, структура научно-исследовательской деятельности в научно-исследовательском учреждении включает в себя три взаимосвязанных, но все же различных типа научно-исследовательских работ: 1) теоретические (фундаментальные) исследования; 2) прикладные (экспериментальные) исследования и 3) исследовательские проектно-конструкторские разработки, которые нередко также относят к прикладным исследованиям (Котенко 2009: 33).

Содержание перечисленных типов научно-исследовательских работ можно представить себе следующим образом:

Теоретические (фундаментальные) исследования представляют собой исследования, направленные на получение нового знания о явлениях и законах действительности. Именно они в первую очередь способствуют развитию науки. С учетом различия в целеполагании теоретических исследований науковеды делят их на два вида: свободные и целенаправленные (Кармин, Бернацкий 2001). Свободное (поисковое) исследование предполагает полную самостоятельность ученого в определении целей выполняемого им исследовательского проекта. Получив добро на выбранное направление научного поиска, исследователь получает право самостоятельно определить задачи работы и средства их решения. Причем именно такие, свободные исследования, опирающиеся на глубоко профессиональную интуицию ученого, способны дать непредсказуемые прорывы в получении нового знания, позволяющие создавать эпохальные типы инноваций, подвергать ревизии сложившиеся представления об окружающем нас материальном мире.

В целенаправленном теоретическом исследовании перед ученым ставится конкретная цель, достижение которой рассматривается как обязательное условие выполнения работы. Отклонение от поставленной цели не приветствуется и пресекается. Организация, которая заказывает и финансирует подобного рода исследование, ожидает от ученого теоретического обоснования конкретного практического решения. Такого рода практика осуществления целенаправленных теоретических исследований является обычным атрибутом выполнения оборонных заказов, крупных целевых проектов по созданию новых продуктов производства, строительства, создания фармацевтических средств и т. п.

Второй тип научно-исследовательской работы — прикладная деятельность — это прежде всего экспериментальная проверка и подтверждение в практических условиях выводов, новых знаний и представлений, которые

были получены теоретиками в мыслительном процессе научного поиска. В некоторых случаях прикладное исследование становится этапом решения сугубо практических задач.

Третий тип прикладной научно-исследовательской деятельности являются проектно-конструкторские разработки (НИОКР). Они имеют своей целью выполнение конкретных заданий, направленных на создание на основе полученных и проверенных в ходе эксперимента новых научных знаний приборов, технологий, проектов, использующих эти новые знания.

На первый непросвещенный взгляд (что, по всей видимости, и имеет место в рассуждениях представителей властных структур) напрашивается такая дифференциация видов научно-исследовательской деятельности: поскольку теоретики получают новое знание, занимаясь «чистой наукой», а прикладники (на втором и третьем этапе) занимаются практическим применением этих новых знаний в практических условиях, напрашивается вывод о том, что инновационная деятельность — это тесно связанные с практическим результатом прикладные исследования и разработки. А фундаментальные теоретические исследования к инновационной деятельности как бы отношения не имеют.

Однако, по мнению людей, имеющих более полное представление о научной деятельности, все не так просто. На практике, пишут и говорят они, «развитие фундаментальных и прикладных наук идет в тесной взаимосвязи. Все явственнее становятся процессы “фундаментализации” прикладных исследований и вместе с тем умножается число случаев целенаправленного проникновения фундаментальных исследований в такие области знания, которые наиболее необходимы для практики» (Котенко 2009: 33). Возможен и другой вариант, когда новый метод или технология, обоснованные теоретическим путем, становятся одновременно практическим результатом фундаментальной работы, то есть могут непосредственно использоваться практиками.

Наконец, нельзя не учитывать и тесного переплетения фундаментального и прикладного типов научной деятельности в повседневной жизни исследователей. По этому поводу автор статьи о структуре научно-исследовательской деятельности М. Бабуров пишет: «В реальности ни фундаментальная, ни прикладная наука никогда не встречаются в чистом виде. На практике в решении любой проблемы присутствуют обе науки в различных пропорциях. И фундаментальной мы называем проблему, в которой велика доля нового, неизвестного зна-

ния, а прикладной — ту, в которой, как нам представляется, неизвестного значительно меньше» (Бабуров 2009: 2).

Все сказанное говорит не в пользу отнесения к инновационной деятельности научных учреждений только прикладной науки. Оно дает основания для того, чтобы в качестве инновационной деятельности рассматривать оба вида научных работ: и работу в области прикладных исследований и разработок, и работу в области фундаментальной науки.

Подводя некоторый итог, следует согласиться с тем, что в реальности речь идет о сложном сочетании теоретических и прикладных исследований, представляющих собой две стороны инновационной деятельности в науке. С одной стороны, они взаимодополняют друг друга, оказывая благотворное влияние на развитие каждой из них. Но, с другой стороны, каждая самостоятельно решает в своей сфере весьма различающиеся, но одинаково значимые проблемы инновационного развития.

Насыщение рынка отечественной наукоемкой продукцией ведет к усилению экономических и социальных позиций государства в мировом сообществе, а развитие отечественной фундаментальной науки способствует усилению его инновационного потенциала. О последствиях недопонимания этого очень убедительно пишет О. Г. Голиченко: «...Процессы глобализации в области исследований и разработок, как показывает опыт, не уменьшили важность и значимость развития и усиления национальных баз знаний в области фундаментальных исследований. Попытки жить “вольными наездниками” (free riders), т. е. пользоваться плодами “чужих” фундаментальных исследований, не ведя своих собственных, оказались в мире нежизнеспособными. Для того чтобы хотя бы адсорбировать созданные за рубежом инновационные продукты, созданные в результате проведения фундаментальных исследований, оказалось необходимым развивать свои собственные научные исследования в определенных областях» (Голиченко 2006: 102).

10. Культура инновационной деятельности. В новом тысячелетии социологический исследовательский арсенал пополнился новым социологическим подходом к исследованию социальной реальности — культуральным. Несколько необычное название этому подходу было дано в 1996 г. американским социологом Дж. Александером, который выдвинул идею создания нового направления социологического знания —

«культуральной социологии». Эта идея нашла поддержку не только у ряда известных исследователей и изданий, но и стала предметом широкой дискуссии на XVI Всемирном социологическом конгрессе в Дурбане (ЮАР) (Тошенко 2007: 3–12).

Характеризуя новый методологический подход, В. А. Ядов пишет, что Джеффри Александер «...выдвинул идею культуральной социологии, а в сущности, предложил рассматривать культуру в функции основного движителя социальных трансформаций на основе того, что ценности, культурные коды и дискурсы в обществе как раз и выступают главной причиной социальных изменений» (Ядов 2009: 60).

Использование столь необычного названия нового подхода связано с попыткой социологов этого направления (культуральных социологов) таким образом размежеваться с исследователями, работающими в области социологии культуры, антропологии и некоторых других гуманитарных дисциплин, оперирующих понятием «культура». Интерпретация основного понятия «культура» в культуральной социологии и в упомянутых гуманитарных дисциплинах весьма близки. И там, и там культура рассматривается как способ жизни. И там, и там ее определение можно свести к формуле: «Культура — это все, что люди делают, то, что они думают и чем они обладают» (Bierstedt 1963: 129).

Тем не менее, по мнению сторонников культуральной социологии, это сходство чисто поверхностное. В методологии культурального подхода культура занимает принципиально иное место в деятельности людей, нежели то, которое ей отводится традиционной социологией культуры. Здесь под понятием культуры предполагается зависимая переменная, которая формируется под влиянием изменений в видах и содержании деятельности, в социальной структуре общества или в материальной сфере. Традиционно культуру рассматривают как эпифеномен социального развития, как совокупность результатов деятельности людей, как социальное наследие. Отсюда понятие культурного лага, неизменного отставания культуры от событий социальной действительности.

Что же касается культуральной социологии, то здесь культуре отводится совершенно иное место в деятельности людей. Она рассматривается как координатор в формировании социальной жизни. Как движитель социальных изменений, преобразователь социальной реальности (Alexander 2003: 13).

Однако, если не акцентировать внимание на необычном наименовании новой социологической ориентации и ее ориентации на духов-

ные истоки социальных изменений, необходимо согласиться с тем, что сама идея признания культуры одним из основных социальных механизмов деятельности принадлежит не только Дж. Александру. Еще в 1986 году другой американский ученый — А. Свидлер — в своей работе «Culture in Action: Symbols and Strategies» писал о возможности реализации в социологическом анализе «культурного подхода». Он считал, что такой подход «во-первых, предполагает образ культуры, как “инструментальный набор” символов, сюжетов, ритуалов и мировоззрений, которые люди могут использовать в различных конфигурациях для разрешения различного рода проблем. Во-вторых, он сосредоточен на “стратегии действия”, непрерывных путях упорядочения действия во времени с целью причинного анализа воздействия культуры. В-третьих — видит причинную значимость культуры не только в определении результатов действия, но и в обеспечении культурными компонентами, которые используются для построения стратегии действия» (Swidler 1986).

В отечественной социологии идея признания культуры двигателем социального действия была высказана в 1996 году Л. Г. Иониным в работе «Социология культуры». Рассматривая место культуры на современном этапе общественного развития, он подчеркнул в ней новую функцию «мотора» социальных изменений «...Теперь культура оказывается логически и фактически впереди того, что происходит в реальности <...> Социальные изменения получают, в основном, культурную мотивацию» (Ионин 1998: 5).

О культурном регламентировании человеческой деятельности пишет и хорошо известный в мировом социологическом сообществе П. Штомпка: «Среди многих концепций человека, которые мы приводили выше <...> имеет место и такая, согласно которой человек — существо, руководствующееся правилами, а от животных его более всего отличает именно то, что он обладает культурой, и прежде всего блоком *правил*, определяющих внешние границы для его собственной индивидуальной активности» (Штомпка 2005: 246).

Утверждение нового подхода и использование культуры в качестве предмета исследования при анализе различных видов деятельности связано не столько с логическим развитием накопленных социологической наукой знаний, сколько с глобальными изменениями в развитии самого общества. Общество все больше утрачивает свою зависимость от природной среды и все в большей степени изменяется под влиянием развития нового знания, иных, формируемых людьми, культурных

норм и ценностей. «Если социальная история трансформировалась из естественно-исторического в социально-исторический процесс, то и функции культуры, — пишет В. А. Ядов, — в социокультурной системе также трансформировались» (Ядов 2009: 61).

Но при этом нельзя не признать и того факта, что поиски путей использования феномена «культура» в качестве предмета социологического анализа социальной деятельности осуществлялись практически еще со времен возникновения самой социологической науки. На это указывают великие социологи XIX столетия — Э. Дюркгейм и М. Вебер. Мысли о преобразовании общества живущими в нем людьми мы можем прочесть у К. Маркса. М. Вебером «культура» рассматривалась как неотъемлемая часть жизни группы, сообщества и общества в целом. Рассматривалась как та социальная среда, которая сопровождает членов сообщества всю жизнь, будучи творением разума. М. Вебер писал, что на протяжении всей своей жизни человек участвует в трансформации этой социальной среды, создавая новые правила поведения, новые идеи и материальные предметы (Вебер 1997: 44–48).

Под влиянием общепризнанных культурных норм поведение человека становилось осознанным и предсказуемым. Для каждого вступающего в общество культурные нормы представляют собой объективный фактор. В то же время всей своей деятельностью член общества участвует в их изменении, и они становятся результатом (следствием) субъективного. В этом единстве объективного и субъективного проявляется важнейшее качество культуры как основного социального механизма, регулирующего поведение и жизнь людей в обществе, их идеологию и сознание.

Все остальные факторы — экономические, организационные, физиологические — вторичны относительно культурных норм. Разумеется, высокую степень их влияния на поведение человека отрицать невозможно. Но при этом нельзя не учитывать, что их влияние и следование им постоянно находится под контролем культурных норм.

«Культура инновационной деятельности — это система ценностей, социальных норм, обычаев, правил и поведенческих практик в сфере инновационной деятельности, которая сложилась (естественно-исторически или/и под воздействием управленческих мер и неформальных практик) в организациях, учреждениях или в аппарате органов власти и в значительной степени определяет инновационное поведение акторов инновационной деятельности».

Представляющие собой содержание культуры инновационной деятельности культурные правила вырабатываются, создаются людьми, членами сообщества или их управляющими органами. В теории управления организациями подобные своды правил носят название «Организационная культура». Длительное время они могут существовать в виде идей, проектов, пожеланий. Для того чтобы они начали реально действовать, эти правила должны быть закреплены с помощью социальных институтов. Потому что только после институционализации такие правила закрепляются на неформальной или формальной основе и начинают контролироваться людьми. Способность социального института влиять на соблюдение всеми членами сообщества того или иного правила, нормы объясняется его возможностью применять санкции в отношении нарушителей. Появление новых социальных институтов представляет собой утверждение в качестве обязательных для сообщества новых культурных правил и культурных изменений. Утрата социальным институтом возможности применения установленных санкций, или нежелание их применять, ведет к его исчезновению, замене другим институтом. А охранявшиеся ранее им нормы становятся достоянием истории.

При анализе культуры деятельности могут быть выделены два вида правил: *культурные цели-ценности и культурные нормы*. К *культурным целям-ценностям* относятся правила, предметом которых являются цели действия, которые преследует или должен преследовать актор, осуществляющий это действие. *Культурные нормы* — это правила, предметом которых являются способы или средства, используемые для достижения поставленных целей. Они указывают, как должны достигаться поставленные цели. В целом все эти правила представляют собой *ценностно-нормативную систему* той или иной сферы инновационной деятельности.

Культурные правила несут в себе больший или меньший груз обязательности. Это тесно связано со степенью их институционализации. Будучи *культурными императивами*, например, «они могут быть сформулированы двояко: в позитивном плане как *приказы* и в негативном плане как *запреты*. Первые отвечают тем общественным ожиданиям, которые можно выразить словом “надо” (или “должен”). Вторым отвечают те ожидания, которые можно выразить словом “нельзя” или “невозможно” (“недопустимо”» (Штомпка 2005: 273).

При слабой или недостаточной степени институционализации культурные правила приобретают характер советов, рекомендаций.

Существенное значение для анализа действующей в данной общности культурных правил социального поведения имеет, как представляется исследователям, их место в структуре по уровню общностей, в которых они формируются и функционируют. Нам представляется, что применительно к системе научных организаций может быть выделено, по крайней мере, четыре уровня таких общностей.

Во-первых, низовой, межличностный уровень. Здесь люди непосредственно общаются между собой в процессе инновационной деятельности. Здесь могут формироваться и поддерживаться культурные правила и ценности, которые создают наиболее устраивающий всех порядок выполнения работ, а также правила взаимодействия. Эти культурные правила формируются и признаются обязательными самими членами группы в процессе взаимодействия. Здесь также может произойти институционализация культурных правил, но она носит неформальный характер.

Второй уровень — организационный. Он представлен культурой организации или «организационной культурой», как ее называют в социологии организаций и управления. Культурные правила здесь, в значительной части, формируются управленческим аппаратом (к разработке этих правил может привлекаться и коллектив сотрудников) и официально институционализируются со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но при этом исследователи ограничиваются, как правило, рамками организации. В комплексе организационной культуры можно обнаружить и некоторое число неформальных культурных правил, которые либо сформированы, преследуя цель облегчить процесс управления исследовательской деятельностью в неблагоприятных экономических условиях, либо позволяют обходить формальные запреты со стороны вышестоящих организаций.

Третий уровень — территориальный или ведомственный. Это уровень территорий, на которых размещаются и функционируют организации, либо уровень ведомств, в подчинении которых они находятся. Здесь создается свой набор официальных правил и норм деятельности, обязательный для сотрудников научных организаций, входящих в ее структуру. Наряду с этим существует и ряд неформальных норм и правил, которые формируются как на основе традиций, так и с целью обойти в отдельных случаях институционализированные формальные нормы.

И наконец, четвертый — общенациональный или государственный уровень культурных правил, идеалов и мифов. Он формируется,

прежде всего, в виде правовых норм, определяющих меру свобод и ограничений различных видов инновационной деятельности в масштабах государства. Наряду с этим существуют неформальные культурные правила, отражающие уровень цивилизационного развития государства и в той или иной форме поддерживаемая государственная идеология. На государственном уровне формируются культурные и ценностные ориентиры инновационной деятельности в стране, представляющие собой инновационную политику страны. Издаются законы и постановления о правилах реализации инновационной деятельности, о субъектах этой деятельности. А также законодательные акты, определяющие правовые нормы такой деятельности.

Совершенно очевидно, что культурные нормы, институционализированные на высшем, государственном уровне, должны учитываться и соблюдаться на всех расположенных ниже по иерархии уровнях. Для этого они должны быть интерпретированы на каждом уровне применительно к объему выполняемых здесь правил и норм.

Анализ состояния культуры инновационной деятельности позволяет исследователю оценить степень ее соответствия целям и задачам, которые решаются в обследуемой организации, а также отношение к этим нормам людей, занятых инновационной деятельностью. Поскольку инновационная деятельность регулируется, как и всякая деятельность, нормами и правилами, формально и неформально установленными в данной организации, оценка состояния культуры инновационной деятельности становится показателем состояния самой инновационной деятельности.

Нет сомнений в том, что рассмотренные в статье понятия, их толкование и опыт использования при анализе инновационной деятельности не дают исчерпывающего представления о том понятийном аппарате, который формируется в настоящее время в социологической, политической, технической, экономической и других сферах в ходе исследований и дискуссий по поводу состояния инновационного развития страны. Нами была предпринята попытка на основе небольшой части используемых в исследовательской практике понятий инновационной сферы обосновать необходимость большего внимания к терминологическому анализу и формирования единого подхода к толкованию и применению используемых понятий.

Источники

- Анализ инновационной деятельности РАН / Г. А. Месяц, В. М. Бузик и др. // Инновации. 2005. № 3.
- Бабуров М. Две науки: «настоящая» и «прикладная» // ТВ. 2009. № 16.
- Бездубный Ф. Ф., Смирнова Г. А. Об уточнении терминологии в области инновационной деятельности // Инновации. 2004. № 2; Инновационная деятельность и инновационный процесс: в чем отличие? // Там же.
- Борисенко В. В. Наука и рыночные отношения в информационном обществе. М.: Наука, 2008.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное. М., 1997.
- Винокуров В. И. Основные термины и определения в сфере инноваций // Инновации. 2005. № 4. С. 6–22.
- Голиченко О. Г. Национальная инновационная система России. Состояние и пути развития. М.: Наука, 2006.
- Гордиенко Т. И. Политика и вклад государства в развитие высоких 3D-технологий и венчурной индустрии // Наука Москвы и регионов. 2004. № 1.
- Елисеева И. И. Организация государственного статистического наблюдения за инновационной деятельностью в России // Новая экономика. Инновационный портрет России. М.: Центр стратегического партнерства, 2011.
- Сведения об инновационной деятельности организации: инструкция по заполнению формы государственного статистического наблюдения № 4 — инновация (утв. Постановлением Госкомстата России от 22.07.2002. № 156) // <http://www.pandia.ru/text/77/224/21413.php>
- Институт статистики Юнеско опубликовал данные о состоянии науки в мире (24.08.2006) // <http://gtmarket.ru/news/state/2006/08/24/108>
- Ионин Л. Г. Социология культуры. М.: Логос, 1998.
- Кармин А. С., Бернацкий Г. Г. Философия. СПб.: ДНК, 2001. С. 21
- Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы (одобр. Постановлением Правительства РФ от 24 июня 1998 г. № 832) // <http://base.garant.ru/179112/>
- Котенко В. П. Наука XXI в.: фундаментальная или прикладная? // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Международный ежегодник. Вып. XXV: материалы XXIV сессии Международной школы социологии науки и техники / под ред. С. А. Кугеля. СПб.: Наука, 2009.
- Латин Н. И. Актуальные проблемы исследования нововведений // Социальные факторы нововведений в организационных системах: труды конференции. М.: ВНИИСИ, 1980.
- Латин Н. И. Формирование и реализация современной стратегии организаций // Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы / рук. авт. колл.: Д. С. Львов, А. Г. Поршнев. М.: Экономика, 2002.
- Латин Н. И. Жизненный цикл инноваций // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. СПб.: Наука, 2006.

- Лапин Н. И.* Инновации, нововведения // Социология труда: теоретико-прикладной толковый словарь. СПб.: Наука, 2006.
- Месяц Г. А., Алдошин С. М., Бузник В. М., В. В. Иванов.* Анализ инновационной деятельности РАН // <http://www.issras.ru/papers/2005.php>
- Модельный закон «Об инновационной деятельности» // Инновации. 2007. № 1. С. 12.
- Николаев А.* Инновационное развитие и инновационная культура // Теория и практика управления. 2001. № 5.
- Нововведения в организациях / Н. И. Лапин, А. И. Пригожин, Б. В. Сазонов, В. С. Толстой // Структура инновационного процесса: труды конференции. М.: ВНИИСПИ, 1981.
- О пределах инновационных заимствований / В. Ж. Келле и др. URL: [http://viperson.ru/wind.php? ID=509154&soch=1](http://viperson.ru/wind.php?ID=509154&soch=1)
- Попова Е. В.* О концепции федерального закона «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации» // Инновации. 2010. № 2 (136).
- Пригожин А. И.* Современная социология организаций. М.: Интерпракс, 1995. Приложение к проекту «Основы политики Российской Федерации в области развития национальной инновационной системы на период до 2010 года и дальнейшую перспективу».
- Родионова Н. В.* Важнейшие направления оптимизации государственной инновационной политики // Инновации. 2009. 12 (134).
- Словарь инновационных терминов. URL: http://www.projects.innovbusiness.ru/content/document_r_0534FB3F-84A2-4255-9689-1167A37E18E6.html
- Статистика науки и инноваций: Краткий терминологический словарь. М.: ЦИСИ, 1998.
- Тощенко Ж. Т., Романовский Н. В.* О тенденциях развития социологии в современном мире // Социологические исследования. 2007. № 6.
- Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
- Ядов В. А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Яковец В. Ю.* Эпохальные инновации XXI века. М.: Экономика, 2004.
- Alexander J. C.* The Meanings of social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003.
- Bierstedt R.* The Social Order. New York: McGraw Hill, 1963.
- Swidler A.* Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. P. 273–286.

НАУКОВЕДЕНИЕ

С. А. КУГЕЛЬ, А. Н. ИРЕЦКИЙ

ЦЕНТРЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАУКИ¹

В статье отмечается возрастание стоимости научных исследований не только в фундаментальной науке, но и в прикладных дисциплинах. В связи с этим подчеркивается актуальность создания центров коллективного пользования, наиболее ярким примером которых является ЦЕРН. Обсуждаются преимущества центров коллективного пользования, их влияние на сетевое развитие научных коммуникаций. Затрагивается российский опыт.

Ключевые слова: наука, научное оборудование, эффективность, критерии оценки, центр коллективного пользования, ЦЕРН.

S. A. KUGEL, A. N. IRETSKIY

CENTERS FOR COLLECTIVE USE AS NEW FORM FOR SCIENCE ORGANIZATION¹

The article notes the increase in the costs of research, not only in fundamental science but also in applied disciplines. In this regard, stresses the importance of establishing centers for collective use, the most striking example of which is CERN. The advantages of centers for collective use, their influence on the development of a network of scientific communication are considered, including Russian experience.

Keywords: science, brassboard hardware, equipment, effectiveness, key performance indicators, CERN.

Наука и фундаментальная подготовка научных и инженерных кадров к концу XX века стали едва ли не важнейшими условиями экономического процветания стран и регионов. Высокий темп преобразований в технологиях и организации производства, наблюдаемый

¹ При поддержке гранта РФФИ 14-06-00414 «Сетевые взаимодействия научных организаций как фактор развития науки и инновационной деятельности»

в последние десятилетия, и рост оборота в международной торговле закономерно ведут к обострению конкуренции в глобальных масштабах. В этом экономическом соревновании особая роль сегодня принадлежит фундаментальной и прикладной науке, системам профессионального и научного образования, национальным инновационным системам (Состояние и перспективы... 2006). Неэффективное функционирование в любом из перечисленных сегментов — в образовании (в частности, неадекватный отбор абитуриентов или подготовка кадров с недостаточным профессионализмом), в организации и менеджменте научного сообщества, в неадекватном управлении финансами фундаментальной и прикладной науки, в функционировании систем, предназначенных для трансляции научных достижений в производство товаров, услуг и социальных благ, ведет к ускоренному технологическому отставанию, к снижению конкурентоспособности корпорации, страны, региона (Состояние и перспективы ... 2006; Темердашев, Ратнер 2004).

Быстрое моральное старение почти всего технического оснащения («железа») и значительной части конкретных практических знаний и навыков («софта»), используемых в индустрии, сельском хозяйстве, строительстве и медицине, требует перехода к системе «непрерывного образования» на период всей активной жизни специалиста (Состояние и перспективы... 2006).

С начала XX века стоимость почти всех научных исследований, не только в фундаментальной науке, но и в прикладных дисциплинах, возросла на несколько порядков. Сходным образом увеличивалась стоимость подготовки и переподготовки научно-инженерных кадров: высокая стоимость подготовки каждого квалифицированного специалиста. При общем увеличении численности специалистов это требует многократного увеличения расходов. Транснациональная мобильность молодых и перспективных специалистов и ученых, как и обострение конкуренции между организациями за привлечение и использование молодых и способных исследователей и теоретиков, поддерживают так называемую «утечку мозгов» и явно способствуют дальнейшему усилению разрыва между «передовыми», «инновационными» регионами мира и «консервативными» странами, носящими утешительное название «развивающихся» (Блох 2001).

В исключительных условиях войн (Второй мировой и последовавшей за ней «холодной») реальные расходы на некоторые научные (фундаментальные и прикладные) программы с потенциальным военным

применением могли достигать астрономических цифр и составлять значительную долю расходов в бюджетах крупных государств. Успехи в реализации программ создания атомного и термоядерного оружия, появление и развитие авиационно-ракетных технологий, появление сетей связи, устойчивых к повреждениям, появились в ходе гонки вооружений и требовали от участников исключительной концентрации ресурсов — финансовых, технических, человеческих. Реализация этих программ шла в режиме строгого «вертикального» администрирования, так что «указанная цель оправдывала любые средства и любые потери» (Блох 2001; Капица 1998).

В странах, где бюджетные расходы находятся под контролем парламента (то есть избирателей), уровень расходов на науку и образование диктует общество, и он определен интеллектуальным климатом в нем, а также уровнем доходов, эффективностью экономики. После окончания Второй мировой войны экономика европейских стран была резко ослаблена, уровень жизни большинства людей оставался низким, ресурсов для финансирования дорогостоящих научных проектов было недостаточно.

Поэтому вскоре после окончания Второй мировой войны европейские физики (Н. Бор, Л. Коварски, П. Оже, Л. Де Бройль и др.) предложили создать международную европейскую организацию, которая могла бы реализовать идеи кооперации стран Европы в финансировании и проведении дорогостоящих исследований в области физики высоких энергий. В 1950 г. эту идею на конференции ЮНЕСКО изложил И. Раби. В 1951 г. принята резолюция об организации Европейского совета по ядерным исследованиям (в русскоязычной литературе CERN и далее — ЦЕРН), в 1952 г. для размещения избрали Женеву, в 1953 году проведен референдум в кантоне Женева, и две трети голосовавших поддержали создание научного центра на территории кантона (Капица 1998).

Сегодня полноправными членами ЦЕРН являются два десятка государств, почти столько же участвуют в его работе в ранге «наблюдателей» (посылают своих исследователей и теоретиков, но не финансируют работ), в их числе присутствуют Россия, Украина, Румыния и другие государства.

Высокая репутация ЦЕРН обусловлена не только числом конкретных открытий, мировая научная ценность которых может быть подтверждена «объективно» (например, через количество Нобелевских премий и нобелевских лауреатов). Научные достижения ЦЕРН, как

показывает история, не ограничились важными открытиями в области фундаментальной физики.

Существенная часть ключевых понятий, принципов и программных средств информационного обмена, применяемых теперь повсеместно при использовании Интернета, впервые появились и были практически испытаны именно в ЦЕРН. Чтобы ускорить и облегчить обмен информацией по запросам, в 1989 г. Тим Бернерс-Ли и Роберт Кайо сформулировали принцип гипертекстовых ссылок. В 1991 г. Тим Бернерс-Ли организовал создание первого в мире веб-сервера, создал первый веб-сайт и первый браузер. Уже в 1993 г. ЦЕРН сделал свою сеть открытой для внешних пользователей. Таким образом, ЦЕРН — наряду с сетью оборонного назначения «Арпанет» в США — следует признать одним из «отцов информационной революции», которая охватила мир в последнее десятилетие.

Принципы внешнего администрирования и внутреннего функционирования ЦЕРН, внутренний интеллектуальный климат организации, принципы и порядок взаимодействия с «внешним миром» сегодня обеспечивают отбор перспективных исследовательских программ, доступ к участию в дорогостоящих экспериментах и исследованиях перспективных молодых исследователей всего мира.

Обобщая, можно сказать, что ЦЕРН выполняет несколько функций:

1. Селекция исследовательских программ в фундаментальной науке.
2. Организация кооперации ресурсов (финансовых, технических, интеллектуальных) для выполнения отобранных исследовательских программ.
3. Проведение дорогостоящих многолетних исследований (развитие фундаментальной физики высоких энергий).
4. Отбор и привлечение молодых перспективных исследователей, теоретиков и конструкторов.
5. Избирательная трансляция высокой научной культуры (от старшего поколения физиков к молодым).
6. Совершенствование системы научных коммуникаций.

Такое подробное описание истории и опыта функционирования ЦЕРН мы привели потому, что эта успешная организация служила «прототипом» для последующего создания «центров коллективного пользования научным оборудованием» (ЦКП) и для других научных и прикладных технических дисциплин во многих странах.

Когда резко ускорились развитие фундаментальной и прикладной науки и использование ее результатов в промышленности, хозяйстве, транспорте и менеджменте, начался быстрый рост как численности научных работников, так и увеличение парка научного оборудования с высокими и исключительными параметрами. Финансовые ресурсы общества тормозят экстенсивный рост парка научного оборудования. Одновременно идет процесс быстрого морального устаревания многих видов аппаратуры и результатов, которые были или могут быть на ней получены.

С целью более полной загрузки дорогостоящего научного оборудования, ценность которого может быстро снижаться из-за морального устаревания, за рубежом организованы и успешно испытаны «центры превосходства» (Centers of Excellence) и «центры компетенций» (Competence centers), которые сделали доступным временное использование уникальной аппаратуры для отдельных предприятий, малых научных групп, исследователей и аспирантов, а также получение экспертных заключений и консультаций по научным и сопряженным с ними экономическим, правовым и иным проблемам, связанным с предполагаемой исследовательской программой или инновационным проектом, НИР или ОКР. Считается, что заграничные «центры превосходства» на базовом уровне служат «системой», которая помогает развивать сотрудничество между наукой, инноваторами, бизнесом и государственными институтами, ускоряет появление новых научных результатов и повышает шансы на успешное и быстрое их использование в практике. Элементами «системы» всегда считают staff (персонал с высокой квалификацией), научное оборудование и информационные ресурсы. Гармоничное сочетание этих трех составляющих при достаточном финансировании и эффективном социальном контроле позволяет выполнять следующие функции:

1. Экспертиза технических проектов, научных программ и ОКР (методологическая, технологическая, экономическая, социальная, юридическая, экологическая).
2. Поиск и налаживание контактов с возможными контрагентами (с научными организациями, группами и лабораториями сопряженного профиля, с государственными институтами, некоммерческими организациями, с бизнес-структурами и инвесторами).
3. Взаимный обмен опытом, взаимное обучение.

Кроме того, за рубежом растет число «центров совместного пользования услугами» (Shared-service centers), их назначение — бухгалтерские

и страховые услуги, оптимизация документооборота, помощь научным группам и инновационным компаниям в снижении издержек.

Кроме того, «Американские национальные лаборатории на конкурсной основе безвозмездно открывают доступ к оборудованию пользователям, которые приносят им хорошие идеи и рабочие руки <...> пользователям даже выделяют небольшие деньги на жилье и питание, поскольку для них очень важно, чтобы оборудование использовалось максимально эффективно» (Доработка проектов...).

В СССР многие исследовательские учреждения и группы, располагающие высоким интеллектуальным потенциалом и перспективными идеями, не могли с достаточной скоростью получить доступ к использованию дорогого или малодоступного научного оборудования и приборов, нужных для реализации идей и теоретических разработок высокого уровня. Поэтому в 60-е гг. XX века академики В. Коптюг и Н. Воронцов организовали группу оптической спектроскопии, масс-спектрометрии и ядерного магнитного резонанса с новейшим оборудованием. Эта группа стала первым Центром коллективного пользования. В 1970-е годы создание ЦКП В. А. Коптюг сумел «провести» (пролоббировать) через организацию постановления Отдела науки ЦК КПСС.

Позднее, в 1980-е гг., программу организации ЦКП на базе вузов поставил в разряд приоритетных Минвуз РСФСР. Практическая реализация идеи ЦКП привела и тогда к неоднозначным результатам. С одной стороны, проведенная в порядке этой кампании инвентаризация оборудования выявила научные и учебные организации и подразделения с оснащением передового уровня. Они в принципе могли реализовывать научные программы высокого, по мировым меркам, качества.

С другой стороны, в стремлении быстро обеспечить заданные количественные показатели (число ЦКП) закономерно снизили средний их уровень обеспечения ресурсами и персоналом, в ряде случаев — до недопустимо низкого уровня, ведущего к полному бесплодию. Бюджетные средства и обеспечение современным оборудованием продолжали распределять централизованно и неэффективно, по принципу «кто ближе к начальству, тот и получит больше» — вне прямой зависимости от собственно научного потенциала, определяемого качеством специалистов и разрешимостью избранных научных проблем.

Низкий уровень предпринимательской (нередко и научной) культуры у некоторых руководителей ЦКП не дал иным, даже хорошо

оснащенным центрам коллективного пользования, стать эффективными (в научном плане) и самокупаемыми в плане экономическом. Доступные технические и кадровые возможности не были эффективно использованы для создания и продвижения инноваций. А промышленность, сельское хозяйство, транспорт и медицина в СССР успешно отвергали отечественные инновации, под дежурные рапорты о «дальнейшем улучшении» и наметившемся «ускорении». В условиях экономической, технологической и идеологической стагнации начала 1980-х гг. «сама идея (ЦКП) была практически обесценена» (Качак 2009).

Следующей «реинкарнацией» идей ЦКП явилась «Программа Госкомитета по образованию СССР по созданию межвузовских центров обслуживания научных исследований», принятая во второй половине 1980-х гг. Идеология и стиль организаторов остались прежними, жесткое администрирование и формализм, а также нарастающие экономические трудности и политические события того времени сделали идею малопродуктивной.

Главное отличие отечественных реализаций ЦКП от зарубежных аналогов порождено тем, что ключевым элементом ЦКП объявляют научное оборудование.

Рассмотрим определение: «Центр коллективного пользования (ЦКП) научным оборудованием — имущественный комплекс, как правило, на базе высших учебных или научно-исследовательских организаций), обеспечивающий режим коллективного пользования прецизионным дорогостоящим научным и технологическим оборудованием структурными подразделениями базовой организации, а также сторонними пользователями» (Капица 1998).

Отметим акцент, сделанный отечественным автором определения именно на «имуществе». В экономических системах, более успешных в сравнении с советской и современной российской, доля нематериальных активов (патентов, «ноу-хау», квалифицированного персонала) в общей рыночной стоимости высокотехнологичных корпораций составляет не менее 40%. Для организаций, выполняющих НИР в Европе, США, Японии, Австралии, доля стоимости персонала в рыночной стоимости предприятия оказывается еще выше. Но у нас «научный персонал» ЦКП, согласно приведенному определению, оказывается лишь малозначимым «бесплатным приложением» к «прецизионному дорогостоящему научному и технологическому оборудованию».

Так, в античном Риме раба определяли как «говорящее орудие», а ручную мельницу («дорогостоящее оборудование») нередко продава-

ли, покупали и сдавали в аренду вместе с рабом-мельником. Но рабовладельческая экономика была неконкурентоспособной в сравнении с экономикой феодализма, где крепостного уже рассматривали как «субъект».

В 1990-е гг. более 20 ЦКП основано при поддержке РФФИ. Часть центров организована в системе РАН и в иных ведомствах. Идейное обоснование проведено в привычном стиле: «Создание ЦКП велось Минпромнаукой России и продолжена (орфография оригинала. — *Прим. авт.*) Роснаукой России в соответствии с первоочередными мерами по реализации Основ политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу в рамках федеральной целевой научно-технической программы “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники” на 2002–2006 гг. (мероприятие “Содействие развитию сети центров коллективного пользования научным оборудованием”). Дальнейшие перспективы развития ЦКП были определены новой федеральной целевой программой “Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 гг.”» (Качак 2008; Качак 2010). На старте создания совокупности ЦКП как новой формы функционирования российской науки декларированы следующие глобальные цели (Капица 1998):

1. Совершенствование механизмов концентрации финансовых ресурсов на приобретении многофункционального прецизионного оборудования и исследовательских комплексов в соответствии с потребностями приоритетных направлений науки и техники.
2. Поддержка развития отечественных научных школ и подготовка кадров высшей квалификации, в первую очередь за счет привлечения молодых специалистов.
3. Обеспечение единства измерений при проведении научных исследований.

Сейчас проблемой развития системы ЦКП параллельно занимается несколько организаций, в частности «Национальный информационно-аналитический центр мониторинга мирового и российского потенциала по развитию приборной базы для научных исследований», (НИАЦ «Приборная база»). Этот центр организован в 2005 г. в ходе реализации ФЦНТП «Исследования и разработка по приоритетным направлениям развития науки и техники на 2002–2006 гг.» (приоритетное направление «Развитие инфраструктуры») на базе Центра прикладных

исследований Московского государственного университета инженерной экологии (ЦПИ МГУИЭ) (О направлении комплекса мер... 2011). История, административная структура, характер подчинения и финансирования, ответственность, критерии при оценке деятельности организаций, отвечающих за «проблемы развития системы ЦКП», ясны и понятны?

Трудами таких организаций перечисленные выше цели и задачи ЦКП были конкретизированы:

1. Обеспечение доступа исследователей к современной инфраструктуре сектора исследований и разработок на принципах режима коллективного пользования научным оборудованием.
2. Повышение уровня научных исследований и качества образования путем формирования современных исследовательских комплексов, отвечающих мировым стандартам по техническим и эксплуатационным характеристикам приборного парка. Текущее содержание и развитие материально-технической базы ЦКП путем дооснащения имеющихся специализированных комплексов (лабораторий) приобретаемым современным прецизионным научным оборудованием для обеспечения и развития исследований в режиме коллективного пользования.
3. Подготовка специалистов и кадров высшей квалификации (студентов, аспирантов, докторантов) на базе современного научного оборудования.
4. Разработка новых и совершенствование существующих методов и методик научных исследований мирового уровня.
5. Предоставление услуг сторонним организациям по использованию научного оборудования, развитие сферы услуг.
6. Разработка и реализация мероприятий программы развития ЦКП.

Понятно, что реальное достижение всех перечисленных целей в рамках одной организации просто исключено (как невозможным было получение «максимальной экономической эффективности при наименьших затратах», в середине 1980-х гг. представленное в многочисленных партийных постановлениях и речах идеологов). В прошлом нечеткость и многословие формулировок обеспечили широкие возможности для бюрократического произвола, бесхозяйственности и злоупотреблений. «По своей организационной форме ЦКП <...> как правило, являются внутренними подразделениями научных учреждений и вузов, создаваемыми для обеспечения доступа к приборной базе

для проведения научных исследований <...> За время функционирования подобных центров выявилось, что достаточно весомая часть оказываемых ими услуг может быть предоставлена пользователям на платной основе» (О направлении комплекса мер... 2011). В итоге «некоторые ЦКП ориентированы исключительно на удовлетворение собственных внутренних потребностей конкретной организации» или даже отдельных коллективов и физических лиц (Доработка проектов...).

К примеру, в СПбГУ был создан «бизнес-инкубатор» для коммерческой эксплуатации высокого интеллектуального и творческого потенциала университета, а также для обучения студентов практике коммерциализации интеллектуальной собственности. Помощник проректора по научной работе И. Рождественский в 2008 г. публично заверял, что 30–40 проектов ежегодно будет реализовано «наноцентром». Освоение финансовых средств, выделенных на «бизнес-инкубатор», началось с реставрации и ремонта помещений, где должен обитать персонал центра. Первый интеллектуальный бизнес-проект — закупка нескольких копировальных автоматов с оплатой через бесконтактные карты, стоимостью по 20 тыс. долл., и установка их в студенческих общежитиях. На сегодняшний день г. Рождественский реализует накопленный опыт освоения средств в технопарке «Сколково», с той же исключительной продуктивностью...

С середины 1990-х гг. Российский фонд фундаментальных исследований на регулярной основе среди прочих начал проводить и конкурсы на создание центров коллективного пользования уникальными приборами и оборудованием. Но в СССР и РФ юридическая регламентация ЦКП была разработана явно недостаточно. Часть центров была легализована... приказами руководителей НИИ, вузов и иных организаций, они работали в качестве их структурных подразделений. В итоге значительная часть центров не могли выступать как самостоятельные юридические лица, а их ответственность за их действия (и недействие) оставалась «размытой». Это неизбежно порождало (и продолжает порождать) юридические и моральные коллизии в определении имущественных прав, авторских прав на полученные результаты. Для иллюстрации: несколько лет назад, по словам работника «Центра коммерциализации интеллектуальной собственности» СПбГУ, распоряжением ректора все интеллектуальные продукты, созданные работниками университета, аспирантами и студентами, должны считаться собственностью вуза. Даже в случаях, когда, скажем, изобретение

сделано аспирантом и студентом вне связи с выполнением служебных или учебных заданий и без использования научного оборудования университета?

Таким образом, «много лет остаются без четкой юридической регламентации и проблемы интеллектуальной собственности, созданной с участием ЦКП. Неурегулированным остается распределение прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные, к примеру, по условиям государственного контракта или в рамках договора с коммерческими структурами» (Доработка проектов...). «Необходимо обеспечить информационную прозрачность деятельности ЦКП, то есть должны быть приняты нормативные документы, которые обязали бы ЦКП (или организации, при которых они созданы) предоставлять поквартальную отчетность о своей деятельности (по аналогии с отчетностью ОАО для своих акционеров) и публиковать эту отчетность на своих Интернет-порталах. <...> Многие ЦКП не имеют своего представительства в Интернете, получить сведения об их возможностях и видах работ стороннему потребителю крайне проблематично. <...> На сайте Национального информационно-аналитического центра по мониторингу мирового и российского потенциала по развитию приборной базы для научных исследований <...> можно получить информацию по созданным в рамках различных программ ЦКП и по уникальным стендам и установкам. Нередко эта информация практически не структурирована и предоставлена в форматах doc. или pdf., что исключает ее индексирование поисковыми системами» (Доработка проектов...).

Предложено «для обеспечения эффективности работы ЦКП и их публичности <...> создать единый федеральный портал, на котором будет собрана вся информация о деятельности ЦКП. Провести государственную аккредитацию ЦКП (чтобы статус ЦКП присваивался аккредитационной комиссией, а не самими учредителями). Одним из основных требований к аккредитованным ЦКП должно стать требование по предоставлению квартальной отчетности о деятельности с обязательным ее размещением на интернет-портале» (Доработка проектов...).

Не составит большого секрета, что «непрозрачность» большинства процедур при отборе и финансировании НИР оборонного назначения создала благоприятные условия для злоупотреблений и растраты бюджетных средств на программы, обещавшие создание «генераторов торсионных полей», «получение энергии из физического вакуума» в конце 80-х гг. XX века. Закон города Москвы № 51 (в 2005 г. без затруд-

нений проведенный командой Ю. М. Лужкова через городскую думу) «О внесении изменений в статью 4 Закона города Москвы от 5 ноября 2003 года № 64 “О налоге на имущество организаций”» ввел льготу по налогу на имущество для «научных организаций оборонно-промышленного комплекса — в отношении имущества, используемого ими в целях научной деятельности» представляет большой интерес для студентов-юристов, именно как учебный материал для оценки на «потенциальную коррупциогенность».

Если не реализовать полно и последовательно эти предложения, то наиболее успешной стратегией в науке и инновационной деятельности останется та, что была избрана г-ном Петриком, его соавтором и коллегами по технопарку «Золотая формула».

Вопреки неблагоприятной обстановке (хаос в законодательстве, сокращение финансирования, старение научного персонала) часть центров коллективного пользования доказали эффективность принципов такой организации. Наиболее успешными центрами коллективного пользования (по экспертным оценкам) оказались ЦКП Гиредмета и ЦКП МИСИС. Первая организация за годы работы успешно взаимодействовала с более чем пятью сотнями институтов, университетов, организаций из России и из-за рубежа. Заметных успехов могли добиться и ЦКП провинциальные: разработки Центра коллективного пользования «Экология, биотехнологии и процессы получения биологически чистых энергоносителей» из Марийского ГТУ завоевали три золотых и одну серебряную медали на IV биотехнологической выставке-ярмарке «РосБиоТех-2010».

Мы склоняемся к мысли, что успех этих центров в сравнении с иными, имеющими такой же или превосходящий уровень финансового и технического обеспечения, обусловлен, как всегда в науке, успешным подбором квалифицированного персонала. В подтверждение этой мысли: на совещании «Центры коллективного пользования научным оборудованием в секторе современных исследований и разработок», проведенном в Центре «Атом-инновации» в феврале 2010 г., многократно говорили об одной общей трудности: «В центрах коллективного пользования в настоящее время не хватает квалифицированного обслуживающего персонала. В. Я. Шур в 2010 г. также выделял проблему научных кадров для ЦКП» (Хватова 2007). Сегодня возможности подготовки новых и привлечение сторонних специалистов ограничены, чтобы противостоять «утечке мозгов» в бизнес и за границу, денег для адекватной оплаты их труда не хватает.

Кроме дефицита финансовых средств, выделяемых на аппаратуру, информационное обеспечение и персонал, список выявленных и очевидных препятствий для практической реализации идей ЦКП в СССР и РФ был довольно велик:

1. Недостаточная заинтересованность производства в использовании отечественных инноваций и достижений отечественной науки.
2. Недостаточное участие предприятий в финансировании программ, реализуемых ЦКП.
3. Ограничения в оснащении современной аппаратурой, дефицит современного научного оборудования и сравнительно малое число доступных современных методик.
4. Отсутствие логичной и прозрачной юридической регламентации всех существенных сторон в деятельности и собственности ЦКП.
5. Малая транспарентность процедур, в ходе которых идет отбор исследовательских и иных программ, реализуемых через ЦКП.
6. Суженный спектр научных направлений, допущенных и потенциально реализуемых в ЦКП, относительно малая доля полидисциплинарных научных и учебных программ в них.
7. Отсутствие средств, выделяемых на патентную защиту своих инноваций, на доступ к иностранным книгам, журналам, базам данных.

Очевидно, что к этому списку препятствий к достижению декларированных целей, действовавших в 1970-е и 1980-е гг., теперь придется добавить ускоренную «утечку мозгов» за границу (вместе с навыками и идеями) и возросшие уровни бюрократизма и коррупции.

Источники

Балдин А. А. Критерии оценки эффективности научного центра коллективного пользования. URL: scientific.ru/monitor/baldin140706.ppt

Блох А. М. Советский Союз в интерьере Нобелевских премий / А. М. Блох. СПб.: Гуманистика, 2001.

Высокие интеллектуальные технологии и инновации в образовании и науке: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Политех. у-та, 2007.

Доработка проектов нормативно-правовых и методических документов по результатам апробации механизмов функционирования системы центров коллективного пользования оборудованием. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-219108.html>.

- Интернет-портал 9000 инноваций. URL: <http://9000innovations.ru/novosti/2013-10-29-sankt-peterburgskiy-tehnologicheskij-hab>.
- Капица П. Л. Наука и современное общество / П. Л. Капица. М.: Наука, 1998.
- Качак В. В. Перспективы развития сети центров коллективного пользования научным оборудованием / В. В. Качак // Заводская лаборатория. 2008. Т. 74.
- Качак В. В. Центры коллективного пользования научным оборудованием в секторе современных исследований и разработок / В. В. Качак // Российские нанотехнологии. 2010. Т. 5, № 5–6.
- Оценка деятельности центров коллективного пользования научным оборудованием // Капитал страны: федеральное интернет-издание. URL: <http://kapital-rus.ru/index.php/articles/article/177812>
- Об организации деятельности ЦКП: Письмо Минобрнауки России № СБ1086 16 от 13.12.2012. URL: http://www.ckp-rf.ru/regulatory_and_legal_framework_of_the_central_committee/
- Об утверждении Порядка создания центров коллективного пользования научным оборудованием: Приказ Минобрнауки России № 1351 от 11.03.2011. URL: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/ea-instrukcii/j3v.htm>.
- О комплексе мер по стимулированию использования оборудования центров коллективного пользования третьими лицами: Приказ Минобрнауки России № 1890 от 16.12.2010. URL: http://www.ckp-rf.ru/regulatory_and_legal_framework_of_the_central_committee/.
- О направлении комплекса мер: протокол заседания правительственной комиссии от 03.03.2011 г. № 1 в Департаменте приоритетных направлений науки и технологии, Минобрнауки России. [URL: <http://mrgr.org/docs/detail.php>].
- Путин В. В. Перечень поручений по вопросу формирования сети федеральных центров коллективного пользования научным оборудованием. 21.10.2013. URL: <http://kremlin.ru/assignments/19470>
- Состояние и перспективы развития сети Центров коллективного пользования научным оборудованием (III Всероссийская конференция Центров коллективного пользования научным оборудованием (ЦКП), 25–28 октября 2006 года). Казанский государственный университет, Казань. URL: <http://libweb.kpfu.ru/vufind/Record/RU05CLSL05CBooks05C2536668>
- Разработка проекта создания проблемно-ориентированного инновационного центра в области лазерных технологий: отчет о научно-исследовательской работе. М.: Лазерная ассоциация, 2003.
- Темердашев З. А. Некоторые предложения развития методологии и использования центров коллективного пользования / З. А. Темердашев, С. В. Ратнер // Качество. Инновации. Образование. 2004. № 2. С. 23–25.
- Фомичев Ю. П. Нормативно-правовое регулирование и научно-методическое обеспечение функционирования и формирования сети центров коллективного пользования: доклад на Совещании руководителей центров

- коллективного пользования, 01.06.2006 / Ю. П. Фомичев, А. И. Шелгунов. URL: www.ifti.ru. http://ifti.ru/center_consult/publ/38]; URL: www.ifti.ru.
- Хватова Т. Ю.* Национальные инновационные системы зарубежных стран: цели и стратегии развития / Т. Ю. Хватова. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2009.
- Хватова Т. Ю.* Управление знаниями: основные направления исследований. Источники возникновения организационного знания / Т. Ю. Хватова // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в образовании и науке: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. С. 48–54.
- Центр коллективного пользования. Описание элемента инфраструктуры инновационной деятельности. М.: НИАЦ МИИРИС, 2006.
- Шур В. Я.* Инновационная парадигма развития наноиндустрии и проблемы ее реализации, 2010 (цит. по: <http://do.gendocs.ru/docs/index-219108.html>)
- Журнал «Атомная стратегия» — <http://www.proatom.ru/modules.php>
- Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН — <http://www.binran.ru/ckp/>
- Журнал «Инновации» — <http://www.innov.etu.ru>
- Инновационные проекты малого бизнеса, Журнал «Качество 21 век» — www.quality21.ru
- Национальный информационный центр по науке и инновациям — www.scienceref.ru
- НИАЦ МИИРИС — www.miiris.ru
- НИАЦ «Приборная база» — www.pribor.extech.ru
- Марийский ГТУ — <http://ccu.marstu.net/>
- Международный фонд технологий и инвестиций — www.ifti.ru
- 9000 инноваций — <http://9000innovations.ru/novosti/2013>
- Сетевой центр коллективного пользования — <http://sckp.ru/>
- Сколково — <http://community.sk.ru/technopark/cuc/>; <http://community.sk.ru/foundation/>
- Томский государственный университет — <http://www.ckp.tsu.ru/>
- Югорский Центр трансфера технологий — www.uctt.ru

М. С. Полтинникова

ПРОБЛЕМЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ КОНТЕКСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ МЕТОДОВ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Проблемы социального знания можно решать путем конструирования знания с помощью онтологических методов. Современные онтологические методы оперирования знаниями создаются в виде компьютерных программ. Профессиональная разработка такой программы требует изучения вопроса об авторском праве на собственную программную разработку. В статье обсуждаются открытые лицензии на примере GPL и возможности применения таких лицензий в России. Также описаны характерные особенности процессов создания и последующей поддержки компьютерных программ и то, как они реализуются в идеологии свободных программ (copyleft).

Ключевые слова: социальное знание, свободное программное обеспечение, открытое программное обеспечение, универсальная общественная лицензия, исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, copyleft.

POLTINNIKOVA M. S.

SOFTWARE AND CONTEXT-ORIENTED METHODS OF CONSTRUCTING SOCIAL KNOWLEDGE

Problems of Social Knowledge can be solved by constructing knowledge using ontological methods. Modern ontological methods of operating with knowledge are created as software. To create such a program on a professional level are required to study the issue of copyright on software. The article discusses the open source licenses, for example GPL, and the use of such licenses in Russia. Also described the characteristics of the processes of creation and follow-up support software and how they are implemented in the ideology of free software (copyleft).

Keywords: social knowledge, free software, open source software, general public license, gpl, copyright, copyleft.

Введение

Современные онтологические методы оперирования знаниями создаются в виде компьютерных программ. Таким образом, с одной стороны, демонстрируется конструктивность самих методов, с другой —

появляется основа для их прикладного применения. Не является исключением и выполняемый в СИ РАН проект «Контекстно-ориентированные методы построения социального знания».

Профессиональная разработка такой программы в рамках государственной академической тематики ставит перед участниками проекта два важных вопроса, вызванных необходимостью легального использования программных средств. Во-первых, с помощью какого программного обеспечения программировать контекстно-ориентированные модели социального знания? Во-вторых, как заявить авторские права на собственную программную разработку?

Поскольку речь идет об авторском праве, стоит напомнить терминологию, которая будет использоваться. Права на авторство и имя, которые неотчуждаемы и непередаваемы, называются личными немущественными правами. Имущественная же часть авторского права называется исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности. Знаком © помечается информация о владельце исключительного права на результат интеллектуальной деятельности. Результатом, в частности, может быть научная статья, литературное произведение или программа для ЭВМ, которая приравнивается к литературному произведению. Именно владелец исключительного права на программу определяет условия лицензионного соглашения, и этот владелец не обязан быть автором (ГК РФ. Ч. 4, ст. 1225, 1226, 1228, 1229 2013).

Программы в силу своих лицензий могут быть собственническими (proprietary), свободными (free) или смешанного типа. Свободные программы в наибольшей степени отвечают стилю и традициям проведения научного исследования, поэтому речь пойдет именно о них.

История вопроса

Мое первое знакомство со свободными программами произошло в 1998 г. У моего компьютера, на котором стояла Windows NT, странно работало устройство чтения CD и специалисты по «железу» не могли понять, что происходит. Замена устройства привела к нормальной работе CD на пару недель, а потом все повторилось. Тогда мне посоветовали поставить Linux в надежде, что новый драйвер решит мои проблемы. Я выбрала RedHat Linux, так как в те времена в нем было проще всего настроить поддержку русского языка. После установки новой операционной системы CD привод стал работать нормально.

До знакомства с Linux я ничего не знала о свободном программном обеспечении. Слово free в свободных программах употребляется в смысле свободы слова, а не бесплатности программ. С одной стороны, свободные программы можно продавать, с другой — существуют бесплатные программы, авторы которых не позволяют пользователям свободно обмениваться этими программами или переделывать их содержание, поэтому такие программы не относятся к категории свободного программного обеспечения. Внезапно мне открылся целый сектор интернет-сообщества, в задачи которого входит обеспечение принципиальной возможности для каждого пользователя компьютера контроля своих действий в цифровой сфере. Оказалось, что это невозможно без свободного программного обеспечения.

Деятельность разнообразных организаций этого сектора (ФСПО 1985, ЕФСПО 2003) направлена на то, чтобы свободное программное обеспечение не было потеряно для общества, чтобы оно было защищено авторским правом и лицензировано.

Авторы свободного программного обеспечения поступают следующим образом (сайт ОС Debian 1993):

1. Не разрешают использовать свой код в закрытом программном обеспечении. Так как они отдают свой код для использования всеми, то они не хотят видеть, что кто-то крадет их код. В этом случае использование кода основано на доверии: вы можете использовать его, если играете по тем же правилам.
2. Защищают идентичность авторского кода. Люди гордятся своей работой и не хотят, чтобы кто-либо удалил их имя из кода или надпись, что это писали они.
3. Распространяют исходный текст. Одна из проблем с коммерческим программным обеспечением заключается в том, что вы не можете исправить ошибки или что-либо скорректировать, так как исходный код недоступен. Кроме этого, компания может перестать поддерживать то аппаратное обеспечение, с которым вы работаете. Многие свободные лицензии заставляют распространять исходный код. Это защищает пользователя в том плане, что он может скорректировать программное обеспечение под свои нужды.
4. Заставляют использовать ту же самую лицензию для других работ, в которых как часть используется их работа (такие работы называются производными работами в дискуссиях об авторских правах).

Моя новая операционная система распространялась под Универсальной общественной лицензией (General Public License). Это было первое лицензионное соглашение, которое я внимательно прочитала. До того я не утруждала себя такими пустяками, поскольку большая часть российских пользователей компьютеров нарушали лицензионные соглашения, и это считалось допустимым не только в России: «Возьмем человека, который зарабатывает 50 долларов в месяц. Можно ли ожидать, что он заплатит за программу 250 долларов? Я не считаю, что он поступит аморально, если нелегально скопирует программу, а сэкономленную сумму, равную своей зарплате за пять месяцев, потратит на еду. С моральной точки зрения это вполне допустимо. И было бы аморально, да и просто глупо, преследовать такого нарушителя» (Торвальдс Л., Даймонд Д. 2002: 34).

GPL — это юридический документ, соответствующий тому представлению о свободе, которому меня учили сначала дома, а потом в университете и которое принято в научных академических кругах. Все ограничения, перечисленные в этом документе, направлены на то, чтобы защитить эту свободу. Оказалось, что в Linux всё программное обеспечение компьютера изначально лицензионное и распространяется под GPL. Единственным недостатком новой ОС для меня было то, что под Linux не существовало приложения, аналогичного Delphi (Королевство Delphi... 2013).

Примерно в это же время Билл Гейтс посетил Россию и достиг соглашений, в результате которых прошло первое судебное разбирательство с бизнесменом, который пользовался нелегальным Windows. Стало ясно, что надо или покупать лицензию, или уходить в сообщество Open Source¹. Многие организации перешли на операционную систему из семейства Linux и тоже столкнулись с тем, что под Linux нет некоторых необходимых программ, в частности хорошего приложения для программирования в Object Pascal.

В 1999 г. в ответ на эти пожелания пользователей под лицензией GPL стартовал Lazarus (Сайт проекта Lazarus... 2013), который стал кроссплатформенной заменой Delphi. Чуть позднее Borland выпустил Kylix — продукт для переноса Delphi и C++ на платформу Linux. В 2002 г. Borland не справилась с убытками и прекратила поддержку Kylix. Одна из причин несостоятельности проекта Kylix заключалась

¹ С 1998 г. наряду с термином Free Software используется термин Open Source Software.

в том, что он не выдержал конкуренции с Lazarus, несмотря на то что все время существования проекта Kylix Lazarus был хуже.

У Lazarus с самого начала было два явных преимущества: свобода и кроссплатформенность. Этого оказалось достаточно для того, чтобы выиграть в конкуренции с Kylix.

В 2007 г., когда я впервые заинтересовалась программами, асси-стирующими анализу качественных данных, и узнала о таких програм-мах, как Atlas.ti (Qualitative Data Analysis... 2013), MAX QDA (The art of data analysis... 2013) и другие, я обнаружила, что подобные приложения существуют только для Windows и их лицензионные соглашения осно-ваны на собственническом программном коде. Кроме того, поиск в блогах показал, что аналогичное приложение для Linux будет вос-требовано.

Затем я заинтересовалась проектом Г. В. Каныгина «Контекстно-ориентированный анализ качественных данных» (Каныгин Г. В. 2011). Мы решили перенести этот проект из Delphi в Lazarus именно по при-чине открытости и кроссплатформенности последнего.

Это решение привело к необходимости более подробного изучения вопросов, связанных с лицензией GPL и построением вокруг проекта по контекстно-ориентированному анализу качественных данных не-большого OpenSource сообщества.

Свободное программное обеспечение

Программа — это не роман

В начале компьютерной эпохи тексты программ, как и научные статьи, публиковались в научных журналах, поэтому авторское право на тексты программ строилось аналогично авторскому праву на лите-ратурные произведения.

Российское авторское право не защищает алгоритмы исключи-тельным авторским правом (ГК РФ. Ч. 4, ст. 1259 2013). Алгоритм счи-тается достоянием общества. Исключительным авторским правом за-щищается научная статья, описывающая этот алгоритм, или програм-ма, реализующая этот алгоритм. Разные авторы имеют право по-разному описывать в статьях или книгах и программно воплощать один и тот же алгоритм, не нарушая чьих-либо авторских прав.

Однако принципы создания программ во многом противополож-ны принципам создания литературных произведений. Например,

в литературных произведениях приветствуется оригинальность текста. В программах это не так. Оригинальность приветствуется только в создании алгоритмов. Когда же алгоритм реализуется в виде программы, приветствуется использование шаблонов на довольно большие куски алгоритма. Более того, во всех современных приложениях (Delphi, Lazarus, C++ Builder, Visual Basic и др.) существует «каркас программы», автоматически вставляемый в текст. Любая современная компьютерная программа содержит стандартные модули, написанные другими авторами. В частности, огромное количество сложных и оригинальных подпрограмм (процедур, функций) хранится в различных библиотеках. Эти подпрограммы, как кубики Lego, складываются в новые программы другими авторами. Такие «кубики» лежат в основе идеологии программирования.

Получается, что любая современная программа представляет собой коллективное творение многих авторов. Каждый программист пользуется удачным и проверенным временем кодом, написанным до него многими талантливыми авторами. Поэтому идеология собственного программного обеспечения плохо согласуется с практикой написания программ. Вот, что писал об этом Линус Торвалдс: «Я не хотел получать деньги по целому ряду причин. Когда я впервые выложил Linux в свободный доступ, я чувствовал, что иду по стопам всех тех ученых, которые столетиями строили свои теории на базе других — на плечах гигантов, говоря словами Исаака Ньютона. Я хотел не просто дать людям возможность воспользоваться плодами моих трудов, но и получить от них обратную связь (ну хорошо — и признание тоже). Мне казалось неправильным брать деньги с тех, кто мог бы помочь мне в улучшении программы» (Торвалдс Л., Даймонд Д. 2002: 33).

Другая особенность программ, которая отличает их от литературных произведений, состоит в том, что текст программы не создается, как роман, раз и навсегда. Программа обречена на забвение, если команда разработчиков не будет ее «поддерживать» (выпускать новые версии). Это необходимо делать даже тогда, когда реализация алгоритма безупречна, ибо технические характеристики компьютеров, а вслед за ними и операционных систем, очень быстро меняются.

С течением времени команда, работающая над программой, может целиком измениться. Например, разработчик может поменять работу или проект может купить другая фирма. В результате всех этих действий первоначальный разработчик программы может лишиться

доступа к своему тексту и возможности изменять этот текст. Так было с Ричардом Столлманом, когда МТИ, в котором он работал, продало его разработку коммерческой фирме (Свободное программное обеспечение... 2013). Другая история произошла с проектом Delphi, когда Borland приняла решение о продаже этого проекта. Это решение было вызвано финансовыми трудностями корпорации Borland и совпало по времени с переходом одного из ведущих разработчиков Delphi Андерса Хейлсберга в Microsoft Corporation. В результате проект Delphi лишился своего лучшего инструмента для работы с базами данных (Delphi... 2013). Подобные истории — не исключение, а правило в мире программ. Ничего подобного никогда не происходило в области литературы.

Практика применения исключительного авторского права не учитывала особенностей создания программ. Возникла необходимость в инструменте, с помощью которого программист, работающий над каким-либо проектом, смог бы защитить свое участие в этом проекте, независимо от внешних, не имеющих отношения к творческой деятельности обстоятельств. Решение этой проблемы привело к идее свободного программного обеспечения.

Роман — это не вещь

Да, ребята, спору нет:
Сказок меньше, чем конфет!
Но как же получается,
Что сказки не кончаются,
А конфеты навсегда
Исчезают без следа?

Юнна Мориц

Существуют причины, которые не позволяют исключительному авторскому праву адекватно отражать существо дела не только в случае программ, но и для литературных произведений. Основная причина заключается в том, что литературное произведение не тождественно вещи. В эпоху книгопечатания без компьютеров на это не обращали внимания потому, что печать заметного тиража книги требовала больших материальных затрат, да и напечатанная на бумаге книга, если отвлечься от ее содержания, такая же вещь, как стул, топор или конфета. Напечатанный тираж легко отслеживался владельцами прав на литературное произведение, а рукописные книги не могли повлиять

на доходы издателей. Однако если книга хоть как-то похожа на вещь, то текст в электронном виде — совсем не похож. Тем не менее это не мешает современному исключительному авторскому праву приравнивать текст в закодированной форме к вещи. Логическим следствием такого подхода оказывается, например, то, что чтение стихов наизусть может нарушить чье-нибудь исключительное право. Это не шутка, поскольку любой юрист согласится с тем, что стихи, которые я читаю, — это литературное произведение, сохраненное на материальном носителе в закодированной форме.

Вторая причина частично следует из первой и заключается в отсутствии каких-либо затрат на создание электронной копии текста (Столяров А. В. 2008: 66; Stallman R. 2004). С появлением компьютера, текстовых редакторов и электронных литературных произведений между автором и читателем перестал стоять издатель, а сам издательский бизнес оказался в кризисном состоянии и попытался решить свои проблемы с помощью ограничения некоторых свобод.

Авторское право, которое первоначально создавалось для того, чтобы защитить автора от произвола издателя, перестало справляться со своими задачами даже в классической своей части, в литературе. Возможности Интернета позволяют авторам по-новому строить свои отношения с читателем, и в этих отношениях издатель уже не может играть ключевую роль.

Попытки приравнивать объекты авторского права к вещам, приводят к лицензионным соглашениям, по которым мы покупаем не программы, а право ими пользоваться. Установка на каждый новый компьютер требует покупки новой копии и т. д. Та же тенденция наблюдается и в продаже электронных книг. Лицензионное соглашение превращается в неразменный пятак из Стругацких или, учитывая доходы от продаж, неразменный рубль из Лескова.

Вот как Ричард Столлман описывает ситуацию с копирайтом в США: «Цифровая технология гибче печатного станка: когда информация имеет цифровую форму, вы можете легко скопировать ее, чтобы поделиться с другими. И эта самая гибкость плохо сочетается с системой вроде копирайта. Это причина все более жестких и драконовских мер, применяемых теперь для проведения в жизнь копирайта на программы. Рассмотрим четыре таких метода Ассоциации издателей программного обеспечения (SPA):

- Массивная пропаганда, говорящая, что нехорошо не подчиняться хозяевам, чтобы помочь другу.

- Рейды (с помощью полиции) в офисах и учебных заведениях, где людям говорят, что они должны доказать свою невиновность в нелегальном копировании.
- Обращения к провокаторам с просьбой доносить на своих сотрудников и коллег.
- Судебное преследование (правительством США по просьбе SPA) людей, как это было с Дэвидом ЛаМача из МТИ, не за копирование программного обеспечения (он не обвинялся в копировании чего-либо), а просто за то, что он оставил средства копирования без наблюдения и не смог подвергать цензуре их использование.

Все четыре метода напоминают те, что использовались в бывшем Советском Союзе, где каждый копировальный аппарат охранялся для предотвращения запрещенного копирования и где людям приходилось размножать информацию секретно и передавать из рук в руки как самиздат» (Stallman R. 2004: 1).

Общественная публичная лицензия

Было время, когда вопрос лицензирования программ никого не волновал, поскольку на программах еще не научились «делать деньги»². Когда ситуация поменялась, многие программы помимо воли их разработчиков оказались в собственности других, и эти другие стали диктовать свои условия. Оказавшись несколько раз в подобной ситуации, Ричард Столлман создал в 1985 г. Фонд свободного программного обеспечения (Free Software Foundation или FSF) и сформулировал основные положения Общественной публичной лицензии (GPL) (Страница Фонда...). Окончательный текст лицензии был написан профессиональными юристами фонда. В настоящее время FSF занимается юридическими вопросами в области свободного программного обеспечения и вариантами Общественной публичной лицензии (GPL).

Сорyleft³ этих лицензий оговаривает те права, которые авторы свободных программ передают любому пользователю (ФСПО... 2013):

0. Нулевая свобода: программу можно свободно использовать с любой целью.

² До 1980 г. программы не защищались исключительным авторским правом ни в одной стране мира.

³ Столлман предложил использовать этот термин вместо copyright.

1. Первая свобода: можно изучать, как программа работает, и адаптировать ее для своих целей. Условием этого является доступность исходного текста программы.
2. Вторая свобода: можно свободно распространять копии программы — в помощь товарищу.
3. Третья свобода: программу можно свободно улучшать и публиковать свою улучшенную версию — с тем, чтобы принести пользу всему сообществу. Условием этой третьей свободы является доступность исходного текста программы и возможность внесения в него модификаций и исправлений.

Ограничения, перечисленные в лицензии, направлены на защиту этих четырех возможностей для любого пользователя программы. Новые версии лицензии учитывают практический опыт отстаивания этих свобод в суде.

К настоящему времени свободное⁴ программное обеспечение завоевало всеобщее признание. В свободных программах идея коллективности создателя доведена до лицензионного соглашения. При этом никто не пытается ущемить авторство частей программы.

В России ГОСТ на свободное программное обеспечение действует с 1 января 2012 г. (ГОСТ Р 54593—2011). Кроме того, возможность свободных программ внесена в поправки к 4-й части ГК РФ в статье об использовании «открытых программ». Первым большим и успешным свободным проектом было создание ядра операционной системы Linux (Raymond E. S. 1999: 1). Когда этот проект начал набирать силу, Торвальдс защитил его лицензией GPL. Вот что он сам писал о том, как и почему пришел к этому решению:

«В любом случае я не хотел продавать Linux. И не хотел терять своей власти над ней, то есть не хотел, чтобы ее продавал кто-то другой. Это я четко сформулировал в уведомлении об авторских правах, помещенном в файл COPYING первой версии... Как владелец авторского права я должен был сформулировать правила: операционную систему можно использовать свободно, пока ты ее не продаешь, а если ты внес какие-то исправления или улучшения, то должен сделать их всеобщим достоянием в виде исходников (в отличие от бинарников, которые недоступны). Кто не согласен с этими условиями, тот не имеет права ни копировать, ни изменять программу...

При том, что сам я не стремился зарабатывать на Linux, другие не стеснялись просить вознаграждение за копирование ее на дискеты.

⁴ В последнее время чаще употребляют слово «открытое».

К февралю многие приносили на собрания юниксоидов дискеты с Linux. У меня стали просить разрешения брать за них долларов по пять, чтобы покрыть временные затраты и стоимость дискет. Трудность была в том, что это нарушало мои авторские права.

Пришла пора пересмотреть мой девиз: Linux не продается...

Дело в том, что при создании Linux я использовал множество свободно распространяемых по Интернету инструментов — пристроился на плечи гигантов. Самым важным из этих инструментов был компилятор GCC. Авторские права на него оговорены в Универсальной общественной лицензии (GPL), которую еще называют “левым правом” (copyleft) и которую изобрел Ричард Столлман. В условиях этой лицензии речь не идет о деньгах. Можно получить хоть миллион баксов, если кто-то готов его заплатить, главное — открыть исходники. И тот, кому ты даешь или продаешь исходники, имеет те же права, что и ты сам. Это замечательная схема. Но в отличие от многих ярых фанатов GPL, которые требуют, чтобы всякая программная новинка становилась достоянием человечества на условиях этой лицензии, я считаю, что автор программы имеет право сам решить, что с ней делать.

Итак, я отказался от собственного описания авторских прав и перешел к GPL...» (Торвальдс Л., Даймонд Д. 2002: 34).

Вслед за Линуксом появились и другие успешные свободные программы. Вот неполный перечень крупных проектов, которые придерживались подобного стиля разработки в рамках Универсальной общественной лицензии и процветают:

1. Open Office — набор программ для работы с текстами, электронными таблицами, презентациями, базами данных, совместим с MS Word, поддерживает международный открытый формат данных, используется в разных операционных системах (Сайт Open Office... 2013).
2. VLC — приложение для работы с потоковым видео в высокоскоростных сетях. Имеет массу возможностей и поддерживает почти все форматы видео и звуковых файлов, используется в разных операционных системах (Сайт VLC... 2013).
3. GIMP — свободно распространяемый графический редактор, конкурирующий с Photoshop (Сайт GIMP... 2013).
4. Iceweasel — интернет-браузер, модификация браузера Mozilla Firefox, переименованная в 2006 г. для того, чтобы избавиться от собственных лицензионных соглашений. Последняя версия имеет мощный фильтр рекламы (Страница Iceweasel... 2013).

5. Lazarus — Свободная кроссплатформенная среда разработки программ на языке программирования Object Pascal. Конкурирует с Delphi (Сайт Lazarus... 2013).
6. g — свободная, кроссплатформенная программная среда для статистических вычислений и построения графиков, конкурирует с SPSS (Сайт g... 2013).

Особенности разработки свободных программ

Стиль работы, который придумал Торвальдс, Эрик С. Рэймонд называл «базарным» в противовес «соборному» стилю работы, который существовал в большинстве корпораций, выпускающих программы: «Меня очень удивил стиль разработки Линуса Торвальдса — частый выпуск релизов, доступность всех исходных текстов и терпимость к разнородным программам. Это совсем не похоже на размеренное строительство собора, сообщество Linux скорее напоминает шумный базар, с множеством различных подходов и направлений. То, что на этом базаре рождается согласованная стабильная операционная система, кажется чудом из чудес» (Raymond E. S. 1999: 1–2).

Подобный стиль работы существовал и раньше, но в рамках небольших научных групп. «Ненаучным» примером, который подробно описан в литературе (Усова Г. С. 2003), является семинар поэтического перевода Татьяны Григорьевны Гнедич. Участники семинара переводили стихи Л. Хьюза в той же коллективной манере, в какой создавалась Linux.

Торвальдс первым воспользовался возможностями сети и сделал этот стиль работы максимально широким, открытым и демократичным: «Я довольно быстро понял — проще всего руководить, позволяя людям делать то, что им хочется, а не заставляя их делать то, что хочется тебе. Кроме того, хороший руководитель понимает, когда не прав, и умеет отступать. А еще он позволяет другим принимать самостоятельные решения» (Торвальдс Л., Даймонд Д. 2002: 41).

Там же он пишет, что за руководителем остается право решать, что включать в проект, а что отклонять и что руководитель может положиться на саморазвитие: «Например, если двое создают однотипные драйверы, я иногда принимаю варианты обоих и смотрю, каким чаще пользуются. Обычно один становится более популярным. Или же авторы начинают совершенствовать свои программы и в итоге их пути расходятся — они начинают использоваться в разных сферах» (Торвальдс Л., Даймонд Д. 2002: 41).

Ряд аналитиков считает, что Open Source проекты надо начинать, условно говоря, со второй трети. То есть должен быть какой-нибудь продукт, который до того развивался на собственнической основе. Когда его уже не выгодно развивать на собственнической основе, его код открывают. Поскольку такой продукт уже имеет своих пользователей, то можно рассчитывать на создание сообщества сторонних разработчиков. Первыми так открыли исходники браузера Mozilla Firefox. Кстати, начало открытой истории этого проекта было тяжелым по причине того, что сложившийся к тому моменту времени коллектив игнорировал сторонних разработчиков.

Заключение

Программы перестали печатать как научные статьи, однако на смену статьям пришла практика лицензирования программ свободными лицензиями. Наиболее распространенной свободной лицензией является «Общественная публичная лицензия». Ее версии поддерживаются профессиональными юристами, и под этой лицензией распространяется среда объектно-ориентированного программирования Lazarus, которая выбрана нами как инструмент разработки программы. Свободное программное обеспечение прописано в законе, на него имеется ГОСТ, поэтому представляется естественным лицензировать разрабатываемую программу с помощью лицензии GPL или близкой.

Программа, как публикация, приравнивается к научной статье, что отражено в новом положении о присуждении ученых степеней: «К публикациям, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени, приравниваются свидетельства на программу для электронных вычислительных машин, базу данных, зарегистрированных в установленном порядке» (Положение... 2013: 8). Отсюда вытекает необходимость регистрировать программу, что не было обязательным для авторства. Это еще один повод для того, чтобы определиться с лицензией.

Источники

- Eric S. Raymond* The Cathedral & the Bazaar. O'Reilly, 1999.
Qualitative Data Analysis. URL: <http://www.atlasti.com/index.html> (дата обращения: 15.11.2013).
Stallman R. Why Software Should Not Have Owners Free Software, Free Society: The Selected Essays of Richard M.: Stallman, 2004.

- The art of data analysis. URL: <http://www.maxqda.com/> (дата обращения: 15.11.2013).
URL: <http://packages.debian.org/ru/wheezy/iceweasel> (дата обращения: 15.11.2013).
ГОСТ Р 54593–2011. Информационные технологии. Свободное программное обеспечение. Общие положения.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Часть 4 от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (действующая редакция от 1 сентября 2013 г., www.consultant.ru/popular/gkrf4/ (дата обращения: 26.11.2013)).
- Каныгин Г. В. Контекстно-ориентированный анализ качественных данных: структуры, алгоритмы и аналитические процедуры // Проблемы теоретической социологии. 2011. Вып. 8.
- Королевство Delphi. Виртуальный клуб программистов. URL: <http://www.delphikingdom.com/> (дата обращения: 21.11.2013).
- О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации (проект № 47538–6/7 ко второму чтению).
- Положение о присуждении ученых степеней № 842 от 24 сентября 2013 г. М., 2013.
- Сайт операционной системы Debian. URL: <http://www.debian.org/intro/free.ru.html> (дата обращения: 15.11.2013).
- Сайт проекта GNU gimp. URL: <http://www.gimp.org/> (дата обращения: 15.11.2013).
- Сайт проекта Lazarus URL: <http://www.lazarus.freepascal.org/> (дата обращения: 10.11.2013).
- Сайт проекта OpenOffice. URL: <http://www.openoffice.org/ru/> (дата обращения: 15.11.2013).
- Сайт проекта VLC. URL: <http://www.vlc.org/> (дата обращения: 15.11.2013).
- Сайт статистического проекта r. URL: <http://www.r-project.org/> (дата обращения: 15.11.2013).
- Свободное программное обеспечение. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Свободное_программное_обеспечение (дата обращения: 21.11.2013).
- Столяров А. В. Проблемы информационного общества: сборник статей. М.: Макс Пресс, 2008.
- Страница Европейского фонда свободного программного обеспечения (ЕФСПО). URL: <http://www.fsfeurope.org/index.ru.html> (дата обращения: 10.11.2013).
- Страница описания пакета iceweasel // Сайт операционной системы Дебиан. Торвальдс Л., Даймонд Д. Just for Fun. Рассказ нечаянного революционера (пер. Н. Шаховой). URL: <http://www.lib.ru> (дата обращения: 02.11.2013).
- Усова Г. С. И Байрона в соавторы возьму. СПб.: ДЕАН, 2003.
- Фонд свободного программного обеспечения (ФСПО). URL: <http://www.fsf.org/> (дата обращения: 10.11.2013).
- Язык программирования. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Delphi_\(язык_программирования\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Delphi_(язык_программирования)) (дата обращения: 12.11.2013).

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

М. В. Масловский

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНОСТИ Й. АРНАСОНА И ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается цивилизационный анализ как теоретическое направление современной социологии. Характеризуется значение анализа советской версии модерности в работах Й. Арнасона для изучения российской политической культуры. Отмечается, что теоретические положения концепции множественных модерностей Арнасона могут быть дополнены исследованиями политической культуры российского общества в работах социологов «Левада-центра».

Ключевые слова: цивилизационный анализ, модерность, политическая культура.

M. V. Maslovskiy

JOHANN ARNASON'S THEORY OF SOVIET MODERNITY AND THE STUDIES OF RUSSIAN POLITICAL CULTURE

In the article civilizational analysis as a theoretical perspective in contemporary sociology is discussed. The importance of Johann Arnason's analysis of Soviet modernity for the study of Russian society is characterized. Arnason's analysis of the multiple forms of modernity is widely discussed in today's historical sociology. At the same time his study of the Soviet version of modernity has attracted relatively less attention than some other aspects of his work. Nevertheless, Arnason's analysis of the Soviet model represents an original approach to the communist regime in Russia that deserves further theoretical development. While Arnason does not discuss in detail the processes of social and political change in post-Soviet Russia his approach can be applied to this problematic as well. The functionalist modernization theory cannot account for reversals in economic and political liberalization but Arnason's ideas add new explanatory dimensions to transformation research. It is argued that Arnason's theoretical propositions can be complemented with research on Russian political culture by sociologists from the Levada Center. The studies of Boris Dubin and Lev Gudkov present a broad picture of social life in post-Soviet Russia. These authors

follow a distinct approach that combines Yuri Levada's model of the Soviet person with elements of western sociological and political theories. The studies of Levada Centre demonstrate that in the 2000s most of Russian population accepted the Soviet epoch as a kind of 'invented tradition' and expressed nostalgia for the years of Brezhnev's rule. However, some theoretical statements particularly in Gudkov's works can be questioned from the viewpoint of the multiple modernities perspective in contemporary sociology. The Soviet system can be seen not as a deviation from the only road to modernity but as a specific form of modern society that possessed distinctive civilizational features. The multiple modernities approach can be seen as an important theoretical resource for understanding social processes in post-Soviet Russia.

Keywords: civilizational analysis, modernity, political culture.

Смену теоретических подходов к проблеме модернизации в социологии второй половины XX в. отражает схема, предложенная Дж. Александером. В соответствии с этой схемой, в западной социологии последовательно сменяли друг друга следующие теоретические ориентации: классическая теория модернизации — антимодернизм — постмодернизм — неомодернизм (Александр 2013). Теория модернизации, в значительной степени опиравшаяся на функционализм Т. Парсонса, преобладала в 1950-е — начале 1960-х гг. Антимодернистские теории, ведущее место среди которых принадлежало неомарксизму, получили развитие во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. Следующее десятилетие отмечено распространением идей постмодернизма. Наконец, в 1990-е гг. сформировалась новая теоретическая ориентация — неомодернизм. Социология во все большей степени обращается к анализу глобального распространения рыночной экономики и процессов демократизации. При этом, как полагает Александр, в определенном смысле происходит возврат к классической теории модернизации.

Однако данная схема может быть принята лишь с определенными оговорками. Прежде всего, разработанная Александером схема фиксирует смену как теоретических подходов, так и идеологических установок, причем основной акцент делается скорее на последних. При этом Александр уделяет преимущественное внимание американской социологии, тогда как с начала 1970-х гг. центр развития социальной теории переместился в Западную Европу. Наконец, не все новейшие теоретические направления соответствуют схеме, выдвинутой Алек-

сандером. Так, с конца 1990-х гг. происходит формирование концепции множественных модерностей (*multiple modernities*), которая выходит за рамки предложенного им понимания неомодернизма.

Концепция множественных модерностей во многом продолжает и развивает веберовскую социологическую традицию. Данную концепцию отличает «неовеберовский подход к политической власти, которая рассматривается с точки зрения социокультурных оснований ее легитимности» (Spohn 2010: 53). С позиций этого теоретического направления подчеркивается влияние традиций, сложившихся в различных религиях, империях, цивилизациях. В целом «различные цивилизационные основания и рамки порождают разнообразные программы политической модерности и процессы политической модернизации» (Spohn 2010: 60). Концепция множественных модерностей расценивается сегодня как одно из наиболее перспективных направлений социальной теории (Йоас, Кнебель 2013: 784–789). Значение этой концепции для анализа социальных и политических процессов в постсоветской России подчеркивает, в частности, британский политолог Ричард Саква, который обсуждает ее преимущества по сравнению с преобладающими на сегодняшний день транзитологическими подходами (Sakwa 2012).

Следует отметить, что концепция множественных модерностей сложилась в рамках цивилизационного анализа как направления сравнительно-исторической социологии. В числе ведущих представителей цивилизационного анализа в социальной науке конца XX — начала XXI вв. можно выделить таких социологов, как Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон. Вклад Эйзенштадта в историческую социологию заключался, прежде всего, в разработке теоретических основ сравнительного исследования традиционных цивилизаций «осевого времени». Вместе с тем значительный интерес для современной социологии представляет осуществленный этим ученым анализ цивилизационной динамики модерности. С точки зрения Эйзенштадта, возникновение цивилизаций «осевого времени» и переход к модерности представляли собой два наиболее значительных процесса социокультурных изменений в мировой истории (Eisenstadt 2000: 19).

Эйзенштадт уделяет значительное внимание воздействию революций Нового времени на формирование модерности (Эйзенштадт 1999). При этом он подчеркивает, что процесс модернизации в незападных обществах проходил различными путями, приводя к результатам,

существенно отличавшимся от западных образцов. Изменения в различных модернизирующихся обществах были связаны как с внутренней динамикой этих обществ, так и с борьбой между основными центрами политической и экономической власти в пределах европейской цивилизации, а затем и между разными цивилизациями модерности. Однако следует учитывать, что анализ различных версий модерности в работах Эйзенштадта носит не столь завершённый и систематический характер, как его исследования цивилизаций «осевого времени». Во всяком случае, этот анализ может быть по-разному интерпретирован, а также дополнен другими теоретическими подходами.

Один из ведущих представителей концепции множественных модерностей Й. Арнасон осуществил с позиций данного направления анализ обществ советского типа. В 1993 г. вышла его книга «Несбывшееся будущее: происхождение и судьбы советской модели», содержащая такой анализ (Arnason 1993). Впоследствии Арнасон неоднократно возвращался к проблематике коммунистической модерности. В частности, он рассмотрел глобальное распространение советской модели и охарактеризовал становление особой версии коммунистической модерности в Китае. Теоретический подход этого социолога к изучению советской модели достаточно полно представлен в его статьях «Коммунизм и модерн» и «Советская модель как форма глобализации» (Арнасон 2011: 2013).

С окончанием «холодной» войны в западной социальной науке проявилась тенденция расценивать коммунистические режимы как антимодернистские или псевдомодернистские. Однако, как полагает Арнасон, невозможно игнорировать модернизационную динамику коммунистической системы. В государствах, в которых установились коммунистические режимы, были продолжены или начаты основные модернизационные процессы. Одной из основных стратегических целей коммунистических режимов выступала ускоренная индустриализация. В политической сфере в обществах советского типа произошло организационное и технологическое усиление государственной власти. В числе наиболее значительных достижений коммунистических режимов многие исследователи называют модернизацию системы образования.

Особое внимание Арнасон уделяет цивилизационным аспектам советской версии модерности. Он подчеркивает, что советская модель определяла себя как альтернативу западной модерности — в экономи-

ческой, политической и культурной сферах. При этом претензии на создание новой цивилизации играли ключевую роль в советском «идеологическом арсенале». Тем не менее коммунистическая версия модерности обладала лишь некоторыми цивилизационными характеристиками. В конечном итоге советские «цивилизационные ресурсы» оказались слишком ограниченными. Вместе с тем господство в обществе идеологии, представлявшей собой разновидность «политической религии», оказывало негативное влияние на сферы экономики, политики и культуры, поскольку идеология ограничивала роль рефлексивности в общественной жизни.

В своем анализе советской модели Арнасон использует понятия социальной интеграции и дифференциации. Он отмечает, что механизмы социальной интеграции имели явно преобладающее значение в советской системе. Для этой системы было характерно сосредоточение экономической, политической и идеологической власти в руках аппарата управления, стремившегося подчинить своему контролю все проявления общественной жизни. Однако в обществе реального социализма существовали определенные формы социальной дифференциации, отличные от функциональной дифференциации западных обществ. В советской системе особая логика действовала в каждой из основных сфер социальной жизни. Так, централизованное планирование необходимо было совместить с реальными потребностями экономического развития, результатом чего стало сочетание плановых механизмов, элементов рынка и неформальных экономических отношений. Своеобразная динамика существовала в сфере политики, где на смену харизматическому режиму пришел относительно более рационализированный олигархический режим. В сфере идеологии требовалось примирить неизменные доктринальные принципы с непрерывным ростом научного знания, что было заведомо недостижимой целью.

В западной советологии вопрос о коммунистической системе как особом типе модерности долгое время практически не обсуждался. Вместе с тем с середины 1990-х гг. в работах ряда американских историков получил развитие новый подход к анализу советской системы, противостоявший как теории тоталитаризма, так и «ревизионистской» социальной истории. Последователи этого нового направления рассматривают советскую систему как своеобразный тип современного общества и особую цивилизацию. Так, Стивен Коткин стремится

показать, как в годы первых пятилеток происходило формирование новой социалистической цивилизации (Kotkin 1995). С одной стороны, Коткин выделяет влияние на большевистскую идеологию утопических элементов марксизма, восходящих к эпохе Просвещения. С другой стороны, американский историк характеризует сталинский режим как «теократию» и рассматривает коммунистическую идеологию как форму религии, а партийные чистки — как разновидность инквизиции. С точки зрения теорий модернизации функционалистского толка и более традиционных советологических подходов такое сочетание выглядит явно парадоксальным.

Коткин сопоставляет советскую систему периода 1920–1930-х гг. с либеральными формами модерности, представленными США, Великобританией и Францией, а также и с другими видами «антилиберальной» модерности (нацистская Германия, фашистская Италия, императорская Япония) (Коткин 2001). Но следует отметить, что Коткин практически не использует современные социологические теории. Упоминая теорию модернизации, он ссылается прежде всего на ранние варианты данной теории, восходящие к функционализму Парсонса. Вместе с тем обращение к концепции множественных модерностей, по-видимому, позволяет преодолеть те теоретические проблемы, с которыми сталкивается функционалистский анализ советской системы (Maslovskiy 2010: 17–18).

Американский историк Майкл Дэвид-Фокс развил намеченное Шейлой Фицпатрик сопоставление «модернистского» и «неотрадиционалистского» подходов к анализу советской истории в новейшей американской литературе. Если на модернистский подход в значительной мере повлияли работы Коткина, то исследования «повседневного сталинизма» Фицпатрик (2001) способствовали формированию группы историков, стоявших на позициях «неотрадиционалистского» объяснения советской системы. Как показывает Дэвид-Фокс, внутри каждого из указанных направлений представлены весьма разнообразные позиции, так что проблематично говорить, например, о какой-то единой группе «модернистов». Но в целом «тенденция модернистов делать акцент на проектах и программах дала возможность “неотрадиционалистам” обратиться к результатам, а не намерениям и подчеркивать непредвиденные последствия» (David-Fox 2006: 539).

С точки зрения Дэвид-Фокса, модернистское направление в исследованиях советской истории «имплицитно» следует за социологиче-

ским анализом множественных модерностей, хотя работы Эйзенштадта по данной проблематике оказались вне поля зрения представителей этого направления. Сам Дэвид-Фокс ссылается на труды Эйзенштадта, но лишь однажды мимоходом цитирует одну из статей Йохана Арнасона, не обсуждая его концепцию. Между тем анализ советской модели, осуществленный Арнасоном, является наиболее релевантным для исследований советского общества. Дэвид-Фокс подчеркивает также необходимость сосредоточить внимание на «транснациональных» взаимодействиях в рамках «международной системы модерности» и упоминает понятие «переплетенных модерностей» (*entangled modernities*) (David-Fox 2006: 551). Однако в исторической социологии Арнасона представлен подробный анализ такого рода «переплетения» на примере советской и китайской форм коммунистической модерности (Arnason 2003).

С точки зрения Арнасона, можно говорить не о советской цивилизации, а о коммунистической модели модерности, обладавшей лишь некоторыми цивилизационными чертами. Характеризуя советскую модель, этот социолог отмечал, что «политическая религия» марксизма-ленинизма «не проникала в общество столь же глубоко, сколь исторические религии» (Арнасон 2011: 18). Обращаясь к периоду с середины 1960-х по середину 1980-х гг., он выделяет «ретрадиционализацию» как одну из основных тенденций эволюции советской модели. Речь идет о попытках представить «советский образ жизни» в качестве особой традиции. По мнению Арнасона, эти попытки так и не привели к созданию устойчивой цивилизационной модели. Тем не менее их влияние на политическую культуру советского общества не следует недооценивать.

В последние несколько лет работы Арнасона оказались в центре внимания зарубежных исследователей. Однако осуществленный этим социологом анализ советской версии модерности обсуждался не столь широко, как некоторые другие стороны его концепции. Вместе с тем отмечалось, что Арнасон предложил «оригинальный цивилизационный подход к изучению коммунистических режимов в России и других регионах мира, который заслуживает дальнейшего теоретического развития и проведения сравнительных исследований» (Spohn 2011: 30). Кроме того, идеи этого социолога успешно использовались для анализа социально-политических изменений в странах Восточной Европы (Блоккер 2009). С позиций концепции множественных модерностей

весьма убедительной критике были подвергнуты «транзитологические» подходы к изучению социально-политических процессов в посткоммунистических обществах. Указывалось также, что социологическая концепция Арнасона обладает преимуществами перед этими подходами, не допускающими возможности поворота вспять экономической и политической либерализации.

В то же время правомерно поставить вопрос о воздействии наследия не вполне сформировавшейся советской цивилизационной модели на современное российское общество. Как показывают результаты исследований российской политической культуры, проводившихся социологами из «Левада-центра», неотрадиционалистские черты советской версии модерности продолжали сохранять определенное влияние на протяжении всего постсоветского периода. Так, Б. В. Дубин рассматривает, в частности, взаимоотношения между Россией и ее ближайшими соседями, а также их отражение в массовом сознании. Как указывает этот социолог, для стран Центральной Восточной Европы вступление в Европейский Союз стало «политическим (как прежде — цивилизационным) утверждением себя в качестве части Европы», тогда как для России было характерно нарастание «символического отчуждения от Запада в ориентациях политических элит, риторике массмедиа, оценках населения» (Дубин 2011: 6). Этот исследователь демонстрирует, что уже в 1990-е гг. в российском обществе возрастает значимость коллективной идентичности, основанной на отличии от «других», и получает все более широкое распространение идея «особого пути» России.

В работах Дубина отмечается, что структурирование советской эпохи в массовом сознании было в целом завершено к середине второго постсоветского десятилетия. Опросы общественного мнения показывают, что наибольшее значение придавалось событиям, обозначившим начало этой эпохи (Октябрьская революция) и ее завершение (распад СССР), а между этими двумя событиями особо выделялись победа в войне и первый космический полет Ю. Гагарина. В то же время период середины 1960-х — 1970-х гг. расценивался как наилучшее время в российской истории XX в. Согласно Дубину, в 2000-е гг. российское общественное мнение в целом принимало советское прошлое как «свое» и в особенности проявляло ностальгию по «золотому веку» брежневского правления. Парадоксально, что наиболее «серый период» российской истории XX в., когда даже власть отказалась от неизменной

утопической составляющей советского проекта, через несколько лет после краха СССР стал в ностальгирующем коллективном сознании и эксплуатирующих эти настроения средствах массовой информации олицетворенной утопией равенства, сплоченности и благополучия» (Дубин 2011: 121).

В целом же Советский Союз «долго представлял, а во многом и сегодня представляет для большинства россиян социально-политическое и цивилизационное целое, с воображаемыми рамками которого они себя соотносят» (Дубин 2011: 23). С точки зрения Дубина, брежневский период может характеризоваться как вершина советского социально-политического и цивилизационного строя. Именно так он выглядит и «в ретроспективных представлениях *сегодняшних* россиян» (Дубин 2011: 267). Неоднократно отмечалось также, что поздний брежневский период был временем социализации нынешней российской политической элиты. В конечном итоге влияние авторитарной политической культуры советской эпохи прослеживается как у населения в целом, так и у правящей элиты.

Среди новейших исследований трансформационных процессов в постсоветской России следует выделить также осуществленный Л. Д. Гудковым анализ «абортивной модернизации». Одним из основных теоретических источников выступают для Гудкова идеи Ю. А. Левады. Центральное место в анализе постсоветских трансформаций в трудах Левады занимала разработанная им идеально-типическая модель советского человека (Гудков 2011: 56–57). Характеризуя данную модель, Гудков сопоставляет ее с аналогичными теоретическими конструкциями в западной социальной науке, как, например, концепция авторитарной личности. В то же время можно найти параллель с понятием «*Homo Sovieticus*», которое получило распространение в антисоветском интеллигентском фольклоре и книгах писателей-диссидентов, в особенности А. А. Зиновьева.

В исследованиях Левады и его коллег, проводившихся в 1990-е и 2000-е гг., ставился вопрос о том, какие черты советского человека сохранились в условиях масштабных социальных преобразований и продолжали оказывать влияние на поведение людей. На основе таких исследований Гудков делает вывод, что антропологический тип советского человека представляет собой основное препятствие для модернизации российского общества. Он утверждает, что характерное для советского человека недоверие к окружающему миру и опыт

приспособления к произволу государственной власти делают этот человеческий тип неспособным принять сложные социальные отношения модерности. По-видимому, анализ характеристик данного социального типа имеет существенное значение для понимания особенностей политической культуры российского общества.

Гудков использует понятие «абортивной модернизации» по аналогии с «абортивной цивилизацией» в работах Тойнби. Как подчеркивает Гудков, с точки зрения системного подхода в социологической теории, модернизация предполагает процесс функциональной дифференциации социальной системы и возникновение более сложных форм интеграции и коммуникации между ее составными частями. В то же время он утверждает, что в российском обществе эти процессы постоянно блокировались. Конфликты и напряжение внутри социальной системы, требовавшие ее дальнейшей дифференциации, вместо этого решались путем упрощения системы. Подавление социальной дифференциации вело к консервации основных социальных институтов и прежде всего властных структур (Гудков 2011: 376–378).

Следует учитывать, что анализ абортивной модернизации в работах Гудкова в значительной степени опирается на функционалистское направление в социологической теории. Согласно Т. Парсонсу, экономические, политические и правовые институты западных обществ представляют собой «эволюционные универсалии». В частности, Парсонс характеризовал американское общество 50-х гг. XX в. как своего рода вершину модерности. Идея абортивной модернизации также предполагает существование лишь одного типа модерности, представленного странами Запада. Однако эта идея может быть поставлена под сомнение с точки зрения концепции множественных модерностей. Советская система может рассматриваться не как отклонение от единственно возможного пути модернизации, но как специфический тип модерности, обладавший определенными цивилизационными чертами (Maslovskiy 2013: 2020–2021).

В целом современные концепции цивилизационного анализа представляют собой ценный теоретический ресурс для осмысления социокультурных и политических процессов на постсоветском пространстве. Использование этого теоретического подхода может способствовать преодолению влияния показавших свою ограниченность «транзитологических» схем. Цивилизационный анализ позволяет выявить долговременные тенденции социальных и политических изме-

нений. Изучение российских трансформаций с позиций данного направления дает возможность по-новому взглянуть на социокультурные и политические процессы в России на протяжении всего постсоветского периода.

Источники

- Александр Дж.* Модерн, анти-, пост- и нео: Как интеллектуалы объясняют «наше время» // Александр Дж. Смыслы социальной реальности: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1.
- Арнасон Й.* Советская модель как форма глобализации // Неприкосновенный запас. 2013. № 4.
- Блокер П.* Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы // Новое литературное обозрение. 2009. № 6.
- Гудков Л. Д.* Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
- Дубин Б. В.* Россия нулевых: политическая культура — историческая память — повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2011.
- Йоас Х., Кнебель В.* Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб.: Алетейя, 2013.
- Коткин С.* Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб.: Летний сад, 2001.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.
- Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Arnason J.* The future that failed: Origins and destinies of the Soviet model. L.: Routledge, 1993.
- Arnason J.* Entangled communisms: Imperial revolutions in Russia and China // European Journal of Social Theory. 2003. № 3.
- David-Fox M.* Multiple modernities versus neo-traditionalism // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2006. № 4.
- Eisenstadt S.* The civilizational dimension in sociological analysis // Thesis Eleven. 2000. № 1.
- Kotkin S.* Magnetic mountain: Stalinism as a civilization. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Maslovskiy M.* The Weberian tradition in historical sociology and the field of Soviet studies // Max Weber and Russia / ed. by V. Oittinen. Helsinki: Aleksanteri Series, 2010.
- Maslovskiy M.* Social and cultural obstacles to Russian modernization // Europe-Asia Studies. 2013. № 10.

- Sakwa R.* Modernization, neo-modernization and comparative democratization in Russia // East European Politics. 2012. № 1.
- Spohn W.* Political sociology: Between civilizations and modernities. A multiple modernities perspective // European Journal of Social Theory. 2010. № 1.
- Spohn W.* World history, civilizational analysis and historical sociology: Interpretations of non-western civilizations in the work of Johann Arnason // European Journal of Social Theory. 2011. № 1.

К. С. Дивисенко, О. В. Тупахина, А. Э. Белов

**ПРАКТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРУКТУРЫ
РЕЛИГИОЗНОГО ЖИЗНЕННОГО МИРА
(НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН)¹**

В статье представлены предварительные результаты анкетного опроса, проведенного в рамках межконфессионального изучения религиозности. На примере православных христиан проанализированы особенности практической составляющей религиозного жизненного мира. Показана связь между интенсивностью участия в церковных таинствах и участием в различных церковных и социальных служениях. Результаты могут быть использованы для дальнейшей разработки и обоснования методического инструментария социологического изучения религиозности и индивидуальной духовности.

Ключевые слова: социология религии, православие, В-индекс, критерий религиозности, религиозный жизненный мир, религиозная практика.

K. S. DIVISENKO, O. V. TUPACHINA, A. E. BELOV

**PRACTICAL COMPONENT OF RELIGIOUS LEWORLD
(THE CASE OF ORTHODOX CHRISTIANS)**

In modern science, the problem of the criteria of religiosity is still urgent. The complexity and diversity of the phenomenon of spirituality (religiosity), scholarly conceptualization of the given phenomenon from viewpoints of various theological perspectives, various operationalizations of the term “religiosity determine methodological complications for comparing religiosity even within one world religion, for instance, Christianity.

The first level of our project on studying modern Christians (Orthodox, Protestant, and Evangelical), based on interview materials, was the attempt to maximally understand and describe interconfessional peculiarities of spirituality; the second — to indicate and quantitatively measure those aspects and peculiarities of spiritual life that could become a foundation of the universal criteria of religiosity that could be used in studying both Orthodoxy and Protestantism.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Религиозные знания, убеждения и практики в жизненном мире: межконфессиональные особенности (православие и протестантизм)», проект № 11–33–00381a2.

To solve this matter, we proposed the term “religious life world” that we see as a structure of interconnected religious knowledge, beliefs, and practices, which allows us to integrally study the consciousness and behavior of people in the sphere of spiritual life. The given model, according to the level of expression of various components (knowledge, beliefs, and practices), is able to provide a study of various types of religiosity.

In the given article we are to look at the peculiarities of the practical component of religious life world of Orthodox Christians and analyze the connection between the participation of people in exclusively church practices and services that go a bit beyond the necessary minimum of “normative piety”. Such services can be seen as the indicator of the changes in daily life caused by religious involvement.

The target group of our research is the people who not just identify themselves with Orthodoxy or Protestantism, but actually practice their faith, i. e. attend liturgies, participate in sacraments of church, services etc. The questionnaire survey had been conducted in May-July of 2013. 154 Orthodox and 68 Protestants took part in the survey. Most of the Orthodox were women (73,4%), the average age — 39,5 (38,4 for women and 42,4 for men).

Due to Cronbach’s Alpha we conducted the a posteriori analysis of the reliability of the scales characterizing the way of life of an Orthodox Christian. In our data for the five components of B-Index (reduced to the five-point grading scales) α took a value of 0,770, and 0,787 for raw values (and 0,829, based on Cronbach’s Alpha based on standardized items). In the first and second cases the frequency of reading the Bible turns out to be the point that minimally correlates with the total result, but, nevertheless, in the course of distancing from the given point the value of α does not increase. One has to note that the components mentioned above (B-Index, as well as the frequency of confession, attending liturgy, frequency of participating in contribution, in which the respondents participate) are closely connected with one another — the value of α , based on the standardized points, is 0,897, which points at a quite high level of reliability of the scale that reflects practical religiosity.

The list of services in the questionnaire (oriented primarily at the comparative interconfessional research) probably failed to completely reflect the diversity of ministries that characterize this or that confession as a whole and particular Orthodox or Protestant communities. Nevertheless, the final data indicate that participation in church sacraments and rituals is not closed within itself but, to the contrary, increases the level of active service to one another inside and outside the church, depending on the increase of intensity of “practical religiosity” of Orthodox Christians.

The results of the research can be used for a further development and approval of the methodological tools of sociological investigation of religiosity and individual spirituality.

Keywords: Sociology of religion, orthodoxy, B-index (Enchurchment index), criterion of religiosity, religious lifeworld, religious practice.

Проблема степени и критерия религиозности в современной отечественной науке по-прежнему остается актуальной, поскольку сопоставление религиозности даже внутри одной мировой религии, например христианства, остается нерешенной задачей. Это обусловлено несколькими факторами, в том числе сложностью самого явления духовность (религиозность), разнообразием обыденных представлений о духовности у представителей разных религиозных групп, научной концептуализацией данного явления с точки зрения той или иной теоретической перспективы, наконец, различной операционализацией понятия «религиозность»².

В изучении современных христиан (православных и представителей протестантских, евангельских церквей) на первом (качественном) этапе исследования, опираясь на материалы проведенных интервью, мы стремились максимально понять и описать межконфессиональные особенности духовности, а на втором — постарались выделить и количественно измерить те стороны и особенности духовной жизни, которые могли бы лечь в основу универсального критерия религиозности, подходящего для исследования как православия, так и протестантизма.

Для решения данной задачи нами было предложено понятие «религиозный жизненный мир», которое мы рассматриваем как структуру взаимосвязанных религиозных знаний, убеждений и практик, что позволяет исследовать в неразрывной связи сознание и поведение людей в области духовной жизни (Дивисенко 2011: 94–96). Данная модель (по степени выраженности тех или иных компонентов — знаний, убеждений, практик) способна обеспечить изучение различных типов религиозности. С этой точки зрения, мы можем говорить о *строгом религиозном типе*, когда присутствуют и сильно выражены все три компонента религиозного жизненного мира. *Номинальной* (культурообусловленной) религиозностью может считаться тот случай, когда нивелирована практическая составляющая, а на первый план выходят религиозные убеждения и знания. *Тип «мертвая вера»* характеризуется доминированием в жизненном мире религиозных убеждений, которые не проявляются в практической деятельности и не подкрепляются знаниями. Активная религиозная практика,

² В силу этих причин, как отмечает Ю. Ю. Синелина, в каждом эмпирическом исследовании религии необходимым компонентом становится анализ и рабочая операционализация понятия «религиозность» (Синелина 2009: 81–82).

проходящая на фоне отсутствия убеждений и знаний, являет собой тип *нерелигиозной мотивации религиозного поведения* (более подробно о типологии см.: Дивисенко 2011: 96–98).

При анализе структуры жизненного мира как совокупности автономных конечных областей смысла (Шюц 2007: 82) повседневная реальность, являясь одной из конечных областей смысла, выступает в качестве системообразующего стержня ввиду своей универсальной природы и интерсубъективного характера. Мир религиозного опыта (или религиозный жизненный мир) — конечная область смысла, имеющая как свою специфическую религиозную повседневность — интерсубъективное ядро, поддерживаемое институционализированной религией, так и субъективную периферию, организованную индивидуальным мистическим опытом. По мере воцерковления, которое мы можем рассматривать как «добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней образа жизни и образа мыслей» (Чеснокова 2005: 18), религиозный жизненный мир «вторгается» в религиозно-нейтральную повседневность. Данное явление можно наблюдать в изменении как повседневного образа мыслей, так и образа жизни: системы рациональности, мотивации, поступков, действий по мере возрастания степени религиозности начинают определяться не повседневными, а собственно религиозными факторами.

В рамках настоящей статьи мы обратимся к особенностям практической составляющей религиозного жизненного мира, а также проанализируем связь между участием людей в сугубо церковных практиках и несением ими различного рода послушаний, выходящих за необходимый минимум «нормативного благочестия». Такого рода послушания могут рассматриваться в качестве индикатора изменения повседневности, обусловленного религиозной вовлеченностью. Очевидно, что подробное сопоставление религиозных знаний, убеждений и практик православных и протестантов затруднительно без предварительного описания отдельных компонентов, поэтому в данной статье мы ограничимся подробным описанием практической составляющей религиозного жизненного мира православных христиан.

Целевая аудитория нашего исследования — люди, не только лишь идентифицирующие себя с православием и протестантизмом (в широком смысле), но и являющиеся практикующими верующими, то есть с той или иной степенью регулярности посещающие богослужение, участвующие в церковных таинствах, послушаниях и т. п. При разра-

ботке анкеты были использованы интервью с верующими людьми, относящими себя либо к православию, либо к протестантизму, полученные на предыдущем этапе исследования. Анкетный опрос проведен в мае—июле 2013 г. В ходе опроса использовались как традиционные бумажные, так и электронные анкеты, что позволило охватить более широкую аудиторию респондентов. Всего в исследовании приняли участие 154 респондента, относящих себя к православию, и 68 представителей протестантских, евангельских церквей. Большинство православных респондентов — женщины (73,4%). Средний возраст составил 39,5 лет (для женщин — 38,4 лет, для мужчин — 42,4 года). 87,2% проживают в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. У 76,6% респондентов — высшее образование (в т. ч. 4,5% имеют ученую степень), около 9% — с неполным высшим образованием, и такая же доля имеющих среднее специальное образование.

Для исследования православной духовности, в частности «православного образа жизни», в отечественной науке традиционно используется В-индекс, предложенный В. Ф. Чесноковой. Данный индекс, отражающий образ жизни православного христианина, строится на пяти переменных — наиболее показательных характеристиках степени воцерковленности: «частота посещения храма», «частота Причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы» и «пост» (Чеснокова 2005: 19). Каждая из переменных изменяется по порядковой шкале, имеющей пять градаций. На основе этих шкал строятся пять групп по степени воцерковленности.

Разработанная в конце 1980-х — начале 1990-х гг., данная методика во многом отражала дух времени и требовала уточнений (в т. ч. по критерию выделения групп), которые были внесены в 2002 г. (Чеснокова 2005: 237–238). Следует заметить, что современные исследователи во многом справедливо критикуют методику выделения групп по В-индексу и предлагают альтернативные варианты, использующие те же шкалы³. Преследуя реализацию задач нашего исследования и понимая особенности целевой группы респондентов, мы использовали в анкете несколько измененные формулировки вопросов и более подробные шкалы, но которые могли бы быть редуцированы для построения В-индекса.

³ См., например: (Лебедев 2013: 118–126). В дальнейшем в отдельной публикации мы планируем представить результаты других вариантов выделения групп на переменных В-индекса.

* * *

В православном подмассиве на основе В-индекса были выделены группы по степени воцерковленности. Оказалось, что 145 православных респондентов (94,8%) относятся к группе Ц («церковного народа») — наиболее сильной группе верующих.

Развивая идеи В. Ф. Чесноковой⁴, в группе Ц мы выделили подгруппы, аналогично группам В-индекса. Напомним, что группу Ц образуют те случаи, где по любой из пяти шкал достигается максимальное значение. Наши подгруппы внутри группы Ц были выделены на том же основании — по числу шкал, имеющих максимальное значение. Таким образом, у нас появилось 5 подгрупп, которые условно обозначим буквами А, В, С, D и Е. Группу А (наиболее сильную) образовали те случаи, где по всем пяти шкалам В-индекса достигнута максимальная позиция. В группу В попали случаи, где максимальное значение достигается по четырем из пяти шкал и т. д. (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристики групп А–Е⁵

Подгруппы	Число переменных с максимальным значением	Число респондентов		Считают себя активными членами общины, % ⁵
		абс.	отн., %	
А	5	25	16,3	28,00
В	4	42	27,5	23,30
С	3	36	23,5	11,40
D	2	26	17	3,80
Е	1	16	10,5	0,00
Итого:		145	100	

Внутри выделенных подгрупп, которые мы в дальнейшем для краткости будем называть группами, не выявлено статистически значимых различий по полу, возрасту, уровню и области образования респондентов.

⁴ Ужесточение критериев и выделение «сильной» подгруппы в группах Н, П, Ц было предпринято В. Ф. Чесноковой при анализе результатов исследования, проведенного в 2002 г. (Чеснокова 2005: 245–255).

⁵ В столбце указана доля (внутри группы) респондентов, считающих себя активными членами общины. Связь статистически значима ($V = 0,293$; $p = 0,022$).

тов. Заметим, что выделенные нами на основе В-индекса группы респондентов соотносятся с самооценкой респондентами своего статуса в общине (см. последний столбец табл. 1). Так, большинство респондентов, считающих себя активными членами общины (прихода), попали в группу А.

Теперь обратимся к сопряжению групп А–Е с ответами на вопросы В-индекса по подробным шкалам (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопросы,
входящие в В-индекс по группам, %**

	Группы				
	Е	Д	С	В	А
Частота хождения в храм ($\tau-b = ,595$; $p < ,000$)					
редко, нерегулярно	12,5	0,0	0,0	0,0	0,0
раз в год	6,3	0,0	0,0	0,0	0,0
до четырех раз в год	6,3	0,0	0,0	0,0	0,0
несколько раз в год (5–11)	50,0	15,4	0,0	0,0	0,0
раз в месяц и чаще, но не каждую неделю	12,5	46,2	27,8	4,7	12,0
каждую неделю	12,5	34,6	69,4	65,1	56,0
несколько раз в неделю	0,0	3,8	2,8	30,2	32,0
Частота участия в евхаристии ($\tau-b = ,636$; $p < ,000$)					
никогда в сознательном возрасте	12,5	0,0	2,8	0,0	0,0
редко, нерегулярно	12,5	11,5	2,8	0,0	0,0
раз в год	18,8	11,5	2,8	0,0	0,0
до четырех раз в год	18,8	19,2	8,3	2,3	0,0
несколько раз в год (5–11)	31,3	57,7	27,8	11,6	0,0
раз в месяц и чаще, но не каждую неделю	0,0	0,0	41,7	55,8	52,0
каждую неделю	0,0	0,0	11,1	25,6	32,0
несколько раз в неделю	6,3	0,0	2,8	4,7	16,0
Частота чтения Библии ($\tau-b = ,574$; $p < ,000$)					
никогда	18,8	0,0	0,0	0,0	0,0
давно	25,0	19,2	11,1	4,7	0,0
несколько месяцев назад	25,0	3,8	25,0	4,7	0,0
реже, чем раз в месяц	18,8	38,5	11,1	7,0	0,0
раз в месяц	6,3	11,5	16,7	18,6	0,0

Окончание таблицы 2

	Группы				
	Е	D	С	В	А
раз в месяц и чаще, но не каждую неделю	0,0	7,7	13,9	9,3	0,0
раз в неделю	6,3	7,7	13,9	9,3	0,0
несколько раз в неделю	0,0	3,8	8,3	18,6	40,0
стараюсь читать каждый день	0,0	7,7	0,0	27,9	60,0
Частота личной молитвы (τ-b =,452; $p <,000$)					
реже, чем раз в месяц	6,3	0,0	0,0	0,0	0,0
раз в месяц	6,3	0,0	0,0	0,0	0,0
раз в неделю	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
чаще, чем раз в неделю, но не каждый день	18,8	7,7	0,0	2,3	0,0
один раз в день	37,5	61,5	36,1	20,9	20,0
несколько раз в день	31,3	30,8	63,9	76,7	80,0
Соблюдение церковного поста (τ-b =,647; $p <,000$)					
не соблюдаю постов	37,5	19,2	5,6	0,0	0,0
нерегулярно	37,5	26,9	13,9	2,4	0,0
некоторые посты	18,8	19,2	13,9	9,5	0,0
все большие посты	6,3	23,1	30,6	16,7	0,0
все большие посты, а также среда и пятница	0,0	11,5	36,1	71,4	100,0

В нашем исследовании была использована более дробная градация шкал переменных В-индекса, касающаяся последних (максимальных) пунктов. Так, в переменных В-индекса, касающихся частоты посещения храма и причастия, четвертой позиции соответствует «несколько раз в год (но не каждый месяц)», а пятой — «раз в месяц и чаще». В нашей же анкете эти позиции были разбиты на следующие пункты: «до четырех раз в год», «несколько раз в год (от 5 до 11)» и «раз в месяц и чаще, но не каждую неделю», «каждую (или почти каждую) неделю», «несколько раз в неделю». Как видно из табл. 2, при изучении верующих людей, относящихся к группе Ц, использование подробных шкал оправдывает себя. Так, мы можем наблюдать, что доля людей, приходящих в храм еженедельно или несколько раз в неделю, значительно увеличивается по мере движения от слабых групп Е и D (12,5 и 38,4%) к более сильным В и А (95,3 и 88% соответственно).

В вопросах было также умышленно разделено участие в таинствах евхаристии и исповеди. Это обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, перед нами стояла задача получить данные, сопоставимые в межконфессиональной перспективе, а в ряде протестантских церквей институт исповеди отсутствует. Во-вторых, несмотря на то, что в русском Православии исповедь предшествует и является необходимым условием для участия в евхаристии, тем не менее может наблюдаться более частое участие в исповеди, чем в причастии.

В следующей таблице приведено распределение ответов на вопросы, не входящие в В-индекс, но, с нашей точки зрения, являющиеся важными для изучения христианского образа жизни, а именно: частота исповеди («Насколько регулярно Вы исповедуетесь?»), частота присутствия на литургии («Насколько регулярно Вы бываете на Божественной литургии?») и регулярность церковных пожертвований («Как часто Вы жертвуете на церковные нужды (содержание, ремонт, украшение храма, пожертвования во время и после службы)?»).

Таблица 3

Распределение ответов на дополнительные вопросы по группам, %

	Группы				
	Е	Д	С	В	А
Частота участия в исповеди ($\tau-b = ,614$; $p < ,000$)					
никогда в сознательном возрасте	25,0	0,0	0,0	0,0	0,0
редко, нерегулярно	12,5	11,5	5,6	0,0	0,0
раз в год	12,5	15,4	2,8	2,4	0,0
до четырех раз в год	25,0	19,2	8,3	2,4	0,0
несколько раз в год (5–11)	25,0	46,2	33,3	9,5	4,0
раз в месяц и чаще, но не каждую неделю	0,0	7,7	33,3	54,8	64,0
каждую неделю	0,0	0,0	16,7	31,0	32,0
несколько раз в неделю	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Регулярность присутствия на литургии ($\tau-b = ,576$; $p < ,000$)					
редко, нерегулярно	37,5	0,0	0,0	0,0	0,0
раз в год	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
до четырех раз в год	12,5	7,7	0,0	0,0	0,0
несколько раз в год (5–11)	31,3	26,9	8,3	0,0	0,0
раз в месяц и чаще, но не каждую неделю	6,3	30,8	25,0	7,0	12,0

Окончание таблицы 3

	Группы				
	Е	Д	С	В	А
каждую неделю	12,5	30,8	63,9	81,4	72,0
несколько раз в неделю	0,0	3,8	2,8	11,6	16,0
Регулярность пожертвований на церковь (τ-b = ,378; p < ,000)					
практически никогда	12,5	7,7	0,0	7,1	4,0
раз в год и реже	12,5	3,8	8,3	0,0	0,0
несколько раз в год	56,3	30,8	16,7	9,5	4,0
раз в месяц	6,3	30,8	19,4	21,4	20,0
несколько раз в месяц	6,3	7,7	22,2	16,7	16,0
каждую неделю	6,3	19,2	33,3	45,2	56,0

Частота хождения в храм и частота присутствия на литургии сильно коррелируют друг с другом (τ -b = 0,885; p < 0,000). При сопоставлении частот оказалось, что 24,7% православных респондентов ходят в храм чаще, чем бывают на литургии, следовательно, либо они просто заходят в храм, либо бывают на других службах. Также сопоставление этих частот позволяет проверить, насколько респонденты внимательно отвечают на вопросы при заполнении анкеты. Так, в наших данных не обнаружено ни одного случая, где частота присутствия на литургии была бы выше, чем частота посещения храма.

Отдельный блок анкеты был посвящен анализу участия респондентов в тех или иных послушаниях/служениях внутри и вовне церковной среды. Перед нами стояла задача, с одной стороны, получить информацию о тех послушаниях, в которых участвовали или участвуют респонденты, и, с другой, выяснить уровень готовности нести те или иные служения.

Для этого на основе материалов интервью, собранных на предшествующем качественном этапе исследования, был сформирован список, состоящий из 15 видов наиболее распространенных послушаний/служений, отвечающий требованию универсальности, то есть при различных формулировках названий (в анкетах для православных и для протестантов) содержание практик оказывалось идентичным.

Априорно предполагая присутствие определенных различий в направленности служений, зависящих от конфессиональной принадлежности респондентов, весь список был разделен на три блока: воспита-

ние (образование, консультирование) и миссионерство — 1–4 пункты, церковная (приходская) жизнь — 5–8 пункты и различные виды социального служения 9–15 пункты. Такая классификация основана на принципе «по преимуществу», так как отдельные виды послушаний могут одновременно относиться к двум типам (блокам).

В анкете для православных были использованы следующие формулировки: 1) преподавание в воскресной школе — религиозные предметы; 2) преподавание в воскресной школе — кружки рукоделия и т. п.; 3) профессиональная помощь на приходе (психологическая, юридическая и т. п.); 4) катехизаторское, миссионерское; 5) пение в церковном хоре; 6) молитвенная поддержка членов общины; 7) работа в храме (уборка, украшение, ремонт и т. п.); 8) материальная, духовная помощь прихожанам; 9) помощь бездомным, нищим; 10) посещение больных; 11) посещение заключенных; 12) социальная работа с сиротами; 13) помощь пожилым, одиноким людям; 14) социальная работа с наркозависимыми; 15) помощь людям с ограниченными возможностями. Безусловно, некоторые менее распространенные служения (характерные для определенной конфессии) остались за пределами этого списка. По каждому из этих пунктов респонденту нужно было выбрать только один вариант ответа из четырех предложенных: «не принимал(а) участие», «когда-то давно принимал(а) участие», «нерегулярно принимал(а) участие», «регулярно принимаю участие».

Рассмотрим распределение ответов на вопрос о регулярности участия респондентов в различных послушаниях.

Из пятнадцати видов послушаний одна треть является скорее исключением, чем обычной для респондентов практикой, — доля ответивших, что никогда не принимали в них участие, колеблется от 88,2 до 95,4%. В эту группу наименее распространенных служений вошли: социальная работа с наркозависимыми; посещение заключенных; преподавание в воскресной школе (религиозные предметы); преподавание в воскресной школе (кружки рукоделия и т. п.); профессиональная помощь на приходе (психологическая, юридическая и т. п.). Доля респондентов, участвующих (или когда-либо участвовавших) в данных видах послушаний, колеблется от 4,6% до 11,8%. Примечательно, что в данную группу попали два вида социальной работы и три вида образовательных служений.

Социальная работа с сиротами, катехизаторское, миссионерское служение, помощь людям с ограниченными возможностями, пение в церковном хоре образуют следующую группу послушаний, в которых

с различной степенью регулярности принимают участие от 18,5% до 29,8% респондентов. В этом случае процент неучаствовавших сократился до диапазона от 70,2% до 78,8%. В этой группе также присутствуют два вида социальной работы и по одному служению, относящемуся к церковной жизни и к образовательной (миссионерской) деятельности.

О следующих шести видах послушаний мы можем говорить, что они являются достаточно распространенными в православной среде. Доля респондентов, отметивших свое участие в данных служениях, колеблется от 48,3% до 67,3% (рис. 1).

Эту группу образовали три вида социальных служений — помощь пожилым, одиноким людям; посещение больных; помощь бездомным, нищим и три вида церковных (общинных) послушаний — работа в храме (уборка, украшение, ремонт и т. п.); молитвенная поддержка членов общины; материальная, духовная помощь прихожанам.

Следует отметить, что 25,2% респондентов регулярно (самый высокий показатель по варианту ответа «регулярно») участвуют в молитвенной поддержке членов общины и 43,3% нерегулярно (максимальный уровень по варианту ответа «нерегулярно») оказывают материальную и духовную помощь прихожанам. Заметим, что статистически значимых

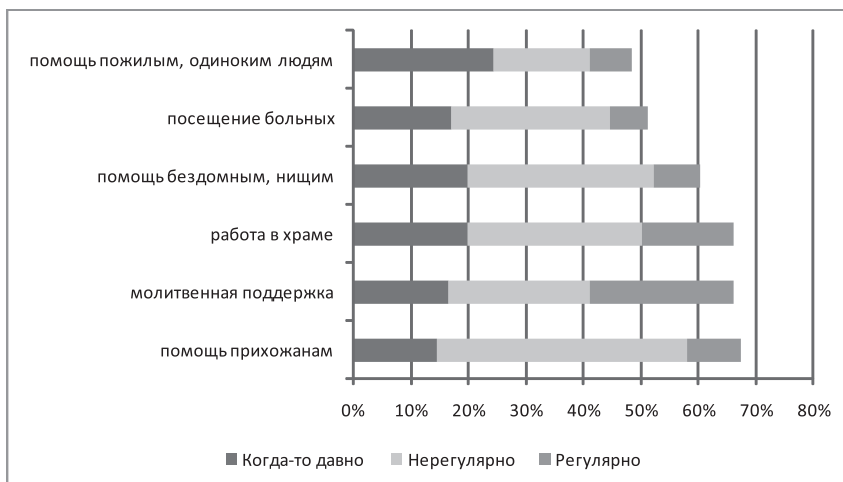

Рис. 1. Участие в наиболее распространенных послушаниях

гендерных различий относительно каждого из пятнадцати видов послушаний не обнаружено.

При сопоставлении выделенных на основе В-индекса групп и общего числа послушаний, в которых принимают участие респонденты, обнаруживается статистически значимая связь ($\tau\text{-}b = 0,367$; $p < 0,000$).

В таблице 4 приведено распределение общего числа послушаний, в которых регулярно или нерегулярно участвуют респонденты по группам А–Е.

Таблица 4

Распределение числа послушаний по группам А–Е, %

Число послушаний	Группы				
	Е	Д	С	В	А
0	37,5	30,8	8,3	4,7	0,0
1	31,3	15,4	16,7	4,7	12,0
2	12,5	15,4	13,9	11,6	20,0
3	0,0	19,2	16,7	27,9	12,0
4 и более	18,8	19,2	44,4	51,2	56,0
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как видно из табл. 4, значение в первой строке «0» — отсутствие регулярного участия в послушаниях — заметно уменьшается от группы Е к группе А, и, напротив, представители более сильных групп участвуют в большем числе послушаний.

Аналогичный список был использован и в вопросе о готовности принять участие в тех или иных служениях. В формулировке вопроса подчеркивалась безвозмездная основа участия («В каких из перечисленных ниже видов послушаний Вы готовы и хотели бы участвовать на безвозмездной основе (“во славу Божию”)?»), чтобы отделить те случаи, когда это является оплачиваемой работой при церкви.

Распределение ответов на вопрос о готовности респондентов участвовать в служениях приведено в табл. 5.

Как видно из таблицы, виды служений целесообразно разделить на две группы. В первую из них следует объединить 7 послушаний, участвовать в которых не стали бы от 54,9 до 39%. К ним относятся: социальная работа с алко-, наркозависимыми, посещение заключенных,

Таблица 5

Готовность участвовать в различных послушаниях

Виды послушания	Не стал (а) бы участвовать	Мог(ла) бы участвовать...			Сложно сказать
		изредка	периодически	регулярно	
Социальная работа с алко-, нарко-зависимыми	54,9	15,7	5,2	5,2	19,0
Посещение заключенных	44,4	21,2	7,9	4,6	21,9
Профессиональная помощь на приходе	41,4	18,4	17,8	4,6	17,8
Катехизаторское, миссионерское	41,4	13,2	16,4	10,5	17,8
Пение в церковном хоре	40,9	12,3	16,9	15,6	13,0
ВШ — кружки рукоделия	40,5	20,3	14,9	10,1	14,2
ВШ — религиозные предметы	39,1	15,2	11,9	8,6	25,2
Социальная работа с сиротами	19,6	22,9	24,2	15,7	17,0
Помощь людям с ограниченными возможностями	17,5	32,5	30,5	13,0	6,5
Посещение больных	12,3	32,5	29,2	14,9	10,4
Помощь бездомным, нищим	11,8	30,7	30,7	12,4	13,7
Молитвенная поддержка	10,5	9,2	33,6	38,8	7,9
Помощь пожилым, одиноким людям	9,2	28,8	34,6	18,3	8,5
Работа в храме	7,8	20,8	37,7	26,0	7,8
Помощь прихожанам	4,5	22,7	45,5	17,5	9,7

профессиональная помощь на приходе (психологическая, юридическая и т. п.), катехизаторское, миссионерское, пение в церковном хоре, преподавание в воскресной школе (кружки рукоделия и т. п.), преподавание в воскресной школе (религиозные предметы). Эти послушания готовы нести с различной степенью регулярности от 26,1 до 45,3% респондентов.

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее неприемлемыми для респондентов оказываются два вида социального служения: социальная работа с алко-, наркозависимыми (ее исключают 54,9% респондентов) и посещение заключенных (44,4%). Также выявлено, что мужчины в меньшей мере отрицают возможность участвовать в социальной работе с зависимыми (на уровне $\phi = 0,193$ при $p = 0,017$). Это обстоятельство требует дальнейшего осмысления. Тем не менее 26,1% не исключают возможности с той или иной степенью регулярности участвовать в социальной работе с зависимыми и 33,8% — в тюремном служении.

Вторую группу образуют те виды служения, в которых большинство респондентов (от 62,7 до 85,7%) готовы участвовать с той или иной степенью регулярности. К ним относятся: социальная работа с сиротами, помощь людям с ограниченными возможностями, посещение больных, помощь бездомным, нищим, молитвенная поддержка членов общины, помощь пожилым, одиноким людям, работа в храме, материальная и духовная помощь прихожанам.

Сопоставление ответов на вопросы о реальном участии и готовности участвовать позволяет выявить «зону ближайшего развития» — те послушания, которые респонденты готовы выполнять, но не выполняют в силу разных обстоятельств.

Таблица 6

Сопоставление реального участия и готовности участвовать, %⁶

Виды послушаний	Участие	Готовность	Δ
Помощь людям с ограниченными возможностями	29,8	76,0	46,2
Социальная работа с сиротами	18,5	62,7	44,2
Помощь пожилым, одиноким людям	48,3	81,7	33,4
ВШ — кружки рукоделия и т. п.	11,8	45,3	33,4

⁶ Строки таблицы упорядочены по последнему столбцу.

Окончание таблицы 6

Виды послушаний	Участие	Готовность	Δ
Профессиональная помощь на приходе	11,8	40,8	28,9
Посещение больных	51,3	76,6	25,3
Посещение заключённых	8,6	33,8	25,2
ВШ — религиозные предметы	11,2	35,8	24,6
Социальная работа с алко-, наркозависимыми	4,6	26,1	21,5
Катехизаторское, миссионерское	21,2	40,1	18,9
Помощь прихожанам	67,3	85,7	18,4
Работа в храме	66,2	84,4	18,2
Молитвенная поддержка	66,2	81,6	15,4
Пение в церковном хоре	29,8	44,8	15,0
Помощь бездомным, нищим	60,3	73,9	13,6

Из таблицы 6 следует, что максимальная разность между участием в различных послушаниях и готовностью касается оказания помощи людям с ограниченными возможностями и детям-сиротам, а минимальная — преимущественно тех внутриприходских послушаний, в которых участвуют около двух третей респондентов. Если при сопоставлении групп А–Е и общего числа послушаний, в которых принимают участие респонденты, обнаруживается статистически значимая связь, то при аналогичном сравнении с готовностью участвовать корреляция значительно меньше ($\tau-b = 0,143$; $p < 0,024$).

* * *

В заключение отметим несколько положений методического и содержательного характера.

Как показали предварительные результаты анализа, проведенное разделение на группы А–Е вполне приемлемо для исследований, целевой аудиторией которых является группа «воцерковленные» (по классификации В. Ф. Чесноковой). Альтернативными вариантами выделения групп может стать разделение массива, основанное на принципе минимизации среднеквадратических отклонений (Лебедев 2013: 124–126). Мы надеемся, что в итоговых публикациях нам удастся пред-

ставить результаты, резюмирующие опыт использования различных способов формирования групп как на переменных В-индекса (и редуцированных шкалах), так и с использованием дополнительных переменных (и на более подробных шкалах).

С помощью коэффициента α Кронбаха мы провели апостериорный анализ надежности шкал, характеризующий образ жизни православного христианина. Коэффициент α на нашем массиве данных для пяти переменных В-индекса (редуцированных до пятибалльных шкал) принял значение 0,770, а для исходных шкал — 0,787 (и 0,829, основанное на стандартизованных пунктах). Причем в первом и во втором случаях частота чтения Библии оказывается пунктом, наименее коррелирующим с суммарным баллом, но тем не менее при удалении данного пункта значение α не увеличивается. Следует отметить, что рассмотренные выше переменные (В-индекса, а также частота участия в исповеди, частота присутствия на литургии, частота пожертвований и число послушаний, в которых регулярно участвуют респонденты), тесно связаны друг с другом — значение коэффициента α , основанного на стандартизованных пунктах, составляет 0,897, что свидетельствует о достаточно высокой надежности шкалы, отражающей практическую религиозность.

Предложенный в анкете список служений (ориентированный в первую очередь на сравнительное межконфессиональное исследование), возможно, не совсем полно отобразил многообразие служений, характерных как для конфессии в целом, так и для отдельных православных приходов или различных протестантских (евангельских) церквей. Более того, можно предположить, что в силу психологических особенностей, свойственных православным христианам, не все респонденты решились отметить в качестве «послушания» те регулярные или нерегулярные практики, которые они осуществляют, возможно не осознавая или не расценивая их как религиозное служение. Тем не менее полученные данные свидетельствуют о том, что участие в церковных таинствах и обрядах не замыкается на самом себе, а напротив, с возрастанием интенсивности «практической религиозности» увеличивается уровень деятельного служения ближнему и в рамках прихода, и за его пределами.

Выявление причин значительной разницы между уровнем готовности и реальным участием в послушаниях может стать темой отдельного исследования. Православные верующие сосредоточены преимущественно на служениях внутри прихода (ближнего круга) и церкви

(здания), но обнаруженный высокий уровень готовности нести различные послушания говорит о возможности реализации потенциала представителей данной социальной группы и выхода в область социальных служений.

Источники

- Дивисенко К. С.* Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.
- Лебедев С. Д., Сухоруков В. В.* Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118–126.
- Синелина Ю. Ю.* Концепции секуляризации в социологической теории. М.: ИСПИ РАН, 2009. 120 с.
- Чеснокова В. Ф.* Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005. 304 с.
- Шюц А.* О множественности реальностей // Социологическая теория: история, современность, перспективы. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 60–111.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

А. В. МАЛИНОВ

БИОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ: ИЗ ЛЕКЦИЙ АКАДЕМИКА А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)¹

В статье рассматриваются историко-социологические взгляды академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919). В частности, на основе сохранившейся в архиве рукописи курса «Научные основы социологии в их историческом развитии» приводится его оценка «естественно-научного» или «биосоциального» направления в социологии. Курс был прочитан в 1911 г. Наиболее подробно Лаппо-Данилевский останавливался на учении Г. Спенсера, Ч. Дарвина и его последователях. Критически оценивая органическое направление в социологии за редукционистскую методологию и отдавая предпочтение неокантианскому подходу, Лаппо-Данилевский видел альтернативу органицизму в разработке гносеологических вопросов социальных наук. Дополнением к рукописям по истории социологии Лаппо-Данилевского может служить изданная после его смерти «Методология истории» (1923), в которой историк давал обзор основных номотетических учений об обществе.

Ключевые слова: социология, Лаппо-Данилевский, органицизм, Спенсер, Дарвин, эволюция, диссолюция, дифференциация, интеграция.

V. MALINOV

BIOLOGICAL TREND IN SOCIOLOGY: FROM THE LECTURES OF ACADEMICIAN A. S. LAPPO-DANILEVSKY (EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION)

This article discusses the historical and sociological views of Academician Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky (1863–1919). In particular, based on the manuscripts preserved in the archives of the course «Scientific foundations of sociology in their historical development» given his assessment of the «natural science» or «bio-social»

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (13–03–00301).

trend in sociology. The course was read in 1911. Most detailed Lappo-Danilevsky stayed on the teachings of Herbert Spencer, Charles Darwin and his followers. Critically assessing the organic trend in sociology for the reductionist methodology and preferring neokantian approach Lappo-Danilevsky seen in the development of alternative organicism epistemological problems of the social sciences. Addition to the manuscripts on the history of sociology Lappo-Danilevsky can serve published after his death, «Methodology of History» (1923), in which the historian gave an overview of the basic nomothetic teachings of the society.

Keywords: sociology, Lappo-Danilevsky, organicism, Spencer, Darwin, evolution, dissolution, differentiation, integration.

Историко-социологическое наследие Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) недостаточно изучено в отечественной науке, в отличие от его исторических и методолого-исторических трудов (Ростовцев 2004; Трапш 2006). Главная причина этого состоит в том, что большая часть работ Лаппо-Данилевского по социологии не была опубликована и хранится в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (Ф. 113). Отчасти историко-социологические взгляды историка раскрывают обширная статья «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» в сборнике «Проблемы идеализма» (1902) и посмертное издание «Методологии истории» (1923). В фонде Лаппо-Данилевского имеются рукописи курсов «О социологии. Курс лекций 1902–1911 гг.» (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331) и «Научные основы социологии в их историческом развитии. Лекции, читавшиеся в Санкт-Петербургском обществе народных университетов. 1911–1912» (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344), содержащие богатый историко-социологический материал. Черновой характер записей, к сожалению, практически не позволяет подготовить их к печати в виде отдельной публикации. Материалы к лекциям по большей части представляют собой заметки, наброски или выписки из книг. Наиболее законченные и целостные фрагменты курсов требуют дополнительной компоновки, сопровождаемой пояснениями, связывающими их в единый сюжет при максимальном сохранении самих фрагментов. Лишь в последнее время стали появляться работы, исследующие социологические взгляды ученого и его деятельность по организации социологической науки. В 2013 г. ряд журналов опубликовали материалы о Лаппо-Данилевском, в том числе и историко-социологического характера (Исторический архив 2013; Журнал социологии и социальной антропологии 2013; Вопросы философии 2013; Клио 2013).

Небольшой курс «Научные основы социологии в их историческом развитии» был прочитан в ноябре 1911 г. Среди рассматриваемых Лаппо-Данилевским тем был предусмотрен раздел «Естественно-научное, в частности биологическое, направление в социологии» (Л. 100–141). Для обозначения этого направления Лаппо-Данилевский также использовал выражение «Биосоциологическое построение, возникшее под влиянием биологии». Ряд положений лекций впоследствии был воспроизведен в новой редакции «Методологии истории» в разделе о Г. Спенсере (Лаппо-Данилевский 1923: 158–162).

Органическое направление получило распространение в послевоенной социологии благодаря успехам, достигнутым в науках о жизни. Лаппо-Данилевский даже говорит о «подчинении» социологии биологии, проявившемся «в учении об организме (учении о клетке)» и «в учении об эволюции (Ламарк, Дарвин)» (СПФ АРАН: 101). Высвобождение же науки об обществе из-под влияния биологии произошло благодаря «психологическим построениям», которые привели к «падению» органической теории, а также в силу новых задач, возникших перед социологией, которые не могли быть разрешены в пределах органического подхода.

«Биосоциологическое построение» проникло в область как социальной статистики, так и социальной динамики. В социальной статистике оно привело к формулированию органической теории общества, где общество рассматривалось «как <...> организм». В социальной динамике оно проявилось в эволюционной теории общества. Развитие общества рассматривалось либо «подобно организму», либо «подобно виду» (СПФ АРАН.: 102).

Формирование органической теории Лаппо-Данилевский относил к 1800–1860 гг., полагая, что она сложилась «под влиянием биологии в морфологической стадии ее развития». Раскрывая предысторию органического взгляда на общество, Лаппо-Данилевский писал о тех предпосылках, которые привели к формулированию данной социологической концепции: «1) Вообще под влиянием *анalogии между индивидуальным* (организмом) и организмом *социальным*. Платон. Гоббс. Органическая теория государства.

Спенсер заявляет, то он сходится с Контом на “анalogии между индивидуальным организмом и организмом социальным, предвиденным *Платоном и Гоббсом*”. Впрочем, в данном случае Спенсер находился, скорее, под влиянием *Бэра*.

2) В частности, под влиянием аналогии между *многоклеточным организмом и обществом*.

Уже Malpighi учил, что всякое организованное существо состоит из *клеток* (1628–1694).

Mohl, Schleiden и в особенности Schwann (1839) содействовали обоснованию учения о клетке как об основной единице всякого органического строения и у растений, и у животных.

По аналогии социологи сделали отсюда выводы:

а) Можно *свойствами единицы строения объяснять свойства* образованного из нее целого;

б) *единицей* общественного строения надо признать *семью*, способную, подобно клетке, размножаться, а не отдельного индивида.

<...>

с) *полизоизм организма*, т. е. некоторого “сообщества” живых существ-клеточек поддается более детальному сопоставлению с настоящим обществом, понятие о котором уже содействовало его образованию» (СПФ АРАН: 103–104, 106).

Лаппо-Данилевский пояснял, что уже А. Сен-Симон придавал семье значение «единицы общественного строения», а П. Барт (P. Barth) проводил аналогию между клеткой и семьей. Клеточная теория увлекла и Г. Спенсера. Однако прямолинейно проводимая аналогия вызывала у Лаппо-Данилевского вопросы, граничащие с недоумением; он видел явные несоответствия между сознательно-волевой природой общества и его слишком буквальным биологическим истолкованием. «Спенсер, — писал Лаппо-Данилевский, — находился под влиянием возникшей в конце 1830-х и начале 1840-х гг. *новой теории об органической клетке* (Шлейден, Шванн, Келлиker).

Подобно тому как исходя из свойств клетки можно объяснять свойства организма, Спенсер приравнивал *индивида* в обществе к клетке в организме, так возможными *свойствами индивида объяснялись свойства социального агрегата*; из природы единиц необходимо проистекает природа социального агрегата.

Между тем в основах социологии (включающей и нечто вроде истории с социологической точки зрения) Спенсер характеризует *идеи* человека об одушевленном и неодушевленном, *идеи* о сне и сновидениях и проч., *идеи* о душах и проч., о загробной жизни и т. п.

Каким образом отсюда можно *вывести* органическое строение *даже первобытного общества*, состоящего из единиц, наделенных такими *идеями?*» (СПФ АРАН: 105).

Основная часть раздела в лекциях отведена, конечно, Г. Спенсеру, хотя Лаппо-Данилевский упоминал и других последователей «органической школы»: Шеффле, Лилиенфельда, Вормса. Материалы к лекциям содержат выписки двух определений социологии, которые Спенсер дает в «Основных началах» и «Основах социологии». Первое определение взято из § 111 «Основных начал». В лекциях русского ученого оно проводится в следующей формулировке: «“Есть факты, которые нельзя наблюдать в организованном теле, взятом в отдельности; но которые вызываются действиями (ср. function), которые такие тела в данном агрегате оказывают или друг на друга, или на тела неорганизованные. Хотя явления подобного рода в зачатках уже заметны в среде низших организмов, однако они ясно обнаруживаются только в человеческих обществах; поэтому мы и можем считать их (явления) присущими (характеризующими) социальную жизнь”». (Г. Спенсер. Основн[ые] начала. § 111).

След[овательно], — приходил к выводу Лаппо-Данилевский, — явления социальные, г[лавным] о[бразом], — суть *действия одних индивидов на другие*» (СПФ АРАН:132). Второе определение взято из § 2 «Основ социологии». «Социология занимается тою формою развития, “которая обнимает собою все процессы и продукты, предполагающие *координированные (combinés) действия многих индивидов*, координированные действия, посредством которых достигаются результаты, превосходящие по своей величине и сложности результаты, достижимые путем *их индивидуальных действий*”» (СПФ АРАН: 132). Сравнивая эти два определения, Лаппо-Данилевский замечал, что во втором сделано «два существенных добавления, дающие понятие о содержании действий индивидов друг на друга:

1) Координированность их; телеологический принцип такой координации (сознание общей цели) — здесь не высказан, но высказывается в Осн[овах] соц[иологии] т. II. § 213.

2) Относительная значительность результатов:

Если $a = f(x)$, $b = \phi(y)$, то $F(x, y)$ или $F\{\Sigma(x, y)\} > a+b$ » (СПФ АРАН: 133). В набросках статей и конспектах лекций Лаппо-Данилевский часто использовал математические формулы. В опубликованных же работах ученого математические формулы, как правило, не встречаются. Увлечение математикой, которой он занимался еще со студенческих лет под влиянием младшего брата Сергея Сергеевича, обучавшегося на математическом отделении университета, Лаппо-Данилевский сохранил на протяжении всей своей жизни. Впоследствии

его старший сын Иван Александрович стал известным ученым-математиком членом-корреспондентом Академии наук СССР. В математике Лаппо-Данилевский, возможно, видел одно из средств формулирования или моделирования некоторых положений теории обществознания, к созданию которой он собирался приступить. Первым шагом на этом пути была разработка теоретико-познавательных проблем исторической науки (методология истории).

В лекциях Лаппо-Данилевский указывал основные произведения Спенсера, на которые он ориентировался при изложении его доктрины: «Social status» (1850), «First Principles» (1862), «Principles of Biology» (1867), «Principles of Sociology» (1877–1896). «Биологическое построение (а не социальная физика) общества, — пояснял Лаппо-Данилевский, — предложено Спенсером еще в Social Staties (1850) — здесь уже все существенное; развитие положений в The Social organism (1866), потом помещенное в Essays; The study of Sociology (1873); The princiles os sociology, особенно т. II, гл. II.» (СПФ АРАН: 110).

Спенсера Лаппо-Данилевский относил к «научным представителям теории», отличительная особенность которых состояла в том, что они: «1) лишь *сравнивают* общество с организмом,

2) и [усматривают аналогию] *не* во внешних формах (мозг = правительство; артерии = пути сообщения; кровяные шарики = деньги и т. п.), а в общих *процессах* органической и социальной жизни.

<...>

3) Спенсер полагает, что “*принцип, управляющий расположением составных частей*” организма аналогичен принципу, управляющему расположением составных частей общества.

Сам он, однако, замечает: “пока члены некоей группы не комбинируют своих сил ввиду одной или нескольких общих *целей*, нет и связи, которая могла бы объединить их” и различает в социальной организации “самопроизвольную кооперацию, осуществляемую (людьми) без преднамеренности, когда каждый из них преследует свою частную цель” от “кооперации, сознательно установленную ввиду отчетливо сознанных целей общественного интереса”» (СПФ АРАН: 109, 111).

Эвристическая ценность аналогии между организмом и обществом оказалась довольно ограниченной, а ее научный потенциал был быстро исчерпан, так что уже «сами приверженцы биосоциологического построения пришли к его отрицанию». Так, «Спенсер говорил об обществе, “как” об организме — аналогия — доказательство есть очень сла-

бое. Шеффле, принадлежавший к органической школе (*Bau und leben*), заявлял, что *простая аналогия* между организмом и обществом может быть опущена без вреда для социологического построения (*Aufbau der Soziologie*)» (СПФ АРАН: 113). Сам Спенсер указывал на невозможность «основательного объяснения коллективной [деятельности] людей без предварительного основательного объяснения *мыслей и чувств*, которые вызывают их личную деятельность» (СПФ АРАН: 114), а шире — без психологии.

К органическим концепциям в социологии относится и эволюционная теория общества. Влияние органической теории на эволюционное учение сказывалось как в отрицательном, так и в положительном отношении.

«1) *Отрицательное.*

Учение об органической клетке *сближало* два мира: растительный и животный, но вместе с тем, возводя их к *одной и той же единице строения*, *стирало принципиальное различие* их форм; такое различие стали объяснять процессом их *роста или развития* (Merz), которое становилось таким образом условием образования “*разнородного*” из однородного, процессом образования данной в его результате индивидуальности (вида или индивидуума).

2) *Положительное.*

Понятие об организме тесно связано и с понятием об *органическом развитии*.

Бэр, основатель *эмбриологии* (гл [авным] об [разом] в трудах 1819–1837 гг.) содействовал укреплению такого понятия, в смысле эпигенезиса, применительно к изучению органического развития зародыша, но тем не менее был еще *чужд учению о происхождении видов*. Он только полагал, что онтогенезис важен для таксономических целей (группировки животных типов, типов организаций и т. п.), а не для изучения филогенезиса (Merz).

Спенсер находился еще под заметным влиянием органической теории, в смысле подготовляющего ее значения для эволюции, и, в частности, под влиянием Бэра» (СПФ АРАН: 115–116).

Лаппо-Данилевский полагал, что свои основные «теоретико-познавательные выводы» Спенсер почерпнул из сочинений Гамильтона и Манселя (Mansel). Эти выводы сводились к следующим положениям: «Он полагал, что познание относительно, что оно ограничивается познанием явлений и т. п., но главнейшее его значение и состоит в том, что он — “*философ эволюционизма*” и что он приложил то же учение

и к социологии, он познакомился с нею под влиянием *Бэра* (процесс превращения однородного в разнородное; термин “дифференциация” — уже у Бэра) и *Ламарка* (из геологии Ляйелля — см. *Gaupp*)» (СПФ АРАН: 118). «К концу 1857 года Спенсер, — писал Лаппо-Данилевский, — уже пришел к мысли что “закон развития” мог бы послужить основанием для его системы философии, а 6 января 1858 года набросал первый план своей системы синтетической философии» (СПФ АРАН: 118). Далее Лаппо-Данилевский приводил выписки на английском языке из работ Спенсера (СПФ АРАН: 119–121).

Из эмбриологического учения К. Бэра Спенсер почерпнул и свой главный социологический закон дифференциации частей при интеграции целого. Однако закон общественного развития, формулируемый Спенсером, замечал Лаппо-Данилевский, выводился все же из механического принципа «постоянства силы». «Наука нуждается только в одном-единственном (механическом) принципе, который стоит за пределами опыта, так как он служит ему *основанием*, а именно в “*постоянстве абсолютной силы*” (persistence de la Force), представляющей ничем не обусловленную реальность, без начала и конца. Пользуясь им, он рассуждает о протяженности и противодействии тела, занимающего известное положение в пространстве, об энергии, положим, о его весе и т. п. Тот же принцип лежит и в основе закона развития, обуславливает его.

Спенсер, — разъяснял далее Лаппо-Данилевский, — устанавливает закон развития с *механической*, а не биологической точки зрения:

I. “Закон развития есть закон перераспределения материи и движения”.

1) *интеграция* есть переход в более сплоченное состояние; она сопровождается рассеиванием движения;

2) *дифференциация* есть переход материи из состояния более однородного в состояние менее однородное (т. е. разнородное).

Оба процесса *соотносительны*: *разнородность* частей предполагает и соотносительную их *связность*, происходящую вследствие потери движения и интеграции материи.

3) “*определенность*” (*организация?*) есть переход материи из неопределенного состояния в определенное состояние, т. е. в *организованное целое*, рассматриваемое как относительно постоянное целое, в котором определенность взаимоотношения частей возрастает, беспорядок сменяется порядком.

Вода при переходе из жидкого состояния в твердое (лед) подвергается интеграции, т. е. сплочению перераспределенных ее частиц, сопровождаемой рассеянием силы, способной вызвать лопание того сосуда, в котором она содержится» (СПФ АРАН: 122–124).

Перераспределение движения обнаруживается в процессах как интеграции, так и дифференциации и определения; «эволюция, как большая определенность движения», — уточняет Лаппо-Данилевский (СПФ АРАН: 125). «Эволюция, — разъяснял далее исследователь, — есть интеграция материи, сопровождаемая потерей движения, в течение которой (т. е. интеграции?) материя переходит из несплоченного состояния в сплоченное, разнородное и определенное состояние, причем удержанное ею движение подвергается подобному же превращению.

Тот же закон доказывается *индуктивно* (в связи с предшествующим изложением) и *дедуктивно* из принципа постоянства силы при посредстве

- 1) закона непостоянства однородного;
- 2) закона многообразия (или осложнения?) последствий;
- 3) закона выделения подобного из группы» (СПФ АРАН: 126).

Здесь же в конспекте лекций Лаппо-Данилевского находятся выписки из статьи Н. Т. Thelton «Spenser's Formula of Evolution» в «The Philosophical Review» (1910. Vol. 19. P. 253–254) (СПФ АРАН: 127–130).

Социология, приводит Лаппо-Данилевский слова Спенсера, «есть наука о надорганическом развитии». Приложение закона эволюции к социологии означает, что интеграция в обществе понимается как сплочение. Например, «сплочение материи, т. е. сплочение более мелких общественных групп в более крупные (семья — племя — нация — союз наций)» (СПФ АРАН: 136). Затем сплочение силы, проявляющееся, в частности, в централизации власти. Примером интеграции может служить образование общего литературного языка.

Дифференциация в обществе проявляется в возрастающем разнообразии общественных групп, социальных элементов, разделении труда, специализации занятий. Дифференциацию в культуре мы можем видеть в образовании новых слов и частей речи в языке, в образовании наречий, в отделении друг от друга письма, живописи и скульптуры. Лаппо-Данилевский ссылается на исследования А. Н. Веселовского, указывая на первоначальный синкретизм поэзии, музыки и танца и их последующее обособление. Аналогичные процессы происходили в литературе, архитектуре, драме, одежде и др.

Организация общества означает определенность:

- «а) все более совершенное приспособление действий к *целям* (?);
- б) *возрастающая определенность* в соотношении частей: она мала в *кочующем племени*, не имеющего постоянного жительства и устойчивой организации, и велика в культурной нации;
- с) Смена “бессознательной (spontaneous) кооперации, развивающейся без участия мысли во время преследования частных целей”, кооперацией, придуманной сознательно, предполагающей ясное признание общественных целей;
- д) смена *военного типа общества* — *промышленным* (между ними еще смешанный тип)» (СПФ АРАН: 131, 136).

Разновидностью органической теории в приложении к обществу является социальный дарвинизм. Основные принципы дарвинизма Лаппо-Данилевский формулировал следующим образом:

- «1) *Борьба за существование* господствует в органическом мире.
- 2) *Наиболее приспособленные* к данным условиям переживают тех, которые менее приспособлены, и оставляют более *многочисленное потомство*.
- 3) Благодаря органической *наследственности* потомство приобретает всякое индивидуальное *уклонение* от типа, *выгодное* для вида в борьбе за существование (естественный подбор).
- 4) Следовательно, наиболее приспособленные (в особенности, если они унаследовали выгодные отклонения от типа) оказываются *победителями* в такой борьбе» (СПФ АРАН: 139).

Идеи Ч. Дарвина в приложении к анализу общества были развиты последующими мыслителями. Так, к принципу борьбы за существование обращались Гумплович, рассматривавший с этой точки зрения политическую борьбу рас и национальностей, Новиков, Сория (Soria), Ваккаро (Vaccaro). В работах Ратценхофена (Ratzenhofer) и Ваккаро («Les bases sociologiques du droit et de l'Etat») нашел отражение принцип приспособления, а принцип наследственности (естественный отбор) стал исходной точкой социологических построений Сапонде (Saponde), Амона и того же Ваккаро. В обзоре учений социал-дарвинизма Лаппо-Данилевский ссылался на книгу М. М. Ковалевского «Современные социологи». В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский несколько подробнее раскрывал этот сюжет, останавливаясь на работах Гумпловича, Ваккаро, Гроппали и Мюллера-Лиера (Лаппо-Данилевский 1923: 180–183).

Социал-дарвинизм Лаппо-Данилевский оценивал как частный случай индивидуалистической этики. «Согласно *биологическим зако-*

нам, каждый вид живет, лишь если он *сохраняется* и постепенно *развивается* (переживание наиболее приспособленных). *Переживание наиболее приспособленных* предполагает, однако, что каждый индивидум должен быть подчинен влиянию своей собственной природы и протекающего из нее поведения (Verhalten), если только последнее не мешает такой же деятельности других.

Социальная справедливость опирается на *тот же закон*; она признает, что каждый имеет свободу делать то, что он хочет, ограниченную только такою же свободой другого.

Отсюда *индивидуализм* Спенсера: *государство* существует только в качестве средства для охраны права каждого его члена на такую свободу (Graupp)» (СПФ АРАН: 137).

Значение органической теории общества Лаппо-Данилевский видел в применении ее положений к изучению частных социологических тем. «*Принцип эволюции* (а не частные положения Дарвина), — писал он, — повлиял на целый ряд социологических исследований касательно развития *семейных* отношений (Starcke, Westermarek, Ковалевский), развития *идей* (Тейлор, Спенсер, Лэнг, Westermarek и др.), развития *хозяйства* (Starcke, Ковалевский, Grosse и др.), развития *учреждений* (Спенсер, Maine, Ковалевский)» (СПФ АРАН: 141). В качестве очередной попытки построить общую теорию социологии на основе эволюционного учения Лаппо-Данилевский приводит книгу А. Goppali «Elementi di Sociologia» (Genova, 1905). А. Гроппали изучает, главным образом, «la genesi e la evoluzione» общества и семьи, экономических, юридических, политических, моральных и религиозных, артистических и научных явлений.

Лаппо-Данилевский в целом критически оценивал органическое направление в социологии. Свои возражения он формулировал во многом исходя из неокантианского учения, подход которого к изучению общества русский ученый считал более приемлемым для современной социальной науки. Возражения Лаппо-Данилевского сводились к следующим положениям:

«*Механический закон* развития, однако, оказывается *недостаточным* для социологии:

1) он оказывается слишком общим понятием, не покрывающим *процесса индивидуализации* того, кто развивается;

2) он приводит к понятию о механическо-органическом процессе *саморазвития* (evolution spontanée), которое совершается само собою *без сознательного* воздействия человеческого сознания, ставящего себе абсолютные цели;

3) он не дает понятия о *психическом развитии* общества, о “телеологическом” процессе (Ward), о *человеческом прогрессе*» (СПФ АРАН: 138).

Лаппо-Данилевский упоминал, что, в частности, Н. К. Михайловский и Л. Уорд возражали Спенсеру с «психологической точки зрения». Лаппо-Данилевский дает более разностороннюю критику органицизма. «Биосоциологическое» направление игнорирует индивидуальный характер социально-исторических явлений, их неповторяемость, невозможность буквального воспроизводства одной и той же родовой формы. Органицизм упускает из виду не только мысли и чувства людей, но и ценностно-смысловые основы социальной жизни, целенаправленную сознательную деятельность индивидов, причем эта телеология может быть мотивирована не только рационально, но и ценностно.

В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский, рассматривая учение Спенсера, касался не только эволюции, но и противоположного ей процесса диссолюции (поглощения движения и дезорганизации материи). Впрочем, как замечал исследователь, Спенсер уделял процессу диссолюции значительно меньше внимания, чем эволюции. Социально-исторический процесс, с точки зрения Спенсера, представлял собой чередование эволюции диссолюции, что позволило Лаппо-Данилевскому оценить теорию английского социолога как разновидность циклического подхода.

Ни в «Методологии истории», ни в лекциях по социологии Лаппо-Данилевский практически не затрагивал работ российских последователей натуралистического направления в науке об обществе. Он лишь кратко упоминал П. Ф. Лилиенфельда, который, как и некоторые другие авторы (например, Шеффле), доводил аналогию между организмом и обществом «до крайности» (Лаппо-Данилевский 1923: 169).

Органический подход и используемую в нем редукционистскую методологию Лаппо-Данилевский считал уже исчерпанными в науке об обществе. И хотя в начале XX в. дарвинизм в социологии еще не был до конца преодолен, Лаппо-Данилевский полагал все подобные попытки не свободными от «односторонних преувеличений». Уподобление общества природе (в физикалистском или органицистском вариантах) исходило из убеждения в законосообразности социальных процессов и было уверено в возможности вывести такие законы из законов природы, но оказалось не способно раскрыть специфику социально-исторической жизни; указывая на сходство социальных организаций с природными явлениями, оно не могло объ-

яснить источник их различия. Преодолению органицизма, думал Лаппо-Данилевский, может способствовать разработка теоретико-методологического и гносеологического подхода в общественных науках, которая была предпринята неокантианством. Однако неокантианский проект Лаппо-Данилевский, вероятно, считал еще не завершенным, не затрагивая его в своих лекциях по социологии. Неокантианская установка полнее всего была реализована в читавшемся Лаппо-Данилевским в Санкт-Петербургском университете трехгодичном курсе «Методологии истории», наиболее полное издание которого вышло двумя выпусками в 1910 и 1913 гг.

Источники

Вопросы философии. 2013. № 12.

Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3.

Исторический архив. 2013. № 2.

Клио. 2013. № 12.

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. Пг., 1923.

Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа / Е. А. Ростовцев. Рязань: НРИИ, 2004.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 344

Трапш Н. А. Теоретико-методологическая концепция А. С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции / Н. А. Трапш. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2006.

А. Э. Зайнутдинов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С. С. ШАШКОВА

Рассматривается научное и публицистическое наследие С. С. Шашкова — одного из лидеров движения сибирского областничества, историка и этнографа Сибири, исследователя социальных проблем. Выделяется два периода в творчестве ученого: областнический и постобластнический, при этом подчеркивается их внутреннее единство. Автор обращает внимание на сформулированный Шашковым принцип «прогресс—реакция» и его широкое применение как для понимания исторического процесса, так и для анализа социальных проблем.

Ключевые слова: история российской социологии, сибирское областничество, теория исторического процесса, исследования социальных проблем, женская эмансипация, детоубийство, проституция.

A. E. ZAINUTDINOV

SOCIOLOGICAL VIEWS OF S. S. SHASHKOV

It is explored the sociological views and ideas of S. S. Shashkov — one of the leaders of the Siberian regionalism of second half XIX — beginning XX centuries. The text begins from short biography of the researcher. We can distinguish two periods in the scientific heritage of Shashkov: Siberian regionalistic period and postregionalistic one. The analysis of sociological and socio-historical conceptions of author follows this division.

Keywords: Siberian regionalism, philosophy of history, progress-reaction, emancipation, infanticide, prostitution.

Серафим Серафимович Шашков (1841–1882) — один из лидеров движения сибирского областничества, общественный мыслитель и исследователь. В своих ранних статьях и публичных лекциях и выступлениях он пропагандировал общественно-политические идеи областничества. В поздний период своей относительно недолгой жизни Шашков отошел от областничества и переключился на анализ социальных проблем, таких как эмансипация женщин, детоубийства, проституция, посвятив этим темам несколько научных работ. Конечно, Шашков

не был социологом в строгом смысле этого слова. Его работы написаны в то время, когда социология еще только становилась как самостоятельная область знаний, поэтому корректнее говорить о его социологических, исторических, социально-философских взглядах. Тем не менее С. С. Шашков занимает достаточно видное место в дореволюционной российской социологии, а изучение его социологических взглядов в рамках истории российской социологии вносит ценный вклад в копилку социологического знания.

До сих пор творчество С. С. Шашкова остается недостаточно изученным, несмотря на ряд появившихся в разное время работ (Бородавкин 1950; Дубовской 1916; Гатина 1968; Иванов 1975; Моисеев 1966, 1968; Цамутали 1971; Шиловский 1998). Из недавних работ следует отметить сборник «Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества» (2010) и блок статей о сибирском областничестве, опубликованных в «Журнале социологии и социальной антропологии» (Журнал социологии и социальной антропологии 2013 № 1). В блоке представлено три статьи, и в каждой из них есть упоминания о Шашкове и его научном творчестве в контексте общей концепции и деятельности сибирских областников (Головинов 2013; Малинов 2013; Троицкий 2013).

Серафим Серафимович Шашков родился 17 ноября 1841 г. в Иркутске в семье бедного священника. Его мать происходила из купеческого рода, она научила сына грамоте. С самого раннего возраста Серафим полюбил читать. Детство Шашкова, по словам его биографа А. С. Слабкого, не изобиловало «светлыми днями и радостными впечатлениями; наоборот, ему пришлось претерпеть нужду и много огорчений» (Слабкий 1967: 7). В 9 лет родители определили Серафима в уездное духовное училище, где сначала он был вольнослушателем, а в 1853 г. перешел на постоянное обучение. Год спустя Шашков перешел в Иркутскую семинарию, где проучился до 1860 г. Впоследствии он тепло вспоминал учителей семинарии, которые нередко позволяли себе прочитывать кое-что неположенное по программе. В 1857 г. отец Шашкова ушел в отставку и переехал в г. Кяхту, поэтому Шашков был вынужден сам искать себе жилье в Иркутске. Он поселился у воспитателя семинарии Н. И. Попова. С разрешения Попова Шашков пользовался его обширной библиотекой, а также стал посещать городскую. В 1858 г. на страницах «Иркутских ведомостей» появляется первая публикация Шашкова «Буряты Иркутской губернии, их нравы, обычаи,

верования, легенды, песни». Уже в этой статье заметны областнические мотивы: Шашков встает на защиту угнетенного народа.

После окончания духовной семинарии Шашков как успешный студент был зачислен за казенный счет в Казанскую духовную академию. В ней преподавались те же самые предметы и царил тот же дух схоластики, что и в семинарии. Такие содержание и форма обучения вызывали возмущение у Шашкова. Однако в академии были и оппозиционно настроенные преподаватели: А. П. Шапов, Д. Ф. Гусев, которые своими идеями значительно повлияли на С. С. Шашкова. В некотором отношении Шашкова можно считать учеником А. П. Шапова. Осенью 1861 г. Шашков приезжает вместе с Шаповым в Петербург и становится вольнослушателем университета. В Петербурге он начинает посещать сибирский земляческий кружок, где знакомится с Н. М. Ядринцевым, Г. Н. Потаниным, И. В. Федоровым-Омулевским и другими областниками. От них С. С. Шашков заражается областническими идеями и сам становится горячим поборником областничества. Однако уже через несколько лет областнический кружок распадается вследствие вынужденного отъезда на родину его участников после закрытия университета. Кроме того, областники всегда понимали, что настоящая работа должна вестись ими на родине — в Сибири, а Петербург является в их жизни лишь этапом получения образования.

В 1864 г. С. С. Шашков по предложению Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина прочитал в Томске пять публичных лекций по истории Сибири. «Лекции эти явились настоящей сенсацией, они были пронизаны ненавистью к колонизаторской политике царизма. После этого Шашкову запретили читать публичные лекции и установили за ним полицейский надзор. Шашкова привлекали по делу о сибирском сепаратизме» (Слабкий 1967: 13–14). Как и остальных областников, Шашкова в 1869 г. приговорили к ссылке на север — в г. Шенкурск Архангельской губернии. Там он начал отходить от областнических идей и обратился к аналитике социальных проблем. Лучшими его работами этого периода являются: «Русские реакции», «Движение русской общественной мысли в начале XIX века», «Исторические судьбы женщины», «Главные эпохи в истории русской женщины», «Судьбы Испании», «Судьбы Италии», «Недуги русского общества», «Поучительная история о немцах» (Шашков 1898a, 1898b).

Осенью 1873 г. Шашкову в связи с болезнью разрешили поселиться сначала в г. Боброве Воронежской губернии, а затем и в самом Воронеже. В феврале 1874 г. его освободили от формального полицейско-

го надзора. После этого Шашков, который стремился быть ближе к Петербургу, переехал вместе с женой в Новгород. Здесь он прожил до своей смерти в 1882 г. «Нищенское, полуголодное существование Шашкова, длительное тюремное заключение, многолетняя ссылка, напряженная публицистическая деятельность и связанные с ней бесконечные цензурные мытарства, постоянный полицейский террор — все это, вместе взятое, серьезно подорвало его здоровье. Заболевание спинного мозга вызвало паралич нижних, а позже и верхних конечностей. Восемь лет мучил его этот страшный недуг. Последние два года Шашков был прикован к постели, но до последней минуты жизни не переставал трудиться» (Слабкий 1967: 29).

Концепция исторического процесса С. С. Шашкова

Свои взгляды на исторический процесс С. С. Шашков изложил в цикле работ «Исторические этюды» (Шашков 1898б), написанных в «областнический» период его творчества — до ссылки. Этот цикл состоит из 6 этюдов: первые два посвящены истории «реакций», последние четыре — истории Сибири. Как пишет сам Шашков, сибирские этюды, на первый взгляд, не связаны с первыми, однако «и те, и другие проникнуты одной идеей, занимаются одними и теми же проявлениями народной жизни. Они посвящены изображению той системы злоупотреблений, которая, опираясь на невежественную, неразвитую массу, преследует одни только сословные или корпоративные интересы, задерживая прогрессивное развитие народа и воспитывая его в понятиях и чувствах традиционного консерватизма. Из четырех последних этюдов читатель увидит результаты осуществления тех ретроградных принципов, истории которых посвящены два первых этюда» (Шашков 1898б: 225).

Центральной мыслью, которая проходит сквозь все работы С. С. Шашкова, является формула «прогресс—реакция». Наиболее явно эта формула представлена именно в «Исторических этюдах», однако она проходит и в других работах. С. С. Шашков видит в историческом процессе чередование этапов прогресса и реакции. В жизни общества всегда появляются прогрессивные идеи, они накапливаются, оформляются в концепции и социальные проекты, в обществе нарастает потенциал для развития. В зависимости от конкретных исторических условий прогресс может иметь форму революции, гражданской войны, возникновения оппозиции, реформ. Однако после периода

прогресса неизбежно наступает период реакции. В обществе возникают реакционные силы, которые тормозят его развитие и даже отбрасывают его назад. Шашков считает, что «победа реакции никогда не бывает полной, и рано или поздно истина снова выходит на свет. Прогрессивные идеи не умирают; вследствие реакционных преследований они только усиливаются и, если можно так выразиться, делают взрывчатыми. Реакция — это незаконная мать заговоров, тайных обществ, политических утопий, бунтов и революций» (Шашков 1898б: 489). Таким образом, Шашков понимает исторический процесс как неизбежное прогрессирование общества, состоящее из двух этапов: прогресс и реакция. Ключевую роль в историческом процессе играет интеллигенция, потому что для прогресса общества необходимо сначала появление прогрессивных идей, концепций и проектов. Интеллигенция — это люди, которые способны порождать такие идеи.

Концепция исторического процесса Шашкова теоретически смыкается с концепцией французского социального мыслителя А. Сен-Симона, а в отечественной мысли приближается к концепции П. Л. Лаврова. Сен-Симон и его ученики выделяли в истории созидательные органические и разрушительные критические периоды, ведущие в итоге к построению более высокого общественного строя. Однако наиболее близка историческая концепция Шашкова пониманию исторического развития у П. Л. Лаврова, который также выделял в нем два этапа: прогрессивный период созидания и переработки культуры мыслью и реакционный период разрушения культуры. П. Л. Лавров отводил ключевую роль в историческом развитии критически мыслящей личности. Личность путем воздействия своей критической мысли перерабатывает формы культуры, и в результате этой переработки происходит переход от одного исторического фазиса развития к другому.

Надо признать, что концепция Шашкова о прогрессе и реакции лишь в некоторой степени вызвана его теоретическими представлениями. Идея прогресса, конечно, идет от увлечения позитивизмом. А учение о регрессе может быть вызвано общим обличительным настроением публикаций Шашкова, принадлежавшего к критическому и обличительному направлению в русской публицистике. Показывать негативные явления и осуждать их для него было предпочтительнее. В целом в его работах можно найти мало позитивного, но больше критики.

Таким образом, концепция исторического развития С. С. Шашкова укладывается в рамки народнической историко-социологической

традиции с ее выделением и высокой оценкой роли «критически мыслящей личности», интеллигенции. Шашков обращается к вопросу воспроизводства интеллигенции в обществе и в связи с этим подчеркивает значение периодической печати и журналистики. Для того чтобы интеллигенция могла образовываться и восполняться, обмениваться идеями и выполнять свою функцию — влиять на общество, культуру через прогрессивные идеи, — необходимо наличие развитой системы периодической печати. Шашков пишет: «Периодическая печать — одно из величайших созданий новейшей цивилизации, один из главных двигателей всемирного прогресса. Она просвещает массы, возбуждает и поддерживает их мыслительную деятельность, объединяет партии и народы, делает читателя участником и свидетелем всемирной человеческой жизни и деятельности. Все отправления народной жизни теснейшим образом связаны с журналистикой, и газета служит такою же потребностью образованного человека, как пища и воздух» (Шашков 1898б: 206). Поэтому, делает вывод Шашков, «характер, степень развития и влиятельности печати вполне соответствуют характеру и степени развития народа» (Шашков 1898б: 206). Если народ развивается, то растет и его потребность в журналистике: «периодическая печать становится одним из существенных отправлений его жизни, а потому тем более он заботится об ее благосостоянии и процветании» (Шашков 1898б: 206).

Свои идеи областники стремились воплотить на практике. Что касается вопроса об интеллигенции, областники пытались создать систему воспроизводства и воспитания интеллигенции в Сибири. Они боролись за открытие первого университета, активно печатались в журналах, сами организовывали периодические издания, читали публичные лекции. В частности, после приезда из Петербурга в Красноярск в 1863 г., Шашков начал выступать на литературных вечерах, в 1864 г. он открыл частную школу, куда приглашал многих прогрессивных учителей. В 1864 г. он преподавал всеобщую историю в местной женской гимназии и в том же году прочитал в Томске пять публичных лекций по истории Сибири. В 1865 г. началось дело о сибирском сепаратизме, в результате которого многих областников, и в том числе Шашкова, приговорили к ссылке. Находясь в ссылке, С. С. Шашков отошел от областнических идей и практической политической деятельности и занялся аналитикой социальных проблем.

«Женский вопрос» в исследованиях С. С. Шашкова

Во второй половине жизни Шашков обратился к историко-социологическому анализу социальных проблем и особое внимание уделил различным сторонам «женского вопроса», в частности, таким, как бедность, эмансипация женщин, детоубийство, проституция. Все эти социальные явления С. С. Шашков рассматривал в длительной исторической ретроспективе. В дополнение к принципу историзма автор применяет социологический аналитический подход для объяснения этих явлений. Нужно отметить, что Шашков не был новатором в исследовании подобных социальных проблем. Как показывает видный исследователь дореволюционной социологии И. А. Голосенко, к проблемам бедности, нищенства обращались также Н. И. Костомаров, А. П. Щапов — учителя Шашкова, — А. Забелина, Н. Бочечкарова, М. Воронова, А. Левитова, М. Курбановский, И. Прыжов. Проституцию исследовали А. Сабанин, И. Приклонский, А. Елистратов, М. Кузнецов, В. Тарновский, А. Федоров, Н. Краинский.

В своих исследованиях Шашков использовал междисциплинарный подход, применяя социологические, исторические, статистические методы. Социальные проблемы и явления Шашков анализировал через свою формулу «прогресс—реакция». Так, женскую эмансипацию он рассматривал как прогрессивное явление, вместе с которым также прогрессирует институт семьи. С. С. Шашков считает, «...женщина и семья — это такие же исторически-родственные понятия, как гражданин и государство, солдат и войско, священник и церковь. Эмансипация женщин тесно связана с реформой семейного института...» (Шашков 1898а: 1). К теме семьи и эмансипации Шашков обращается в нескольких своих работах: «Исторические судьбы женщины», «История русской женщины», «Проституция» (Шашков 1898а).

Шашков пытается проследить положение женщины и процесс эмансипации к его истокам. Данный процесс, как и любое другое общественное явление, не является изолированным, а находится в тесной взаимосвязи с положением различных общественных институтов и общим цивилизационным развитием общества. Так, положение женщины и семьи анализируется в связи с формами собственности, религией, культурой. Шашков пишет: «Семейные принципы проникают собою всю нравственную и социальную жизнь народа» (Шашков 1898а: 68). А поскольку форма семьи неразрывно связана с положением женщины в обществе, то отношение к женщине очень показатель-

но. С характером семейных отношений и положением женщины связаны, в числе прочего, образование и характер государственности. Очень большую роль, по мнению Шашкова, женщины играют в деле сохранения культурного наследия. «Женщины всегда служат лучшими хранительницами народных обычаев, верований, сказаний, песен, костюмов и т. д. Они гораздо консервативнее мужчин...» (Шашков 1898а: 56). Благодаря развитию института семьи возникают более тесные связи внутри и между семьями, семьи объединяются в роды, которые в свою очередь объединяются в племена, которые образуют государство. Шашков пишет: «По мере развития общества, по мере его выхода из первобытного состояния изолированных семей, семейная ин-ституция приобретает больше и больше прочности. Союз семей образует род, союз родов — племя, союз племен — государство» (Шашков 1898а: 57).

По Шашкову, эмансипация женщин — это исторический процесс, берущий свое начало в возникновении патриархата. Шашков пишет: «Ошибка людей, держащихся мнения о новейшем происхождении эмансипации, заключается, главнейшим образом, в том, что они дают понятию эмансипация чересчур узкие границы и, определяя его в смысле современных эмансипационных доктрин, забывают о тех ужасных положениях, от которых женщина избавилась уже навсегда, освобождаясь от них с упорной настойчивостью в продолжение тысячелетий» (Шашков 1898а: 1). Таким образом, Шашков предлагает понимать феномен эмансипации женщин не просто как современное ему новое социальное явление, а как следствие установления в патриархате неравноправия мужчин и женщин. Несмотря на историческое доминирование формы патриархата на протяжении многих столетий, процесс эмансипации женщин неизбежно шел и набирал обороты, и современное Шашкову движение эмансипации — это лишь следствие исторических предпосылок, а не новейшей феномен.

В результате усиления процессов эмансипации, «начиная с XVI в., женщины приобретают сильное влияние на государственные дела» (Шашков 1898а: 238). Однако, несмотря на успехи в эмансипации женщин, процесс этот еще продолжается и далек от завершения, считает Шашков. При этом закон исторического процесса, по которому за явлением прогрессивным неизбежно следует реакция, осуществляется и здесь. «По общему закону исторической жизни, изображенные нами выше стремления женщины должны были вызвать сильную реакцию против их дела. И реакция не заставила себя ждать, она настала, она

явилась во всеоружии под формою религии, науки, полиции, общественного мнения» (Шашков 1898а: 425). Шашков ссылается на мормонство как одного из наиболее яростных противников эмансипации женщины. Однако Шашков убежден в том, что победа реакции никогда не бывает полной и прогресс в обществе неизбежен, а следовательно, неизбежна и окончательная эмансипация женщины, поскольку «совместное существование развитой, прогрессивной общественной жизни и патриархальных порядков положительно невозможно, равным образом невозможно и восстановление последних там, где они уже разрушены» (Шашков 1898а: 452). И в итоге, делает вывод Шашков, «пора бы понять людям, что не только задерживать, но даже пассивно относиться к делу женского освобождения, значит губить и развращать нравственность народа, разрушать семейство, совращать женщин на путь лжи, порока и преступления. Неравенство есть рабство, а рабство портит и господ, и невольников» (Шашков 1898а: 239). Подобные высказывания о «должном», моральные оценки характерны для ученых того времени. Как отмечает И. А. Голосенко, «сочетание этих двух моментов — “объективности” и “должного” — свойственно русской до-революционной социологии в целом» (Голосенко 2002: 23).

Другим социальным явлением, находящимся в тесной связи с уровнем и состоянием общественного развития, является уровень детоубийств. Феномен детоубийства — это еще одна социальная проблема, которую исследовал Шашков. Комплексный историко-социологический анализ феномена детоубийств автор проводит в работе «Детоубийство» (Шашков 1898а). Как и феномен эмансипации, детоубийства Шашков начинает исследовать с исторической ретроспективы явления, обращаясь к анализу феномена у диких народов. У диких народов «дети, как существа слабые, представляют собой рабов, собственность их сильного отца. ...Как боги сотворили мир, так и отец сотворил своих детей. Как боги властители вселенной, так и отец — властитель своих детей» (Шашков 1898а: 459). «У дикого народа положение детей самое несчастное: отец делает с ними что хочет, и никто не может да и не думает вмешиваться в его домашние дела, в распоряжение его собственностью» (Шашков 1898а: 460). Причем «с переходом дикого народа к общественной жизни, такой порядок вещей не только не прекращается, но даже санкционируется писаным правом» (Шашков 1898а: 460).

Главной причиной детоубийств Шашков считает бедность, что ставит это феномен в один ряд с проблемой проституции, нищенства

и пьянства. Он пишет: «Чем беднее общество, тем ниже уровень его материального существования, тем слабее любовь родителей к детям и тем выше цифра детоубийств, совершаемых под влиянием гнетущей нужды. Дети — первая жертва такого ненормального порядка вещей. Кроме того, детоубийство имеет непосредственное отношение к организации брака, семейства, к воспитанию, и вообще к тем основным принципам, на которых установлена политическая и общественная форма народной жизни» (Шашков 1898а: 459). Бедность выступает причиной детоубийств не только у диких народов, но и у развитых и цивилизованных. «Те же самые причины — бедность, непропорциональность народонаселения материальным средствам и несчастное положение женщины — делают детоубийство необходимою принадлежностью жизни не одних диких, но и культурных народов» (Шашков 1898а: 466).

Причем «если голод достигает высшей степени, то эти непроизводительные члены истребляются *производительно*, то есть съедаются теми, кто их убивает. Голод служит самую сильную и, у большинства антропофагов, единственную причину людоедства» (Шашков 1898а: 461). Другой причиной детоубийств у диких народов являются религиозные верования. У многих диких народов дети убивались для жертвоприношений богам. «Религии варваров также доводили их до детоубийства с целью умиловления богов кровью малюток. Кроме прямых свидетельств о жертвоприношении детей на это указывают и известия о приношении в жертву взрослых людей, с которым почти всегда неразлучны и жертвенные детоубийства» (Шашков 1898а: 484—485). «Кроме этих жертвоприношений дети у дикарей погибают еще вследствие суеверного страха, внушаемого им родителями. Убиваются уроды или дети, родившиеся под неблагоприятными предзнаменованиями» (Шашков 1898а: 474). Однако вклад религии в количество детоубийств в процессе исторического развития неуклонно снижается, показывает Шашков. «С развитием европейской цивилизации две упомянутые причины детоубийства — юридический абсолютизм отцовской власти и религиозное суеверие — постепенно исчезали. С ними вместе исчезали и принесение детей в жертву, и смертные казни детей, совершаемые отцами. Но так как это были не единственные причины детоубийства, то оно и не прекращалось» (Шашков 1898а: 485).

В результате своего исследования Шашков приходит к выводу, что уровень детоубийств в первую очередь связан с благосостоянием

народа. «Причины распространения и усиления детоубийства в современной Европе заключается главным образом в постепенном обеднении народных масс» (Шашков 1898а: 493). Анализируя статистику, Шашков приходит к выводу, что количество детоубийств постепенно увеличивается. Автор приводит цитату из «Журнала Министерства Юстиции» за 1862 год, № 4: «Преступления этого рода не только не уменьшаются, а, напротив, год от году увеличиваются, *и никакие угрозы закона, никакие полицейские меры не в состоянии воспрепятствовать их совершению!*»

Вне зависимости от уровня культурного и политического развития общества, причины детоубийств в разных обществах одни и те же: бедность, зависимое положение женщины, переизбыток населения. «Чем беднее общество, тем ниже уровень его материального существования, тем слабее любовь родителей к детям и тем выше цифра детоубийств, совершаемых под влиянием гнетущей нужды» (Шашков 1898а: 459). Так, Шашков считает неэффективной государственный институт детских домов: «система безразличного принятия законных и незаконных детей усиливает детовыбрасывание, развращает родителей и обременяет государство огромными расходами на содержание найденных, большинство которых в первые годы жизни погибает» (Шашков 1898а: 560). Ответ Шашкова звучит следующим образом: «Чтобы уничтожить известное явление, надо уничтожить самую причину, порождающую его. ...Если мать убивает свое дитя в большинстве случаев из страха, голода и холода, то надо всех матерей накормить и одеть и т. д.» (Шашков 1898а: 550). Кроме непосредственного влияния на распространение детоубийства, бедность вызывает или усугубляет и другие социальные проблемы. Она усиливает пьянство, притупленность нравственных и физических чувств, производит болезненную раздражительность, жестокость характера, даже повергает людей в сумасшествие, — а все это сильно содействует совершению рассматриваемых злодеяний. Далее, бедность усиливает половой разврат, разрушает семейную жизнь, производит громадное число незаконных рождений» (Шашков 1898а: 565).

Еще одним последствием бедности, которое исследует Шашков, является распространение проституции. С. С. Шашков в своих исследованиях характеризует феномен проституции как социальную болезнь в терминологии подхода социальной патологии. «Проституция есть результат известных социальных порядков; у народов, стоящих на низшей ступени общественного развития, нет и проституции, по крайней мере,

в той форме, в какой она появляется с началом цивилизации» (Шашков 1898а: 569). Данное положение разделяли многие исследователи в дореволюционной России. Как пишет И. А. Голосенко, дореволюционные исследователи проституции высказали две гипотезы о возникновении и функционировании проституции — антропологическую и социологическую (Голосенко 2002: 217). Антропологическая гипотеза настаивала на существовании женщин, генетически обреченных на постоянное провоцирование проституции, социологическая школа, в свою очередь, считала, что «ничто так не способствует проституции, как материальная нужда и законодательная необеспеченность женщины на рынке труда» (Голосенко 2002: 219). Очевидно, что Шашков примыкает к социологической школе, так как главной причиной проституции, детоубийств, пьянства и других социальных проблем он считал бедность: «статистические данные, несомненно, доказывают, что все почти без исключения публичные женщины происходят из класса рабочих или бедных крестьян» (Шашков 1898а: 622). «Бедность, всевозможные соблазны, молодость, неопытность, нравственная неразвитость, дурные условия труда — все толкает женщину на путь порока» (Шашков 1898а: 887). Поэтому, как заключает Шашков, «пока не изменятся социальные отношения, пока народные массы не поднимутся из бедности и не разовьются нравственно, пока не освободится женщина, пока современная цивилизация не вступит на более высокую ступень своего развития, — до тех пор ужасная болезнь неизбежна, неизлечима, неискоренима, какие бы жертвоприношения ни делала филантропия для ее предварения и каких бы мер ни выдумывали юристы для борьбы с нею» (Шашков 1898а: 566).

В заключение отметим, что С. С. Шашков оставил после себя довольно значительное научно-публицистическое наследие по различной, но взаимосвязанной тематике: сибирское областничество и его роль в истории, теория исторического процесса, история и этнография Сибири, женская эмансипация, проблема детоубийств, проституции. В работах С. С. Шашкова содержится масса ценных статистических данных, этнографических описаний, исторических наблюдений, аналитических и обобщающих суждений. Работы Шашкова, как это было довольно типичным для дореволюционных социологов и обществоведов, содержат как объективный анализ фактов, так и призывы к изменениям в соответствии с представлениями о «должном». С. С. Шашков вписал себя в историю российской общественной мысли как один из лидеров сибирского областничества и социальный исследователь.

Как и все областники, Шашков в своих теоретических позициях примыкал к направлению народничества. Наиболее близкими ему по духу народниками выступают Н. И. Костомаров, А. П. Шапов, П. Л. Лавров. Изучая современный сибирский регионализм или сибирское областничество в дореволюционной России, невозможно оставить в стороне вклад С. С. Шашкова.

Источники

- Бородавкин А. П.* Публицист С. С. Шашков и его исторические воззрения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1950.
- Гатина С. Х.* Женский вопрос в сочинениях С. С. Шашкова // Казанский университет: сб. аспирантских работ. Гуманитарные науки. Право. История. Казань, 1968. Кн. I.
- Головинов А. В.* Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев: через патриотическое просвещение к межнациональной социальной интеграции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 53–60.
- Голосенко И. А.* Социологическая ретроспектива дореволюционной России: Избранные сочинения: в 2 кн. / под ред. В. В. Козловского. СПб.: Социолого-во им. М. М. Ковалевского, 2002. 304 с.
- Дубовской К.* Историк и друг женщин (С. С. Шашков) // Дубовской К. Рожденные в стране изгнания. Пг., 1916.
- Иванов В. Н.* История народов Северо-Востока Азии в исторической концепции С. С. Шашкова // Вопросы истории и социологии народов Якутии. Якутск, 1975.
- Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1979. 349 с.
- Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1980. 405 с.
- Малинов А. В.* Областничество в истории русской мысли // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 41–53.
- Моисеев П. И.* Общественно-политические и социологические взгляды С. С. Шашкова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1966.
- Моисеев П. И.* Социологические взгляды С. С. Шашкова (вторая половина XIX века) // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. Сер. Общественные науки. 1968. Вып. 32.
- Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / под ред. А. В. Малинова. СПб.: Изд. дом. С.-Петербург. гос. ун-та, 2010.
- Слабкий А. С.* Жизненный путь С. С. Шашкова. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1967. 40 с.
- Собрание сочинений С. С. Шашкова: в 2 т. Т. 1. СПб., 1898а. 894 с.

Собрание сочинений С. С. Шашкова: в 2 т. Т. 2. СПб., 1898б. 656 с.

Троицкий С. А. Областничество в российской гуманитарной научной литературе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 60–78.

Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1971.

Шиловский М. В. «Вся его жизнь сосредоточивалась в умственном труде...» // Сибирская старина. 1998. № 13 (18).

Юдин А. И. П. Л. Лавров о понимании закона в истории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5. Ч. 1. С. 207–212.

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ДЕВИАНТНОСТИ

Е. В. МАСЛОВСКАЯ

ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье обсуждаются возможности и ограничения использования теоретических положений западной социологии права для анализа советских правовых институтов. Сделан вывод о том, что социологическая концепция П. Бурдьё обладает значительным потенциалом для изучения юридического поля в советском обществе. Представлен анализ формирования советской судебной системы, особенностей ее функционирования, процессов профессионализации и бюрократизации в рамках правовой системы.

Ключевые слова: социология права, юридическое поле, судебная система, профессионализация.

E. V. MASLOVSKAYA

THEORETICAL SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF SOVIET LEGAL INSTITUTIONS

The author discusses the possibilities of using theoretical approaches of western sociology of law for the analysis of Soviet legal institutions. The limitations of some approaches such as the functionalist theory are demonstrated. It is argued that Bourdieu's sociology of law is highly relevant for the study of the juridical field in the USSR. The formation of the Soviet judicial system is considered in the article. In particular the activities of revolutionary tribunals that were formed soon after the revolution of 1917 are discussed. The article deals with the peculiarities of functioning of Soviet legal institutions in the 1920s and 1930s. The show trials of the end of the 1930s are characterized from the viewpoint of sociological approaches including ethnomethodology. The development of the judicial system is considered in the social context and in interaction with the political institutions. On the whole the legal institutions were directly subordinated to the political structures. Thus the differentiation of political and legal systems was strictly hierarchical. At the same time the formation of jurists as a specific professional group changed the character of the

juridical field. The processes of professionalization and bureaucratization of the Soviet legal system since the end of the 1930s are analyzed in the article. The role of statistical indicators in evaluation of the activities of judges is taken into account. It is argued that, from the viewpoint of Bourdieu's theory, the juridical field in the USSR tended to function as an "apparatus". The conclusion is made that combining ideas of Bourdieu's sociology of law and sociology of politics allows us to reveal the peculiarities of the Soviet juridical field.

Keywords: sociology of law, juridical field, judicial system, professionalization.

Введение

В советский период правовые институты занимали подчиненное положение, являясь скорее продолжением исполнительной власти, чьи решения они оформляли. Господствовало представление о единстве системы правоохранительных органов, в которой суд выступал лишь последним звеном, не имеющим самостоятельного значения. Кроме того, специфику функционирования правовых институтов определяли политические институты. Процесс реформирования российской правовой системы с начала 1990-х гг. привел к определенным изменениям в функционировании судебной подсистемы. Тем не менее в данной сфере в значительной степени сохранились сформировавшиеся в советский период социальные практики, профессиональные установки, понимание природы преступности и роли суда в борьбе с ней. В развитии правовых институтов советского и постсоветского периодов существует определенная преемственность. В связи с этим социологический анализ динамики советских правовых институтов представляет значительный интерес для выявления социальных условий, обусловивших специфику формирования современных правовых институтов, и факторов, повлиявших на их функционирование.

Отдельной научной проблемой является определение теоретических оснований такого анализа, выявление возможностей и ограничений использования различных теоретических моделей. В течение длительного времени правовая система, сложившаяся в советском обществе, рассматривалась преимущественно с позиций сравнительного правоведения. Но в 1980–1990-е гг. в социальных науках получают распространение новые подходы к ее изучению (Буков 1997; Соломон 1998; Хаски 1993). В новейших исследованиях зарубежных историков также рассматриваются различные аспекты формирования советской судебной системы и взаимодействия политических и правовых

институтов в советский период (Rendle 2013; Retish 2013; Cohn 2013). Развитие советской правовой системы характеризуется в широком социальном контексте. Значительное внимание уделяется взаимоотношениям между правовыми институтами и другими институтами советского общества, прежде всего политическими. Однако теоретические модели социологии права использованы в таких исследованиях явно недостаточно. Очевидно, что для всестороннего анализа советских правовых институтов требуется сочетание подходов социологии права и исторической социологии.

Теоретические подходы к изучению советских правовых институтов

Применимость теоретических моделей западной социологии права для анализа советских правовых институтов требует дополнительного обоснования. Теоретические подходы современной социологии права ориентированы, прежде всего, на изучение правовой сферы западных обществ. Ведущие теоретики социологии права, как правило, игнорировали пример советской системы либо ограничивались лишь отдельными замечаниями о ее характере.

Так, Т. Парсонс рассмотрел особенности процесса модернизации в советском обществе с позиций своей концепции трех последовательных революций: промышленной, демократической и образовательной. Он отмечал, что СССР в наибольшей степени преуспел в промышленной революции, достигнув высокого уровня индустриального развития. Кроме того, значительные успехи были сделаны в советском обществе в модернизации системы образования. В то же время демократическая революция носила незавершенный характер. Согласно Парсонсу, хотя были устранены многие аскриптивные компоненты периода старого порядка, в советском обществе сложились более иерархические, бюрократические и авторитарные структуры, чем в западных обществах. С точки зрения Парсонса, в советской системе серьезной проблемой оставалась «демаркационная линия между правами государства и гражданина. С точки зрения западных ценностей на тоталитарном этапе, символизируемом террором и тайной полицией, отрицались “права граждан” на защиту *от* государства. После смерти Сталина давление государства значительно ослабло, хотя остается неопределенным, насколько прочно укоренились в обществе

гражданские права» (Парсонс 1998: 168). Парсонс лишь вскользь упоминает в данной связи советскую судебную систему. Ссылаясь на исследование Г. Бермана (Berman 1963), он указывает, что в постсталинский период «при всех имевшихся ограничениях, значительней стала независимость судебных органов от административных властей» (Там же: 167).

Общую характеристику обществ советского типа в отдельных работах дает Ю. Хабермас, в частности, в статье, посвященной «догоняющим революциям» в странах Восточной Европы (Хабермас 2005: 147–178). Но правовым институтам, существовавшим в таких обществах, он не уделяет серьезного внимания. Дж. Коэн и Э. Арато попытались дополнить разработанную Хабермасом концепцию стадий юридикации, включив в его типологию общества реального социализма. Эти исследователи указывают на отличия системы государственного социализма от демократического государства всеобщего благосостояния, в рамках которого правовая система налагает ограничения на само государство. Они подчеркивают, что «авторитарный государственный социализм — формация, не имеющая системы прав или конституционализма, явился реакцией на угрозы жизненному миру со стороны экономики, однако он стал формой подавления не только буржуазного, но и гражданского общества» (Коэн, Арато 2003: 569).

Тем не менее сам Хабермас не включил общество государственного социализма в свою типологию юридикации, «во-первых, по причине его несовместимости с любой теорией модернизации, а, во-вторых, из-за своего нежелания, в отличие от Парсонса, объявлять советскую модель тупиковым путем модернизации» (Там же: 570). Данный пример, по-видимому, подтверждает точку зрения Й. Арнасона, согласно которой постпарсонсовские теории модерна, включая подход Хабермаса, мало что добавили к пониманию советской системы (Арнасон 2011: 16).

В работах М. Фуко советскому обществу не уделяется сколько-нибудь значительного места. Как указывает Д. Кола, Фуко ограничился лишь отдельными упоминаниями советской системы, причем не в своих основных трудах, а преимущественно в статьях и интервью. Тем не менее обращение ко всему корпусу текстов французского философа «позволяет выявить настойчивое присутствие в творчестве Фуко темы Советского Союза и очень цельную и последовательную позицию Фуко по отношению к этому тоталитарному государству» (Кола 2001: 213). Однако приводимые Кола примеры относятся в основном к эволюции политических взглядов Фуко и включают, прежде всего, оценки

советской системы, данные им в контексте политической борьбы во Франции. По замечанию Кола, Фуко «никогда не занимался ничем таким, что можно было бы рассматривать как историю коммунизма» (Там же: 219).

Отдельные высказывания Фуко по данной теме в основном сводятся к тому, что трансформация производственных отношений в советском обществе не привела к изменениям в «микроотношениях власти». «Советское общество, — пишет Фуко, — дает нам пример государственного аппарата, который перешел в другие руки, но при этом сохранил те или иные типы социальной иерархии, семейной жизни, отношения к телу примерно такими же, какими они были в обществе капиталистического типа» (Цит. по: Там же: 228). Согласно Фуко, советская система использовала различные формы дисциплины, сложившиеся в капиталистическую эпоху, а также добавила к ним новую форму — партийную дисциплину.

Социология П. Бурдьё не получила широкого применения в исследованиях обществ советского типа. Отдельные положения теории Бурдьё использовались прежде всего при анализе советской системы социальной стратификации. В то же время в работах некоторых отечественных исследователей высказывались сомнения в возможности использования данной теории для изучения советского общества. Отмечалось, что при обращении к примеру советской системы, вероятно, «мы доходим до пределов теории Бурдьё, которая была сформулирована для Франции и ее колоний, но не подходит для особого общества советского типа» (Волков, Хархордин 2001: 144). Разумеется, теория Бурдьё, как и любая социологическая теория, «не может иметь претензии на полное отражение универсальных структур человеческого бытия» (Там же). Однако тот факт, что данная теория успешно использовалась для изучения столь различных социальных форм, как берберские племена Северной Африки и современное французское общество, говорит о весьма широкой сфере ее применимости.

В обращении к русскому читателю сборника своих работ по социологии политики Бурдьё высказывал уверенность в том, что осуществленный им анализ должен найти отклик «в стране, изобретшей и внедрившей на огромной части света тиранию *аппаратчиков*» (Бурдьё 1993: 30). Следует отметить, что в своей социологии политики Бурдьё использовал, в том числе, и пример большевистской партии, рассматривая основы власти аппарата в политических организациях (Там же: 255–261). Кроме того, французский социолог охарактеризовал

основания легитимности политической власти в обществах советского типа (Там же: 311–313). Положения социологии политики Бурдые также могут быть применены для анализа советских правовых институтов.

Зарубежные исследователи нередко определяли советское общество как общество неправоное. В западной социальной науке получило широкую известность высказывание американского правоведа Г. Бермана, что «само понятие “советское право” содержит в себе внутреннее противоречие» (цит. по: Solomon 1987: 391). Тем не менее в советском обществе существовали правовые институты, выполнявшие определенные социальные функции. В свою очередь, специфическая эффективность права является результатом символической работы по кодификации, приданию формы и формулированию, нейтрализации и систематизации, осуществляемой юристами-профессионалами. Условием достижения эффективности выступает тот факт, что «право обладает социальным признанием и встречает (пусть молчаливое или частичное) согласие благодаря хотя бы видимости своего соответствия действительным нуждам и интересам» (Бурдые 2005: 107).

В СССР политическое руководство рассматривало правовые институты как инструмент реализации прежде всего государственных интересов и постоянно вмешивалось в деятельность органов правосудия. Такое вмешательство осуществлялось на всех уровнях партийной иерархии. Однако это не означает, что влияние партийного аппарата на правовую сферу принимало одни и те же формы и имело то же самое значение во все периоды советской истории. В связи с этим необходимо сфокусировать внимание на объективных отношениях, складывавшихся между юридическим полем и полем власти, и изменениях во взаимодействии политических и правовых институтов, наблюдавшихся на различных этапах эволюции советской системы.

Становление советской судебной системы

Принятый СНК РСФСР 24 ноября 1917 г. декрет «О суде» не только провозгласил упразднение судебной системы прежнего режима, а значит и сложившегося разнообразия агентов юридического поля, соотношения их позиций и диспозиций. Он также символизировал отказ большевиков содействовать наметившимся в предыдущий исторический период тенденциям как к внутренней дифференциации юридического поля, так и к развитию относительно автономной юстиции.

Создатели декрета считали, что народное правосудие без юристов, осуществляемое непрофессионалами, способно эффективно заменить нормы, процедуры и институты буржуазной законности. Опираясь на теоретическое наследие марксизма, большевики разделяли идею об отмирании права после пролетарской революции, о несовместимости права и социализма. Они различались лишь в оценке того как скоро и какими методами характерный для иных производственных отношений надстроечный институт навсегда исчезнет. Декрет явился компромиссом между большевиками и левыми эсерами, подчеркивавшими значение правовых норм и учреждений, которые должны быть поставлены на службу новому режиму (Буков 1997: 247).

Другим выражением противоборства нигилистического и инструментального подходов к праву (Huskey 1991) явилось создание наряду с народными судами (местными судами, заменившими мировые суды периода царизма) революционных трибуналов. Основной функцией последних было рассмотрение дел о контрреволюционных преступлениях. Другими словами, политическое судопроизводство было отделено от обычного уголовного. При этом понятие контрреволюции трактовалось чрезвычайно широко, включая спекуляцию, мародерство и саботаж. Лишь незначительная часть, примерно 11% всех дел действительно были связаны с действиями, направленными против режима, в то время как более 44% дел возбуждались скорее по надуманным основаниям (Rendle 2013). В целом, борясь с «контрреволюцией», трибуналы способствовали установлению большевиками монополии насилия и придавали видимость легальности новому социальному порядку.

Для управления системой народных судов был создан Наркомюст. Однако революционный этап в истории Советского государства характеризовался явным преобладанием среди методов подавления сопротивления классовых врагов открытого террора, что предопределило создание ВЧК — органа внесудебной расправы. Тем самым параллельно были созданы учреждения, которые следовали правилам игры, отличным от тех, что обязательны для обычных судов. В результате конкурентной борьбы между ВЧК, народными судами и ревтрибуналами по вопросам юрисдикции, ВЧК удалось расширить диапазон использования внесудебных мер устрашения на область преступлений, которые обычно не считались политическими. Ревтрибуналы, в свою очередь, постепенно поглотили практически всю подсудность народных судов по уголовным делам (Шахназаров 2003; Шорохова 2007).

К началу 1920-х гг. сложилась жестко централизованная система трибуналов, независимая от Наркомюста, которой самостоятельно и полновластно управлял Верховный трибунал. В то же время в Наркомюсте, практически отодвинутом на периферию складывающегося юридического поля, появилась тенденция подведения народного суда под образец ревтрибунала. Суд уже стал считаться таким же органом борьбы, как и трибунал, все более распространенной стала идея о том, что любой суд — это классовый суд. Чрезвычайный орган борьбы с контрреволюцией объявлялся образцовой моделью пролетарского, классового суда.

Антипрофессионализм сторонников классовой юстиции выразился и в отказе от формального юридического образования и социального престижа карьеры юриста. Судьи должны были руководствоваться в своей правосудной деятельности, помимо законов, политических директив и ведомственных инструкций, также и «революционной совестью», «классовым чутьем» и «революционным правосознанием». Обоснованию такого рода правосудия служила выдвинутая М. Рейснером (1868–1928) доктрина интуитивного классового права. Общие принципы этой теории были заимствованы у Л. И. Петражицкого (1867–1931), но наполнены противоположным содержанием. В противовес «буржуазному» праву доктрина Рейснера обосновывала приоритет народного правосознания, реставрируя при этом элементы традиционного «обычного права», которое в условиях России, как заметил современный российский автор, «не могло быть ничем иным, как анархическими представлениями крестьянства и люмпенизированных городских слоев» (Медушевский 1997: 485). Тем самым Рейснер вывел на первый план элементы правосознания, которые Петражицкий считал необходимым преодолеть, проводя соответствующую правовую политику.

Данная модель правосудия обеспечивала максимум возможности приспособления к решению оперативных политических задач, но минимум точности и стабильности в разрешении дел. Она также препятствовала эффективному контролю за работой судей. Кроме того, «в условиях отсутствия кодексов и законов, определявших параметры судебных действий, судьи или следовали приказам местного партийного и советского начальства, или действовали по собственному усмотрению» (Соломон 1998: 21), демонстрируя неформальный подход к законам и директивам, издаваемым в центре. Последнее означало на практике осуществление правосудия без соблюдения формальных процедур, при отсутствии защиты и обвинителей, руководствуясь элементами

дореволюционного законодательства или соглашаясь с местными традициями. Определяющее влияние местного партийного и советского руководства на действия судей останется характерной чертой советского правосудия в течение длительного исторического периода.

Окончание гражданской войны и переход к НЭПу заставили агентов поля политики не в силу убеждения, но вследствие временной политической конъюнктуры, вернуться к трактовке права как механизма регулирования общественных отношений и средства социального контроля. По мнению ряда исследователей, «новую легитимность и новые функции законность приобрела ввиду частичной реанимации капиталистических отношений, в том числе рынка и частной собственности» (Там же: 24). Однако агенты поля политики продемонстрировали двойственность подхода к восстановлению институтов, в которых должно было сосредоточиться правосудие. Последние были наделены специфическими чертами и особыми функциями, отражавшими социалистический контекст их существования. Кроме того, негативное отношение к праву сохранялось, находя выражение в предубеждениях против профессиональных адвокатов, в борьбе против усложненности новых законов, против возврата формальных процедур.

В ходе проведенной в 1922 г. судебной реформы были ликвидированы революционные трибуналы и введена судебная система, включавшая несколько уровней: народные суды, губернские суды, Верховный суд РСФСР. Судебная реформа сопровождалась повсеместным вытеснением из народных судов старых кадров членами бывших революционных трибуналов. При этом социальные практики, стандарты «профессионального» поведения, установки и ценности, сложившиеся в процессе функционирования ревтрибуналов, рассматривались в качестве образцовых и заимствовались. Несмотря на возросшую потребность в агентах юридического поля, политическое руководство не стремилось сформировать особую профессиональную группу юристов.

Основной формулой подбора кадров оставалось выдвижение классово сознательных представителей народа, отвечавших партийному цензу и не зараженных культурой юридического профессионализма. С 1923 г. по 1925 г. число членов РКП(б) среди народных судей увеличилось с 63% до 81% (Кострова 2008: 19–20). Предполагалось, что «революционная сознательность» судей, действовавших в интересах власти рабочих и крестьян, должна компенсировать недостаток профессиональных знаний. Заметим, что практика привлечения лиц, не имеющих юридического образования (непрофессионалов), к работе в качестве

судей в судах низшей инстанции распространена в западных странах. Но непрофессиональные судьи, например, в США или Великобритании обладают необходимым уровнем образования, тогда как в первые десятилетия советской власти уровень общего образования судебных кадров был чрезвычайно низким. По состоянию на январь 1925 г. 83% народных судей имели лишь начальное образование. В отличие от западных стран, непрофессионалы работали не только в судах низшей инстанции: в губернских судах 68% судей имели начальное и 18% — среднее образование (Буков 1997: 394—395). Вполне очевидно, что у них отсутствовали какая-либо приверженность особому правовому этосу и понимание права как высшей ценности.

Подобная политика привела к некоторым непредвиденным последствиям. Одним из ее следствий было то, что судьи демонстрировали готовность руководствоваться требованиями местной власти. В ходе институционализации советской правовой системы в начале 1920-х гг. суды были подконтрольны как аппарату Наркомата юстиции, так и региональным органам советской власти. В то же время работники прокуратуры были подчинены исключительно своей собственной административной иерархии. Такой порядок должен был распространяться на решение кадровых вопросов, так же как и на финансирование судов и прокуратуры. Но на практике принципы, положенные в основу советской правовой системы, не были реализованы в полной мере, что было связано с существенным возрастанием влияния местного партийного аппарата на правовые институты (Solomon 1985: 306). Большинство решений о назначении судебных чиновников принималось на региональном уровне. Влияние центрального аппарата системы правосудия на деятельность таких чиновников было ограниченным. Отчасти это было связано с тем, что получение судьями и прокурорами разного рода номенклатурных привилегий, а также и назначение на должности за пределами судебных органов зависели от местного партийного руководства. В целом отличительной особенностью судей выступала лояльность к советской власти, которая выражалась в принадлежности к коммунистической партии и связях с местными правящими группами.

Другим следствием явилось то, что недостаточная профессиональная квалификация судей приводила к большому количеству отмененных приговоров по формальным основаниям, например, несоблюдение формы судопроизводства. Нередки были и серьезные нарушения судьями материального и процессуального законодательства. В некоторых

случаях судьи не понимали смысла нормативных актов, которыми им приходилось руководствоваться, не принимали к рассмотрению отдельные категории дел (например, дела о восстановлении происхождения детей). Нарушались судьями и сроки предоставления статистических сведений в вышестоящий суд. Кроме того, судьи не всегда сообщали в места лишения свободы данные о времени окончания лишения свободы (Кострова 2008: 20–22). Еще одним следствием стало то, что многие из привлеченных в судебные органы кадров не планировали продолжить карьеру в рамках судебной системы. Как отмечает В. А. Буков, «вновь набранные по заводам и пашням судьи-выдвиженцы в подавляющем большинстве оказанного им партией доверия так и не оправдали: уровень их сменяемости на протяжении всего последующего десятилетия оставался крайне высоким, в результате чего каждые три-четыре года судейский корпус обновлялся практически полностью» (Буков 1997: 409).

Отбор кандидатов на формально выборную должность народного судьи осуществлялся совместно областным судом и обкомом партии. Но поскольку должность народного судьи входила в номенклатуру обкома, партийные чиновники играли более значительную роль в отборе судей. Хорошо зарекомендовавших себя судей часто переводили на более престижные номенклатурные должности. В рамках самой судебной системы возможности карьерного роста были довольно ограниченными, а зарплата народного судьи оставалась низкой. Лишь занятие должности в областном суде приводило к существенному повышению уровня дохода и социального статуса, но число таких должностей было невелико. Поэтому большинство народных судей стремились получить административные посты вне судебной системы. На фоне основной массы новых агентов судебного поля, лишь недавно изменивших привычные социальные роли, у которых практически отсутствовал необходимый уровень культурного капитала, сформировались еще две страты: во-первых, кадры с высшим (полученным еще до 1917 г.) образованием, как правило сосредоточившиеся в Москве и областных центрах; во-вторых, лица, имевшие некоторую практическую подготовку и определенный опыт работы в судебных органах, рассредоточенные по крупным городам.

Следует отметить также незначительную степень управляемости судей-непрофессионалов со стороны чиновников Наркомюста, поскольку в случаях несоответствия директив, инструкций и законов из центральных ведомств представлениям судей-непрофессионалов,

эти судьи опирались на предоставленную им возможность свободы усмотрения. Так, желание агентов поля политики предоставить революционным массам возможность творить право вкупе с недоверием к ограничениям, накладываемым формальным правом, привели, в том числе, к ослаблению символической власти права и уменьшению легитимности институтов правосудия в глазах населения.

После введения Уголовного кодекса 1922 г. судьи официально могли учитывать классовое происхождение обвиняемых при вынесении приговора. «Судебная система функционировала согласно принципам “классовой справедливости”, относясь к подсудимым-пролетариям снисходительно и отдавая предпочтение им, а не истцам буржуазного происхождения, при ведении гражданских дел» (Фицпатрик 2001б: 182). Хотя в течение 1920-х гг. постоянно велась дискуссия о границах применимости принципа «классовой справедливости», идея о классовом характере советского законодательства составляла ядро ценностных установок и представлений агентов поля политики и судебного поля. В целом неравенство перед законом различных категорий граждан означало отказ от правового универсализма, который Т. Парсонс считал одной из ключевых характеристик общества модерна. В то же время процедуры судебной дискриминации по классовому признаку оставались в значительной мере неупорядоченными и недостаточно формализованными, что создавало возможности изменения «классового ярлыка». Например, подсудимый, классовой принадлежности которого была определена как «буржуазная» или «кулацкая», мог обратиться с петицией о ее переопределении и в некоторых случаях действительно добиться этого, представив документы об идентификации своего материального и социального положения.

В 1920-е гг. в рамках советской судебной системы соблюдались по крайней мере минимальные процедурные требования. Но ситуация радикально изменилась с окончанием НЭПа, когда гораздо более важным, чем соблюдение формальных процедур, стало соответствие деятельности судей текущим политическим задачам. Эта тенденция в полной мере проявилась в ходе судебных процессов над различными «контрреволюционными группами», одни из которых «имели реальную основу, другие строились на мистификации. Постепенно... конструирование “врагов народа” приобрело впечатляющий размах» (Ильин 1996: 62). Суды выполняли при этом агитационную и воспитательную функцию, функции политической социализации и легитимации того видения социального порядка, которое обеспечивалось социалистическим

государством. Данные функции предполагали широкое распространение показательных процессов и разработку механизмов участия в них населения. Действительно, аналогом политических процессов становятся показательные суды по уголовным делам, в ходе которых обвинение и приговор соответствовали утвержденному плану, а функция защиты была сведена к минимуму. Отсутствие на показательных процессах оправдательных приговоров и преобладание суровых наказаний заставило даже чиновников Наркомюста охарактеризовать их как «самое неправосудное дело» (Соломон 1998: 39).

Наращение нигилистического подхода к праву нашло отражение и в деятельности «традиционных» институтов правосудия. В целом к концу 1920-х гг. обозначился конфликт между низкой квалификацией агентов судебного поля и теми требованиями, которые предъявлялись к их обязанностям в период частичной реставрации рыночных отношений. Дилемму между принципом «классовой справедливости» и законностью попытались разрешить при помощи реформы, целью которой было приспособление системы правосудия к уровню способностей агентов судебного поля. Одним из первых шагов от формальных правовых структур к социалистическим формам разрешения споров явилось принятие постановления о создании в виде эксперимента «товарищеских судов» и «сельских общественных судов». Затем, в 1929 г. Наркомат юстиции принимает ряд инструкций, упрощающих следственные и судебные процедуры.

Следует отметить, что данные действия соответствовали взглядам и установкам большинства агентов судебного поля, обладавших слабой юридической подготовкой и не желавших вникать в процедурные вопросы. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. произошел переход к кампанейскому правосудию, в рамках которого суд выполнял политические функции и фактически превращался исключительно в придаток административных структур. Произошел полный отказ от следования процессуальным нормам и стандартам системы доказательств. Получила распространение практика использования местными партийно-административными руководителями судов для достижения собственных целей. При этом уголовные обвинения нередко переqualифицировались в политические.

Значительная степень контроля региональных партийных чиновников над органами правосудия в сочетании с возможностями несоблюдения формальных правил в ходе следственных и судебных процедур создавали благоприятные условия для непосредственного

влияния местного партийного аппарата на судопроизводство. «Местные судебные органы выносили приговоры с серьезными отклонениями от предписаний центра, но в соответствии с политическими интересами местного аппарата» (Getty 1993: 128). При этом партийные чиновники «не просто вмешивались в деятельность органов правосудия и отказывались подчиняться требованиям закона; они также пытались заставить правосудие работать на себя» (Solomon 1985: 316). Прямое вмешательство местного партийного руководства в данной сфере могло включать в себя возбуждение или прекращение уголовных дел, рекомендации судьям о вынесении того или иного приговора. Подобные действия предпринимались местными партийными секретарями как с целью оградить от судебного преследования своих приближенных, так и для расправы с представителями конкурирующих административных групп.

Особенности развития советских правовых институтов в 1930-е гг.

В середине 1930-х гг. политическое руководство стремилось повысить статус правовых институтов, обеспечить стабильность законов. При этом целью изменения политики в правовой сфере было не соблюдение права как такового, а скорее использование законодательных норм для контроля за действиями региональных партийных чиновников с целью централизации политической власти. Такая цель предполагала централизацию управления системой правовых институтов и усиление символической роли права, в том числе и для повышения престижа Советского государства за рубежом. Однако данная политическая кампания оказала довольно незначительное воздействие на практику правоприменения в связи с отсутствием у агентов судебного поля необходимой профессиональной подготовки. Так, в 1935 г. высшее юридическое образование имели только 14,2% судей областных и 4,3% судей народных судов, тогда как большинство судей получили лишь начальное образование (Solomon 1987: 394).

Тем не менее представление о необходимости развития и сохранения централизованного бюрократического порядка, основанного на административно-командных принципах, предполагало наличие профессиональных юридических кадров, способных осуществлять соответствующие политические директивы. После принятия Постановления ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 г. «О мероприятиях по развитию и улучшению правового образования» были предприняты

усилия по развитию сети юридического образования: восстанавливались юридические факультеты и открывались правовые институты. Так появились Московский, Ленинградский, Минский, Саратовский, Свердловский юридические институты, а также факультет права Харьковского и Ташкентского институтов советского строительства и права, факультет права Ереванского и Тбилисского университетов, факультет права Бакинского социально-экономического института. В 1936 г. была создана Всесоюзная правовая академия при ЦИК СССР с двухгодичным сроком обучения, расширялась сеть одногодичных юридических школ, увеличилось число шестимесячных курсов (Буков 1982; Смыкалин 2000). Тем самым взаимосвязь формирования сословия юристов и юридико-административных структур, являющихся составными частями государства, которую исследовали в социологии права М. Вебер и П. Бурдьё, нашла свое подтверждение в истории Советского государства.

Тенденция к усилению действия правовых норм была обращена вспять в период террора конца 1930-х гг. В эти годы правовые институты использовались сталинским режимом в том числе для придания видимости законности массовым репрессиям. Была оформлена законодательно упрощенная процедура следствия по статьям, связанным с «вредительством». Для ареста подозреваемых по-прежнему требовалась санкция прокурора, которая, однако, выдавалась почти автоматически. Хотя следствием по политическим делам непосредственно занимались органы НКВД, все судебное поле оказалось включенным в механизм репрессий. В период, когда сами представители судебного поля все чаще становились жертвами репрессий, они стремились обезопасить себя выдвижением как можно большего числа обвинений по политическим статьям. В конечном итоге «кампания по усилению бдительности вынудила многих чиновников — большинство прокуроров и следователей и по крайней мере некоторых судей — отказаться от стандартов ведения следствия и судебной процедуры» (Ibid: 400).

Характеризуя последствия партийных чисток и репрессий 1937–1938 гг. для судебного поля, исследователи (Barry 1972; Gross 1982) отмечают значительное число жертв среди самих судебных чиновников. Хотя большинство этих чиновников не отличались высоким профессионализмом, репрессии затронули и наиболее квалифицированных юристов. В целом было нарушено нормальное функционирование судебного поля. Тем не менее, как полагает П. Соломон, «прямое воз-

действие террора на деятельность суда и прокуратуры оказалось не-долговременным» (Соломон 1998: 226).

Сравнительно быстрому восстановлению привычных оперативных методов работы судов и прокуратуры способствовало взаимодействие нескольких факторов. Среди них современные исследователи (Соломон 1998; Sharlet 1977) выделяют не только низкий профессиональный уровень большинства репрессированных агентов судебного поля и разработанную программу реформирования органов юстиции. Самым важным, очевидно, было разделение обычного и политического правосудия. Тем самым продолжавшаяся два десятилетия дискуссия о приоритете права в качестве эффективного инструмента социального контроля или внесудебных репрессий как механизма подавления завершилась своего рода компромиссом. На поверхности социальной жизни формировались и функционировали «традиционные» правовые институты, наделенные специфическими чертами и функциями. На микроуровне власти определяющую роль играли политические директивы, административные указы, секретные инструкции, различные неформальные практики.

Анализируя показательные судебные процессы 1936–1938 гг., Ш. Фицпатрик определяет их как «публичное театральное представление в форме судебного процесса, дидактическое по своим задачам, призванное не установить виновность подсудимого, а продемонстрировать общественности гнусность его преступлений» (Фицпатрик 2001a: 29). Отмечается, что три московских показательных процесса над бывшими оппозиционерами (Г. Зиновьевым, Л. Каменевым, К. Радеком, Н. Бухариным, А. Рыковым) имели структурное сходство с процессами конца 1920-х — начала 1930-х гг. Но если в тот период подсудимыми являлись представители технической интеллигенции, то на московских процессах обвиняемыми были руководители партии, смещенные со своих постов.

Г. Гарфинкель, используя идеи представителей этнометодологии, рассматривал судебный процесс как ритуал «статусной деградации», призванный изменить восприятие личности подсудимого окружающими. Эта ритуальная функция была особенно явно выражена в показательных процессах конца 1930-х гг., в ходе которых бывшие лидеры партии представляли в качестве «врагов народа» и иностранных шпионов. Вместе с тем в ходе таких показательных процессов происходило — в соответствии с официальной правовой идеологией — властное утверждение «общего понимания» тех событий или действий, по которым суд

выносил решение. В таком случае судебное поле в целом и суд как институт были инструментами конструирования социальной реальности и вносили вклад в поддержание социального порядка. Основным смысл показательных процессов российский исследователь А. Н. Медушевский видит в лишении легитимности прежней партийной элиты и укреплении легитимности новой элиты (Медушевский 1997: 529—530). Показательные процессы должны были послужить подтверждением правильности политического курса, избранного руководством партии, и заклеить как «врагов народа» всех, кто когда-либо допускал малейшие отклонения от этого курса.

В показательных процессах конца 1930-х гг. наглядно проявились функции суда в советский период, важнейшей из которых выступала легитимация политической власти. Вынесение приговора суда выражало тот факт, что право стоит на защите государственных интересов и легитимирует действия, совершенные в защиту данных интересов. Кроме того, суд исполнял функцию социального контроля, а также функцию социализации — в большей степени политической, чем правовой. Однако у суда в советский период отсутствовал ряд функций, характерных для соответствующих институтов западных государств, как, например, интерпретация целей политики и контроль за политическими институтами.

Профессинализация и бюрократизация советской судебной системы

Тенденция к возрастанию централизации и бюрократизации юридического поля нашла свое формальное выражение в Конституции СССР 1936 г. и тексте закона СССР от 16.08.1938 «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик», хотя начало этой тенденции было положено в 1933 г., когда прокуратуры союзных республик были подчинены непосредственно прокуратуре СССР. В этот период расширились полномочия Наркомата юстиции СССР. Верховный суд СССР получил широкие возможности контроля за деятельностью нижестоящих судов. Одним из признаков бюрократизации советской юстиции с конца 1930-х гг. явился рост значения статистических данных при оценке деятельности различных должностных лиц. В конце 1940-х гг. в СССР окончательно сформировалась система оценки эффективности работы прокуроров и судей, основанная на статистиче-

ских показателях. «В послевоенный период — с предельной централизацией административного аппарата и обязательным юридическим образованием для чиновников в правовой сфере — оценка на основе статистических данных становится фетишем. Именно в конце 40-х годов бюрократизация юстиции в СССР получает полное воплощение» (Solomon 1997: 229).

Политика поощрения получения формального юридического образования судебно-прокурорскими работниками проводилась агентами поля политики с середины 1930-х гг. Но этот процесс был прерван вначале массовыми репрессиями, а затем войной. В послевоенный период вновь возникает проблема подготовки юридических кадров. В 1946 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление, требовавшее повышения образовательного уровня работников прокуратуры и судей. Исполнение этих партийных решений становится приоритетной задачей для министерства юстиции. Если в 1948 г. юридическое образование имели 21,4% судей, то в 1951 г. — уже 57,6% (Ibid: 235). Еще более быстрыми темпами возрастал образовательный уровень прокуроров. Столь резкий рост был достигнут в основном за счет использования заочного обучения, качество которого было весьма невысоким.

В результате значительная часть прокуроров и судей получила хотя бы минимальную формальную юридическую подготовку. При этом увеличилось число чиновников, для которых работа в системе судопроизводства стала профессиональной карьерой. Однако, по мнению П. Соломона, «подобного рода юридическое образование не превратило большинство из них в приверженцев правовой этики и не заставило их самоидентифицироваться в качестве юристов, а не чиновников» (Соломон 1998: 337). В целом «расширение юридического образования, которое получили судебно-прокурорские работники, способствовало дальнейшей бюрократизации советской юстиции в большей степени, чем повышению ее профессионального уровня» (Там же: 327).

Рассматривая роль профессионалов в обществе, Т. Парсонс использовал такое понятие, как «специфичность функции». Согласно Парсонсу, профессионал обладает реальной властью в своей сфере компетенции и нередко осуществляет власть над людьми, превосходящими его в социальном статусе (Parsons 1954: 38). Помимо этого, процесс профессионализации приводит к возникновению особого этоса, который наделяет профессионала сознанием своей ответственности и значимости. Как указывает Парсонс, представители правовой профессии

должны поддерживать целостность правовой доктрины и сохранять общие ценности и профессиональные традиции.

Но задачей советского руководства являлось создание «таких органов юстиции, которые служили бы интересам государства без сопутствующего появления профессиональной юридической корпоративности» (Соломон 1998: 349). В последние годы правления Сталина эта задача оказалась близка к осуществлению. К началу 1950-х гг. судебно-прокурорские работники в СССР оставались в большей степени бюрократами, чем юристами. Двойственность профессионализации агентов юридического поля состояла в том, что они обладали определенными техническими навыками и выполняли строго определенные роли. Кроме того, у них явно не сформировалась правовая этика, предполагающая «приверженность правовому процессу как чему-то отличному от других форм государственного управления и даже стоящему над государственностью» (Там же: 337). Однако увеличение числа чиновников, стремившихся продолжить свою карьеру в рамках судебного поля, способствовало созданию целого ряда механизмов сохранения ими конформистской и соглашательской позиции по отношению к требованиям чиновников центральных правовых ведомств. В целом, хотя профессионализация агентов юридического поля и носила двойственный характер, она способствовала дифференциации политических и правовых институтов, которая тем не менее сохраняла строго иерархический характер.

Бюрократизация советских правовых институтов означала, что в рамках этих институтов действовала определенная логика, характерная для любой бюрократической системы управления. Согласно М. Веберу, чиновник подчиняется дисциплине, что предполагает последовательное исполнение приказаний вышестоящей инстанции, не допускающее какой-либо критики их содержания. Но чиновник, подчиняющийся прежде всего партийной дисциплине, обязан не только «выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям» (Вебер 1990: 666), но привести в соответствие с ним свои внутренние установки, ценности и представления.

П. Бурдые выделил тенденцию юридического поля «по меньшей мере в периоды своего равновесия... функционировать как аппарат» (Бурдые 2005: 80). Советская судебная система превосходила по степени своей бюрократизации аналогичные системы западных стран. При этом отмеченная Бурдые тенденция юридического поля имеет

особенно важное значение для анализа советских правовых институтов. Различия между полями и аппаратами характеризуются Бурдьё в его работах по социологии политики. В концепции поля политики «аппараты представляют предельный случай, нечто, что можно рассматривать как патологическое состояние поля» (Шматко 1993: 20). Анализ структуры аппаратов осуществлен Бурдьё главным образом на примере политических партий, в особенности тоталитарных партий, но сделанные им выводы применимы и к другим бюрократическим структурам. Вслед за Вебером французский социолог подчеркивает, что бюрократический аппарат имеет свои собственные интересы и «собственные тенденции», в том числе тенденцию к самовоспроизводству (Бурдьё 1993: 255). Как указывает Бурдьё, по мере развития бюрократии «на практике и в настроениях беспрерывно усиливается весомость императивов, связанных с воспроизводством аппарата и предлагаемых им постов, привязывающая к себе тех, кто их занимает всякого рода материальными и символическими интересами, в ущерб императивам стремления к достижению целей, провозглашенных аппаратом» (Там же: 217).

В ходе бюрократизации советской правовой системы формирование слоя профессиональных юристов сопровождалось усилением централизованного контроля за их деятельностью. Так, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. руководство советской юстиции провело кампанию, направленную на уменьшение числа «необоснованных» уголовных дел. В рамках этой кампании число оправдательных приговоров и приговоров, отмененных по апелляции, рассматривалось как основной показатель эффективности работы чиновников судебной системы. Низкий процент таких приговоров стал одним из необходимых условий успешной карьеры прокуроров и судей. Как отмечает П. Соломон, одним из непредвиденных последствий данной кампании явилось усиление конкуренции между различными группами агентов юридического поля (Соломон 1998: 354—385).

Усиление централизованного контроля и рост значимости статистических показателей в оценке деятельности судебных чиновников способствовали также распространению «обвинительного уклона» в советском правосудии. Коль скоро уголовное дело было заведено, обвиняемому было крайне сложно добиться оправдания либо пересмотра приговора по апелляции. Судьи стремились избежать вынесения оправдательного приговора, в крайнем случае прибегая к возврату дела на доследование или осуждению обвиняемого по менее серьезной

статье. При рассмотрении апелляций суды высшей инстанции лишь в редких случаях шли на пересмотр приговора, тем более что после 1956 г. они несли ответственность за ошибочные решения нижестоящих судов.

С середины 1950-х гг. в юридическом поле произошли дальнейшие изменения, направленные на то, чтобы исключить возможность повторения злоупотреблений предыдущего периода. С этой целью была проведена не только реорганизация учреждений правовой сферы и развернута кампания по укреплению «социалистической законности», вновь получила распространение идея о правосудии без юристов, началась кампания популяризации народного правосудия посредством создания товарищеских судов и народной милиции.

Вместе с тем иерархический характер дифференциации политических и правовых институтов с необходимостью предполагал вмешательство партийного аппарата в деятельность судов. В постсталинский период сохранялись мотивы и причины, побуждавшие партийных чиновников стремиться влиять на решения суда. При этом личные и идеологические мотивы вмешательства в деятельность суда вполне могли совпадать. Наконец, воздействие партийных чиновников на правосудие могло быть обусловлено стремлением защитить местных хозяйственных руководителей, нарушавших закон, так сказать, «для пользы дела» (например, ради выполнения плана) (Gorlizki 1997: 265). Одной из немногих возможностей влияния судебных органов на партийных чиновников было обращение в вышестоящие партийные инстанции, в том числе в ЦК КПСС (Ibid: 264).

Тем не менее бюрократизация юридического поля в какой-то степени ослабила влияние на них партийного аппарата, особенно на местном уровне. Агенты судебного поля по-прежнему были подчинены как местным партийным органам, так и вышестоящим инстанциям в своей собственной иерархии. Но если партийный аппарат вмешивался лишь в ход отдельных судебных дел, то центральные учреждения судебного поля требовали постоянной отчетности, от которой в значительной степени зависела карьера судебных чиновников. В результате система судопроизводства, подчиненная централизованному контролю со стороны министерства юстиции и судов высшей инстанции, приобрела некоторую степень автономии от регионального партийного аппарата. В процессе бюрократизации усиливалась весомость императивов, связанных с воспроизводством аппарата и предлагаемых им материальных и символических ресурсов. К началу

80-х гг. зависимость судей от центральных учреждений самого судебного поля еще более усиливается. При этом возрастает роль не только министерства юстиции, но и судов высшей инстанции, в которые направлялись апелляции по судебным приговорам (Foglesong 1997: 286—288). Такое положение дел свидетельствовало об усилении тенденции юридического поля функционировать как аппарат.

В целом агенты юридического поля образовывали особый слой внутри партийно-государственной бюрократии. Не обладая специфической правовой этикой, отличавшей представителей юридической профессии в странах Запада, они все-таки разделяли определенные ценности и интересы. В СССР произошло выделение юристов в качестве особого профессионального слоя, а в постсталинский период корпоративные черты этого слоя становятся более явно выраженными. По-видимому, вполне правомерно говорить о формировании специфического габитуса представителей юридической профессии. В то же время сохранялась патерналистская модель их взаимоотношений с агентами поля политики.

Заключение

Обращение к исследованиям динамики советских правовых институтов позволяет оценить границы применимости различных теоретических подходов в социологии права для анализа юридического поля в данный исторический период. Прежде всего, следует отметить, что такой анализ с позиций системной теории — в ее функционалистской и неофункционалистской версиях — сталкивается с существенными трудностями. Советское общество, в особенности в период 1920-х — начала 1950-х гг., характеризовалось радикальной дедифференциацией политических и правовых институтов, что не может найти адекватного объяснения с точки зрения функционалистского подхода. Обращение вспять тенденции к усилению социальной дифференциации, сопровождаемое полной утратой ранее существовавшей частичной автономии правовой системы, явно выходит за рамки допустимого функционалистской теорией.

Среди направлений критической теории в социологии права для исследований советской судебной системы, очевидно, лишь в весьма ограниченной степени применимы нормативно ориентированные подходы Ю. Хабермаса и Дж. Александера. Не случайно, что Хабермас отказался от включения обществ советского типа в свою теоретическую

модель юридификации. С точки зрения общей теории Хабермаса, советская система выступает как пример крайней степени подавления спонтанных социальных процессов на уровне жизненного мира системой, в данном случае представленной бюрократизированным государством. Но в целом теоретический подход Хабермаса не предназначался для анализа такого рода отношений между системой и жизненным миром. Этот подход, как и концепция гражданской сферы Дж. Александера, ориентируется главным образом на демократические правовые государства.

Наилучшими возможностями для анализа советских правовых институтов обладают более эмпирически ориентированные постструктуралистские концепции в социологии права. Концепция дисциплинарной власти М. Фуко неоднократно использовалась исследователями советского общества. В то же время концепция юридического поля П. Бурдьё лишь сравнительно недавно получила применение в изучении советских правовых институтов (Масловская 2007: 292–297). Однако необходимо учитывать, что в случае советской системы незначительная степень автономии юридического поля и его тенденция функционировать как аппарат могут быть вписаны в теорию социологии и права лишь при условии дополнения социологии права Бурдьё рядом положений его концепции поля политики.

Источники

- Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1.
- Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М.: Археографический центр, 1997.
- Буков В. А. Становление и развитие подготовки юридических кадров для судебных и прокурорско-следственных органов // Проблемы совершенствования советского законодательства. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1982. Вып. 23. С. 191–201.
- Бурдьё П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
- Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
- Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2008.
- Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского

- анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, Институт социологии РАН, 1996.
- Кола Д.* Фуко и Советский Союз // Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Европейский ун-т в С.-Петербурге: Летний сад, 2001.
- Кострова О. В.* Судебные преобразования в России в 1917–1922 гг. (на примере Нижегородской губернии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
- Козн Дж., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003.
- Масловская Е. В.* Трансформации юридического поля в СССР и постсоветской России // Личность. Культура. Общество. 2007. № 9 (2).
- Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Смыкалин А. С.* Юридическое образование в СССР и Российской Федерации: исторический аспект // Юридическое образование и наука. 2000. № 2.
- Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 1998.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001а.
- Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001б.
- Хабермас Ю.* Политические работы. М.: Практис, 2005.
- Хаски Ю.* Российские адвокаты и советское государство: происхождение и развитие советской адвокатуры, 1917–1939. М.: Ин-т государства и права РАН, 1993.
- Шахназаров И. Я.* Концепция создания и становления советской судебной системы на региональном уровне: 1917 — конец 1920-х гг.: На материалах Пензенской губернии: Дисс... к. и.н. Пенза, 2003.
- Шматко Н. А.* Введение в социоанализ Пьера Бурдьё // Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Шорохова А. А.* Становление и развитие советского суда в Башкирии (1917–1927 гг.): Автореферат дисс... к. ю.н. Саратов, 2007.
- Barry D.* Leaders of Soviet legal professions // Canadian-American Slavic Studies. 1972. 6 (1).
- Berman H. J.* Justice in the U.S.S.R. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1963.
- Cohn E.* Policing the party: Conflicts between local prosecutors and party leaders under late Stalinism // Europe-Asia Studies. 2013. 65 (10).
- Foglesong T.* The reform of criminal justice and evolution of judicial dependence in late Soviet Russia // Reforming justice in Russia, 1864–1996: Power, culture and the limits of legal order / Ed. by P. Solomon. London: Sharpe, 1997.

- Getty J.* The politics of Stalinism // The Stalin phenomenon / Ed. by A. Nove. London: Weidenfeld and Nicolson, 1993.
- Gorlizki Y.* Political reform and local party interventions under Khrushchev // Reforming justice in Russia, 1864–1996: Power, culture and the limits of legal order / Ed. by P. Solomon. London: Sharpe, 1997.
- Gross J. T.* A note on the nature of Soviet totalitarianism // Soviet Studies. 1982. 34 (3).
- Huskey E.* A framework for the analysis of Soviet law // Russian Review. 1991. 50 (1).
- Parsons T.* Essays in sociological theory. Glencoe: The Free Press, 1954.
- Rendle M.* Defining the “political” crime: Revolutionary tribunals in early Soviet Russia // Europe-Asia Studies. 2013. № 65 (9).
- Retish A.* Controlling revolution: Understanding of violence through the rural Soviet courts, 1917–1923 // Europe-Asia Studies. 2013. № 65 (9).
- Sharlet R.* Stalinism and Soviet legal culture // Stalinism: Essays in historical interpretation / Ed. by R. Tucker. New York: Norton and Co., 1977.
- Solomon P.* Local political power and Soviet criminal justice, 1922–1941 // Soviet Studies. 1985. 37 (3).
- Solomon P.* Soviet criminal justice and the Great Terror // Slavic Review. 1987. № 46 (3).
- Solomon P.* The bureaucratization of criminal justice under Stalin // Reforming justice in Russia, 1864–1996: Power, culture and the limits of legal order / Ed. by P. Solomon. London: Sharpe, 1997.

И. Н. Гурвич

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОДРОСТКОВОЙ ДЕВИАНТНОСТИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Рассматривается процесс конструирования подростковой девиантности учебно-воспитательным персоналом средних школ. Выявлена тенденция обозначать все поведенческие нарушения у подростков как девиантное поведение. Показаны отличия в определении причин девиантности между классными руководителями и школьными психологами. Выделены ограничения конструктивистского подхода к анализу подростковой девиантности.

Ключевые слова: девиантное поведение, социальный конструктивизм, профессиональные группы.

I. N. GURVICH

SOCIAL CONSTRUCTING OF TEENAGE DEVIATION IN SECONDARY SCHOOLS

The author discusses the constructivist approach in sociology of deviant behavior. In the article the process of constructing teen-age deviation at secondary schools is considered. The results of a survey of secondary school teachers and psychologists are presented. It is argued that there is a trend in both groups to regard as deviant any behavior that does not conform to the official rules. At the same time some differences between teachers and school psychologists in defining deviation have been found in the study. Thus class tutors tend to be less tolerant towards teen-agers' sexual contacts and alcohol consumption in comparison with school psychologists. Representatives of these two professional groups focus on different forms of deviant behavior and stress different causes of such behavior. The author argues that the results of the survey allow us to evaluate the utility of the constructivist approach in sociology of deviant behavior. Some restrictions of this approach are singled out. Nevertheless, it is noted that constructivist methodology can be more relevant for the study of deviant behavior than positivist methods.

Keywords: deviant behavior, social constructivism, professional groups.

Отношение к социальному конструктивизму/конструкционизму в отечественных социальных науках (прежде всего, в социологии и социальной психологии) к сегодняшнему дню сформировалось достаточно

противоречивое. Если одни авторы (Смагина 2007: 191) видят в этом направлении своего рода «выход» из того методологического тупика, в котором почти семьдесят лет пребывали отечественные науки об обществе, то другие — лишь очередной тупик (Романова 2011). Вместе с тем вопреки позиции основателя данного направления К. Гургена (Шихирев 2000), не признававшего эвристической ценности «строгих» методов исследования в изучении процесса порождения тех или иных социальных конструкторов, современные исследователи допускают и даже настаивают на их применении (Potter, Wetherell 1987). Следует отметить, что в отечественной социологии получила признание макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности Т. В. Шипуновой (Шипунова 2012), целиком базирующаяся на конструктивистском подходе.

В настоящей работе мы попытаемся представить пути и способы формирования конструкта подростковой девиантности в двух основных для учебно-воспитательного процесса профессиональных группах — классных руководителей и психологов, социальных педагогов средних общеобразовательных школ. В понимании подростковой девиантности отечественной социологией и психологией намечилось одно отчетливое противоречие, крайне затрудняющее ее эмпирическое изучение. Понятие девиантности не несет в себе никакого иного содержания, кроме наблюдаемого отклонения отдельных актов или рисунка поведения в целом от признанной обществом или большей его частью социальной нормы. Нарушения же поведения в детско-подростковом возрасте по практическим соображениям необходимости в их коррекции чаще, напротив, рассматриваются с клинико-психологической точки зрения и квалифицируются как расстройства личности, то есть в рамках психопатологического учения о психопатиях. Введение в отечественной психиатрии А. Е. Личко понятия акцентуаций характера по существу не изменяет сложившуюся ситуацию, хотя подобное толкование акцентуаций личности К. Леонгарда и представляется ряду авторов вполне правомерным.

Однако, несмотря на все различие этих двух подходов к обозначению нарушений наблюдаемого поведения подростков среди отечественных специалистов, профессионально работающих с данным контингентом, проявилась и все более закрепляется тенденция обозначать все поведенческие нарушения у подростков как девиантное поведение. Поскольку же научное обоснование подобного подхода, как показано ранее, отсутствует, следует предположить, что девиант-

ное поведение подростков выступает здесь как конструкт, описывающий определенный дискурс этих профессиональных групп относительно данного объекта.

Настоящее исследование и посвящено выявлению базовых характеристик этого конструкта, факторам, условиям и социализационным периодам его формирования. Нами был проведен опрос по названной тематике, охвативший 36 классных руководителей и 30 социальных педагогов Колпинского района Санкт-Петербурга (сентябрь 2012 г.). Кроме того, опрашивались и работники органов внутренних дел (ОВД), работающие с соответствующим подростковым контингентом. Однако рассмотрение процессов конструирования этими последними подростковой девиантности выходит за пределы тематики данной статьи. Опрос проводился после окончания планового совещания, посвященного этой тематике, в помещении одного из средних учебных заведений района. Трудности, возникавшие у педагогов в процессе заполнения вопросника, разъяснялись интервьюером по ходу опроса. Обсуждение вопросов и возможных ответов не допускалось¹.

Как можно видеть в табл. 1, среди классных руководителей несколько чаще встречаются мужчины, лица возраста старше 35 лет, с непрофильным высшим образованием, проработавшие с подростками большую часть своей профессиональной биографии. Однако ни по одной из названных социально-демографических характеристик величина этих различий не достигает 5-процентного уровня (по «хи-квадрат» критерию). Таким образом, с позиций традиционного для поведенческих наук подхода классные руководители и школьные психологи, социальные педагоги представляют собой достаточно однородную группу. Это делает вполне правомерным одновременное рассмотрение процессов формирования конструкта подростковой девиантности среди всей названной совокупности учебно-воспитательного персонала общеобразовательных школ. Изучение дискурса при конструировании подростковой девиантности осуществлено по трем традиционным для подхода социального конструктивизма направлениям: описание конструкта («нарратив»); социальные факторы, оказывающие основное влияние на его формирование; стадия процесса социализации

¹ Сбор первичной информации осуществлен кандидатом социологических наук Р. Дубровским, математико-статистическая обработка выполнена А. Батустиным и Н. Марудовой.

Таблица 1

**Социально-демографические характеристики классных руководителей
и школьных психологов, социальных педагогов, %**

	Классные руководители	Школьные психологи, социальные педагоги
Пол		
Мужской	8,3	0,0
Женский	91,7	100,0
Всего	100,0	100,0
Возраст		
До 25 лет (включительно)	5,9	20,0
26–35 лет	23,5	30,0
36–45 лет	35,3	30,0
46–55 лет	26,5	5,0
56–65 лет	8,8	15,0
Всего	100,0	100,0
Образование		
Профильное высшее	80,6	85,7
Профильное среднее специальное	0,0	7,1
Непрофильное высшее	19,4	7,1
Всего	100,0	100,0
Часть стажа, связанная с работой с подростками		
26–50%	11,4	35,7
51–75%	34,3	10,7
<25%	20,0	21,4
76–100%	34,3	32,1
Всего	100,0	100,0

индивида, когда происходит вербальное «оформление» соответствующего конструкта, то есть формируется дискурс.

Дискурс представителей основных групп учебно-воспитательного персонала в отношении подростковой девиантности представлен в табл. 2. При конструировании девиантности учебно-воспитательным персоналом средних школ района в первую очередь принимаются во внимание употребление подростками нелегальных опьяняющих веществ (39,6%), затем некоторые виды поведения вне школы и дома («на улице») (25,6%), сексуального поведения (18,5%) и, наконец, поведения в школе (16,4%). Показательно, что именно школа рассматривается учебно-воспитательным персоналом как наиболее редкая «арена» девиантной активности подростков.

При конструировании девиантности она происходит по наиболее часто упоминаемому виду поведения — употреблению ПАВ. Практически все его виды рассматриваются как конструирующие девиантность признаки. Это, в первую очередь, употребление так называемых тяжелых наркотиков (например, героина, кокаина) — 100,0%, летучих органических соединений — 96,9%, так называемых легких наркотиков (например, марихуаны, дискотечных) — 95,2%. Наиболее толерантны респонденты к употреблению подростками пива — 56,5%, слабоалкогольных коктейлей — 57,1% и табакокурению — 51,6%. Употребление алкогольных напитков занимает в конструировании подростковой девиантности, в зависимости от их крепости, 81,7–88,9%. В этих данных нетрудно проследить, как влияние традиционной для нашей страны культуры употребления опьяняющих веществ, так и «страх перед наркотиками», сознательно культивируемый в педагогической среде в последние десятилетия.

Практически все виды ненормативного поведения подростков вне дома и школы трактуются учебно-воспитательным персоналом как девиантные. Прежде всего, это вхождение в молодежную криминализованную группу («банду») — 92,2%, но так же, с одной стороны, вхождение в какое-либо нетрадиционное религиозное объединение — 86,4% или в какую-либо «фанатскую» группировку — 67,2%. С другой стороны, это правонарушения, совершенные как в одиночку — 84,1%, так и в составе группы подростков — 80,0%.

Из всего разнообразия видов сексуального поведения подростков лишь гетеросексуальные половые связи с постоянным партнером рассматриваются большинством представителей учебно-воспитательного персонала как обычные, нормальные (58,1%), тогда как гомосексуальные

Таблица 2

**Считают виды поведения проявлением девиантности
из числа представителей учебно-воспитательного персонала, %**

Виды поведения	Считают его девиантным — от числа учебно- воспитательного персонала, %	Ранговое место в блоке	Ранговое место блока
Виды сексуального поведения			
Гетеросексуальные половые связи с постоянным партнером	41,9	4	3
Гомосексуальные половые связи	95,2	1	
Гетеросексуальные половые связи с часто меняющимися партнерами	75,4	3	
Совершенно неупорядоченные половые связи	85,5	2	
Доля ответов от общей суммы ответов в разделе	18,5		
Виды поведения в сфере употребления опьяняющих веществ			
Употребление летучих органиче- ских соединений	96,9	2	1
Употребление т. н. легких наркоти- ков	95,2	3	
Табакокурение	51,6	8	
Употребление т. н. тяжелых наркотиков	100,0	1	
Употребление пива	56,5	7	
Употребление слабоалкогольных коктейлей	57,1	6	
Употребление сухих и крепленых вин	81,7	5	
Употребление крепких алкоголь- ных напитков	88,9	4	
Доля ответов от общей суммы ответов в разделе	39,6		

Окончание таблицы 2

Виды поведения в школе			
Конфликты со сверстниками	30,2	5	4
Конфликты со старшими или с младшими ребятами	40,3	4	
Конфликты с учителями	46,0	3	
Низкая академическая успеваемость	19,0	6	
Частые пропуски занятий без уважительных причин	65,0	2	
Пренебрежение правилами поведения в школе	67,2	1	
Доля ответов от общей суммы ответов в разделе	16,4		
Виды поведения вне дома и школы (на «улице»)			
Правонарушения, совершенные в группе подростков	80,0	4	2
Правонарушения, совершенные в одиночку	84,1	3	
Вхождение в молодежную криминализированную группу («банду»)	92,2	1	
Вхождение в какую-либо «фанатскую» группировку	67,2	5	
Вхождение в какое-либо нетрадиционное религиозное объединение	86,4	2	
Доля ответов от общей суммы ответов в разделе	25,6		

половые связи, гетеросексуальные половые связи с часто меняющимися партнерами и совершенно неупорядоченные половые связи рассматриваются большинством представителей (от 95,2% до 75,4%) учебно-воспитательного персонала как признаки подростковой девиантности.

Из видов поведения в школе только пренебрежение правилами поведения (67,2%) и частые пропуски занятий без уважительных причин

(65,0%) рассматриваются большинством респондентов как признаки девиантного поведения. Конфликты же со сверстниками (30,2%), со старшими или младшими ребятами (40,3%), с учителями (46,0%), а также низкая академическая успеваемость (19,0%) выступают в качестве характеристик девиантного поведения подростков значительно реже.

Рассмотрим факторы формирования устойчивых форм девиантного поведения учащихся, как они представляются учебно-воспитательному персоналу общеобразовательных школ района (табл. 3).

Таблица 3

Факторы формирования устойчивого девиантного поведения учащихся, согласно оценкам учебно-воспитательного персонала, Ме, М, s, m

№ п\п	Факторы формирования устойчивого девиантного поведения школьников	М	Ме	s	m	Ранг. место
1.	Ценности современного российского общества	3,82	4,00	1,170	0,119	6
2.	Современная ситуация на рынке труда	3,02	3,00	1,124	0,115	9
3.	Современные особенности управления российским обществом	3,17	3,00	1,132	0,117	8
4.	Обстановка в семьях родителей	4,78	5,00	0,484	0,049	1
5.	Распространенность употребления алкоголя	4,52	5,00	0,580	0,059	2
6.	Распространенность употребления наркотиков и подобных им опьяняющих веществ	4,47	5,00	0,631	0,064	3
7.	Необоснованно повышенный интерес к проблеме секса в современном российском обществе	3,99	4,00	0,872	0,089	5
8.	Современная ситуация в системе школьного образования	3,42	4,00	0,991	0,101	7
9.	Современные информационные технологии (Интернет)	4,18	4,00	0,990	0,100	4
10.	Распространенность в российском обществе образцов некоторых других культур	2,93	3,00	1,244	0,126	10

Как показывают данные таблицы, на первом месте среди факторов формирования девиантного поведения подростков, согласно оценкам представителей учебно-воспитательного персонала общеобразовательных школ, находится обстановка в родительских семьях ($M = 4,78$), затем следует распространенность алкоголизации ($M = 4,52$) и употребления ПАВ ($M = 4,47$). Напротив, наименьшее значение придается здесь распространенности в российском обществе образцов некоторых других культур ($M = 2,93$), ситуации на рынке труда ($M = 3,02$) и особенностям управления российским обществом ($M = 2,93$).

Таблица 4

**Период, когда у респондентов сформировалось представление
об отклоняющихся видах поведения школьников, %**

Вопросы/ответы респондентов	%	Ранговое место в блоке	Ранговое место блока
Дошкольный возраст			
В дошкольном возрасте, под влиянием одного или обоих родителей	91,5	1	4
В дошкольном возрасте, под влиянием других взрослых	47,8	2	
В дошкольном возрасте, под влиянием сверстников	30,4	3	
Доля ответов от общей суммы ответов в разделе	14,2		
Школьный возраст			
В школьном возрасте, под влиянием одного или обоих родителей	92,2	1	1
В школьном возрасте, под влиянием других взрослых	67,4	3	
В школьном возрасте, под влиянием сверстников	82,4	2	
В школьном возрасте, под влиянием пионерской или комсомольской организации	44,2	5	
В школьном возрасте, под влиянием работников учебного заведения	55,3	4	
Доля ответов от общей суммы ответов в разделе	25,7		

Продолжение таблицы 4

Вопросы/ответы респондентов	%	Ранговое место в блоке	Ранговое место блока
Период после окончания школы, но до поступления в специальное учебное заведение			
В период самостоятельной работы после окончания школы, но до поступления в специальное учебное заведение, под влиянием трудового коллектива	51,0	2	5
В период самостоятельной работы после окончания школы, но до поступления в специальное учебное заведение, под влиянием средств массовой информации	81,1	1	
В период самостоятельной работы после окончания школы, но до поступления в специальное учебное заведение, под влиянием комсомольской или партийной организации	24,3	3	
Доля ответов от общей суммы ответов в разделе	12,2		
Период обучения в специальном учебном заведении			
В период обучения в специальном учебном заведении, под влиянием соучеников (студентов)	84,3	1	2
В период обучения в специальном учебном заведении, под влиянием преподавателей	64,6	4	
В период обучения в специальном учебном заведении, под влиянием средств массовой информации	78,3	3	
В период обучения в специальном учебном заведении, под влиянием полученных там специальных знаний	79,5	2	
В период обучения в специальном учебном заведении, под влиянием действовавших там общественных организаций	39,5	5	
Доля ответов от общей суммы ответов в разделе	25,6		

Окончание таблицы 4

Вопросы/ответы респондентов	%	Ранговое место в блоке	Ранговое место блока
В период самостоятельной работы			
В период самостоятельной работы, под влиянием трудового коллектива	70,0	3	3
В период самостоятельной работы, под влиянием действующих здесь общественных организаций	35,1	4	
В период самостоятельной работы, под влиянием собственного опыта	86,7	1	
В период самостоятельной работы, под влиянием взглядов, сложившихся в профессиональной среде	84,0	2	
Доля ответов от общей суммы ответов в разделе	22,4		

Из социализационных периодов, когда формировался соответствующий дискурс, первое место занимает школьный возраст (25,7%), когда наиболее выражено влияние родительской семьи (92,2%), сверстников (82,4%) или других, помимо родителей, взрослых (67,4%). Затем, по стадии жизненного цикла, следует период обучения в специальном учебном заведении (25,6%), когда особенно сильно влияние соучеников (84,3%), приобретаемых специальных знаний (79,5%) и сообщений средств массовой информации (78,3%). Существенное место здесь занимает и период самостоятельной работы с подростками (22,4%), однако он находится лишь на третьем месте. Среди источников влияния здесь наибольшее значение приобретает собственный опыт (86,7%), взгляды, сложившиеся в профессиональной среде (84,0%), и трудовой коллектив (70,0%).

Наименее значимым периодом жизненного цикла для формирования профессионального дискурса следует признать период после окончания школы, но до поступления в специальное учебное заведение (12,2%), когда достаточно заметное влияние оказывают сообщения средств массовой информации (81,1%) и трудовой коллектив (51,0%). Несколько большее значение имеет здесь дошкольный возраст (14,2%), когда чрезвычайно велико влияние родительской семьи (91,5%).

Несмотря на отмеченное выше сходство (статистическую идентичность) двух рассматриваемых подгрупп учебно-воспитательного персонала (табл. 1), устанавливаются значительные различия между ними в характеристиках дискурса относительно девиантного поведения старших школьников. Уже относительно оценки отдельных видов поведения подростков как девиантных устанавливаются некоторые существенные различия (табл. 5, извлечение, приводятся только статистически значимые различия). Так, легко заметить более выраженный ригоризм классных руководителей относительно таких видов сексуального поведения, как гетеросексуальные половые связи и с постоянным партнером, и с часто меняющимися партнерами, совершенно неупорядоченные половые связи, а также употребление крепких алкогольных напитков.

В отношении гетеросексуальных половых связей с постоянным партнером представители учебно-воспитательного персонала — мужчины почти втрое чаще, чем женщины, склонны считать их проявлением девиантного поведения подростков (V Крамера = 0,271; $p \leq 0,05$). При этом среди классных руководителей подобной связи не устанавливается, то есть она присуща только школьным психологам и социальным педагогам.

Не устанавливается статистически значимых связей и между отнесением отдельных видов поведения подростков к девиациям с возрастом представителей учебно-воспитательного персонала. Однако классные руководители молодого возраста склонны рассматривать как проявление девиантного поведения подростков их низкую академическую успеваемость ($p \leq 0,05$) и правонарушения, совершенные в одиночку ($p \leq 0,05$). Школьные же психологи и социальные педагоги среднего возраста чаще полагают существенным признаком девиантного поведения вхождение подростка в молодежную криминализованную группу («банду») (V Крамера = 0,76; $p \leq 0,05$).

В отношении гетеросексуальных половых связей с постоянным партнером прослеживается связь с характером полученного образования. Наиболее ригористичны здесь лица со средним специальным образованием, несколько менее — с непрофильным высшим образованием, а наиболее толерантны лица с профильным высшим образованием (V Крамера = 0,322; $p \leq 0,05$). Сходная статистическая связь обнаруживается и в отношении низкой академической успеваемости. Однако здесь именно лица со средним специальным профильным образованием обнаруживают наибольшую толерантность. Лица же

Таблица 5 (извлечение)

**Оценки отдельных видов поведения подростков
как девиантных в зависимости от пола представителей
различных социально-профессиональных позиций, Δ , V, p**

№ п/п	Виды поведения, оцениваемые как девиантные	Классные руководители, %	Школьные психологи и социальные педагоги, %	Показатели различий		
				Δ	V Крамера	P ≤
Сексуальное поведение						
1.	Гетеросексуальные половые связи с постоянным партнером	54,5	27,6	26,9	0,273	0,05
3.	Гетеросексуальные половые связи с часто меняющимися партнерами	88,6	57,7	30,9	0,355	0,01
4.	Совершенно неупорядоченные половые связи	97,1	71,4	25,7	0,362	0,01
Употребление опьяняющих веществ						
12.	Употребление крепких алкогольных напитков	100,0	75,0	25,0	0,395	0,01

с непрофильным высшим образованием максимально ригористичны, а лица с профильным профессиональным образованием — наиболее толерантны (V Крамера = 0,365; $p \leq 0,05$).

Среди представителей учебно-воспитательного персонала в целом гетеросексуальные половые связи с постоянным партнером склонны считать проявлением девиантного поведения лица как с относительно небольшим опытом работы с подростками, так и проработавшие с ними от половины до трех четвертей продолжительности своего трудового стажа (V Крамера = 0,414; $p \leq 0,05$). Низкая академическая успеваемость и пренебрежение правилами поведения в школе рассматриваются как проявления девиантности, главным образом, лицами, имеющими небольшой опыт работы с подростками (V Крамера = соответственно 0,406 и 0,388; $p \leq 0,05$). При этом классные руководители разделяют такие взгляды на девиантное поведение старших школьников при стаже работы с ними около половины общей продолжительности (V Крамера = 0,52; $p \leq 0,05$). Для группы же школьных психологов и социальных педагогов статистически значимых связей здесь не обнаружено.

Таблица 6 (извлечение)

Восприятие отдельных видов поведения подростков учебно-воспитательным персоналом как девиантного в зависимости от мнения лиц, занимающих различные позиции, о степени влияния возможных причин формирования устойчивого девиантного поведения школьников, М, Δ , t

№ п\п	Виды причин	Классные руководители	Школьные психологи и социальные педагоги	Показатели различий		
				Δ	t	$p \leq$
6	Распространенность употребления наркотиков и подобных им опьяняющих веществ	4,72	4,43	0,29	2,168	0,05

Относительно мнения о ведущих причинах формирования устойчивых форм девиантного поведения среди старших школьников также наблюдаются существенные различия в зависимости от социально-профессиональной позиции (табл. 6). Классные руководители досто-

верно чаще, чем школьные психологи и социальные педагоги, склонны объяснять возникновение устойчивых форм девиантного поведения подростков распространенностью потребления наркотиков и подобных им опьяняющих веществ. Удастся проследить, при помощи линейного корреляционного анализа (r Пирсона), и влияние на формирование дискурса в отношении видов и причин девиантного поведения подростков в социально-профессиональных группах классных руководителей и школьных психологов, социальных педагогов.

В отношении девиаций в сексуальном поведении классные руководители склонны приписывать устойчивые гетеросексуальные половые связи с постоянным партнером обстановкой в семьях родителей ($r = 0,43$; $p \leq 0,05$), а гетеросексуальные половые связи с часто меняющимися партнерами (по-видимому, проституцию) — современной ситуации на рынке труда ($r = 0,45$; $p \leq 0,01$). Совершенно неупорядоченные половые связи исключаются, по их мнению, при соответствующей обстановке в семьях родителей ($r = -0,34$; $p \leq 0,05$).

Школьные психологи и социальные педагоги объясняют возникновение у подростков гетеросексуальных половых связей с постоянным партнером распространенностью в российском обществе образцов некоторых других культур ($r = -0,44$; $p \leq 0,05$). Гомосексуальные же половые связи подростков провоцируются современными информационными технологиями ($r = -0,39$; $p \leq 0,05$).

По-разному склонны видеть причины девиантного поведения старших школьников представители этих социально-профессиональных позиций и в отношении аддиктивного поведения. Так, классные руководители связывают табакокурение подростков, а также употребление ими слабоалкогольных коктейлей с распространенностью употребления наркотиков и подобных им опьяняющих веществ ($r = 0,34$; $r = 0,34$; $p \leq 0,05$). Школьные психологи и социальные педагоги, напротив, связывают табакокурение с незначительной распространенностью употребления наркотиков и подобных им опьяняющих веществ ($r = -0,38$; $p \leq 0,05$), а также и с ценностями современного российского общества ($r = 0,40$; $p \leq 0,05$), необоснованно пониженным интересом к проблеме секса в современном российском обществе ($r = -0,38$; $p \leq 0,05$).

Классные руководители связывают конфликты подростков со сверстниками с распространенностью употребления наркотиков и подобных им опьяняющих веществ ($r = 0,38$; $p \leq 0,05$) и с современными информационными технологиями ($r = 0,42$; $p \leq 0,05$), конфликты

со старшими или с младшими ребятами — распространенностью в российском обществе образцов некоторых других культур ($r = 0,37$; $p \leq 0,05$), конфликты с учителями — ценностями современного российского общества ($r = 0,38$; $p \leq 0,05$), низкую академическую успеваемость — с обстановкой в семьях родителей ($r = 0,39$; $p \leq 0,05$), частые пропуски занятий без уважительных причин — с ценностями современного российского общества ($r = 0,40$; $p \leq 0,05$), современной ситуацией на рынке труда ($r = 0,42$; $p \leq 0,05$), с современными информационными технологиями ($r = 0,45$; $p \leq 0,01$), пренебрежение правилами поведения в школе — с современными информационными технологиями ($r = 0,43$; $p \leq 0,05$), а правонарушения, совершенные в одиночку, — с современной ситуацией на рынке труда ($r = 0,35$; $p \leq 0,05$). Конструкты девиантного поведения подростков, создаваемые школьными психологами и социальными педагогами, вообще не включали в себя видов поведения в школе.

Относительно периода жизненного цикла и преобладавших на его протяжении влияний на формирование конструкта девиантного поведения подростков у представителей социально-профессиональной подгруппы классных руководителей отмечается существенно более широкий репертуар самих этих влияний и соответствующих стадий формирования личности, по сравнению с подгруппой школьных психологов и социальных педагогов. Так, представление о том, что девиацией являются гетеросексуальные половые связи с постоянным партнером, формируется в дошкольном возрасте под влиянием сверстников ($r = 0,45$; $p \leq 0,05$), в школьном возрасте при отсутствии должного влияния работников учебного заведения ($r = -0,43$; $p \leq 0,05$) и в период обучения в специальном учебном заведении под влиянием средств массовой информации ($r = -0,49$; $p \leq 0,01$), а совершенно неупорядоченные половые связи являются таковой — в период обучения в специальном учебном заведении под влиянием средств массовой информации ($r = 0,37$; $p \leq 0,05$).

Представление об употреблении слабоалкогольных коктейлей как проявлении девиантного поведения подростков у классных руководителей формируется уже в дошкольном возрасте под влиянием сверстников и других, кроме родителей, взрослых ($r = 0,46$; $p \leq 0,05$ и $r = 0,59$; $p \leq 0,001$ соответственно). Продолжается формирование этого представления под названными влияниями в школьном возрасте ($r = 0,41$; $p \leq 0,05$ и $r = 0,41$; $p \leq 0,05$ соответственно), в период самостоятельной работы после окончания школы, как до поступления в специальное

учебное заведение, так и после его окончания под влиянием трудового коллектива ($r = 0,39$; $p \leq 0,05$ и $r = 0,39$; $p \leq 0,05$ соответственно). Кроме того, в период самостоятельной работы после окончания школы, но до поступления в специальное учебное заведение, здесь отчетливо прослеживается влияние комсомольской или партийной организации ($r = 0,61$; $p \leq 0,001$), а в период обучения в специальном учебном заведении — влияние соучеников (студентов) ($r = 0,42$; $p \leq 0,05$).

Представление о том, что конфликты со старшими или младшими ребятами являются проявлениями девиантного поведения школьников формируется в дошкольном возрасте под влиянием сверстников ($r = 0,47$; $p \leq 0,01$), а о том, что таким проявлением является низкая академическая успеваемость — также в дошкольном возрасте под влиянием сверстников ($r = 0,89$; $p \leq 0,001$) и в период самостоятельной работы после окончания школы, но до поступления в специальное учебное заведение под влиянием трудового коллектива ($r = 0,43$; $p \leq 0,05$). Представление же о том, что проявлением девиантности являются частые пропуски занятий без уважительных причин, формируется у классных руководителей в дошкольном возрасте, под влиянием других, помимо родителей, взрослых ($r = 0,39$; $p \leq 0,05$) и в школьном возрасте под влиянием сверстников ($r = 0,40$; $p \leq 0,05$).

Пренебрежение правилами поведения в школе входит в конструкт девиантности школьников у классных руководителей еще в дошкольном возрасте, под влиянием других, помимо родителей, взрослых ($r = 0,46$; $p \leq 0,05$), в школьном возрасте, под влиянием сверстников ($r = 0,40$; $p \leq 0,05$), и, наконец, в период обучения в специальном учебном заведении, под влиянием сообщений средств массовой информации ($r = 0,41$; $p \leq 0,05$). Вхождение в какую-либо «фанатскую» группировку начинает рассматриваться подобным образом, начиная с дошкольного возраста, под влиянием одного или обоих родителей ($r = 0,36$; $p \leq 0,05$), в школьном возрасте, под влиянием работников учебного заведения ($r = 0,55$; $p \leq 0,05$), а также пионерской или комсомольской организации ($r = 0,37$; $p \leq 0,05$), и в период обучения в специальном учебном заведении, под влиянием полученных там специальных знаний ($r = 0,43$; $p \leq 0,05$). Вхождение подростка в какое-либо нетрадиционное религиозное объединение начинает восприниматься как девиация уже в дошкольном возрасте, под влиянием одного или обоих родителей ($r = 0,36$; $p \leq 0,05$).

В социально-профессиональной подгруппе школьных психологов и социальных педагогов в центре внимания находятся совсем другие

проявления девиантности подростков. В конструкт девиантности входят гомосексуальные половые связи, причем происходит это в школьном возрасте под влиянием сверстников ($r = 0,69$; $p \leq 0,01$). Совершенно же неупорядоченные половые связи начинают восприниматься так в дошкольном возрасте при дефиците влияния других, кроме родителей, взрослых ($r = -0,58$; $p \leq 0,05$).

Употребление летучих органических соединений и так называемых легких наркотиков входит в конструкт девиантного поведения подростков у школьных психологов и социальных педагогов в школьном возрасте под влиянием сверстников ($r = 0,69$; $p \leq 0,01$ и $r = 1,00$; $p \leq 0,001$ соответственно). При этом относительно употребления летучих органических соединений подчеркивается значение периода самостоятельной работы, когда решающее влияние оказывает собственный опыт ($r = 0,69$; $p \leq 0,01$). Употребление же почти всех видов алкогольных напитков — слабоалкогольных коктейлей, сухих и крепленых вин, входит в конструкт девиантности под влиянием одного или обоих родителей и других взрослых в дошкольном возрасте ($r = 0,45$; $p \leq 0,05$ и $r = 0,52$; $p \leq 0,05$ соответственно), а вин и крепких алкогольных напитков — и под влиянием или, точнее, при его отсутствии со стороны других, помимо родителей, взрослых ($r = -0,70$; $p \leq 0,01$ и $r = -0,61$; $p \leq 0,05$ соответственно).

Конфликты со сверстниками начинают рассматриваться как проявление девиантности уже в школьном возрасте, при дефиците влияния работников учебного заведения ($r = -0,70$; $p \leq 0,01$), и далее в период самостоятельной работы, под влиянием недостаточности собственного опыта ($r = -0,41$; $p \leq 0,05$). Вхождение же в молодежную криминализованную группу («банду») становится характеристикой конструкта девиантности в школьном возрасте, при дефиците влияния работников учебного заведения ($r = -0,55$; $p \leq 0,05$).

Выполнение эмпирической исследовательской работы в русле конструктивизма позволяет сделать некоторые выводы о возможностях данного подхода вообще. Прежде всего, он не дает какого-то нового знания об объекте исследования, представляя таковым понимание путей социального конструирования разделяемого акторами образа объекта. Становится понятным и то неприятие конструктивистской методологии, которое обнаруживает большинство исследователей.

Отнюдь не все понятия эмпирического социального исследования поддаются столь произвольной интерпретации как понятие девиантности, научное содержание которого в корне отличается

от «профессионально-обывательского». Обычно центральные для исследования категории значительно лучше объективизируются и операционализируются.

Значительная часть информации, которую позволяет получить конструктивистский подход, известна из исследований, выполненных в рамках других подходов. Так, в случае рассмотрения нашей проблематики данные о значении дошкольного возраста и родительской семьи для формирования базовых представлений об окружающем мире хорошо известны из материалов исследований, выполненных в рамках психодинамического и гуманистического подходов.

Используемая в конструктивистском подходе альтернативная логика статистического анализа, зачастую идущая вразрез с устоявшимися исследовательскими стереотипами, вызывает ощущение неадекватности прикладываемых усилий.

Однако трудно не признать, что методология конструктивизма в ряде случаев более релевантна изучаемой реальности, чем методология, например, позитивизма. Так, в нашем исследовании две изучавшиеся подгруппы учебно-воспитательного персонала средних общеобразовательных школ — классные руководители и школьные психологи, социальные педагоги, — не различавшиеся статистически не только по полу и возрасту, как это принято считать достаточным в большинстве массовых выборочных исследований, но и по образованию и опыту работы, — показали существенные различия и в содержании социального конструкта подростковой девиантности, и в особенностях формирования соответствующего дискурса. По-видимому, именно здесь проявляется нарративный характер такого формирования. Выявление же этого дискурса во всех социально-профессиональных группах специалистов, работающих с так называемыми трудными подростками, выступает необходимым условием понимания причин столь различной эффективности применяемых здесь коррекционно-воспитательных практик.

Источники

- Романова Л. А.* О соотношении понятий перформативности и перформанса в коммуникативном пространстве. URL: http://tverlingua.ru/archive/011/7_2_11.htm (дата обращения: 08.06.2012).
- Смагина М. В.* Социальный конструктивизм в российской социальной психологии: особенности и перспективы // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Т. 15, № 39.

- Шипунова Т. В.* Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.
- Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М.: Деловая книга, 2000.
- Potter J. Wetherell M.* Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behaviour. London: Sage, 1987. URL: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/potter.htm> (дата обращения: 16.02.2012).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

И. С. ПАУТОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА: КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И СОЦИОЛОГИЯ РИСКА

В статье рассматриваются принципы социологического анализа здоровья как элемента адаптационных процессов на основе подхода возможностей (capability approach) и социологии рисков. В русле первой концепции анализируются условия успешной адаптации индивида к среде, вторая же призвана выявлять факторы, которые могут привести к срыву адаптации и, как следствие, к реализации опасностей (рисков) для здоровья индивида. Эти подходы рассматриваются автором как взаимодополняющие; обосновывается их значимость для эмпирического анализа и последующего принятия решений в сфере сохранения и развития потенциала здоровья среди населения России.

Ключевые слова: индивидуальное здоровье, адаптационные процессы, подход возможностей (capability approach), социология риска.

I. S. PAUTOV

MODERN THEORETICAL APPROACHES IN CONCEPTUALIZING HEALTH AS A SOCIAL PHENOMENON: CAPABILITY APPROACH AND THE SOCIOLOGY OF RISK

The principles of sociological analysis of health as an element of adaptation processes are reviewed in the article from the viewpoint of capability approach and the sociology of risk. The conditions of successful individual adaptation are being analyzed within the framework of capability approach while the sociology of risk is important in revealing negative factors that can cause adaptation failures and thus lead to health hazards. The author emphasizes that these theories should be used in complex and presents arguments of their significance for empirical research and the subsequent decision-making in the field of public health in the modern Russia.

Keywords: individual health, adaptation processes, capability approach, sociology of risk.

Процессы трансформации, начавшиеся в России более 20 лет назад и не завершившиеся до сих пор (о чем свидетельствуют продолжающиеся реформы здравоохранения, образования, пенсионной системы) накладывают свой отпечаток на динамику характеристик здоровья жителей России. Анализ показателей смертности, заболеваемости, подверженности тем болезням, которые превращают индивида в инвалида (сердечно-сосудистые патологии, злокачественные новообразования, травмы и отравления), требует выявления социальных факторов, влияющих на эти процессы. В современной России в общественном сознании достаточно сильна убежденность в том, что основная роль в заботе о здоровье должна принадлежать институту здравоохранения, а не решениям в экономической, политической, социальной сферах, которые бы позволили предотвратить ситуацию неблагополучия и риск наступления заболеваний. Это мнение подкрепляется государственными мерами по развитию медицинской помощи, которые активно обсуждаются в СМИ, в то время как минимальное внимание уделяется тем социальным условиям, которые, по данным современных исследований в русле самых разных научных дисциплин, ответственны за рост заболеваемости в России в настоящее время. К вероятным причинам такого игнорирования, по нашему мнению, можно отнести прежде всего то, что социальные условия намного сложнее поддаются целенаправленным изменениям по сравнению с системой здравоохранения. Для их изменения требуется комплекс мер, который не ограничивается административными решениями и предоставлением финансирования. Важную роль в этом процессе играет организационный фактор, этапы достижения поставленных целей и задач в социальной сфере должны быть грамотно проработаны, а их реализация требует последовательности и при этом гибкости, восприимчивости к изменениям внешних условий и состояния самого объекта воздействия.

В настоящее время в России существует потребность в разработке теоретических основ взаимосвязи социальных условий и характеристик физического и психического здоровья членов социума, необходимых для проведения эмпирических исследований и выработки мер по улучшению социальных условий. Отечественные исследователи, анализируя динамику здоровья в России, активно используют социологические концепции, разработанные западными коллегами. Некоторые из таких теорий, применяемых к интерпретации здоровья, кажутся противоречащими друг другу, однако при более детальном рассмотрении их позиций они оказываются скорее не взаимоисключающими, а дополня-

ющими друг друга. К таким концепциям, в частности, относятся подход возможностей и социология риска; их приложение к анализу здоровья россиян находится в центре внимания в данной статье.

Понятие «здоровье» в фокусе социологии: трансформация подходов

Социологический анализ такого феномена, как здоровье индивида, требует выработки адекватной дефиниции, которая наиболее полно отражала бы его основные черты как социального явления. Чаще всего в исследованиях по социологии здоровья в качестве такой базовой трактовки используется определение, разработанное Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). В своем Уставе 1948 года ВОЗ предложила понимание здоровья как «состояния полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствия болезни или физических дефектов» (Глоссарий... 1998: 1). Но такая трактовка предполагает наличие трех различных шкал «измерения здоровья», которые не всегда согласуются между собой: так, индивид, имеющий хроническое заболевание (физически неблагополучный) может при этом быть психически и социально благополучным.

Современными исследователями предлагаются и иные определения здоровья, которые можно подразделить на «позитивные» и «негативные». Последние «интерпретируют здоровье с точки зрения отсутствия болезни или признаков заболевания» (Назарова 2008: 107). На уровне повседневных представлений негативное определение здоровья можно сформулировать следующим образом: «Если ничего не болит, если врачи не обнаружили серьезного заболевания — значит, здоров». Такое понимание мы считаем регрессивным, так как вместо разработки шкал измерения здоровья (для уточнения определения ВОЗ) ученые вновь редуцируют феномен здоровья до физиологических процессов.

Позитивные трактовки определяют здоровье через возможности, которыми обладает индивид в ситуации нормального здоровья. Западные авторы в качестве критерия здоровья называют возможность достижения человеком значимых для него жизненных целей (vital goals): «Индивид может считаться полностью здоровым только в том случае, если он имеет возможность в стандартных условиях достичь всех своих жизненных целей» (Law, Widdows 2009). Однако позитивные, или достижительные, трактовки здоровья также не лишены недостатков. Так, исследователи сталкиваются с трудностью при определении таких

понятий, как «благополучие», «жизненные цели», «стандартные условия», с помощью которых они пытаются определить здоровье индивида. Из-за несовершенства как позитивных, так и негативных дефиниций появилась необходимость разработки иных трактовок здоровья.

Ряд исследователей здоровья конструируют свои дефиниции на основе эмпирических данных. Так, Э. А. Фомин и Н. М. Федорова по результатам серии интервью пришли к выводу, «что в обыденном сознании <...> присутствует как минимум два существенно различающихся представления о здоровье. Первое — это представления о “здоровом” и “больном” в нормативном смысле, как социально заданный стандарт, который меняется вместе с обществом, в основе которого лежат представления о полноценности человека, принятые в данной культуре. Второе выражает оценку человеком своего физического и психического состояния, в какой мере оно ограничивает или, наоборот, предоставляет человеку возможности решать свои повседневные и перспективные задачи, осуществлять цели, реализовывать намерения» (Фомин, Федорова 1999: 37).

Другим направлением разработки дефиниции здоровья является целенаправленный отход от понимания здоровья как «состояния». *Состояние* является статической категорией, тогда как здоровье представляет собой динамическое, постоянно изменяющееся явление — физическое, психическое и социальное положение индивида не остается неизменным в течение жизни. Лишук и Мосткова предлагают рассматривать здоровье как характеристику способности «индивида или социальной группы сохранять и преобразовывать себя и среду обитания» (Лишук, Мосткова 1994: 133–134), иными словами, способности к адаптации. О. С. Глазачев определяет здоровье через понятие «жизнеспособность» — способность сопротивляться, приспосабливаться, реализовывать социальные и биологические функции (Глазачев 2008). Подхода к здоровью как к одному из аспектов процесса адаптации придерживается Л. Г. Матрос, утверждающая, что здоровье есть «не состояние, а динамический процесс: оно есть и условие, и следствие гармонии взаимодействия организма с окружающей средой» (Матрос 1992: 158).

Такая трактовка здоровья представляется нам наиболее перспективной в контексте социологического анализа. Источники этого подхода можно обнаружить в общей теории систем, родоначальником которой является А. А. Богданов: он предложил анализировать деятельность биологических и социальных систем на основе единого теоретико-методологического принципа — подвижного (или динами-

ческого) равновесия системы (Богданов 1922), которое достигается за счет непрерывного взаимодействия как элементов внутри системы, так и самой системы с окружающей средой.

В социологии общая теория систем получила свое развитие в концепции эволюционной динамики общества, предложенной Т. Парсонсом. Основу его теории составляет анализ процессов адаптации и дифференциации. Парсонсу принадлежит идея об адаптивном усилении цикла эволюционного изменения, о всеобщем направленном развитии обществ в сторону нарастающей «обобщенной адаптивной способности» в результате функциональной дифференциации и усложнения социальной организации. «Среди процессов изменения наиболее важными для эволюционной перспективы являются процессы, усиливающие адаптивную способность» (Парсонс 1996: 515) социальных систем.

В последние 20 лет анализ процессов социальной адаптации индивидов, социальных групп и общества в целом и изучение взаимосвязи этих процессов с динамикой здоровья россиян заняли одно из ведущих мест в отечественных социологических исследованиях. Такой интерес к данной проблематике был связан с тем, что темп социальных изменений, преобразования внешних структур (социальных институтов, групп и общностей) опережает скорость трансформации характеристик социальных систем (усвоение социальных ролей, формальные и неформальные социальные взаимодействия, самосознание членов тех или иных социальных групп). Рассогласованность этих двух пластов социальных изменений ведет к повышению маргинализации общества, к снижению социального адаптивного потенциала, необходимого для эффективной деятельности в условиях трансформаций. К такому выводу пришли отечественные исследователи процессов в сфере адаптации и здоровья жителей современной России: И. Б. Назарова, Т. И. Римашевская, В. М. Нилов, Л. В. Корель и ряд других. Так, Л. В. Корель утверждает, что значимость изучения процессов социальной адаптации обусловлена такими факторами, как «инверсия базовых принципов социальной организации общества» в современной России, «ускорение [темпа] социальных изменений» (Корель 2005: 15–16) в нашей стране и новом глобальном обществе в целом, процессы миграции и социальной мобильности (как восходящей, так и нисходящей).

Для того чтобы определить понятие «здоровье» через процесс адаптации, необходимо предложить социологическую трактовку данного процесса. При наличии расхождений в определении термина «адаптация»

различными исследователями, все же можно выделить ряд ее общих черт. Центральное место в дефинициях процесса адаптации занимают взаимоотношения «система–среда» (как система, так и среда могут быть социальными, биологическими, техническими и т. д.). В то же время исследователи расходятся в том, кого (или что) следует относить к понятию «система», которая проходит процесс адаптации. Так, по В. М. Нилову адаптация — «индивидуализированный процесс реализации адаптивной нормы для установления таких отношений со средой, которые обеспечивали бы оптимальный уровень удовлетворения взаимных ожиданий индивида и среды в пространстве их взаимодействия» (Нилов 2006: 27). Таким образом, субъектом адаптации в этом случае выступает индивид. Л. В. Корель, напротив, включает в понятие «система» не только индивида, но и социальные группы, общности, социальные институты и общество в целом (Корель 2005: 35).

В то же время индивид отличается от других систем наличием у него нескольких уровней бытия (физический, психический, социальный) и способностью к саморефлексии (Зобов, Келасьев 2008). Этим объясняются особенности социальной адаптации индивида, которая включает два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, происходит приспособление индивида к условиям природной и социальной среды, а с другой — творческое преобразование данной среды для достижения комфортной жизнедеятельности индивида. В статье мы рассматриваем адаптацию индивида к социальной среде.

Исходя из рассмотренных нами основных аспектов социальной адаптации, попытаемся предложить следующее определение индивидуального здоровья. Оно, по нашему мнению, представляет собой отражение процессов адаптации индивида к окружающей природной и социальной среде, представленное в виде показателей физического, а также психического и социального благополучия (неблагополучия) этой системы в определенный момент времени.

Если здоровье является феноменом, связанным с процессом адаптации, то негативные изменения в показателях здоровья (болезнь, недомогание) свидетельствуют о нарушении нормального течения процессов адаптации. Различие между нормальной и патологической адаптацией заключается в характере выполнения тех или иных функций, возложенных на определенную биологическую и социальную систему в соответствии с естественными или социальными закономерностями. Если система начинает выполнять не свойственные ей ранее функции, то при этом возможно снижение эффективности выполнения имевшихся у нее ранее функций

и, как следствие, снижение эффективности адаптации индивида, группы, социального института или общества в целом. С другой стороны, возможна не только отрицательная, но и положительная динамика в развитии социальных систем, проходящих процесс адаптации, в результате которого система может приобретать новые функции, значимые для поддержания динамического равновесия, или совершенствоваться уже имеющиеся. В этом случае можно говорить о повышении потенциала здоровья.

Таким образом, для сохранения и улучшения характеристик здоровья нам необходимо, с одной стороны, выявить условия для эффективной социальной адаптации индивида, а с другой — попытаться предвидеть возможные угрозы адаптационному процессу. На наш взгляд, решение первой задачи может быть осуществлено в русле «концепции возможностей» (*capability approach*), второй же аспект проблемы следует рассмотреть с позиций концепции социального риска. Обе концепции, по нашему мнению, применяются в социологическом анализе здоровья пока недостаточно активно, однако обладают значительным объяснительным потенциалом и взаимно дополняют друг друга. В дальнейшем попытаемся обосновать наше мнение.

Рассмотрение здоровья как социологического феномена через призму концепции человеческих возможностей

Одним из теоретических подходов к проблеме социального благополучия, который в наибольшей степени соответствует современным реалиям, является концепция человеческих возможностей (*capability approach*). Данная концепция позволяет анализировать здоровье не само по себе, вырывая его из социального контекста, а включить его в единую систему социальной жизни индивида. Такую систему социальной жизни автор подхода Амартия Сен определил как *capability* («возможность»). Система социальной жизни человека состоит из различных форм бытия и деятельности (*beings and doings*), объединяемых в понятие «формы функционирования», *functionings* (Sen 1993: 31). Сен представляет жизнь индивида как «его фактическую способность осуществлять те или иные формы функционирования, значимые для данного индивида». При таком подходе здоровье индивида рассматривается как один из элементов системы ресурсов, которыми он обладает. Доступность всех ресурсов для максимально полного осуществления индивидом значимых для него функций является, по Сену, подлинной свободой в отличие от либералистской трактовки свободы как легального

разрешения определенной деятельности, как «свободы выбора» (Сен 2004), а благополучие индивида определяется не столько образом жизни, которому он следует, сколько возможностью выбора того или иного образа жизни (Сен 1992). Бедность определяется Сеном и другими авторами данного направления как ограничение возможностей индивида, а не как простой недостаток дохода (Сен 2004: 107–109).

В отличие от других исследователей социального благополучия, Сен фокусирует внимание не только на удовлетворении базовых потребностей (primary goods), но и отмечает значительные *«различия в потребностях разных людей»* в зависимости от их состояния здоровья, возраста, климата, места и условий проживания, условий труда... и даже размеров тела» (Сен 2005: 154). Применяя данный тезис к анализу здоровья, мы можем заключить, что различные аспекты сохранения, восстановления и развития здоровья неодинаково значимы для разных индивидов и социальных групп. Так, исследователи Лоу и Уиддоуз (Law, Widdows 2007), анализирующие здоровье с позиции концепции человеческих возможностей, иллюстрируют этот вывод следующими примерами.

Два индивида одного возраста, страдающие одинаковым заболеванием — сахарным диабетом, но живущие в разных странах, имеют различный характер возможностей (capabilities): тот, кто живет в развитой, богатой ресурсами стране, может получать своевременное консультирование по поводу своего заболевания и бесплатный инсулин. Человек, живущий в развивающейся стране с недостаточными ресурсами, не получает консультирования и вынужден самостоятельно приобретать инсулин. Это влияет на восприятие своего здоровья каждым из них и на степень свободы: первый индивид, несмотря на наличие заболевания, ощущает себя скорее здоровым, нежели больным, и его свобода не столь сильно ограничена этим заболеванием по сравнению с тем, кто живет в развивающейся стране. Последний чувствует себя скорее больным, нежели здоровым, при этом он вынужден работать, чтобы приобрести инсулин.

Другой пример, имеющий отношение к здоровью, связан не с ресурсами, а с формами функционирования (functionings). Отсутствие слуха у музыканта, потерявшего слух в зрелом возрасте, воспринимается им намного острее, чем такое же расстройство у бухгалтера, не слышащего от рождения. Формы функционирования музыканта тесно связаны именно с этим органом чувств, в то время как отсутствие слуха у бухгалтера лишь в некоторой степени препятствует осуществле-

нию его форм функционирования (Law, Widdows 2007). Таким образом, степень свободы будет намного сильнее ограничена у музыканта, нежели у бухгалтера, хотя формально нарушения здоровья у них одинаковое.

Подход Сена к благосостоянию как набору возможностей был развит Мартой Нуссбаум. Ее исследования в рамках «концепции возможностей» фокусируются на понятиях справедливости и неравенства, которые она анализирует с позиций права и человеческой этики (в то время как Сен изучает, прежде всего, экономические аспекты благосостояния). Кроме того, именно Нуссбаум выступила с идеей о необходимости «разработки процедуры объективной оценки того, какие формы функционирования и в какой степени вносят вклад в благосостояние индивида» (Nussbaum 1998: 176). Во многом благодаря исследованиям в русле концепции возможностей Организацией Объединенных Наций была разработана и внедрена методика расчета «Индекса развития человеческого потенциала» — интегрального показателя, который рассчитывается ежегодно для сравнения стран и регионов по показателям уровня жизни, грамотности, образованности и здоровья/долголетия как основных параметров человеческого потенциала исследуемой территории. Несмотря на наличие ряда недостатков при подсчете данного индекса (в частности, не учитывается разница в доходах, уровне образования и продолжительности жизни между разными социальными группами внутри одной страны), он позволяет сделать определенные выводы о реальных возможностях, которыми обладают жители этой страны или региона.

В концепции возможностей одним из ключевых понятий является термин «*качество жизни*», под которым понимается взаимосвязь между различными характеристиками жизни индивида, формами бытия и деятельности (The Quality... 1993). Следует отметить, что большинство исследователей в своих трактовках качества жизни (*англ.* quality of life) подчеркивает сочетание внутренних (характеристики индивида) и внешних (свойства среды) компонентов, которые нужно учитывать в ходе эмпирического анализа этой категории. По определению Всемирной организации здравоохранения, «качество жизни — интегральная характеристика физического, психологического, эмоционального, социального функционирования индивида, основанная на его субъективном восприятии» (данная трактовка была предложена Группой ВОЗ по качеству жизни (The WHO QOL Group) в 1994 г.) (Ивко, Трофимова 2008: 27). Сабина Элкайр, которая проводит исследования в русле

концепции возможностей, предлагает следующий комплекс объективных и субъективных параметров, значимых для оценки качества жизни (Alkire 2009):

- 1) *здоровье и защищенность* (здоровье, выживание, защита и безопасность, отдых, репродуктивный потенциал);
- 2) *понимание* (знание, восприятие информации и коммуникация);
- 3) *достижения* (значимая деятельность — вне дома и в семье, творчество);
- 4) *участие, включенность* (демократические практики, право голоса, саморазвитие и наличие цели деятельности);
- 5) *отношения* (отсутствие оскорблений, любовь, сочувствие и поддержка);
- 6) *удовлетворенность* (целостность собственной жизни, мир с самим собой, эмоциональное благополучие, счастье);
- 7) *гармония* (культура и духовность, искусство, гармония со средой).

Как видим, этот набор параметров включает лишь в незначительной степени социально-экономические характеристики, а по большей части социокультурные и социально-психологические. Компоненты качества жизни, связанные со здоровьем, поставлены С. Элкайр на первое место, что показывает базовый характер здоровья при реализации индивидуальной свободы. В то же время остальные компоненты качества жизни могут рассматриваться, с одной стороны, как предпосылки процесса сохранения и улучшения показателей здоровья, а с другой — как следствие этого процесса.

Концептуализация здоровья в рамках социологии риска

Концепция «общества риска», которая активно развивается в современной социологии в связи с ускорением трансформаций в современном обществе и неоднозначности их последствий, предполагает иной взгляд на проблему динамики здоровья на индивидуальном, социально-групповом и социетальном уровне. Основы социологического риск-анализа были заложены в последней четверти XX века западными социологами У. Беком, Э. Гидденсом, Н. Луманом и рядом других исследователей.

Исследователи, работающие в русле «социологии риска», рассматривают данный феномен в современном обществе как продукт новой («поздней») фазы модернизации. Высокая степень неопределенности, многовариантность развития общества потребовали поиска новой мо-

дели описания социальных процессов. Одной из таких моделей стала концепция социального риска, трактуемого как возможность наступления того или иного негативного события. Мы не можем полностью достоверно предвидеть наступление такого события, но можем рассчитать большую или меньшую его вероятность с учетом действующих на систему факторов.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу затронул все сферы общественной жизни, а не только производственную и экономическую. Он повлиял на изменение социальной структуры и отношений в обществе, инициировал процессы глобализации, которые предусматривают взаимосвязь и взаимозависимость изменений в различных странах, регионах, локальных сообществах. Побочными эффектами модернизации стали такие социальные феномены, как социальная, политическая и экономическая нестабильность, ухудшение экологической обстановки, изменение характера социальных взаимодействий. Несмотря на то что в предшествующий период (60–70-е гг. XX века) так называемые «развитые страны» достигли высокого уровня благосостояния, при переходе к информационному обществу им пришлось столкнуться с новой ситуацией — ситуацией неопределенности. В свою очередь, неопределенность породила опасность наступления социально значимых негативных событий, влияние которых испытывает не один индивид, а значительные по численности группы и общество в целом. Таким образом, современное общество превращается в «общество риска», идеалом которого является «не достижение благосостояния, а снижение уровня риска» (Бек 2000: 23). В конце 80-х гг. XX в. эти выводы стали предметом дискуссии, а опасения казались недостаточно обоснованными в связи с достигнутым в тот период высоким уровнем благосостояния. Однако сегодня, в условиях глобального кризиса, затронувшего все сферы социальной жизни, концепция риска как нельзя более точно описывает текущие процессы. Ведущий исследователь социальных рисков, автор термина «общество риска», У. Бек считает, что рисков невозможно избежать, но можно снизить их негативные эффекты. Для управления рисками, по Беку, необходима выработка новой солидарности различных социальных групп и институтов. Он определяет риск как «еще не наступившее событие, которое активизирует действие» (Бек 2000: 39).

Другой крупный социолог, обратившийся к исследованиям рисков, Э. Гидденс, видит специфику современного общества в особом, онтологическом, статусе риска. Этот статус состоит не просто в увеличении

рисков, а прежде всего в том, что «мышление в понятиях риска стало присуще как экспертному, так и массовому сознанию» (Giddens 1991: 118). Общество познает себя в категориях риска и необходимости выбора. При этом рисками чревата любая ситуация — бездействие так же рискованно, как и инновационное действие. Гидденс солидарен с Бекком, что риски — продукт жизнедеятельности человека, а не внешней угрозы, и порождаются институтами современного общества: «Мы живем в мире, где опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, которые приходят к нам извне» (Giddens 1991: 120).

В работах Никласа Лумана риск также анализируется с онтологических позиций. По мнению исследователя, риск ставит под сомнение рациональную природу деятельности человека, поскольку анализ социального риска с точки зрения рационального поведения индивида, а значит и возможности предсказания результатов социального действия, не вполне адекватен. Признавая продуктивность рационалистической традиции в понимании сущности риска, Н. Луман отмечает, что дихотомия «норма—отклонение» уже более не отражает специфику современного общества (Луман 1994). В настоящее время, утверждает Луман, зависимость будущего от принятия решений резко возросла — люди и организации, принимающие решения, определяются им как коренная причина перехода риска в стадию катастрофы (*реализации риска*). Основными категориями концепции Н. Лумана выступают коммуникация, массмедиа, принятие решений. Процесс коммуникации, по его мнению, может стать базой для социологического анализа риска в современном обществе (Луман 2005). Так, к ключевым причинам бедности Луман относит плохие коммуникативные навыки наименее обеспеченных слоев населения. Таким образом, утверждает он, риск бедности возрастает из-за недостатка эффективной коммуникации в низших слоях общества.

Несколько иная модель риска предложена американским исследователем Ли Меркхофером, автором концепции социально-управленческого анализа. Он считает, что риск следует рассматривать как объект социального управления. Риск, по Меркхоферу, есть «ситуация неопределенности, в которой имеется несколько вариантов дальнейшего развития системы, один или более из них (вариантов) является нежелательным» (Merkhofer 1987: 2). Если вы наверняка знаете о грядущем негативном исходе, отмечает он, то такой случай не относится к категории риска.

Мерхофер выделяет четыре этапа «генерации рисков»:

1. Опасность (появление потенциально опасного агента — например, строительство атомной электростанции, смена правительства и т. д.).
2. Проявление (наступление негативного события, связанного с данным агентом: авария на АЭС, ухудшение социально-экономического положения различных социальных групп в результате реформ и др.).
3. Эффекты (комплекс социально-экономических и иных последствий наступившего негативного события).
4. Оценивание (анализ причин события и выдвижение рекомендаций по предотвращению аналогичных ситуаций в будущем).

Синтезируя идеи двух рассмотренных выше концепций социального риска (социально-управленческий анализ и социология риска), мы можем выделить следующие основные параметры, по которым возможно проводить риск-анализ того или иного социального феномена:

- вероятностный характер риска — негативное событие может произойти либо не произойти;
- наличие определенных факторов риска, то есть условий, которые повышают или снижают степень опасности наступления данного события. Такие факторы могут быть индивидуальными, групповыми либо социетальными.
- возможный ущерб для индивида, социальной группы и общества в результате реализации риска — ожидаемые последствия наступления того события, которого мы опасаемся. Этот ущерб не ограничивается прямыми результатами наступления события (так, ухудшение здоровья включает не только физиологические или психические изменения), но имеет и косвенные последствия (потеря работы, конфликт в семье, психологические проблемы);
- необходимость комплекса мер по минимизации риска: их принимают как государство, общество, социальная и территориальная группы, к которым принадлежит индивид, так и сам индивид, подверженный риску.

На основе приведенных выше характеристик социального риска, мы можем предложить следующее определение этого социального феномена: социальный риск есть потенциальная возможность (опасность) наступления социально значимых негативных событий, которые вызывают определенный социальный, экономический и иной ущерб для индивида, группы и общества в целом. Ситуация риска затрагивает

интересы различных групп населения (а зачастую и общества в целом) и требует от государственных и общественных организаций, а также самих индивидов проведения мероприятий по ее преодолению. О. Н. Яницкий определяет Россию как «общество всеобщего риска» (Яницкий 2002: 9): складыванию такого общества способствует «запаздывающий характер риск-рефлексии» (Яницкий 2003) россиян: из-за ускоренных темпов преобразований индивидуальное и массовое сознание не успевает адаптироваться к новым социальным условиям, угрозам и рискам.

В настоящее время предлагаются различные варианты типологии рисков, но наиболее емкой и при этом достаточно гибкой мы считаем классификацию, предложенную экспертами Азиатского банка развития. Она включает четыре макрогруппы социальных рисков в зависимости от сферы их проявления:

- 1) риски жизненного цикла (lifecycle): замедленное развитие детей, заболевания, травмы, голод, старение, смерть;
- 2) социальные риски, связанные с экономическими отношениями (economic): потеря источника существования, безработица, рост цен, экономический кризис/реформы;
- 3) экологические риски, имеющие социальные последствия (environmental): засухи, наводнения, землетрясения, техногенные катастрофы;
- 4) социально-политические (social/governance): политические перевороты, потеря социального статуса, социальная изоляция, коррупция, криминал (Social... 2003: 5–6).

Опираясь на данную классификацию, мы можем отнести риски в сфере здоровья к первой группе (риски жизненного цикла), однако, к сожалению, в русле социологии риска анализ здоровья как социального феномена сегодня еще не получил достаточного развития. По мнению Бека, это связано с тем, что «риски здоровья давно <...> являются темой рационализации и связанных с ней социальных конфликтов, гарантий и исследований» (Бек 2000: 47). С этим утверждением мы вряд ли можем согласиться, так как современная ситуация в сфере социальных отношений диктует необходимость поиска новых подходов к анализу процессов изменения здоровья населения, которое далеко не всегда является позитивным. По заключению ВОЗ, «в характере проблем здоровья происходят изменения, которые можно было предвидеть лишь отчасти» (Primary... 2008: XVIII). Применение концепции общества риска к анализу процессов в области индивидуаль-

ного и социального здоровья является потенциально продуктивным по следующим причинам:

1. «Демографический переход», изменение структуры воспроизводства населения развитых стран (Неравенство... 2000). Современному типу воспроизводства присущи низкая смертность, невысокая рождаемость, рост продолжительности жизни, который требует и удлинения периода социальной активности человека, периода нахождения в состоянии здоровья. Ухудшение здоровья в этом контексте влечет за собой преждевременное снижение социальной активности, ухудшение материального положения, потерю социальных связей. Таким образом, здоровье приобретает особую социальную ценность.

2. Изменения в структуре заболеваемости, «эпидемиологический переход». «Вместо инфекционных болезней, более распространенных ранее, на первое место по частоте и тяжести последствий вышли хронические заболевания: гипертония, онкологические патологии, язвенная болезнь, нарушения иммунной системы, депрессии и т. д.» (Freund et al. 2003: 2). Обозначился поворот к новому подходу в исследованиях заболеваний — перенос внимания с изучения их возбудителей на изучение человека и условий его жизни. Наиболее тяжелые патологии сегодня — сердечно-сосудистые заболевания, болезни легких, сахарный диабет, злокачественные новообразования, цирроз печени — так или иначе, связаны с социальными условиями и с нашим выбором здорового (или нездорового) образа жизни.

3. Переход неравенства в здоровье из области естественных неравенств между людьми в область социального неравенства. «Основные причины заболеваний, ранних смертей [в современном мире] — неравенства в условиях жизни и труда, специфические для различных социальных слоев стили поведения в сфере сохранения здоровья. В России, наряду с этими факторами, нужно учитывать и другие, не связанные с социально-экономическим положением людей: преступность, ДТП, экологическую ситуацию, высокую стоимость лекарств, несвоевременное оказанную медицинскую помощь» (Сизова 2007).

Итак, на основе вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что ухудшение здоровья в современной России может быть проанализировано как социальный риск, которому присущи указанные выше черты: его вероятностный характер, наличие факторов риска и негативных последствий и необходимость принятия мер по его минимизации.

Риски, связанные со здоровьем, — группа социальных рисков, которые представляют собой опасность нарушения адаптации индивида /

социальной группы к среде; результатом нарушения могут стать изменения физического и/или психического состояния индивида, что ведет к наступлению комплекса социальных, психологических, экономических и ряда других негативных последствий. Несмотря на то что рискологический подход к процессам, связанным со здоровьем, разрабатывается относительно недавно, уже достаточно активно проводятся исследования, в которых концепция социальных рисков применяется к социологическому анализу как состояния здоровья в целом (Хабибуллин и др. 2004; Хабибуллин 2005), так и распространения отдельных заболеваний, которые принято относить к категории «социально опасных» (Бородкина 2008; Куфакова, Овсянкина 1998).

Важной характеристикой концепции социальных рисков является то, что она подвергает критике гипотезу о наличии прямых причинно-следственных связей между социальными явлениями, признавая влияние комплекса факторов на наступление негативных социальных ситуаций: при этом ни один из таких факторов в отдельности не является достаточным для наступления события. Такой подход согласуется с современными представлениями о здоровье (не только социологическими, но и медицинскими), согласно которым улучшение или ухудшение состояния индивида вызывается не какой-либо единственной причиной, а связано с комплексом факторов.

Заключение

При внешней несхожести двух рассмотренных нами выше концепций первая фокусирует внимание на предпосылках свободы и развития человека, а вторая — на рисках, потенциальных событий, угрожающих этому развитию, — в них можно выделить некоторые общие черты. В первую очередь, это включение самого понятия «развитие» в теоретический анализ. Однако если в концепции человеческих возможностей это понятие трактуется в целом как позитивный феномен, то в социологии риска отношение к развитию не столь однозначно — оно несет в себе не только улучшение состояния социальной системы (в нашем случае индивида), но и некоторые потенциальные опасности, угрозы. Второй общей чертой этих концепций является идея о взаимосвязи рассматриваемых ими феноменов. Если поместить интересующий нас феномен здоровья в центр системы взаимосвязей, то схема динамики здоровья принимает следующий вид (рис. 1).

Рис. 1. Феномен индивидуального здоровья с точки зрения концепции возможностей и социологии риска

На схеме показано, с одной стороны, «разделение полномочий» между двумя рассмотренными выше концепциями, а с другой стороны — их взаимосвязь. Для укрепления здоровья необходимо поддерживать позитивные изменения, которые обеспечиваются удовлетворением необходимых для данного индивида компонентов качества жизни, и одновременно минимизировать вероятность негативных изменений, рисков в сфере здоровья, с которыми тесно связаны риски в других сферах бытия индивида или общества. На анализ факторов в верхней части схемы направлены усилия исследователей, работающих в рамках подхода возможностей, в то время как содержание нижней ее части находится в фокусе исследования риск-аналитиков. По нашему мнению, вполне возможен и продуктивен параллельный анализ позитивных и негативных параметров, когда для каждого типа социальных рисков, увеличивающих вероятность негативных изменений в здоровье индивида и общества, выявляются уравнивающие их компоненты качества жизни.

Источники

- Бек У. Общество риска: на пути к новому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Богданов А. А. Очерки организационной науки (1922) // Нижегородский государственный университет [официальный сайт]. URL: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/bogdanov.ru.html> (дата обращения: 11.12.2010).
- Бородкина О. И. Социальный контекст эпидемии ВИЧ/СПИДа // Журнал исследований социальной политики. 2008, Т. 6, № 2. С. 151–176.
- Глазачев О. С. Современные подходы к анализу понятия «здоровье» в аспекте формирования экологической культуры // Экология: [информационный портал] URL: <http://www.ecogeo.info> (дата обращения: 14.12.2008).
- Глоссарий терминов по вопросам укрепления здоровья. Женева: ВОЗ, 1998.
- Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Человечествознание: самореализация человека. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.
- Ивко О. М., Трофимова С. В. Спорт и долголетие. СПб.: Ин-т биорегуляции и геронтологии, 2008. С. 27.
- Корель Л. В. Социология адаптаций. Новосибирск: Наука, 2005.
- Куфакова Г. А., Овсянкина Е. С. Факторы риска развития заболевания туберкулезом у детей и подростков из социально-дезадаптированных групп населения // Большой целевой журнал о туберкулезе. 1998. № 1.
- Лищук В. А., Мосткова Е. В. Основы здоровья: актуальные задачи, решения, рекомендации. М., 1994.
- Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. Риск, неопределенность, случайность. С. 135–160.
- Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Практика, 2005.
- Матрос Л. Г. Социальные аспекты проблемы здоровья. Новосибирск: Наука, 1992.
- Назарова И. Б. Здоровье занятого населения. М.: Макс Пресс, 2008.
- Неравенство и смертность в России: коллективная монография / под ред. В. Школьниковой, Е. Андреевой, Т. Малевой. М.: Московский центр Карнеги, 2000.
- Нилов В. М. Социальные изменения и здоровье населения: методологические и теоретические подходы к исследованию. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006.
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1996.
- Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
- Сизова И. Л. Социальное неравенство шансов на здоровье, нормы справедливости и государственная политика в области здравоохранения // Вклад НКО в реформу социальной сферы: улучшение здоровья населения, внедрение инклюзивного образования и жилищная реформа: интернет-конференция 2007 года / SocPolitika.ru [информационно-аналитический

- портал] URL: <http://www.socpolitika.ru/rus/conferences/3985/3989/index.shtml>. (дата обращения: 15.03.2010).
- Фомин Э. А., Федорова Н. М.* Стратегии в отношении здоровья // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 36–45
- Хабибуллин К. Н., Волков Г. Л., Уткин Н. И.* Социология здоровья, риска и болезни. СПб.: Петрополис, 2004; *Хабибуллин К. Н.* Динамика факторов риска и профилактика здоровья населения // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 140–144.
- Яницкий О. Н.* Россия как общество всеобщего риска // Общество и социология: новые реалии и новые идеи. Труды Первого Всероссийского социологического конгресса 27–30 сентября 2000. СПб.: Социол. о-во им. М. М. Ковалевского, 2002. С. 9.
- Яницкий О. Н.* Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003.
- Alkire S.* The Capability Approach to the Quality of Life // Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress [офиц. сайт] http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/capability_approach.pdf (дата обращения: 20.02.2009).
- Freund P. E. S., McGuire M. B., Podhurst L. S.* Health, Illness, and the Social Body: a Critical Sociology. New Jersey: Prentice Hall, Pearson Education, 2003. P. 2.
- Giddens A.* Fate, Risk & Security // Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 118.
- Law I., Widdows H.* Conceptualizing Health: Insights from the Capability Approach // University of Birmingham Site. URL: <http://eprints.bham.ac.uk/29/1/LawWiddowsPreprintConceptualisingHealth.pdf> (дата обращения: 11.02.2009).
- Merkhofer M.* Decision Science and Social Risk Management: A Comparative Evaluation of cost-benefit analysis, decision analysis, and other formal decision-aiding approaches. Dordrecht: Reidel, 1987. P. 2.
- Nussbaum M. C.* Nature, Function, and Capability: Aristotle on Political Distribution // Oxford Studies in Ancient Philosophy. 1998. P. 176.
- Primary Health Care: now more than ever. The World Health Report 2008. WHO, Switzerland, 2008. P. XIII.
- Sen A.* Capability and Well-being // The Quality of Life. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Sen A.* Human Rights and Capabilities // Journal of Human Development. 2005. Vol. 6. № 2. P. 154.
- Sen A.* Inequality Reexamined. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Social Protection Strategy. Asian Development Bank. July 2003. P. 5–6 // Asian Development Bank: [офиц. сайт]. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/pub/2001/social-protection.pdf> (дата обращения: 22.10.2008).
- The Quality of Life / ed. by Martha Nussbaum and Amartya Sen. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Л. В. ПАНОВА, О. В. ОЗЕРОВА

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ТАБАЧНОЙ ЭПИДЕМИИ В РОССИИ

В статье рассматриваются основные контекстуальные факторы, влияющие на распространенность курения в России. Анализируется роль государства в росте приверженности населения к этой вредной привычке и оценивается ряд политических вмешательств государства, связанных с деятельностью табачной промышленности. Такой анализ позволяет выделить основные контекстуальные переменные национального уровня, оказывающие наибольшее влияние на курительную эпидемию. К их числу относятся государственные льготы, связанные с инвестированием иностранного капитала в табачную промышленность, невысокие цены на табачные изделия, что означает установление правительством низких налоговых ставок на табак и действия со стороны властей, направленные на поощрение рекламных бюджетов по стимулированию продажи табачной продукции. Анализ выделенных факторов помогает использовать многоуровневую методологию, позволяющую изучить совместное влияние индивидуальных и контекстуальных переменных на табачную эпидемию в России.

Ключевые слова: курение, риски для здоровья, государственная политика в области табачной промышленности, инвестиции, налоги, акцизные ставки, рекламные бюджеты на табачную продукцию.

L. V. PANOVA, O. V. OZEROVA

CONTEXTUAL FACTORS OF TOBACCO EPIDEMIC IN RUSSIA

This article investigates into the basic contextual factors and the role of state, influencing the rise of smoking prevalence in Russia. The analysis of state tobacco policy interventions allows us to reveal the major contextual variables determining the tobacco epidemic on the national-level: provision of state benefits for the international tobacco investments, low tobacco prices, low tobacco excise tax, aggressive promotion and advertising of tobacco products enabled by authorities. The mutual impact of individual and contextual variables on tobacco epidemic in Russia is studied by the means of multilevel modeling approach.

Keywords: smoking, health risk behavior, governmental policy on tobacco control, investments, taxes, excise tax, tobacco promotion expenses.

Введение

Употребление табака считается главной предотвратимой причиной смертности в мире, именно пристрастие к курению рассматривается как единственный и в наибольшей степени управляемый источник снижения заболеваемости и смертности. Потребление табачных изделий сопровождается губительными последствиями для здоровья человека, в частности данные по продолжительности жизни курильщиков показывают, что именно курение убивает половину приверженных этой пагубной привычке людей, курящих всю свою жизнь (Maskay, Eriksen, Shafey 2006). Столь же велика роль этого риска смертности и в России. По результатам исследований, проведенных под эгидой Всемирной организации здравоохранения, 398 тыс. россиян ежегодно умирают от заболеваний, связанных с курением. Это означает, что вклад курения в смертность российского населения составляет почти одну пятую (17,1%) среди прочих причин, приводящих к летальному исходу. Важно отметить, что больше половины (52%) курильщиков умирают, не достигнув возраста 59 лет (WHO Global Report 2012).

Особенно сильно возросла приверженность к курению в постсоветское время. После подписания в 2008 г. Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе с потреблением табака в России был проведен Глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака (Global Adult Tobacco Survey — GATS) как обязательный инструмент надзора и оценки положения дел в этой области (Глобальный опрос взрослого населения... 2009). Данные исследования, проведенного согласно методике ВОЗ, показывают, что распространенность курения значительно выросла за последние 20 лет. Так, среди мужчин приверженность к потреблению табака в середине 1980-х гг. составляла 46–48%, в середине 1990-х гг. — 50–55%, а в начале 2000-х гг. — 60–65%. Особенно удручающую картину представляет быстрое увеличение количества курящих женщин. В течение многих лет употребление табака женщинами России было низким, тем более катастрофичной стала распространенность этой вредной привычки за последние годы. Если в 1980-е гг. только менее 5% от общего количества женщин курили, в 1990-е гг. таких было 12%, а в начале 2000-х гг. — уже пятая часть всего женского населения активно курили (Глобальный опрос взрослого населения... 2009).

Исследование трендов приверженности курению различных социальных слоев в период с 1994 г. по 2009 г. также позволяет говорить о существовании общей тенденции, свидетельствующей о большем

распространении потребления табака в нашем обществе. Как указывают авторы данной работы, за эти годы как у женщин, так и у мужчин, к каким бы социальным слоям, выделенным по признакам дохода и образования, они ни принадлежали, наблюдалось увеличение числа лиц, проявлявших пристрастие к курению (Русинова, Озерова, Сафронов 2013).

Те же самые тенденции демонстрируют и показатели торговли табачными изделиями. Если продажа сигарет и папирос за двадцать лет, с 1970 г. по 1990 г., увеличилась на 37,8 млрд шт. (с 208 млрд шт. до 245,8 млрд шт.), то уже в 2000 г. было продано почти в полтора раза больше табачных изделий (355,4 млрд шт.). Рост потребления табака в стране продолжился и в дальнейшем, вплоть до 2010 г. (Российский статистический ежегодник 2010: 538).

По оценкам многих экспертов, Россия после 2000 г. относится к странам с максимальными показателями распространенности курения среди населения (Рано умирать 2006). Это заставляет, на наш взгляд, исследовать основные причины, механизмы такого быстрого вовлечения жителей страны в процесс аддиктивного поведения, грозящего возникновению серьезных рисков для здоровья.

Роль контекстуальных факторов в распространенности курения

В последние годы при исследовании факторов, влияющих на приверженность курению, все чаще применяется многоуровневая методология, позволяющая изучить совместное влияние индивидуальных и контекстуальных переменных. Привычка к потреблению табака рассматривается не только как индивидуальная ответственность, она также зависит от социального контекста, который составляет основные условия для формирования поведения человека. Тем не менее, несмотря на то что социальные условия имеют высокую значимость для поведения, связанного с риском для здоровья, по мнению большинства исследователей, работающих в этой области, контекстуальные влияния по-прежнему изучены недостаточно. Это приводит к отсутствию общепризнанной устоявшейся классификации контекстуальных переменных, воздействующих, в том числе, на распространенность курения (McNeill, Kreuter Subramanian 2006).

Предварительный обзор ряда исследований, посвященных выявлению основных контекстуальных факторов, способствующих/препят-

ствующих курению, показывает, что к ним относят переменные национального (государственного) уровня и особенности локальных, местных условий проживания популяции (регион, область, сообщество) (Merlo 2011). Чаще всего на уровне страны используются элементы государственной политики по борьбе с табакокурением, в то время как на локальном уровне обычно применяются экономические индикаторы, характеризующие положение места жительства индивидов.

Большой вклад в разработку контекстуальных факторов, действующих на национальном уровне, был внесен разработками Мирового банка, опубликованными в отчете о табачной эпидемии и роли государства в уменьшении распространенности курения среди населения (*Curbing the epidemic...* 1999). В обзоре, посвященном Рамочной конвенции по борьбе против табака (РКБТ), принятой ВОЗ в мае 2003 г., было указано, что эффективная политика государства является главным средством уменьшения пристрастия к курению (*World Bank Tobacco control...* 2003).

Шесть основных способов воздействия (вмешательства) государства считаются основными во влиянии на сокращение потребления табачных изделий, а следовательно, на снижение смертности и заболеваемости, вызванных курением. Среди направлений государственной политики большое значение придается таким мерам воздействия, как установление высоких налогов на сигареты и другие табачные изделия; запрет на курение в общественных и на рабочих местах; полный запрет на рекламу всех табачных изделий; распространение информации о вреде табака среди потребителей. Этот ряд продолжается усилением предупредительных мер при продаже табачных продуктов, предполагается увеличение надписей об опасности курения на пачках сигарет; и наконец, большое значение придается организации помощи курильщикам, которые хотят бросить курить, при этом предусматривается расширение доступа к лекарствам, помогающим справиться с зависимостью.

Ориентируясь на эти факторы, позволяющие оценить влияние контекста на национальном уровне, была разработана, в виде шкал, количественная оценка реализации государственной политики в борьбе против табака (Joossens, Raw 2006).

Созданные шкалы оценки с успехом использовались в исследовании влияния государственной стратегии на уменьшение курения, проведенном в ряде европейских стран (Schaap, Kunst, Mackenbach 2007). К сожалению, Россия не вошла в число участников этого проекта,

основная причина состояла в отсутствии сколь-нибудь внятной политики борьбы с курением в нашей стране в начале двухтысячных годов.

Контекстуальные факторы на локальном уровне определяются, исходя из особенностей задач исследования. Обычно используются, как мы говорили выше, экономические показатели различных территориальных сообществ или культурные нормы относительно курения. Например, при сравнении распространенности курения в крупных и небольших городах Франции, с применением многоуровневого анализа, используют индикатор объема производства на душу населения, создаваемого в мегаполисах и малых городах (Chaix, Guilbert, Chauvin 2004). В Соединенных Штатах при исследовании факторов, влияющих на курение, в качестве показателей локального уровня или местных условий применялся показатель черты бедности, на территориях, вошедших в выборку (Chahine, Subramanian, Levy 2011). При сравнении различных стран для характеристики местных условий используется национальный уровень безработицы и доля молодых людей в составе населения (Vuolo 2012). В исследованиях локальных факторов, влияющих на курение, на уровне более мелких территориальных единиц (neighborhood) отмечается, что определенную роль играет такая переменная, как социальный капитал. Как правило, распространенность курения ниже среди населения в сообществах, обладающих высоким уровнем социального капитала (Mohnen, Völker, Flap et al. 2012). Гораздо реже используются индикаторы, характеризующие культурные нормы относительно курения (Corsi, Chow, Lear et al. 2013). Следует отметить, что в последние годы в нашей стране поводится более активная политика и исследование факторов, способствующих ослаблению табачной эпидемии. Особенно эта работа усилилась после присоединения, в 2008 г., России к Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака. В 2009 г. был проведен упомянутый выше Глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака. Были получены данные по различным группам населения о приверженности к табаку, попытках (успешных/неуспешных) прекратить эту вредную привычку, экономических затратах на курение, роли СМИ в распространении информации о вреде курения и т. д. Тогда же (2009), Комиссией Общественной палаты РФ по социальной и демографической политике был опубликован доклад, посвященный анализу причин и последствий табачной эпидемии в стране, кроме того, этот документ предпринял попытку рассмотреть меры государственной по-

литики, снижающей распространенность курения (Доклад: Табачная эпидемия в России... 2009). К ним, по примеру РКБТ и документов Мирового банка, были отнесены: повышение акцизов, создание бездымной среды в закрытых помещениях, полный запрет на любую табачную рекламу, размещение на пачках сигарет цветных фотографических предупреждений о вреде табака для здоровья. По прогнозам этой работы, применение всех этих мер в России должно было за короткий срок снизить уровень курения как минимум вдвое.

Однако, как показал дальнейший ход событий, эти надежды на снижение уровня потребления табака населением не оправдались. Главной причиной была проводимая государством политика, которая даже после присоединения страны к РКБТ (2008) в течение пяти лет мало содействовала снижению распространенности курения.

Становление табачного рынка и инвестиции

Значительную роль в формировании государственной политики, способствующей распространению курения в стране, сыграло противодействие транснациональных табачных корпораций, занимающих в 2012 г. почти 90% рынка табачных изделий. Характеризуя процесс превращения России в течение последних двадцати лет в страну с максимальными показателями распространенности курения, следует отметить, что он был закономерен. Открытие рынка страны в процессе перехода к новой экономической системе послужило для транснациональных табачных компаний (ТТК) мощным стимулом для внедрения и практически нового создания табачной промышленности в стране. Будучи третьим по величине рынком табачных изделий в мире, после Китая с миллиардным населением и сокращающегося рынка США, отечественная табачная промышленность не обеспечивала потребности населения, в стране постоянно присутствовал дефицит практически любых видов курительной продукции. Так, в 1992 г. спрос на табачные изделия был покрыт лишь на шестьдесят процентов, остальную часть рынка обеспечивали за счет импорта из других стран, главным образом, ввоз осуществлялся из Болгарии (Обзор отрасли: производство табачных изделий... 2000). Государственная монополия на табачную продукцию в РФ была ликвидирована в 1992 г., и это послужило сигналом для международных табачных корпораций к активному освоению российского рынка. Особенность формирования рынка табачных изделий в России состояла в том, что все основные транснациональные

табачные компании начали работать в стране почти одновременно. Как отмечают специалисты, все крупные производители с начала 1990-х годов делали большие вложения в строительство табачных фабрик, раскрутку новых брендов, создание широкой рекламы, маркетинга и сбыта (Tobacco Industry Profile Russia... 2010). Компания Japan Tobacco International (JTI) приступила к производству табачных изделий в России в 1992 г., в следующем, 1993 г., было создано акционерное общество закрытого типа с иностранными инвестициями Liggett-Ducat, тогда же начали свою деятельность такие производители, как Philip Morris и British American Tobacco (BAT). За несколько лет эти четыре компании заняли ведущее положение на российском рынке табачных изделий.

Между тем, опыт других стран показывает, что приход ТТК на внутренний рынок приводит к более высокой конкуренции и замене местной индустрии мощными корпорациями. Вводятся маркетинговые технологии западного образца, появляются новые более «легкие» сорта, включая специальные сигареты для женщин, используется мощная реклама табачной продукции, внедрение широкой дистрибутивной сети по распространению табачных изделий. Это ведет к масштабным изменениям в системе контроля над табачной промышленностью. Исследователи отмечают, что подконтрольная государству табачная промышленность не столь упорно, как международные корпорации, отвергает негативное влияние табака на здоровье, меньше препятствует общественным инициативам по охране здоровья и не затрудняет действие национальных законов о контроле над табачной промышленностью (Chantornvong, McCargo 2001). В странах, где такие влиятельные игроки на рынке, как транснациональные табачные корпорации, появились сравнительно недавно, в особенности там, где в табачной индустрии вращаются большие суммы денег и осуществляется политическое и финансовое давление на государственные структуры, воздействие развития табачной промышленности на здоровье, как правило, является весьма значительным. В докладе, подготовленном для Всемирной организации здравоохранения и посвященном влиянию на табачную эпидемию либерализации торговли, авторы весьма убедительно показывают, что экономическая либерализация и открытие табачного рынка для ТТК ведут к значительному увеличению потребления сигарет (Bettcher, Subramanian, Guindon 2001). Анализ формирования табачного рынка в России показывает, что все те предостережения, которые были выявлены при исследовании широкой экспансии трансна-

циональных табачных компаний в страны третьего мира, проявились в полной мере и в нашей стране.

Характеризуя первый период развития ТТК на российском рынке, Федеральная антимонопольная служба отмечает, что в начале 1990-х гг. российское правительство стремилось всячески поощрять вложения в местное сигаретное производство и создавало крайнее выгодные условия для крупных табачных инвесторов. Организация сигаретного производства в России была для западных компаний еще и баснословно выгодным бизнесом: по расчетам экспертов, 100 млн долларов США, вложенные в российскую табачную фабрику годовой мощностью 30 млрд сигарет, полностью возвращались через три года и предприятие начинало приносить до 40% чистой прибыли в валюте (Табачная отрасль... 2004). Главными факторами, снижающими себестоимость производства, явились наличие дешевой рабочей силы и низкие налоговые ставки, их величина была в несколько раз ниже, чем в странах Евросоюза, в целом это означало возможность для владельцев компаний устанавливать сравнительно низкие цены. Такие выгодные условия существования, сложившиеся на табачном рынке, приводили к стимулированию спроса и способствовали стремительному наращиванию объема производства иностранных инвесторов.

По данным специалистов, доля рынка, находящегося в распоряжении зарубежных производителей, постоянно росла. Так, в 2001 г. сигаретный рынок России на 65,1% контролировался все теми же транснациональными табачными компаниями. Под контролем компании JTI находилось 20% российского сигаретного рынка, в распоряжении компании Philip Morris была почти та же доля рынка (19,5%), BAT занимал 13,8% и Liggett Ducat — 12,3% (Russian Federation... 2001). А уже к концу следующего десятилетия международные табачные корпорации доминировали на сигаретном рынке России. В 2010 г. они владели более чем девятью десятыми всего сигаретного рынка страны, JTI занимала 37% рынка, Philip Morris International — 25%, British American Tobacco — 20% и Imperial Tobacco Group — 9%. Отечественные табачные компании быстро исчезают с рынка, их присутствие стремительно сокращается. Если в 2000 г. российские фабрики занимали более, чем одну треть рынка табака (35%), то после 2008 г. они контролируют меньше одной десятой (8%) (Российский рынок табачных изделий... 2010). Практически полный контроль над российским рынком мог осуществиться только в условиях широкой инвестиционной активности транснациональных табачных компаний.

Несмотря на отсутствие общепризнанной классификации контекстуальных переменных, воздействующих на распространенность курения, можно выделить характеристики, которые способствуют усилению табачной эпидемии в стране, к ним относится, прежде всего, быстрый рост производства за счет широкой инвестиционной активности транснациональных табачных компаний.

Уже в 1993 г., сразу после отмены государственной монополии на табачные изделия, крупнейшие иностранные корпорации, такие как Philip Morris и British American Tobacco, вложили в развитие российского рынка табака 245 млн долларов. Началась и инвестиционная деятельность менее крупных компаний. Так, Liggett Group покупает табачную фабрику «Дукат» в Москве и размещает 4 млн долл. для ее модернизации. Всего за первый год работы в новых условиях объем иностранных инвестиций в развитие табачного промышленности составил 249 млн долл. (Gilmore, McKee 2004). Сравнение количества средств, вложенных ТТК в табачную индустрию, с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ), поступившими в Россию в 1993 г. (1211 млн долл.), показывает, что доля иностранных табачных вложений составляла одну пятую (20,6%) всех ПИИ в экономику нашей страны. Учитывая очень незначительный удельный вес табачной индустрии в общем объеме производства страны, следует заметить, что 20%, вложенных в эту отрасль, само по себе свидетельствует о высокой уверенности иностранных инвесторов в прибыльности инвестиций. Иначе говоря, даже на старте экономических реформ в России, когда перспектива промышленного производства была не ясна, зарубежные компании уверенно вкладывали свои средства в развитие табачного рынка страны. Политика нашего государства, создавшего крайне выгодные условия для крупных табачных инвесторов, вполне оправдала их надежды, к концу 2000 г. ТТК инвестировали больше 1,7 млрд долл. в развитие табачной индустрии в стране (Gilmore, McKee 2004). Доля вложений в табачную промышленность в общем объеме прямых иностранных инвестиций с 1993 г. по 2000 г. (он был равен 22 458 млн долл.) была значительно меньше, чем в 1993 г., ПИИ начали приходить и в другие отрасли. Табачные же инвестиции составляли 7,7% от всех зарубежных капиталовложений в экономику нашей страны. Производство папирос и сигарет росло очень быстрыми темпами в этот период. В 1994 г. объем производства составлял 136 млрд шт., что было ниже, чем в 1990 г. на 10%, однако с этого момента происходит постоянное наращивание выпуска курительных изделий. В 2000 г. их производство составляло 348 млрд

шт., за несколько лет табачная индустрия страны стала выпускать более чем в 2,5 раза больше папирос и сигарет (Обзор отрасли... 2000; Российский статистический ежегодник 2010: 406). Рост уровня производства, имевший место в 1990-е гг., обусловленный прямыми иностранными капиталовложениями, привел к перенасыщению рынка и усилению конкурентной борьбы между производителями табачной продукции. Казалось бы, кризис перепроизводства в отрасли скажется на уменьшении общего выпуска табачных изделий, но в действительности затоваривание рынка сбыта затрагивало только российских производителей, работавших без привлечения иностранных капиталов. Особенно сильно пострадали отечественные табачные компании, которые не могли составить конкуренцию международным корпорациям. Многие местные производители сигарет и дистрибьюторы вынуждены были объявить о банкротстве. Если в середине 1990-х гг., как указывают аналитики табачного рынка, было 120 табачных производств, то к концу этого десятилетия их осталось всего 70 (Добров 2004).

Именно в это время происходил окончательный захват табачного рынка России. Даже робкие попытки ограничить ТТК посредством ряда запретов, например запрещения рекламы табака на телевидении, сопровождались активным сопротивлением представителей зарубежных компаний, заявивших, что вложения в табачную отрасль сократятся. Как показали последующие годы, эти угрозы не оправдались.

Следует заметить, что получение сведений, касающихся объема инвестиций в табачную промышленность, сопряжено с большими трудностями. Так, даже рекламное агентство, специализирующееся на продвижении брендов, в том числе и табачной продукции, отмечает, что информационная «закрытость» ТТК очень сильна. В качестве примера приводится отказ отдела по связям с общественностью в представительстве Philip Morris сообщить даже основную марку выпускаемой продукции, ссылаясь на невозможность предоставления подобной информации (Российский рынок табачных изделий... 2010). По-видимому, по этой причине информация о капиталовложениях, данная в обзоре производства табачных изделий компанией «РосБизнесКонсалтинг» (ведущая российская компания, работающая в сферах массмедиа и информационных технологий), приводит далеко не полные сведения по суммарному объему инвестиций (Обзор отрасли... 2002). А сведения представителей компаний, которые сообщали об отдельных вложениях, например по строительству в Санкт-Петербурге новой фабрики «Ижора», не дают представления о целостной картине.

Отсутствие полной и надежной информации об инвестициях в табачную отрасль заставило нас обратиться к отдельным источникам, приведенным в исследовательской литературе и данным транснациональных компаний. До 2000 г. в нашем анализе использовались наиболее полные данные, приведенные известными зарубежными специалистами А. Gilmore, М. McKee, которые в своих исследованиях опирались на ежегодные отчеты компаний, доклады по инвестициям Европейского банка Реконструкции и обзрения научных исследований в этой сфере (Gilmore, McKee 2004). В последующие годы (2001–2010) анализ объема инвестиций был основан на данных трех основных производителей табачной продукции, занимавших 90% табачного рынка. В отчете каждой компании приводятся капиталовложения в экономику России за время присутствия в нашей стране. Так British American Tobacco, составляя документ о корпоративной ответственности за 2011 г., сообщает, что общие инвестиции в табачную промышленность нашей страны составили более 1 млрд долл. (Отчет о корпоративной ответственности... 2011). Philip Morris International оценивает свой вклад в развитие табачной индустрии за время своего пребывания в стране в сумму, превышающую 1 млрд долл. США (Philip Morris International. Основные факты... 2010). Japan Tobacco International (JTI) сообщает, что объем прямых инвестиций компании в развитие производства составляет 1,5 млрд долл. за период 1992 по 2011 г. (Компания JTI... 2011). Таким образом, в период с 1992 по 2011 г. капиталовложения трех иностранных инвесторов составили 3,5 млрд долл. В предшествующее десятилетие их вклад составлял 1,6 млрд долл., следовательно, можно предположить, что в течение 2000–2010 гг. вложения трех табачных корпораций составляли 1,9 млрд долл.

Сравнение первого периода, который оценивается как время завершения модернизации отрасли, с последующим, когда процесс экспансии транснациональных табачных компаний российского рынка был практически завершен, показывает, что объем инвестиций был примерно одинаков. Очевидно, что в течение 2000–2011 гг. доля капиталовложений трех зарубежных компаний табачной индустрии была значительно ниже в общем объеме ПИИ в экономику страны, их инвестиции составляли менее одного процента (0,7%), поскольку более успешно развились и другие отрасли. Однако сопоставление количества прямых иностранных инвестиций, приходящихся на душу населения страны, показывает, что до 2000 г. они составляли 11,63 долл., а в 2010 г. наблюдается повышение этого показателя до 13,08 долл. (Расчет по данным The World Bank...).

Таким образом, инвестиционная активность ТТК продолжалась в течение всего времени их пребывания в нашей стране. Естественным следствием такого положения дел было постоянное наращивание выпуска табачных изделий. Несмотря на кризис перепроизводства, отмечавшийся в 2000 г. и главным образом коснувшийся отечественных производителей, официальные данные свидетельствуют, что к 2009 г. произошло увеличение выпуска папирос и сигарет на одну пятую (19,5%), что составило 416 млрд шт.

Только в 2010 г. начинается постепенное снижение производства табачных изделий. В 2011 г. количество выпускаемых папирос и сигарет составило 395 млрд шт., что означает уменьшение выпуска относительно 2009 г. на пять процентов (Российский статистический ежегодник 2012: 404). По-видимому, сегодня можно говорить об определенной стабилизации табачного рынка России.

Деля краткий обзор государственной политики в сфере развития табачного производства, можно отметить следующие узловые моменты. Начало было положено решением правительства от 1993 г. о создании совместных российских предприятий с транснациональными табачными компаниями и разрешении использования иностранного капитала в формировании табачного рынка страны. После дефолта 1998 г. иностранные компании не импортируют в страну табачные изделия, а полностью переходят к местному производству сигарет и других видов курительной продукции на базе расширения производственных мощностей.

Рассматривая столь значительное увеличение производства табачных изделий, следует еще раз подчеркнуть, что правительство России постоянно способствовало созданию крайне выгодных условий для крупных табачных компаний. Даже беглый обзор литературных источников показывает, что табачная промышленность получала от государства разнообразные налоговые льготы и преференции. На старте проникновения ТТК, в начале 1990-х гг., импорт оборудования для крупных иностранных табачных фабрик был оформлен как временный ввоз, то есть без должной уплаты налогов (Доклад: Табачная эпидемия в России... 2009; Восстановим государственную монополию... 2009). С этого времени льготы на приобретение оборудования для табачной индустрии предоставлялись правительством страны постоянно. В 2004 г. для снижения потребительской цены на табак была введена максимальная розничная цена на табачную продукцию, в 2009 г. было принято решение об освобождении от НДС акцизных марок на табак. Эта

политика была направлена прежде всего на усиление ценовой доступности табачной продукции без ущерба для прибыли ТТК. Создавая крайне выгодные условия для крупных табачных инвесторов на старте их деятельности, правительство и по сию пору проводит политику, направленную на их успешное существование, в том числе способствуя ценовой доступности табачной продукции для населения без ущерба для прибыли иностранных компаний. Все это, безусловно, играло активную роль в усилении инвестиционной активности ТТК.

Анализ становления производства табачной продукции за двадцатилетний период в стране, на наш взгляд, позволяет не только получить общее представление о развитии рассматриваемой отрасли в эти годы, но и выделить контекстуальные факторы, пригодные для многоуровневого анализа, позволяющего оценить влияние государственной политики на возникновение табачной эпидемии в России. В качестве такой переменной прежде всего могут служить тренды инвестиций иностранных корпораций за длительный период, начиная с 1992 г., по настоящее время.

Налогообложение и цена табачной продукции

В качестве других значимых контекстуальных факторов, согласно Рамочной конвенции по борьбе против табака, выступает установление государством высоких налогов на табачные изделия и, как следствие, изменение их доступности для потребителя. По мнению ВОЗ, рост налогов на сигареты и другую табачную продукцию — это самая эффективная стратегия борьбы с курением, способная противостоять табачной эпидемии (Доклад ВОЗ... 2008). Повышение цен на табак стимулирует у потребителей желание бросить курить, способствует предотвращению курения среди потенциальных потребителей и снижает количество потребляемого табака среди заядлых курильщиков, содействуя сокращению курения среди уязвимых слоев населения, таких как молодежь и курильщики с низким уровнем дохода (Ringel, Evans 2001).

Данные сравнительного изучения распространенности курения по странам с высоким и низким уровнем жизни показывают, что увеличение налогов на табачные изделия на 10%, как правило, обеспечивает сокращение потребления табака на 4% в странах с высоким уровнем доходов, в то время как в странах с низкими и средними материальными стандартами увеличение таких налогов на 7% приводит

к уменьшению распространенности курения на 8% (World Health Organization Effectiveness of Tax and Price... 2011). Эти результаты позволяют сделать бесспорный вывод о том, что повышение налогов является исключительно эффективным способом уменьшения доступности табачных изделий и снижения потребления табака и в нашей стране.

Оценка доступности сигарет в России за весь рассматриваемый период, с момента отмены государственной монополии на табачные изделия по настоящее время, производилась с использованием индекса относительного дохода (Relative Income Price), предложенного двумя авторами Blecher С. и van Walbeek С. (Blecher, van Walbeek 2008). Способ оценки этого показателя основывается на процентном изменении цены относительного дохода и рассчитывается как процент ВВП на душу населения, требуемый для приобретения ста пачек сигарет. Увеличение индекса означает, что со временем сигареты становятся менее доступны, в то время как уменьшение показателя указывает на то, что приобретение сигарет обходится потребителю дешевле, то есть в финансовом отношении доступ становится более легким. В первый период перехода к рынку (1991–1998) доступность сигарет падала (индекс изменялся с 4,10 до 6,42), но по мере того, как страна выходила из кризиса, экономическая политика в сфере налогообложения транснациональных табачных компаний привела к большой доступности табачных изделий для населения страны. За восемь лет рассчитываемый показатель изменился от 5,46 в 1999 г. до 2,04 в 2006 г. В течение последующих двух лет снова отмечалось незначительное повышение индекса (до 2,5 к 2008 г.), в то время так в 2010 г. он снизился до 1,9. Это означает, что доступность сигарет в отдельные временные периоды уменьшалась, но это уменьшение было связано с резким снижением денежных доходов населения в период трансформационного кризиса. То есть политика налогов на табачные изделия не носила постоянного характера, способствующего снижению потребления табака жителями страны.

Об этом же свидетельствует и сравнение роста цен на табачные изделия и уровня покупательной способности населения. Цены на сигареты, с поправкой на инфляцию, упали примерно на 40%, в период между 2000 и 2007 г., в то же время заработная плата в этот период повысилась с 12% до 15% в год. Это означает, что у россиян стало больше средств для покупок, включая сигареты. Табак становится товаром все более доступным по сравнению с продуктами первой необходимости. Так, средняя цена на сигареты повысилась на 5,8% в год в период с 2000 г. по 2005 г., в то время как цены на хлеб, молоко, мясо и общественный

транспорт повышались значительно быстрее — 13,9%, 13,3%, 17,8% и 22,1% соответственно (Ross, Shariff, Gilmore 2008). Такие же результаты приводятся и отечественными исследователями. Так, в докладе Общественной палаты отмечается, что в результате такой политики сигареты в России стоили дешевле, по сравнению со странами ЕС, где с 2001 г. по 2005 г. цены на сигареты возросли на 6,8% быстрее, чем общая инфляция. Похожая тенденция отмечалась и при сравнении с такими странами, как Бразилия, Аргентина, Турция, Грузия, Армения, Украина.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что в России установлена одна из самых низких цен на табачную продукцию. И это происходит в стране, как признают, наконец, не только зарубежные специалисты, но и наши законодатели, где наблюдается одна из самых высоких в мире распространенность курения (ФЗ «Об охране здоровья населения...» 2013). Резкое повышение налогов (акцизов) на сигареты является мировым трендом, однако Россия до сих пор находится в стороне от этого процесса.

Налоги на табак в нашей стране были установлены в конце 1991 г., когда был принят Закон РФ об установлении порядка обложения акцизами ряда товаров, в том числе и табачных изделий. Анализ трендов акцизных налогов на табачные изделия, начиная с момента их становления, позволяет выделить три временных периода, в значительной мере отличающихся друг от друга. В первый период наблюдается понижение ставок акциза с целью поощрения производства (1992–2000). До 1992 г. табачная промышленность принадлежала государству и акцизных налогов на табак не было. В то время почти все отрасли экономики, включая табачные фабрики, претерпевали спад производства из-за общего экономического кризиса. Для улучшения ситуации было принято решение привлечь иностранных инвесторов, и в конце 1992 г. часть российских табачных фабрик стала совместными предприятиями, контрольный пакет которых принадлежал Транснациональным табачным компаниям. Новые участники совместного производства обещали быстро насытить табачный рынок, но требовали соответствующих условий для работы, в частности низких акцизных ставок.

Так, в рассматриваемый период размер акцизного налога рассчитывался как процент от стоимости товаров, он составлял 20% отпускной цены (Совет Министров — Правительство РФ... 1993). Установленный порядок продолжался до 1996 г., в 1997 г. был использован так называемый специфический акциз, он определялся в твердых суммах

на 1000 сигарет, вне зависимости от их стоимости. Его величина равнялась 0,21 коп., при цене 1,9 руб. за пачку сигарет с фильтром, таким образом, акциз составлял всего 10% от стоимости пачки сигарет. Предполагалось, что потери бюджета от таких низких ставок налога будут компенсированы за счет увеличения производства. В 1999 г. Россия собрала в бюджет только 2,4 млрд руб. табачных сборов, хотя производство составляло 294 млрд сигарет. Однако в 2000 г. благодаря увеличению ставки налога доходы бюджета России увеличились до 5,1 млрд руб., производство выросло до 341 млрд сигарет (Обзор отрасли... 2002).

Второй период (2001–2009) характеризовался ежегодным повышением ставок акцизного сбора на табачную продукцию. Аналитические данные показывают, что для сигарет с фильтром минимальный размер ставки увеличился с 35 до 177 руб. на 1000 сигарет, а для сигарет без фильтра — с 10 до 90 руб. (Справочная информация: «Налоговые ставки...»). В это же время начинает развиваться и совершенствоваться сама система налогообложения, в том числе и на табачные изделия. Так, с 2003 г. действует смешанная система акцизных сборов на табачную продукцию, основанная на двух составляющих. Ежегодно устанавливаются ставка специфического акциза в твердых суммах на 1000 сигарет, при этом для сигарет с фильтром и без фильтра эти твердые суммы различаются. Кроме того, устанавливается ставка адвалорного акциза, как процент от их максимальной розничной цены, ежемесячно определяемой производителем.

Наши расчеты показывают, что доля акцизов вплоть до 2007 г. для сигарет с фильтром стоимостью 7–10 рублей за пачку (что соответствовало средней цене сигарет, по данным Росстата, за период 2001–2007 гг.) составляла 10–23% от розничной цены. Она несколько увеличилась к концу этого периода. В 2008 г. акцизы для сигарет с фильтром стоимостью 12 руб. за пачку были равны 26%, а в 2009 г. — 27% (Российский статистический ежегодник 2012: 673; Справочная информация: «Налоговые ставки...»). В целом, как показывает наш анализ, за девять лет акцизные ставки повысились почти в два раза, ежегодный рост акцизов составил 22%. В то же время, наблюдаются существенные вариации этого показателя в течение рассматриваемого периода. Так в 2002 г. и 2005 г. акцизы выросли примерно на 18%, в то же время 2007 г. показывает самый высокий темп роста — 36,5%. Важно отметить, что в этот временной отрезок цены на табачную продукцию значительно отставали от темпов инфляции.

Средние цены на пачку отечественных сигарет с фильтром выросли с 6,78 руб. в 2001 г. до 11,87 руб. в 2008 г., то есть на 75%. В то же время уровень инфляции за эти годы составил 262%. Если бы цены на сигареты росли в соответствии со средним уровнем инфляции, то в 2008 г. они стоили бы 17,76 руб., то есть в 1,5 раза больше реального уровня (Акцизное налогообложение в РФ... 2009). Таким образом, можно на основании конкретных данных констатировать, что цены на табачную продукцию росли значительно медленнее, чем общее удорожание потребительских товаров.

Характеризуя процессы налогообложения табачной продукции в течение этого периода, следует еще раз подчеркнуть, что повышение цен на сигареты не достигало уровня инфляции, а это значит, что проводившаяся в 2001–2009 гг. акцизная политика не содействовала сокращению потребления табака. Данные международных исследований неоднократно подтверждают, что налоговая политика способствует снижению потребления табачных изделий только в том случае, если рост цен на них превышает уровень инфляции (Van Walbeek 2003; Warren, Erguder, Lee et al. 2012).

Третий период охватывает 2010 г. и продолжается по настоящее время. Его характерной чертой является стремление, правда, не всегда удачное, проводить государственную политику, которая была бы нацелена на уменьшение курения среди граждан нашей страны. В 2008 г. Россия ратифицировала Рамочную конвенцию ВОЗ по борьбе против табака (РКБТ). В статье 6 этого документа указано: «Стороны признают, что ценовые и налоговые меры являются эффективным и важным средством сокращения потребления табака различными группами населения, особенно молодежью» (Рамочная конвенция ВОЗ... 2005). Ратифицировавшие РКБТ страны должны осуществлять меры налоговой политики в отношении табачных изделий, с тем чтобы содействовать достижению целей в области здравоохранения, направленных на сокращение потребления табака. К концу 2010 г. Россией была разработана и принята Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010–2015 гг., которая предусматривала поэтапное увеличение налога на табачные изделия. На логи предполагалось довести до среднего уровня налогообложения стран Европейского региона Всемирной организации здравоохранения (Концепция осуществления государственной политики... 2010).

Присоединение к РКБТ и начало проведения государственной политики по борьбе с табаком послужило толчком к довольно существенному по-

вышению акцизных ставок. В 2010 г. их рост еще был невелик, темп роста составлял 22%, этот процесс скорее был продолжением предшествующего периода, а доля акциза в розничной цене сигарет мало отличалась от доли 2009 г. и была равна примерно четверти стоимости сигарет. В 2011 г. отмечаются значительные перемены: повышение акцизов составило больше 70%, такого резкого роста акцизных ставок в российском налогообложении еще не наблюдалось. Министерство финансов РФ в этом году предложило увеличить специфическую ставку акциза на сигареты с текущего уровня в 175 руб. за 1000 сигарет с фильтром до 280 руб., а также адвалорную ставку с 6,5 до 7% от розничной цены пачки. В целом налог на сигареты с фильтром составил 360 руб., а на сигареты эконом-класса (без фильтра) поднялся до 154 руб. Соответственно выросла и доля акциза в розничной цене, практически она составила одну треть (32,5%) стоимости отечественных сигарет.

Ориентиром для проведения такой политики послужили рекомендации Всемирного банка и Всемирной организации здравоохранения для стран Европейского региона. Как уже упоминалось ранее, еще в 1999 г. Всемирный банк опубликовал доклад, посвященный проблеме сдерживания табачной эпидемии мерами государственной политики, одно из первых мест в воздействии государства занимали вопросы налогообложения табачных изделий. В докладе говорилось, что в государствах, осуществляющих эффективную политику по борьбе с табаком, рекомендуется использовать такую систему налогообложения, при которой доля акцизов на сигареты должна составлять от двух третей до четырех пятых общей розничной стоимости (*Curbing the epidemic...* 1999). В странах ЕС, по рекомендации ВОЗ, доля акцизного налога в розничной цене сигарет наиболее популярной ценовой категории должна составлять не меньше 57% (*World Health Organization. Effectiveness of Tax and Price...* 2011).

Надо сказать, что продолжение политики предыдущего года (2011) распространялось и на 2012 г., доля акцизов в цене пачки сигарет была равна 33,6%. Этому способствовала позиция Минздрава по выдвижению законопроекта об охране здоровья населения от воздействия табачного дыма. В частности, в этом документе предлагалось ужесточить практику налоговых сборов в табачной промышленности. По замыслу ведомства, должно происходить законодательное закрепление ежегодного увеличения акциза на 40% по отношению к накопленной базе. Однако в 2013 г. ставка акциза составила только 28%, из которых почти четверть приходится на рост инфляции. По прогнозу Министерства

экономического развития, инфляция должна составить в этом году 6,2% (Прогноз показателей инфляции... 2012). Снижению доли акцизов в цене более чем на пять процентных пунктов и значительному уменьшению удельного веса налоговой ставки, по сравнению с предложением Минздрава, предшествовало изменение позиции Министерства финансов РФ, в которой было предложено отложить резкое повышение табачных акцизов в стране. В документе, который излагал эту точку зрения, говорилось, о том, что предложенное Минздравом повышение акцизного сбора с каждой пачки сигарет к 2014 г. с 7,8 до 20,8 рубля (рост в 2,6 раза), по расчетам сотрудников Минфина, лишь увеличит нелегальный оборот табачных изделий в стране. Кроме того, в перспективе поставит под угрозу срыва наметившийся процесс сближения акцизной политики, которая в настоящее время осуществляется государствами — участниками Таможенного союза. На основании этих доводов было рекомендовано вернуться к рассмотрению этих предложений после завершения переговорного процесса о согласовании акцизной политики в Таможенном союзе (Минфин РФ... 2012).

Такой рекомендации, судя по всему, предшествовала большая исследовательская работа, проведенная Международным центром по налогам и инвестициям (ITIC) в сотрудничестве с организацией Oxford Economics (аналитическое подразделение Оксфордского университета), посвященная политике акцизного налогообложения табачной продукции в РФ. Ориентируясь на индекс ценовой доступности сигарет (отношение цены сигарет к размеру ежедневного располагаемого дохода), исследователи показали, что если этот показатель превышает 8% ежедневного дохода потребителя, то наблюдается рост нелегального рынка. В нашей стране сегодня средний потребитель тратит на пачку сигарет примерно 5% ежедневного дохода. Однако если темпы повышения акцизов реализуются на уровне, предложенном Минздравом, — ежегодное повышение акцизов на 40%, то за шесть лет средняя стоимость пачки сигарет вырастет в 5 раз, а расходы населения на табачные изделия достигнут 12% от ежедневного дохода.

В качестве альтернативы эксперты ITIC предлагают ориентироваться на баланс между сохранением ценовой доступности сигарет и отсутствием значительного роста нелегальной торговли. В период до 2018 г. рост акцизов при таком сценарии составит 23% в год, средняя пачка сигарет подорожает в 2,5 раза, при этом расходы на табак вырастут до 6% от ежедневного дохода, а доля нелегальной торговли через пять лет не превысит 5% от общего объема рынка.

Немалый вклад в политику налогообложения России вносит деятельность транснациональных табачных компаний, которые добиваются установления минимальных ставок акцизов. После предложенного Министерством здравоохранения законопроекта в октябре 2012 г. прошло заседание Евразийской экономической комиссии, где обсуждался Проект гармонизации акцизной политики по алкогольной и табачной продукции между странами Таможенного союза (Страны — члены ТС... 2012). Принятие данного документа будет означать, что ценовая политика, касающаяся размера акцизов в России, будет напрямую зависеть от решений, которые принимаются в Казахстане и Белоруссии. Таким образом, транснациональная табачная индустрия делает попытку использования структуры Единого экономического пространства (ЕЭП) для продвижения своих интересов, не принимая в расчет причинение вреда здоровью граждан России.

По сути дела, речь идет о сохранении налоговой политики предыдущих лет, когда начиная с 2007 по 2010 г. акцизные сборы на сигареты росли примерно на 23% в год, при этом доля акцизов в розничной цене сигарет остается на уровне менее одной трети. Это значит, что такой инструмент в борьбе с курением, как повышение налогов, остается незадействованным, по крайней мере, в течение ближайших пяти лет.

Общий вывод, который содержится в представленном материале, состоит в том, что налоговая политика, осуществляемая государством на протяжении присутствия на нашем рынке транснациональным корпораций, по сию пору не содействует уменьшению распространенности курения. С точки зрения многоуровневого анализа это означает, что среди контекстуальных факторов величина налогов оказывается малозначимым предиктором уровня курения в нашей стране.

Реклама

К числу факторов, оказавших значительное влияние на распространенность табачной эпидемии, безусловно, относится и реклама табачных изделий. Не случайно Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака приравнивает рекламу к самому эффективному средству стимулирования продажи табачных изделий. Именно поэтому страны, присоединившиеся к РКБТ, должны в течение пяти лет после вступления Конвенции в силу ввести полный запрет на рекламирование табака (Рамочная конвенция ВОЗ... 2005).

Известно, что действующие до 1991 г. «Основы законодательства РСФСР об охране здоровья граждан» полностью запрещали рекламу табачных изделий в любых видах, касалось ли это средств массовой информации или наружной рекламы. Надо сказать, что в этом запрете проявлялась не только забота о здоровье граждан. Постоянный дефицит производства сигарет и других курительных изделий делали бессмысленным принятие каких-либо действий по рекламированию этой продукции.

Внедрение в российское производство транснациональных корпораций и постепенное удовлетворение потребностей в курительной продукции неизменно вели к созданию рекламного рынка в этой сфере.

Как и многие данные, касающиеся деятельности табачной промышленности, упорядоченная статистика о средствах, выделяемых на рекламу, не ведется, в лучшем случае эти сведения носят разрозненный и закрытый характер. Первые данные о рекламных бюджетах предприятий табачной индустрии, которые нам удалось обнаружить, относятся к 1997 г., по данным специалистов, размер средств, выделяемых на рекламу, составлял порядка 25 млн долл. (Стефашин 2001). Спустя три года (2000), было проведено исследование компанией Russian Public Relations Group (RPRG) наружной рекламы табака в 32 крупнейших городах России. В нее включались графическая, текстовая или иная информация, которая размещается на специальных конструкциях, расположенных на открытой местности, а также на внешних поверхностях зданий, сооружений. По данным, полученным в ходе изучения этого вида рекламы, его стоимость составила 30,9 млн долл., причем 30 млн долл. приходилось на транснациональные компании и 900 тыс. долл. — на табачные фабрики с российским капиталом. Эксперты считают, что основная часть рекламных бюджетов табачных компаний (не менее 70%) направлялась в двухтысячном году на наружную рекламу, следовательно, общий объем средств, затраченных на рекламу табака, составлял около 44 млн долл. (Федотов 2001).

В 2004 г. расходы табачной промышленности, связанные с рекламой табака в газетах, журналах, отдельных рекламных изданиях, достигли 60 млн долл., наружная реклама составила 90 млн долл. (удельный вес ее несколько уменьшился), то есть в целом индустрия тратила порядка 150 млн долл. на рекламу табачных изделий (Доклад: Табачная эпидемия в России... 2009; Воронцов, Добров 2004). Дальнейший рост рекламного рынка табачной продукции шел в геометрической прогрессии. Прогноз, сделанный авторами Доклада о табачной эпидемии

в России, основываясь на прибылях трех наиболее мощных транснациональных компаний, действовавших на нашем рынке — BAT, Philip Morris и японского концерна JTJ. При этом предполагалось, что в среднем табачные компании тратят около 12% чистой прибыли на маркетинговое продвижение. В 2007 г. BAT получил чистой прибыли 3,64 млрд долл., Philip Morris за первое полугодие 2009 г. — 3,02 млрд долл., JTJ за II квартал 2009 г. — 452 млн долл. Исследователи экстраполировали эти данные в пересчете на годовые показатели и получили общую сумму чистой прибыли трех табачных гигантов, которая была равна 11–12 млрд долл. Следовательно, по их расчетам, прогноз бюджета на рекламу в 2009 г. составил 1,1 млрд долл. (Доклад: Табачная эпидемия в России... 2009).

Однако в 2011 г. генеральный директор ассоциации «Табакпром» В. Желнин оценивает рынок рекламы табачных изделий примерно в 500 млн долл. При этом такую же оценку дают правительственные эксперты — по их мнению, речь может идти о рынке рекламы с объемом около 15,5 млрд руб. (500 млн долл.) (Гуторова 2012). Такие расхождения в оценках, на наш взгляд, полностью соответствуют постоянно звучащим претензиям руководящих органов ВОЗ по соблюдению принципа открытости, прозрачности и точной информации, предоставляемой табачной промышленностью (Руководящие принципы ВОЗ... 2008). Закрытость, непрозрачность данных табачных компаний, касающихся величины средств, направляемых на прямую рекламу, и различных действий, связанных с продвижением табачных изделий (проведение промо-акций, бесплатная раздача сигарет, скидки на них, изготовление подарочной продукции со своими логотипами и пр.), мешают принятию эффективных мер по предупреждению маркетинговых действий, стимулирующих продажу табака.

Попытки законодательно ограничить влияние ТТК на рекламу табака вплоть до 1995 г. не имели успеха, агрессивность маркетингового продвижения табачных изделий была очевидной. Первый Федеральный закон «О рекламе» был принят 14 июня 1995 г., он ввел среди прочих положений ограничения на рекламу табачной продукции. Закон устанавливал ряд запретов, касающихся печатных средств массовой информации и электронных СМИ. Так, рекламирование табака не допускалось на первой и последней страницах газет и журналов, а телевидение и радио не могли вести рекламную деятельность таких товаров, за исключением ночных часов. Как отмечают аналитики рекламного рынка табака, первый закон о рекламе вводил очень незначительные

ограничения в рекламировании курительных изделий в период с 1992 г. до 2005 г. В результате Россия этого времени была буквально наводнена прямой рекламой табака, в том числе на телевидении (Дёмин, Дёмина, Дёмин 2012). В 2006 г. вступил в действие новый закон о рекламной деятельности, который внес ряд серьезных ограничений, касающихся рекламы табачной продукции (Федеральный закон РФ... 2006). Так, согласно этому закону, реклама табака и табачных изделий не должна была размещаться на всех видах транспортных средств, в образовательных, медицинских организациях и учреждениях культуры. Кроме ограничения прямой рекламы, вводится запрет на скрытую рекламу, в том числе так называемых зонтичных (замещающих) брендов, когда под видом одного продукта косвенно пропагандируется другой. Но наиболее радикальным средством закона 2006 г. было введение запрета на наружную рекламу, которая считается основным инструментом продвижения табачных брендов. Так, было запрещено использовать технические средства для размещения рекламных конструкций, располагаемых на крышах и стенах зданий, создание специальных сооружений в виде щитов, растяжек и пр. Интересно отметить тот факт, что, по данным Общественной палаты, табачные производители были готовы прекратить наружную и телевизионную рекламу еще в начале 1990-х гг., если бы власти приняли такое решение (Доклад: Табачная эпидемия в России... 2009: 61).

В целом можно сказать, что действующие законы не оказали сколь-нибудь значимого влияния на распространенность курения, продажа табачных изделий продолжала расти. Так, в 2006 г. (год принятия закона, ограничивающего рекламу) потребление сигарет составляло 315,4 млрд шт., в 2007 г. — 318,5 млрд шт. В целом потребление табака шло по нарастающей, и в 2012 г. (по прогнозу) эта величина должна была составить 337,5 млрд шт. сигарет (Ross, Shariff, Gilmore 2008: 12).

Такое положение дел вполне соответствовало выводам многих специалистов, которые показали, что частичные запреты на рекламу только в малой степени уменьшают потребление табака, а порой и вовсе не оказывают никакого воздействия (Laugesen, Meads 1991; Спонсорство табачными компаниями... 2012). Так, исследование, которое проводилось в 22 странах, за период с 1970 по 1992 г., показало, что только полный запрет рекламы снижает потребление табака на 6,3%. Последующее, более обширное обследование, охватившее 102 страны, обнаружило, что всесторонний запрет рекламы табачных изделий приводит к уменьшению потребления примерно на 8%, в то время как час-

тичные запреты незначительно влияют на снижение курения (всего лишь на 1%), а порой вообще не имеют какого-либо влияния (Quentin, Neubauer, Leidl et al. 2007). В обзоре, посвященном изучению полного/неполного запрета рекламы на табачные изделия в различных странах, приводятся данные с очень близкими результатами. Так, в Норвегии после введения полного запрета на рекламу и спонсорство табачными компаниями уровень распространенности курения снизился на 9%. В Канаде исследование запрета на спонсорство показало, что потребление сигарет уменьшилось на 4%, в Новой Зеландии при соблюдении тех же условий этот показатель изменился в том же направлении — на 5,5% (Willemsen, de Blij 2009).

Очевидно, что общий вывод большинства исследований состоит в том, что только всесторонний запрет на рекламу и спонсорство табачных производителей на какие-либо благотворительные программы, в том числе подающиеся под видом корпоративной социальной ответственности (КСО) предприятия, может помочь снижению табачной эпидемии. Однако наша страна только в 2013 г., приняв закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», решилась на установление полного запрета рекламы и маркетинговые действия, стимулировавшие продажу табака.

Сейчас трудно оценить, насколько быстро принятый закон будет способствовать уменьшению распространенности курения, прошло слишком мало времени для взвешенной оценки, но нужно отметить, что в тексте закона упомянуты все основные направления политики государства, которые ВОЗ считает необходимыми для преодоления табачной эпидемии. К их числу относятся установление высоких налогов на табачные изделия, запрет на курение в общественных местах, полный запрет на рекламу всех табачных изделий, постоянное распространение информации о вреде табака, усиление предупредительных мер при продаже табачных продуктов, организацию помощи курильщикам, пытающимся бросить курить. К числу прочих мер относится и создание мониторинга, и оценка эффективности реализации мероприятий, направленных на сокращение потребления табака.

Между тем эксперты с осторожностью видят будущее закона и его роль в уменьшении распространенности курения в стране (Дёмин 2013; Шаинян 2013).

Отмечая, что в законе прописаны современные требования ВОЗ, специалисты обращают внимание на то, что эти требования имеют

отношение, главным образом, к потребителю, в то время как интересы производителей новый закон практически не затрагивает. Подробный анализ принятого документа заставляет, по их мнению, считать, что иностранные табачные компании сумели нейтрализовать основные риски для своего благополучия, связанные с ратификацией Россией Рамочной конвенции, им удалось сохранить контроль при внесении соответствующих изменений в российское законодательство. Ситуация с предложением Минздрава по ежегодному увеличению налогов, проанализированная выше, на наш взгляд, подтверждает такую оценку.

Общий вывод большинства аналитиков состоит в том, что без ущемления прав табачной промышленности в законодательной сфере и усиления значимости государственной политики в области производства и распределения их продукции табачная эпидемия в России не будет остановлена.

Определенные надежды можно возложить на создание мониторинга и оценку эффективности реализации мероприятий, направленных на сокращение потребления табака. Пока эта система находится в стадии проектирования, однако важно предусмотреть, чтобы эти инструменты, по аналогии с мониторингом Всемирной организации здравоохранения (Tobacco Industry Monitoring database), включали различные показатели деятельности табачной индустрии, а не только выполнение мер, предъявляемых к потребителю (запрет на курение в общественных местах и пр.). Создание такой системы поможет получить достоверную и систематическую информацию для исследования контекстуальных факторов, в наибольшей степени влияющих на сокращение курения. К числу таких факторов относятся, прежде всего, сокращение инвестиций, вкладываемых в промышленность, увеличение акцизных ставок на табачную продукцию и соблюдение полного запрета на рекламу табака. Возможно, использование полученных данных поможет принять определенные меры по сокращению табачной эпидемии.

Заключение

Подводя некоторые итоги анализа контекстуальных переменных, значимых для распространенности табачной эпидемии в России, можно отметить следующее. Россия прошла весь путь, по которому вынуждены были пройти развивающиеся страны. Экономическая либерализация и открытие табачного рынка страны для ТТК привели

к значительному увеличению потребления сигарет. Правительство России постоянно способствовало созданию крайне выгодных условий для крупных табачных компаний, они получали от государства разнообразные налоговые льготы и преференции. Такая политика позволяла иностранным компаниям делать крупные инвестиционные вложения в развитие табачной индустрии.

Анализ налоговой политики, осуществляемой государством на протяжении всего присутствия на нашем рынке транснациональных корпораций, показывает, что величина налоговых ставок на табачную продукцию, устанавливаемая правительством, слишком мала, чтобы оказывать влияние на сокращение уровня курения в нашей стране. Цена пачки сигарет, которая в значительной мере должна складываться из размера акцизной ставки, значительно меньше той величины, которая могла бы мотивировать людей к отказу от курения. Все попытки привести налоговую политику к уровню европейских стран, успешно борющихся против курения, пока не достигают цели.

Борьба с рекламой как действенным средством уменьшения потребления табака, велась у нас в стране слишком робко. Бюджеты рекламных кампаний табачной индустрии постоянно росли, использовались различные маркетинговые действия, стимулирующие продажу табака, и только в 2013 г. в стране был законодательно установлен полный запрет на рекламу табачных изделий.

Пользуясь объяснительными возможностями многоуровневой методологии, можно предположить, что в качестве основного фактора, способствующего росту распространенности курения, выступают тренды инвестиционных вложений иностранных корпораций. Среди контекстуальных факторов величина налогов в России окажется малозначимым предиктором уровня курения в нашей стране в силу крайне низких налоговых ставок на табачные изделия. Использование переменной расходов на рекламу покажет, по всей видимости, значительное приращение объяснительных возможностей распространенности курения, по крайней мере, до нынешнего года, когда считается, что реклама и спонсорство табачных изделий в любом виде запрещены.

Источники

Акцизное налогообложение в Российской Федерации. Проблемы нынешней системы и варианты ее улучшения. 2009. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=52&id=783467

- Воронцов К., Добров Д. Табачную рекламу уберут с улиц. 2004. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/518678>
- Восстановим государственную монополию на табак в России // Бюллетень гражданского общества России по защите от табачной угрозы. 2009 № 6. URL: <http://sl.rpha.ru/bulletin/65/>.
- Глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака. Российская Федерация. Страновой отчет. 2009. URL: http://www.who.int/tobacco/surveillance/ru_tfi_gatsrussian_countryreport.pdf
- Гуторова М. Возможный запрет рекламы табака: оценки и прогнозы экспертов. 2012. URL: <http://www.aif.ru/money/article/56175>
- Дёмин А. К. Тринадцать лет табачного законодательства. 2013. URL: <http://osdm.org/blog/2013/04/21/nexoroshij-zakon/>
- Дёмин А. К., И. А. Дёмина, Дёмин А. А. Россия: Дело ТАБАК. Расследование массового убийства. Первое специальное независимое расследование социально опасного бизнеса в национальных интересах: малоизвестные факты, анализ, рекомендации. Российская ассоциация общественного здоровья. М., 2012. URL: http://www.raoz.ru/book/RUS_91.pdf
- Добров Д. Пищевая промышленность 1991–2000. По страницам обзоров журнала «Коммерсант–Власть». 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/ros_otr/pp.htm
- Доклад Всемирной Организации здравоохранения. О Глобальной Табачной Эпидемии. 2008 г. URL: http://whqlibdoc.who.int/publications/2008/9789244596289_rus.pdf
- Доклад: Табачная эпидемия в России: причины, последствия, пути преодоления. Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по социальной и демографической политике. 2009. URL: <http://www.dnv-prk.info/doc/doklad%20o%20tabakokurenii.doc>
- Компания JTI. [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://www.jump-jti.ru/about/>
- Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010–2015 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2010. URL: <http://правительство.рф/media/2010/10/1/35544/file/1563-pril.doc>
- Минфин РФ рекомендовал отложить повышение акцизов на табачные изделия. URL: <http://www.km.ru/economics/2012/11/08/ministerstvo-finansov-rf/696846-minfin-rf-rekomendoval-otlozhit-povyshenie-aks>
- Обзор отрасли: производство табачных изделий Аналитический отдел РИА. РосБизнесКонсалтинг. 2000. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/497/557/1217/tabak.doc>
- Обзор отрасли: производство табачных изделий. 2002. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/103/534/1217/tabak.doc>
- Philip Morris International. Основные факты и финансовые данные. 2010. URL: http://www.pmi.com/ru_ru/about_us/philip_morris_international_affiliates_in_russia_overview/pages/key_facts_and_financial_data.aspx

- Отчет о корпоративной ответственности «Бритиш Американ Табакко Россия». 2011. URL: <http://www.batrussia.ru/ru/csr/files/assets/seo/page14.html>
- Прогноз показателей инфляции и системы цен до 2015 г. Минэкономразвития. 2012. URL: http://mineconomikiro.ru/m5/m53/2013–2015/progniz_inflation2013.xls
- Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака. Всемирная организация здравоохранения. 2005. URL: http://whqlibdoc.who.int/publications/2003/9789244591017_rus.pdf
- Рано умирать: Проблемы высокого уровня заболеваемости и преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации и пути их решения. Международный банк реконструкции и развития/ Всемирный банк. 2006. URL: <http://socpolitika.ru/files/199/dty.pdf>
- Расчет по данным: The World Bank: Foreign direct investment. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD>
- Российский рынок табачных изделий: селективный обзор. М., 2010. URL: www.symbolgroup.ru/researchdemofile.php?id=127
- Российский статистический ежегодник. 2010.
- Российский статистический ежегодник. 2012.
- Руководящие принципы осуществления Статьи 5.3 Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака по защите политики общественного здравоохранения в отношении борьбы против табака от воздействия коммерческих и других корпоративных интересов табачной промышленности. 2008. URL: http://www.who.int/fctc/guidelines/article_5_3_ru.pdf
- Русинова Н. Л., Озерова О. В., Сафронов В. В. Курение в России: социальные различия и тенденции в 1990-е и 2000-е гг. // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 104–113.
- Совет Министров — Правительство Российской Федерации. Постановление от 30 сентября 1993 г. № 985 об утверждении ставок акцизов по отдельным видам товаров. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=9613>
- Спонсорство табачными компаниями, стимулирования продажи и рекламы табачных изделий. Международный Союз против туберкулеза и легочных заболеваний. 2012. URL: http://www.tobaccofreeunion.org/assets/Factsheets%20Russia/TISponsorship_Factsheet_RUS.pdf
- Справочная информация: «Налоговые ставки по акцизам на подакцизные товары» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52453/?frame=14
- Стефашин В. Актуальные проблемы табачного бизнеса в России // Вестник аналитики. 2001. № 4. С. 109–125.
- Страны — члены ТС гармонизируют акцизную политику 2012. URL: <http://www.moyby.com/wiki/%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8/>

- Табачная отрасль. 2004. URL: http://www.fas.gov.ru/analytical-materials/analytical-materials_224.html
- Федеральный закон Российской Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ ст. 23. URL: <http://www.rg.ru/2006/03/15/reklama-dok.html>
- Об охране здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: Федеральный закон 2013. URL: <http://zakon.government.ru/laws/federalnyy-zakon-quotob/>
- Федотов А. Современное состояние рынка наружной рекламы в России. URL: <http://www.cfin.ru/press/practical/2001-01/08.shtml?printversion>
- Шаинян К. Беспольный закон о вреде. 2013. URL <http://www.svoboda.org/content/article/24900514.html>
- Bettcher D., Subramanian C., Guindon E. Confronting the tobacco epidemic in an era of trade liberalisation. Geneva: World Health Organization. 2001.
- Blecher E., van Walbeek C. An Analysis of Cigarette Affordability. Paris: International Union Against Tuberculosis and Lung Disease; 2008. URL: <http://www.tobaccofreeunion.org/assets/Technical%20Resources/Economic%20Reports/An%20Analysis%20of%20Cigarette%20Affordability%20-%20EN.pdf>
- Chahine T., Subramanian S., Levy J. Sociodemographic and geographic variability in smoking in the U.S.: A multilevel analysis of the 2006–2007 Current Population Survey, Tobacco Use Supplement Social // Science & Medicine. 2011. Vol. 73. P. 752–758.
- Chaix B., Guilbert P., Chauvin P. A multilevel analysis of tobacco use and tobacco consumption levels in France: Are there any combination risk groups? // European Journal of Public Health. 2004. Vol. 14. P. 186–190.
- Chantornvong S, McCargo D. Political economy of tobacco control in Thailand. Tobacco Control. 2001. Vol. 10. P.48–54.
- Corsi D., Chow C., Lear S., Subramanian S., Teo K., Boyle M. Smoking in context: a multilevel analysis of 49088 communities in Canada // American Journal of Preventive Medicine. 2013. Vol. 43 (6). P. 601–610.
- Curbing the epidemic: governments and the economics of tobacco control. The World Bank. Tobacco Control. 1999. № 8. P. 196–201. URL: <http://tobaccocontrol.bmj.com/content/8/2/196.full.pdf+html>
- Gilmore A., McKee M. Tobacco and transition: an overview of industry investments, impact and influence in the former Soviet Union. Tobacco Control. 2004. Vol. 13. P. 136–142.
- Huisman M., Van Lenthe F., Giskes K., Kamphuis C., Brug J., Mackenbach J. Explaining socio-economic inequalities in daily smoking: a social–ecological approach // European Journal of Public Health. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 238–243.
- Joossens L. The Tobacco Control Scale: a new scale to measure country Activity / L. Joossens, M. Raw // Tobacco Control. 2006. Vol. 15 (3). P. 247–253. URL: http://ec.europa.eu/health/ph_projects/2003/action1/docs/2003_1_16_frep_en.pdf

- Laugesen M.* Tobacco restrictions, price, income and tobacco consumption in OECD countries, 1960–1986 / M. Laugesen, C. Meads // *British Journal of Addiction*. 1991. Vol. 86. P. 1343–1354.
- Mackay J.* The Tobacco Atlas / J. Mackay, M. Eriksen, O. Shafey. 2nd ed. Atlanta: American Cancer Society. 2006.
- McNeill L.* Social Environment and Physical activity: A review of concepts and evidence / L. McNeill, M. Kreuter, S. Subramanian // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 63. P. 1011–1022.
- Merlo J.* Contextual Influences on the Individual Life Course: Building a Research Framework for Social Epidemiology / J. Merlo // *Psychosocial Intervention*. 2011. Vol. 20. № 1. P. 109–118.
- Mohnen S.* Health-related behavior as a mechanism behind the relationship between neighborhood social capital and individual health — a multilevel analysis / S. Mohnen, B. Völker, H. Flap, P. Groenewegen // *BMC Public Health*. 2012. Vol. 12 (116). URL: <http://www.biomedcentral.com/1471-2458/12/116>
- Perlman F.* Trends in the prevalence of smoking in Russia during the transition to a market economy / F. Perlman, M. Bobak, A. Gilmore, M. McKee // *Tob Control*. 2007. Vol. 16 (5). P. 299–305.
- Quentin W.* Advertising Bans as a Means of Tobacco Control Policy: a Systematic Literature Review of Time-Series Analyses / W. Quentin, S. Neubauer, R. Leidl, H. König // *International Journal of Public Health*. 2007. Vol. 52 (5). P. 295–307.
- Ringel J.* Cigarette taxes and smoking during pregnancy / J. Ringel, W. Evans // *American Journal of Public Health*. 2001. Vol. 91 (11). P. 1851–1856.
- Ross H.* Economics of Tobacco Taxation in Russian / H. Ross, S. Shariff, A. Gilmore. 2008. URL: http://global.tobaccofreekids.org/files/pdfs/en/Russia_tobacco_taxes_full_en.pdf.
- Russian Federation, European Region 2001. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTETC/Resources/375990-112106769274/Russian_Federation.pdf
- Schaap M.* Effect of nation-wide tobacco control policies on smoking cessation in high and low educated groups in 18 European countries / M. Schaap, A. Kunst, J. Mackenbach // *Tackling Health Inequalities in Europe: An Integrated Approach Eurothine*. Final report. Erasmus MC University Medical Center Rotterdam. 2007. P. 352–369. (URL: http://ec.europa.eu/health/ph_projects/2003/action1/docs/2003_1_16_frep_en.pdf)
- Tobacco Industry Monitoring database. WHO. URL: <http://www.who.int/tobacco/industry/monitoring/en/>
- Tobacco Industry Profile — Russia. Campaign for Tobacco-Free Kids. 2010. URL: http://global.tobaccofreekids.org/files/pdfs/en/IW_facts_countries_Russia.pdf
- Van Walbeek C.* Tobacco excise taxation in South Africa / C. Van Walbeek. South Africa: World Health Organization. 2003. URL: www.who.int/tobacco/training/success_stories/en/best_practices_south_africa_taxation.pdf

- Vuolo M.* Placing Deviance in a Legal and Local Context: A Multilevel Analysis of Cigarette Use in the European / *M. Vuolo* // *Union Social Forces*. 2012. Vol. 90 (4). P. 1377–1402.
- Warren C.* Effect of policy changes on cigarette sales: the case of Turkey / *C. Warren, T. Erguder* // *European Journal of Public Health*. 2012. Vol. 22 (5). P. 712–716. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/2246778>
- WHO Global Report. Mortality Attributable to Tobacco. Geneva: WHO Press, 2012. URL: http://whqlibdoc.who.int/publications/2012/9789241564434_eng.pdf
- Willemsen M.* Tobacco Advertising, GLOBALink factsheet / *M. Willemsen, B. de Blij*. 2009. URL: <http://www.rctfi.org/resources/Globalink%20Factsheets%20-%20Tobacco%20Advertising.pdf>
- World Bank Tobacco control at a glance. Washington DC, 2003. URL: <http://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/9730/231790BRI0REV110Box345620B01PUBLIC1.pdf?sequence=1>
- World Health Organization (WHO). Effectiveness of Tax and Price Policies for Tobacco Control. IARC Handbooks of Cancer Prevention in Tobacco Control. 2011. Vol. 14. Geneva.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЕМИНАР «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ»

24–26 октября 2013 г. в Санкт-Петербурге прошел ставший традиционным семинар «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», который проводится при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта.

Работа семинара была открыта руководителем Бюро регионального отделения Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в РФ Н. П. Смирновой и заведующим сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН А. В. Дукой.

Сессия «Элиты Европы в условиях кризиса», включала в себя два доклада. В докладе «Европа — меньшее зло? Проблемы и стратегии разрешения кризиса в многоуровневой системе» *Хайнриха Беста* (университет Йены) рассматривался вопрос консолидации элит как средства борьбы с мировым кризисом. Исходная позиция профессора Беста заключалась в том, что источником кризисных настроений в Европе являются США. Несмотря на различные интересы суверенных государств — членов ЕС, последним удалось выработать совместную политику по выходу из кризиса во многом благодаря способности национальных политических элит к консенсусу. Исходный замысел европейских чиновников состоял в конструировании новой системы финансовых отношений в Европе, при которой 47% совокупного бюджета формируют два государства: Франция и ФРГ. В заключение доклада были представлены выводы о том, что европейские элиты гораздо более чутко реагируют на мнение других представителей политического истеблишмента, чем на мнение граждан.

Урсула Хоффман-Ланге (университет Бамберга) представила аудитории доклад «Политическое руководство в эпоху экономического кризиса и гражданские волнения», в котором рассматривалось влияние экономического кризиса на электоральное поведение избирателей и политическую стабильность в США и ЕС, а также было проведено исследование причин роста протестных настроений и характера их

воздействия на политические элиты. На основе результатов эмпирического исследования было продемонстрировано, что существующее непостоянство избирателей и нестабильность правительств достигли наивысшей точки. Экономический кризис предоставил большие возможности для популизма, но одновременно с этим стал средством объединения политических элит. До тех пор, пока тема кризиса стоит на повестке дня, будет наблюдаться устойчивый рост так называемой «прямой демократии», что приведет к сокращению политической прозрачности и росту неравенства в политике.

Вторая сессия была посвящена перспективам развития элит и представлена двумя докладами: *С. В. Олейникова* (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко) «Информационные институты в системе “государство—общество—личность”» и *А. В. Дуки* «Возможности демократического развития российских властных элит (перечитывая Дж. Хигли)».

В своем выступлении С. В. Олейников предпринял попытку концептуального анализа современной информационной инфраструктуры, выделяя три основных пути ее формирования: через устранение барьеров между источником и получателем информации, через конвергенцию средств доставки информации, а также через проявление ее индивидуализации. Рассматривая связь основных конституционных прав граждан и свободного доступа к информации, докладчик выстроил следующую триаду: при гарантировании со стороны государства исполнения базовых конституционных прав граждан общество будет способно их обеспечивать, а личность — реализовывать. Таким образом, именно организация мониторинга средств массовой информации позволяет прогнозировать социокультурные процессы и предупреждать различные общественные потрясения.

В докладе А. В. Дуки на основе методологии Дж. Хигли и Л. Филда были проанализированы возможности развития демократических тенденций в российском правящем классе. Путем обращения к эмпирическому материалу автору доклада удалось убедительно продемонстрировать гетерогенность и фрагментированность развития российского общества. Учитывая это, исследователь задался вопросом о возможности существования общих интересов и ценностей среди российских элит (как федеральных, так и региональных). Докладчиком был отдельно выделен факт эволюционирования отношений между федеральными и региональными элитами в сторону авторитаризма при использовании со стороны первых наиболее очевидной стратегии упро-

шения и гомогенизации отношений. В заключение доклада был сделан вывод о слабости демократических тенденций в отношениях между существующими российскими элитами.

Работа сессии «Элиты и региональные сообщества» была открыта докладом *И. К. Жукова* (Омский государственный университет) «Восприятие региональной политической элиты ключевыми группами регионального сообщества». В основе доклада лежали материалы контент-анализа блогосферы, глубинных полуструктурированных интервью и фокус-групп, проведенных в Омской области среди ключевых групп регионального общества. В ходе доклада был сделан вывод о том, что доминирующей тенденцией среди ключевых респондентов в отношении элит является снисходительно-спокойное к ним отношение. Результаты опросов показали, что это в большей степени относится к исполнительной власти, в то время как законодательная вообще не пользуется уважением среди респондентов. Помимо этого среди респондентов обнаружился высокий спрос на так называемых «варягов», а также сильное распространение пессимистических взглядов на действительность (при положительной оценке предшествующих исторических периодов).

Затем прозвучало выступление *П. В. Панова* (Пермский государственный университет) «Политика унификации как вызов для региональных элит (на примере практик представительства этнических меньшинств в региональных парламентах)». В своем докладе профессор на примере трех автономных округов (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий) ретроспективно продемонстрировал систему политического представительства коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в законодательных органах власти этих субъектов, связанную с переходом от системы избрания представителей этих народов по мажоритарным округам к партийным спискам. Основным выводом исследования заключался в том, что, несмотря на произошедшие перемены в избирательном законодательстве, количество депутатов—КМНС в номинальном выражении не изменилось. Изменения претерпела лишь модель их представительства в региональных парламентах. К настоящему времени ключевое значение имеют конфигурация региональной элиты и ее взаимодействие с центром, а также позиции и взгляды лидеров коренных народов Севера.

Работу первого дня семинара завершило выступление *В. А. Ачкасова* (СПбГУ) «Роль элит в провоцировании и эскалации этнополитических конфликтов». Доклад был посвящен вопросам конструирования

элитами этнической идентичности, современным тенденциям в национальной политике европейских государств. Профессор Ачкасов отметил факт политизации этнической идентичности на современном этапе. Говоря о положительном историческом опыте малых народов, докладчик акцентировал внимание на том, что история активно используется элитами для конструирования национальной идентичности. На уровне политических институтов широкое распространение получает такое явление, как «постизм» (назначение на определенную должность представителей этнической общности по национальному признаку, независимо от профессиональных компетенций). Свое выступление докладчик завершил тезисом о необходимости срочного изменения национальной и институциональной политики в РФ.

Второй день семинара открыла сессия «Политические элиты в международной перспективе». Первым докладом стало выступление *О. В. Гаман-Голутвиной* (МГИМО (университет) МИД РФ) «Политические элиты стран БРИК и проблемы модернизации». В своем докладе президент РАПН сделала упор на сравнительном анализе элит России и Бразилии, исходя из принципа наибольшего подобия. В обеих странах модернизационные процессы были начаты «сверху» и сопровождались коррупционными скандалами. Было отмечено, что наблюдается тенденция архаизации внутриэлитных отношений и их подверженность общественному мнению.

Следующим со своим докладом «Система государственной власти и политический порядок в России и на Украине» выступил *А. А. Зоткин* (Институт социологии НАН Украины). Ключевые положения доклада были основаны на результатах сравнительного исследования эмпирических данных, полученных в ходе опросов российских и украинских политических элит. В ходе доклада была выявлена общая для респондентов из обеих стран высокая оценка роли президента при низкой оценке роли парламентаризма. Элиты как России, так и Украины при осуществлении властных функций опираются на силовые структуры. Существенным фактором является высокая роль административного ресурса в процессе принятия управленческих решений. Высокую значимость при их принятии продолжают иметь частные интересы высших должностных лиц.

Затем прозвучал доклад *Н. Ю. Лапиной* (ИНИОН РАН) «Современная элита Франции: состав и карьерные траектории (по материалам эмпирического исследования)». Основу работы составили материалы полуструктурированных интервью, проведенных во Франции.

Концептуализация результатов позволила докладчику сформировать три основных карьерных модели представителей французской элиты: постепенного продвижения, парашютирования и наследования. Было отмечено, что произошли широкие институциональные изменения, сильно феминизировались региональные элиты (доля женщин подошла к 45%). Сформировался класс политиков, не имеющих опыта, за исключением партийного.

Сессию «Власть и проблема легитимности» открыл *В. Г. Ледяев* (НИУ–ВШЭ) с докладом «Власть и легитимность». Концептуализировав теоретические представления о легитимности, докладчик сделал ряд обобщений касаясь того, что политический истеблишмент, как в авторитарных, так и в демократических государствах, ищет все возможные способы для сохранения собственной власти. Различие между ними состоит лишь в том, что применительно к определенному политическому режиму создается соответствующая конфигурация (структура) власти. Отдельно В. Г. Ледяев отметил, что с точки зрения легитимации политические режимы практически не отличаются.

Ирена Панькув (Институт политических исследований Польской академии наук) в докладе «Легитимизация. Теоретическое и эмпирическое исследование» сфокусировалась на рассмотрении процессов легитимизации политических режимов (на примере политической ситуации в Польше конца 1980-х гг.). Предполагая в качестве ключевого источника делегитимизации политического режима социальное неравенство, докладчик на польском примере, показала, что это находит выражение в двух основных тенденциях: «царство свободы», связанное с определенной плюрализацией стилей жизни, и «царство необходимости», заключающееся в выборе стиля жизни исходя из культурных и экономических соображений.

Заключительную сессию «Региональные и муниципальные элиты» второго дня семинара открыл доклад *Д. Б. Тева* (Социологический институт РАН) «Вице-губернаторы: особенности карьеры после ухода с должности». Основываясь на биографической базе данных, состоящей из 1250 персон, докладчик привел собственный взгляд на карьеры вице-губернаторов. Социолог выделил две основные тенденции карьерных перспектив вице-губернаторов, покинувших свои административные посты: дальнейшая профессионализация (как продолжение работы в административных структурах) и «обуржуазивание» (т. е. переход на работу в коммерческие структуры). Также было сделано заключение об определенной проекции данных перспектив

на межинституциональные отношения в субъектах РФ. В данном случае, по мнению автора, существует определенная возможность для рассматриваемых чиновников продолжать осуществлять контроль над той отраслью, которой вице-губернатор занимался на государственной службе (особенно ярко это проявляется при их переходе в коммерческие структуры).

Выступление *А. С. Быстровой* (Социологический институт РАН) «Региональные административные элиты после смены губернаторов» основывалось на биографической базе данных политических элит восьми субъектов РФ. Материалы этой базы позволили заключить, что основным принципом рекрутирования в региональную политическую элиту является принцип личной преданности главе региона. По своему происхождению региональная элита имеет периферийный характер (как по месту рождения, так и по образованию), рекрутируется из административной среды, с тенденцией к снижению числа выходцев из коммерческих структур и ростом численности представителей силовых ведомств. Данные процессы проходят на фоне увеличения доли старших возрастов в составе элиты и снижения числа чиновников, получивших нынешнее назначение в возрасте до 40 лет.

Завершил работу второго дня семинара доклад *А. Е. Чириковой* (Институт социологии РАН) «Малые города в России: главы и их команды». В рамках подготовки доклада исследователем были проведены 64 глубинных интервью с высшими представителями власти, бизнеса и региональными экспертами в пяти малых городах Пермского края и Тамбовской области. Материалы данных интервью позволили сделать заключение об актуальной необходимости существования оппонентов внутри власти, а не только вне нее. Исследователь рассматривала это как способ ухода от моноцентричности власти в российских регионах. Помимо этого было выявлено, что для эволюционирования власти не только по моноцентричному пути политической элите необходимо включать в собственные команды профессионалов из различных областей, поддерживая их мотивацию.

Третий день семинара начался с сессии «Российская элита: становление и эволюция». В рамках сессии прозвучало два доклада. Первым выступил *П. В. Тарусин* (МГУ) с докладом «Генезис российской элиты в ракурсе становления нового политического режима». В ходе данного выступления автором на историческом примере постсоветской России было продемонстрировано, что к настоящему времени основу правящего класса составляют люди, способные «выжить» в кризисных усло-

виях (силовики, криминалитет и пр.). Также было отмечено, что, несмотря на институциональную «сытость» в России, существует опасная тенденция к замещению нормативных практик неформальными.

Следующим выступил *А. К. Магомедов* (Ульяновский государственный университет) с докладом «Российский правящий класс и стабилизация переходного состояния общества». В тексте работы на основе модели «рентоориентированного поведения» рассматривалась деятельность российской политической элиты. В докладе утверждалось, что сложившаяся модель поведения элиты является непродуктивной с точки зрения модернизации и долгосрочной стратегии развития государства, однако в десятилетней перспективе успехи от подобного управления выразились в росте основных экономических показателей РФ. Именно перераспределение ренты руководством России в том виде, в котором оно осуществляется, является ключевой проблемой стабилизации переходного состояния общества. Таким образом, полагает докладчик, стратегия рантье при Путине позволила в краткосрочной перспективе увеличить материальное благосостояние граждан и сделать выбор в пользу стабильности, отодвинув тем самым процессы модернизации и реформирования социально-экономической структуры общества.

Сессия «Элиты: информация и общественное мнение» была представлена докладом *С. Н. Пиизовой* (МГУ) «Астротурфинг в российском политическом процессе». В докладе была отмечена высокая роль астротурфинга (понимаемого как использование наемного труда активистов) в формировании общественного мнения. Были продемонстрированы основные методы и примеры подобной работы: организация массовых акций движения «Наши», существования «окологосударственных» НКО и др.

Сессия «Элиты: этика и ценности» состояла из двух докладов. В докладе *В. Л. Римского* (ИНДЕМ) «Ценностно-нормативный разрыв в действиях органов власти и его последствия» было определено такое явление, как ценностно-нормативный разрыв. Смысл данного конструкта заключается в том, что нормы макросоциального уровня не соответствуют нормам микросоциального. Иными словами, происходит избирательное следование представителями управленческой элиты правовым нормам, в основе своей имеющее личную заинтересованность субъекта права. Согласно исследовательской позиции, подобный разрыв ведет к развитию и дальнейшему укоренению коррупции в обществе. В заключение докладчик отметил, что к настоящему времени

существует необходимость преодоления данного противоречия и полностью отсутствует понимание данной категории как среди представителей общества, так и среди власти.

А. И. Соловьев (МГУ) в своем докладе «Этика и культура истеблишмента» произвел попытку дать определение понятию «истеблишмент». Рассматривая его как особое состояние, выделяя его многофункциональный характер, политолог понимает под ним определенный способ представительства, особое психологическое явление. С точки зрения социальной структуры истеблишмент является многосоставным явлением и включает в себя как определенных статусных фигур, поддерживаемых обществом, так и представителей власти, пользующихся заслуженным авторитетом.

С подведением итогов семинара выступили руководитель Бюро регионального отделения Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в РФ Н. П. Смирнова и заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН А. В. Дука. По окончании семинара состоялась плодотворная дискуссия. Представленные доклады нашли живой отклик участников и гостей семинара.

А. В. Степашев

**ПЯТЫЕ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
«ПОНИМАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
И СОВРЕМЕННОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК»
(ПАМЯТИ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО (1863–1919):
150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

В 2013 г. исполнилось 150 лет со дня рождения академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), выдающегося русского историка и организатора науки рубежа XIX–XX вв. Перу А. С. Лаппо-Данилевского принадлежат работы по методологии истории, русской историографии XVII–XVIII вв., сфрагистике, дипломатике. Он по праву считается основателем русской школы дипломатики. А. С. Лаппо-Данилевский пытался создать целостную «теорию обществознания».

Жизнь Александра Сергеевича оказалась связанной с Санкт-Петербургом и Санкт-Петербургским университетом. Он закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1890 г. стал приват-доцентом университета, в 1902 г. — экстраординарным академиком Санкт-Петербургской Академии наук, в 1905 г. — ординарным академиком. Фактически с этого же года Лаппо-Данилевский возглавил III отделение Академии наук и выступил инициатором многих ее начинаний и издательских проектов, в том числе по истории науки. С 1918 г. и до своей смерти в 1919 г. был сверхштатным профессором Петроградского университета.

В Санкт-Петербурге прошло несколько мероприятий, посвященных юбилею А. С. Лаппо-Данилевского. Одним из них стала всероссийская конференция с международным участием — Пятые чтения по истории российской социологии «Понимание общественно-исторического развития и современности: методология социальных наук», прошедшая 28–29 июня 2013 г. в Социологическом институте Российской академии наук. Данное мероприятие было организовано сектором истории российской социологии СИ РАН в рамках исследовательского проекта «Социологическое наследие академика А. С. Лаппо-Данилевского: исследование, подготовка к изданию, комментарии», поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда. В работе конференции приняли участие 49 человек, из них 10 прибыли из зарубежных стран — Мексики, Испании, Индии, Филиппин, Беларуси. Также были представлены два стендовых доклада. На пленарном заседании было сделано 6 докладов, затем участники конференции продолжили работу в трех параллельных секциях.

Пленарную сессию открыла *И. Ф. Девятко* (Москва) с темой «Стадии эволюции и проблема классификации исторических типов общества: можно ли вернуть социологический дискурс в «междисциплинарный синтез?». В докладе были рассмотрены наиболее популярные в неоеволюционной теории социологические классификации эволюционных стадий и исторических типов обществ в соотношении с иными влиятельными классификациями. Были затронуты вопросы о пригодности и продуктивности этих классификаций, а также о критериях их оценки и возможности создания «всеобъемлющей» таксономии, полезной для макросоциологических и междисциплинарных исследований.

Далее выступил *М. Б. Хомяков* (Екатеринбург) с темой «Образовательные модели модерности». Автор начал с утверждения о центральности вопросов образования для модерности, основанной на принципах автономии и рационального овладения миром. Первым классическим выражением этих принципов стал гумбольдтовский университет, представляющий собой принципиальное соединение образовательной и научной деятельности. Университет поздней модерности, однако, далеко уходит от этой модели и строится по образцу крупной корпорации. В разных моделях такого университета продуктами считаются образовательные программы или выпускники, а клиентами — студенты или работодатели. Докладчик проанализировал эти две модели, раскрывая противоречивость тенденций развития современного образования.

Р. Г. Браславский (С.-Петербург) в докладе «Трансдисциплинарные стратегии анализа в современных социальных науках» показал, что при всех своих глубоких различиях наиболее распространенные подходы к пониманию общественно-исторического развития и современности демонстрируют в своих «классических» версиях общую приверженность к построению редукционистских, детерминистских и когерентных моделей. Накапливаемые в рамках каждой из этих парадигм эмпирические аномалии и концептуальные девиации вынуждают исследователей искать новые модели. Особое внимание докладчик уделил отличию трансдисциплинарных исследовательских программ от междисциплинарных и дисциплинарных стратегий анализа. Примерами трансдисциплинарных подходов являются неоинституциональный анализ в экономической истории (Д. Норт) и цивилизационный анализ в исторической социологии (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон). Их общей характеристикой является критическое переосмысление концептуальных оснований соответствующих дисциплин, отказ

от редукционистского детерминизма в пользу принципа неопределенности и контингентности.

М. В. Масловский (С.-Петербург) продолжил конференцию с докладом «От реконструкции веберовской исторической социологии к разработке поствеберовской теории цивилизационного анализа». С началом «веберовского ренессанса» неоднократно предпринимались попытки реконструкции исследовательской программы М. Вебера. Иной подход предлагают Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон. Оба исследователя определяют цивилизации на основе религиозных и политических критериев. Подход Ш. Эйзенштадта сосредоточен на культурных факторах, что приводит к выделению «зависимости от колеи», в то время как Й. Арнасон понимает культуру как «констелляцию», в рамках которой креативность социального действия и влияние случайных событий могут изменить траекторию цивилизационной динамики. В целом при сохранении определенной преемственности с веберовским подходом представители цивилизационного анализа выходят за его рамки.

Тема доклада *Б. Н. Миронова* (С.-Петербург) была сформулирована в форме вопроса «Почему произошла русская революция 1917 года?». Революция 1917 года, как и любое сложное общественное явление, своим происхождением обязана совокупности факторов (психологических, политических, экономических, социальных, демографических, метеорологических и других) и совпадению множества случайностей. В докладе была представлена попытка дать междисциплинарный ответ на вопрос о предпосылках и причинах Русской революции.

В. В. Козловский (С.-Петербург) в докладе «Диффузии современности: конвертация социально-исторического опыта в текущую частную и публичную историю» затронул проблему понимания современности, которое в отличие от ее описания означает раскрытие изменчивого характера и механизма текущей природной, социальной и культурной реальности. В центре внимания находится понятие модерности, охватывающее тип устройства общества, реализуемый и проживаемый в настоящее время. Аргументируется исходящий из принципа множественности модерностей тезис о диффузии современности, социокультурным механизмом которого является конвертация социально-исторического опыта в повседневные практики.

В первой секции «**Типы понимания общественно-исторического развития и современности**» *В. В. Василькова* (С.-Петербург) проанализировала

эволюцию социологического знания в границах между физикой и метафизикой и показала, что основные парадигмальные революции в развитии социологического знания детерминированы в большей степени экспликацией на социум естественно-научного метода, опосредованного философской рефлексией, то есть определенной исторической формой синтеза «физики» и «метафизики». Одним из способов пересечения физики и метафизики является тип рациональности. Основные типы рациональности (классический, неклассический и постнеклассический) различаются уровнем изучаемых системных объектов, способами объяснения, доказательности и построения знания. Автор рассматривает эволюцию социологического знания как смену основных типов рациональности.

Н. В. Немирова (С.-Петербург) обратилась к особенностям теоретико-методологических построений социального знания А. С. Лаппо-Данилевского и провела сопоставление и уточнение понятий неокантианской методологии: причинность, телеологизм, номотетический и идеографический подходы и др. Были подняты важные научные проблемы, связанные с разграничением понятий «теория», «методология» и «метод». Сделан вывод, что методологические изыскания неокантианцев в области социологической науки определили исходные принципы формирования новой парадигмы отечественной социальной мысли, созвучной мировым тенденциям развития социологии начала XX в. Данную тему продолжила *Г. А. Меньшикова* (С.-Петербург), показав новый алгоритм изучения истории, предложенный А. С. Лаппо-Данилевским, выражающийся через триаду: обозначение сути явления, выявление отклонения реалий от идеальной модели, выяснение факторов, его обусловивших. Автор показала, что рекомендации русского ученого, сформулированные им в «Истории политических идей в России в XVIII в.», продолжают оставаться актуальными для современных российских социологов (особенно представителей управленческого дискурса) по оценке западных идей как фактора формирования российской политической идентичности. Изучение противостояния западных и российских установок применительно к объяснению механизма государственного управления, построенное им на анализе документов XVIII в., актуально и в наше время.

Во второй день секция сосредоточилась на проблеме исторической памяти. *М. М. Мацкевич* (С.-Петербург) проанализировала факторы, которые влияют на представления российских социологов, исследующих социальную память, и показала, что изменения в государственной

политике памяти оказывают меньшее влияние на методику и интерпретацию результатов исследования по сравнению с личными ориентациями исследователя. Социальную память как фактор «инставрации» жизненного мира рассмотрела Э. Г. Позднякова-Кирбятьева (Харьков). Инставрация — понятие, обозначающее диалектический процесс преобразования, состоящий из комплексного применения новых и старых средств. В отличие от реставрации, инставрация предусматривает возвращение старого в новой преобразованной форме. Было показано, что социальная память, сохраняющая позитивные образы советского периода, благодаря инставрационным механизмам может стать важным фактором общественных преобразований. Далее Н. Старостина-Трубицына (США) обратилась к проблеме исторической памяти в творчестве русских писателей-эмигрантов Ивана Бунина (1870—1953) и Надежды Тэффи (1872—1952). В частности, был сделан вывод, что ностальгия зачастую приводила к отстранению, даже изоляции от современной общественной и интеллектуальной жизни. Linn Ruth (США) попыталась понять, насколько коллективной является коллективная память о Холокосте на примере истории одной из жертв Холокоста — Рудольфа Врба, и истории его мемуаров.

Вторая секция **«Пересекая дисциплинарные границы: стратегии социальных исследований»** начала свою работу с доклада Х. С. Гафарова и Ю. Ю. Гафаровой (Минск) «Социальная философия и социология: проблема дисциплинарных границ». Авторы рассмотрели проблему дисциплинарного самоопределения социальной философии и связали ее с задержкой институционализации данной науки. Вплоть до XVIII в. философы рассуждали об обществе, не используя понятия «социального» в его отличии от «политического». И лишь в конце XIX в. в полемике неокантианства, марксизма и неогегельянства проблематика «социального» начинает активизироваться. В результате этой полемики в 20—30-е гг. XX в. «социальное» становится полем исследования, обладающим собственной значимостью. Ю. А. Прозорова (С.-Петербург) проанализировала основания, перспективы и траектории междисциплинарных взаимодействий между антропологией, археологией и цивилизационным анализом в социологии. Причины данной коллаборации во многом обусловлены историей развития цивилизационного анализа, его теоретических установок, исследовательских амбиций и интенций. Социолого-антропологическая рефлексия Э. Дюркгейма и М. Мосса является важной теоретической предпосылкой, определившей интерес к указанным дисциплинам. Этот подход

отмечает значимость археологического знания для социологического анализа «цивилизационных форм». Важнейшей линией взаимодействия между цивилизационным анализом и археологией является теоретико-концептуальный синтез, анализ и критика проблемы универсальных критериев цивилизации и эволюционистского подхода.

Eleni Nina-Pazarzi и *Michail Pazarzis* (Греция) обратились к правовой мысли и ее отношению к социологии права в Греции. Авторы показали развитие социологии права в историко-социальном контексте с критической точки зрения. *Julian Jr. Advincula* (Филиппины) проанализировал социальный, политический и экономический подходы Маркса в контексте проблем глобализации. *Maria Perevochtchikova* (Мексика) провела анализ теоретических и методологических подходов для изучения экологических услуг с точки зрения междисциплинарного подхода. *Т. И. Суслова* (Томск) рассмотрела интегративные тенденции в современных социальных исследованиях. Был сделан вывод о том, что в комплексе наук о человеке не социальные факторы и объекты природы, а различные стороны человеческой деятельности будут основанием для выделения того или иного направления исследований. Возможности источниковедения для методологии социальных наук проанализировал *В. В. Коршаков* (Москва), показав, что возможности, полученные в ходе развития источниковедения, применимы к социальным наукам.

Третья секция «**Социологический дискурс и анализ модерности**» была представлена широким спектром обсуждаемой тематики. *А. Г. Эфендиев* (Москва) в своем докладе показал, что необходимо усложнение представлений о механизмах воздействия ценностей на поведение личности и осмысление решающей роли институциональной практики в регуляции реального поведения акторов. В результате эмпирических исследований на протяжении 10–12 лет автор выявил устойчивый разрыв, несоответствие ценностных предпочтений, ориентаций и реальной практической деятельности социальных акторов. Сделан вывод, что научное познание механизмов социальной регуляции требует своего переосмысления, необходимо разведение актуально-практической регуляции и стратегической. Теоретико-методологические проблемы исследования «современности» проанализировала *В. И. Бочкарева* (С.-Петербург). В докладе сопоставляется позиция А. С. Лаппо-Данилевского со взглядами З. Баумана, М. Кастельса. Теоретико-методологическая проблематика, которую разрабатывал Лаппо-Данилевский, имеет не только ретроспективное значение,

она остается дискуссионной и актуальной «здесь и сейчас». Более того, она сопоставима по аргументации и использованию понятийного аппарата с современными теориями («модернизации», «текущей современности», «постмодернизма»). По А. С. Лаппо-Данилевскому, изучение специфики «индивидуального» уже включает вопросы его воздействия на среду и воздействие среды на его деятельность, что имеет отношение к главному объекту исторического изучения — к истории человечества.

Д. Мельников обратился к теме региональных особенностей модер-на постсоветской России. Автор показал, что парсонсовская функция адаптации прямым образом не работает в нашей стране. Вот почему и ученые, и менеджеры вновь рассматривают русские социологические школы (*М. М. Ковалевский* — традиционный описательный сравнительный анализ, *А. С. Лаппо-Данилевский* — исторический метод, индивидуализированный и психологический подход, *В. И. Ленин* — классовая теория), чтобы использовать их прикладные элементы в нашей регионалистике. *В. И. Ильин* (С.-Петербург) обратился к теме методологического поворота к повседневности. Поворот к повседневности означает методологический сдвиг от социальной архитектуры к «социальному сопромату», включающему в себя жизненный мир индивидов, повседневные практики взаимодействия и ситуационный анализ. Процессы, протекающие на этом уровне, рассматриваются как ключ к пониманию прочности и долговечности социальной иерархии и логики миграционных процессов. Проект Санкт-Петербурга в публичном дискурсе региональной властной элиты проанализировала *А. Б. Даугавет* (С.-Петербург). *Д. К. Тихазе* и *А. С. Курилова* проанализировали актуальность социологических концепций *Г. Маркузе*, *Э. Фромма* и *У. Уайта* в понимании классового неравенства в современном обществе потребления.

Данная конференция была не единственным мероприятием, приуроченным к юбилею Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. 4–5 октября 2013 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошла международная научная конференция «Академик А. С. Лаппо-Данилевский в истории науки и культуры (к 150-летию со дня рождения)». В 2013 г. вышел номер журнала «Клио», в котором больше половины статей связаны с именем А. С. Лаппо-Данилевского (Клио 2013). В журнале «Вопросы философии» вышла статья *А. В. Малинова* «Основные принципы неокантианской философии истории А. С. Лаппо-Данилевского (к 150-летию со дня рождения)» (Малинов 2013). В этом же номере журнала была опубликована статья самого

А. С. Лаппо-Данилевского «Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения. Курс 1902–1903 гг.» (Лаппо-Данилевский 2013).

Памятные мероприятия, прошедшие на родине ученого (Украина), в Москве и Санкт-Петербурге, показали выдающееся место А. С. Лаппо-Данилевского в истории отечественной науки, подчеркнули востребованность и актуальность его научного наследия и необходимость дальнейшего изучения его творчества, популяризации его идей и продолжения исследований в тех направлениях, которые были им намечены.

Источники

Клио. 2013. № 12 (84).

Лаппо-Данилевский А. С. Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения. Курс 1902–1903 гг. / А. С. Лаппо-Данилевский // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 96–106.

Малинов А. В. Основные принципы неокантианской философии истории А. С. Лаппо-Данилевского (к 150-летию со дня рождения) / А. В. Малинов // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 89–96.

А. Э. Зайнутдинов

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И ТРУД»

28–29 ноября 2013 г. на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Современное общество и труд». Инициаторами и организаторами этой конференции выступили Центр исследований социально-трудовой сферы Социологического института РАН и факультет социологии СПбГУ. Большую поддержку в подготовке научного мероприятия оказали Научно-исследовательский комитет «Социология труда» Российского общества социологов (РОС) и Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПАС).

На приглашение принять участие в обсуждении современных социальных проблем труда откликнулись социологи университетов и научных учреждений 25 регионов и округов России. Прислали свои заявки исследователи зарубежных стран: Украины, Беларуси, Японии, Норвегии и Финляндии. Всего было подано более 130 заявок и получено такое же количество научных статей. Непосредственное участие в работе конференции приняло более 70 исследователей, то есть более половины из числа подавших заявки. Наряду с этим в работе пленарного заседания и секций конференции приняли участие студенты, аспиранты и преподаватели петербургских университетов, не оформлявшие официально свое присутствие.

На пленарном заседании конференции выступили известные российские ученые и исследователи. В своем докладе «Проблемы теоретического “оснащения” исследований в социологии труда» профессор *В. А. Ядов* обратил внимание участников конференции на необходимость учитывать в современных исследованиях сферы труда те революционные изменения, которые произошли в конце минувшего столетия в мировой социологической науке, и прежде всего изменения ее основополагающей парадигмы. Движение в сторону утверждения деятельностного (активистского) подхода к анализу социальных изменений, подчеркнул докладчик, связано с логикой развития самой социологической науки. Он привел ряд соображений в подтверждение тому, что подобный подход открывает новые возможности в поисках путей повышения роли человека и его трудовой деятельности как в его собственном саморазвитии, так и в модернизации общества в целом. Все это, по его мнению, потребует немалых усилий по дальнейшему развитию теории и методологии самой социологии труда. С докладом

«Экономическое сознание работников производства: противоречия и парадоксы» выступил член-корреспондент РАН, декан социологического факультета РГГУ, доктор философских наук, профессор *Ж. Т. Тощенко*. В социологическом сообществе Жан Терентьевич известен также как главный редактор журнала «Социологические исследования». В своем докладе одним из наиболее актуальных направлений исследования трудовой деятельности он назвал раскрытие социальных резервов труда. Особое внимание при этом было уделено проблеме формирования работника нового типа, способного быть активным актором модернизации современного производства. На пленарном заседании выступили также доцент кафедры экономической социологии СПбГУ *Р. В. Карапетян* с докладом «Социологическая модель труда» и президент Института сравнительных социальных исследований, кандидат философских наук *Н. В. Андрееenkova* (Москва) с докладом «Взаимосвязь социально-экономической политики государства и сферы труда».

Далее работа конференции проходила на семи секциях.

Секция 1. Состояние трудовых отношений в современных условиях.

Руководители секции: д-р социол. наук, проф. *И. Л. Сизова* (Нижний Новгород); канд. филос. наук, вед. науч. сотр. СИ РАН *Б. И. Максимов* (Санкт-Петербург, СИ).

Секция 2. Изменения трудовой деятельности в современном обществе.

Руководители секции: д-р социол. наук, проф. *Н. А. Пруэль* (Санкт-Петербург); канд. социол. наук, доц. *Е. В. Митягина* (Киров).

Секция 3. Трудовое законодательство и политика государства в сфере труда и трудовой миграции.

Руководители секции: канд. филос. наук, вед. науч. сотр. *С. Г. Климова* (Москва); канд. филос. наук *Н. В. Андрееenkova* (Москва).

Секция 4. Теоретические проблемы исследования труда и трудовой деятельности.

Руководители секции: д-р социол. наук, проф. *В. А. Ядов* (Москва); д-р социол. наук *Г. Н. Соколова* (Минск); канд. экон. наук, доц. *Р. В. Карапетян* (Санкт-Петербург).

Секция 5. Молодежь и труд: актуальные проблемы современности.

Руководители секции: д-р филос. наук, проф. *С. П. Парамонова* (Пермь).

Секция 6. Russian Labor in Comparative Perspective: the Role of Economic, Social and Cultural Contexts.

Руководитель секции: канд. экон. наук *И. Б. Олимпиева* (Санкт-Петербург).

Секция 7. Труд и образование: студенческая секция, которая была организована и проведена по инициативе учащихся факультета социологии СПбГУ.

Руководитель секции: канд. социол. наук, доц. *Е. В. Капусткина* (Санкт-Петербург).

Был также организован круглый стол *«Современные проблемы социологии труда как учебной дисциплины»*, на котором обсуждались актуальные вопросы преподавания данного курса в условиях модернизации образования в РФ. Ведущими круглого стола были: канд. экон. наук *Р. В. Карапетян* (СПбГУ); старш. науч. сотр. *А. А. Русалинова* (СПбГУ) и д-р социол. наук, проф. *Л. Г. Титаренко* (Минск).

Представленные доклады и обмен мнениями, который имел место в ходе работы конференции, позволили получить представление об изменении состояния и направленности исследовательской деятельности в научных учреждениях и на социологических факультетах и кафедрах России и не только с большим удовлетворением отметить существенное расширение «географии» теоретических и прикладных исследований, но и зафиксировать появление новых направлений анализа, новых объектов и проблем в исследованиях. Причем было очевидно, что это связано не только с изменениями в содержании трудовой деятельности и общественных отношений, но и с повышением уровня исследовательской деятельности.

Новые направления в исследованиях сферы труда имеют сегодня особое значение, поскольку они могут способствовать решению глобальных государственных задач в сфере трудовой деятельности. Речь идет об острой потребности в изучении и поиске путей решения социальных проблем, порожденных как стремительным переходом России к рыночным отношениям, так и недопустимо медленно преодолеваемым историческим отставанием отечественной культуры труда и трудовых отношений от экономически развитых стран мира.

На секционных заседаниях конференции были заслушаны доклады, которые содержали результаты анализа сложившихся социальных ситуаций, препятствующих в настоящее время осуществлению ряда

жизненно необходимых глобальных изменений в жизни страны. Речь идет о таких изменениях, как: 1) модернизация отечественного производства, сферы науки, сферы торговли и обслуживания; 2) институционализация и экономическая адаптация новых форм и видов трудовой деятельности, порожденных прежде всего набирающей темпы научно-технологической революцией; 3) кардинальные изменения в содержании трудовых отношений, сложившихся в настоящее время в сфере наемного труда России; 4) приведение социальной политики государства в сфере промышленного производства в соответствие с задачами предстоящих технологических преобразований и нормами международного права; 5) реорганизация сферы образования с целью решения проблем подготовки работников обновляющегося отечественного производства.

Дальнейшее развитие исследований по этим актуальным направлениям и расширение объема исследовательских данных создаст условия для подготовки соответствующих рекомендаций правительственным органам власти, занимающимся проблемами экономики и труда.

Состоявшаяся в СПбГУ в 2013 г. всероссийская встреча социологов труда достойно продолжила многолетнюю российскую традицию регулярного общения исследователей социально-трудовой сферы. Начало этой традиции положила первая в истории отечественной социологии Всесоюзная конференция социологов труда, которая состоялась в 1985 г. на берегах Волги, в г. Тольятти. Инициаторами ее проведения были социологи Самарского государственного университета (СамГУ), сотрудники первой университетской социологической лаборатории Среднего Поволжья в годы «социологического ренессанса».

Конференция носила актуальное для того времени название: «Социология труда и перестройка». На конференцию прибыло небывалое для обычной отраслевой конференции число участников — около 200. Среди них такие известные в те годы исследователи проблем труда, как В. А. Ядов, Н. И. Лапин, А. Г. Здравомыслов, Б. В. Ракитский, А. К. Зайцев, В. И. Герчиков и многие другие. На всех секциях развернулась дискуссия между первыми отечественными теоретиками социологии труда и практиками, ведущими прикладные исследования. Организация работы конференции получила высокую оценку. Она дала серьезный импульс повышению интереса к проблемам трудовой сферы. Чтобы продолжить научные контакты между участниками конференции, был образован Комитет социологии труда в рамках Советской социо-

логической ассоциации (ССА) (теперь этот комитет входит в РОС). Координация деятельности Комитета была поручена социологам Самарского государственного университета.

За минувшие 29 лет в разных городах нашей страны было проведено 27 научно-практических семинаров и конференций. Почти половина встреч прошла в Самаре — в Самарском государственном университете. Наряду с этим конференции проходили в университетах Санкт-Петербурга, Москвы, Владимира, Пензы, Перми, Красноярска, Уфы. В эти же годы было издано около 20 совместных сборников и монографий.

Обращает на себя внимание тот факт, что инициатива в проведении дискуссий, научных семинаров, конференций проявлялась главным образом усилиями социологических подразделений университетов. И это не случайно. Университеты, в отличие от других участников социологического содружества «трудовиков», располагали и располагают лучшими условиями для проведения конференций, в первую очередь — необходимыми помещениями. Здесь к научным встречам можно привлекать в качестве участников и организаторов студентов и аспирантов, сочетая их организационное и содержательное участие в конференции с учебным процессом. Следует иметь в виду, что доля исследователей сферы труда, работающих в университетах, составляет сегодня большую часть социологического сообщества труда: более 85 % известных СИ РАН и Комитету РОС исследователей социально-трудовой сферы. Следует учитывать и сложившуюся в данный момент практику поддержки конференций, проводимых университетами, со стороны Министерства образования и науки, особенно если в их работу включаются студенты и аспиранты. Таким образом, то, что подавляющая часть состоявшихся в минувшие годы научных встреч, конференций, научных семинаров были организованы и проведены университетами, не случайно.

В начале 2013 г. сообщество социологов труда пополнилось новой научной организацией в Санкт-Петербурге. В Социологическом институте Российской академии наук был создан Центр исследования социально-трудовой сферы, одной из главных целей которого является инициирование сотрудничества с социологами и социологическими подразделениями государственных университетов. Центр СИ РАН принял самое непосредственное участие в подготовке Санкт-Петербургской социологической конференции 2013 г. При Центре создан научный совет, в состав которого вошли представители не только

академических учреждений, но и ученые-социологи университетов, сотрудничающих с Центром. В результате содержание дискуссий будет доводиться до сведения всего социологического сообщества.

В заключение необходимо напомнить о том, что в начале подготовки Санкт-Петербургской конференции 2013 г. к ее будущим участникам обратились организаторы с просьбой прислать статьи по теме предстоящего выступления, что позволило издательству СПбГУ подготовить и издать в электронном варианте сборник научных статей объемом более 900 страниц. Редакционная коллегия сборника в составе Р. В. Карапетян (отв. ред.), А. А. Русалинова и О. А. Таранова выполнила кропотливую работу по подготовке к печати. Ознакомиться со сборником научных статей можно на сайте РОС, а также на сайте Социологического факультета СПбГУ (http://soc.spbu.ru/nauka/publications/Sbornik_trud_i_obshestvo.pdf).

Б. Г. Тукумцев

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕМЬИ В РОССИИ И КИТАЕ»

В рамках реализации проекта «Семья и семейные ценности в трансформирующихся обществах: сравнение России и Китая» (РГНФ, № 13—23—22002) на базе Социологического института РАН 10—16 сентября 2013 г. был проведен российско-китайский семинар «Процессы модернизации семьи в России и Китае». Совместный российско-китайский проект посвящен основным проблемам функционирования семьи как социального института в современных общественных реалиях, анализу основных возможностей культурной трансляции семейных ценностей в России и Китае, ключевым вопросам, связанным с обнаружением сходств и различий трансформационных трендов семейных отношений, структур и практик. На семинаре выступили участники данного международного проекта — сотрудники сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института Российской академии наук и их коллеги из группы семьи и демографии Института социологии Шанхайской академии социальных наук.

В первых выступлениях руководители исследовательского проекта член-корреспондент РАН *И. И. Елисеева* и профессор *Xu Angi* представили на основе анализа статистических данных и результатов социологических опросов населения доклады, резюмирующие результаты исследования изменений в структуре семьи в современных России и Китае.

И. И. Елисеева в своем докладе «Структура современной российской семьи» отметила, что в середине XX в. в России окончательно сформировался тип нуклеарной семьи, состоящей из супружеской пары с небольшим количеством детей. На рубеже веков стали наиболее распространенными три устойчивых типа семьи: супружеская пара с детьми или без детей (нуклеарная семья); один из родителей с детьми (неполная нуклеарная семья); супружеская пара с детьми или без детей с одним из родителей супругов и другими родственниками (сложная семья с супружеским ядром). Отмечено, что данные последних переписей свидетельствуют об определенном регрессе семьи как социального института.

В своих выступлениях *М. А. Кlynm* и *Liu Wen Rong* (представивший доклад *Zhuang Yu Xia*) «Население и прокреация» отметили, что демографические изменения, происходившие с середины XX в. в России и Китае, имеют много общего, но вместе с тем наблюдаются

принципиальные различия. Отмечено, что государство и его институты играют главную роль в демографической политике как в России, так и в Китае. Основной целью демографической политики в Китае являлось снижение рождаемости и торможение роста населения, обусловленное проблемами голода. В России, напротив, в последние десятилетия оставалась наиболее значимой проблема увеличения численности населения. Было также подчеркнуто, что в обеих странах результаты демографической политики расцениваются как положительные со стороны правительственных и властных органов. Мнения экспертов в данной оценке расходятся, так как «политика одного ребенка» привела и к отрицательным результатам, в частности к резкому нарушению численности полов («дефициту невест») и изменению в возрастной структуре населения КНР.

Не вызывает сомнения то, что политика планирования семьи, проводимая в КНР в последние 30 лет, позволила снизить нагрузку на страну примерно на 300 млн человек, не допустить роста безработицы. Произошли глубокие изменения в восприятии брака, семьи, рождения детей. Стереотипы «ранние браки — ранние роды», «больше детей — больше счастья» и «мальчики предпочтительнее девочек» постепенно заменились современными понятиями: «поздний брак, поздние рождения», «меньше, но здоровее роды» и «мальчики и девочки одинаковы». Небольшое количество детей снимает семейные, экономические и бытовые тяготы и улучшает качество жизни семьи. Женщины в дальнейшем освобождаются от частых родов и тяжелой работы по дому. Они имеют больше возможности повысить уровень образования и участия в социально-экономическом развитии, которые значительно улучшают положение женщин в экономике, обществе и семье.

Однако есть и тревожные проблемы в китайской статистике рождений и численности населения. Например, растущее число единственных детей и рисков, которым они подвержены. Проводя исследования и обосновывая необходимость корректировки в политике планирования семьи, пенсионного обеспечения и пенсионного возраста, сдерживание миграции сельского населения, ученые вносят свой вклад в улучшение демографической политики и качества населения и окружающей среды.

В докладе «Браки и разводы» *И. И. Елисеева* отметила, что кризисные явления в российской семье характеризуются сохранением высокой разводимости, в Китае же, напротив, изменения в семейных отношениях протекают при традиционно низком уровне разводимости.

Показано, что в проведенном исследовании впервые выявлено влияние семейно-брачного состояния на социальную мобильность мужчин и женщин. Кроме того, отмечено, что в России наблюдается уменьшение интенсивности заключения браков и одновременно увеличивается возраст вступления в новый брак, а также растет число незарегистрированных союзов. Докладчик также отметил, что основными причинами разводов в России являются алкоголизм и наркомания, проводимые через «влияние друзей»; отсутствие собственного жилья; вмешательство родственников; длительное раздельное проживание.

В докладе *К. С. Дивисенко* «Воспитание детей в семье и образование» были представлены результаты исследования представлений старших школьников о своей будущей семейной жизни. Продemonстрировано, что семья является одной из наиболее значимых ценностей для старшеклассников. В представлениях старшеклассников оптимальной является двухдетная семья, а также сохраняются традиционные взгляды: женщина — хранительница очага и мужчина — добытчик. Вместе с тем отмечено, что стали очевидны некоторые нарушения этих традиционно-патриархатных взглядов, проявляющиеся в наделении женщин стремлением к независимости, высокому заработку и содержанию семьи наравне с мужем. Высокая значимость эмоциональной коммуникации в семье (свойственная для современного типа семьи), удовлетворенность отношениями с родителями оказывают влияние на готовность детей учиться и продолжать собственное образование, на общее социальное самочувствие, а также на создание подростками в будущем собственной семьи.

О. Н. Бурмыкина представила доклад «Межпоколенные взаимодействия в семье: поддержка и социальные сети». Одноименный доклад с китайской стороны был прочитан *Liu Wen Rong*. Межпоколенные взаимодействия внутри семьи в современной России, по мнению *О. Н. Бурмыкиной*, не утрачиваются, а, напротив, сохраняются и характеризуются вариативностью и разнообразием. Отмечено, что всеми слоями российского общества принимается и поддерживается идея семейной солидарности, что проявляется в сохранении высокой степени согласия с общими положениями о взаимной заботе взрослых детей и их родителей. Выявлено, что в России молодое поколение более склонно к новому типу поведенческих предпочтений, тогда как старшее поколение придерживается традиционных взглядов. Межпоколенческие взаимодействия внутри китайской семьи во многом обусловлены традиционными ценностями — уважением старших и заботой

о младших. Было также отмечено, что внутрисемейные отношения в Китае подвержены процессам маркетизации и глобализации.

В своем докладе «Гендерные роли» *Н. А. Нечаева* проанализировала гетерохронные изменения различных аспектов гендерных ролей, происходящие в современной России. Так, было отмечено, что на фоне общего увеличения степени занятости российских мужчин и женщин сохраняется гендерное неравенство в оплате труда и вместе с тем продолжают существовать «женские сферы» экономической деятельности. Докладчик обратил внимание на важную особенность внутрисемейного взаимодействия: мужчины чаще придерживаются традиционных взглядов на семейную жизнь и выступают за строгое разделение мужских и женских ролей. Несмотря на то что определенные виды домашнего труда постепенно утрачивают гендерную специфику, тем не менее совокупные нагрузки женщин по ведению домашнего хозяйства почти в два раза превышают мужские.

Доклады, прозвучавшие на совместном семинаре, и их обсуждение внесли большой вклад во взаимное понимание ключевых проблем исследований семей в России и Китае. Основные результаты научного проекта отражены на русском и английском языках в коллективной монографии «Семья в России и Китае: процесс модернизации». Выход издания из печати запланирован в 2014 г.

К. С. Дивисенко

РЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА»

В конце июня 2013 г. в Санкт-Петербурге прошла первая региональная молодежная научная конференция, организованная Советом молодых ученых Социологического института РАН при поддержке Санкт-Петербургского научного центра РАН. Темой конференции стали «Социологические аспекты трансформации российского общества», что в рамках современной российской действительности является актуальной и важной темой для обсуждения. В работе конференции приняли участие молодые исследователи из Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, а также из Янг Харриса (США, штат Джорджия).

Открывало конференцию приветственное выступление *Р. Г. Браславского*, и. о. заместителя директора по научной работе Социологического института РАН. Особо отмечалось, что подобные возможности обмена опытом среди ученых чрезвычайно важны и вносят свой вклад в изучение российского общества.

Первая сессия была посвящена теме «Динамика институционализации властных групп в России». Первый доклад «Неформальные коммуникации: феномен клубов элит» представила *П. И. Лешукова* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург). В докладе была представлена историческая ретроспектива развития феномена клубов в мире, а также дан обзор современных российских реалий в рамках данного вопроса. В заключение отмечалось значительное различие клубов, действующих в России и за рубежом, несмотря на их видимую схожесть.

Далее прозвучало выступление *С. Ю. Сергеева* (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Трансформация ценностей российской элиты». Доклад был посвящен причинам, не позволяющим в России конституционно избранным представителям реализовать суверенную национальную валюту, также была описана борьба за ценности как борьба за право эмиссии. Автор доклада подчеркивал, что на момент проведения конференции в Государственную думу был внесен законопроект, в части ограничения независимости Банка России при осуществлении его функций за счет расширения полномочий Правительства Российской Федерации.

Темой второй сессии стала «Динамика гендерных и межпоколенческих отношений в современной России». Первым в рамках сессии был представлен доклад *Н. А. Старостиной-Трубицыной* (Янг Харрис

колледж, США) «“Мечты о чем-то большем”: мифологичность сознания в современной России». В докладе рассматривались ностальгические воспоминания современных россиян о советском периоде истории. Доклад был основан на эмпирическом исследовании, проводимом автором.

Далее прозвучал доклад *О. В. Тупахиной* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) «Особенности религиозной биографии современных православных христиан (на основе анализа нарративов)». На основе использования биографических нарративов православных христиан рассматривается применение понятия «религиозная биография» для обозначения формы рационализации религиозного опыта верующих. Отмечалось, что нарративы верующих обнаруживают утрату традиционных способов воспроизводства религиозности в России.

Следующий доклад был представлен *Е. А. Чикаловой* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) «Представления молодежи об отцовском отношении к дочерям и сыновьям». Внимание акцентировано на изучении содержательных характеристик отцовского поведения. Были представлены результаты проведенного автором эмпирического исследования, в котором были проанализированы представления молодых людей об отцовском отношении к детям разного пола.

Заключительным докладом второй сессии и первого дня конференции прозвучало выступление *Н. А. Букариновой* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) «Факторы миграции молодежи (pull/push) на примере кейс-стадии города Печоры, Псковская область». Были представлены промежуточные результаты исследования. В частности, было отмечено, что факторами удержания молодежи в Печорах выступают: 1) тесные социальные сети; 2) добрососедские отношения; 3) природный капитал; 4) среднее образование. Но при этом довольно сильными являются факторы выталкивания из города для молодежи: 1) профессиональное и дополнительное образование; 2) работа и самореализация; 3) досуг; 4) потребление.

Второй день конференции начался с заседания третьей сессии «Трансформация социального контроля в современном российском обществе». Первый доклад представила *А. А. Яковлева* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) «Общественные инициативы в сфере контроля девиантности: повседневные практики и конструирование нормативного». Были отмечено, что особенности институционального развития общественных инициатив существенно обогащают повседневные практики контроля (действия, роли) и в конечном

итоге способствуют расширенной трактовке нормативного (система знания). Данный процесс был проиллюстрирован на примере социального контроля наркотизма.

Далее в рамках сессии прозвучал доклад *Н. О. Классен* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) «Молодежная культура как механизм социального контроля (на примере контроля сексуальной виктимизации)». Неформальные системы регулирования, ассоциированные с различными группами, получают все большее развитие, они не только оказываются эффективнее формального регулирования, но и усиливают его действие. В докладе отмечаются тенденции развития неформального социального контроля на примере молодежной субкультуры.

С третьим докладом на сессии выступил *С. С. Колесников* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) «Религия как фактор социального контроля и девиантности в современной России». В докладе автор выделил в качестве наблюдаемых трех действующих факторов (глобализации, десекуляризации и политизации религии) и показал их присутствие в российской действительности, продемонстрировал некоторые тенденции трансформации российской религиозной сферы, — в частности, союз власти и религии; смешение формального светского социального контроля с религиозным неформальным; выделение Интернета в качестве новой «арены» религиозной жизни общества.

Четвертая сессия конференции была посвящена теме «Процессы социальной стратификации и динамики качества жизни в России — 1». Первый доклад, представленный *А. С. Кикоть* (Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет), — «Влияние социальной стратификации на процесс доверия молодежи». Рассматривалась проблема социального неравенства, обуславливающая неравный доступ к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления. Автор, в частности, отмечает, что атмосфера пессимизма нестабильности ведет к неравенству, что в свою очередь ведет к социально-психологическому феномену недоверия к себе.

Закрывал четвертую сессию доклад *А. А. Сидорина* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) «Описание молодежью практик здоровья близкого окружения: структурная модель». Доклад основывается на проведенном эмпирическом исследовании. Автор отмечает гендерную специфику дифференциации здоровья у мужчин и женщин, которая сохраняется на протяжении взросления человека, а также безразличие самих респондентов к своему здоровью.

Пятая сессия конференции тематически стала продолжением четвертой сессии «Процессы социальной стратификации и динамики качества жизни в России — 2». Открывал сессию совместный доклад *В. В. Лобатюк* и *В. А. Базжиной* (СПбГПУ, Санкт-Петербург) «Стратификация трудового потенциала вуза: молодежный научно-педагогический кадровый резерв». В рамках разработки системы кадрового резерва СПбГПУ было проведено пилотное исследование с целью выявления важности мер по привлечению и закреплению молодежи в вузах. Авторы отмечают, что введение системы кадрового резерва, основанного на материальном стимулировании наиболее перспективных с точки зрения будущей научно-преподавательской деятельности сотрудников, способствовало бы созданию условий для закрепления перспективных молодых преподавателей, улучшению качественных показателей профессорско-преподавательского состава и повышению трудового потенциала университета.

Заключительным выступлением в рамках не только сессии, но и всей конференции стал доклад *А. В. Плетнева* (СПбГАУ, Санкт-Петербург) «Развитие аномии в религиозной сфере жизни постсоветского общества». Автор анализирует влияние изменений в религиозной сфере постсоветского общества на усиление аномии в нем. Среди факторов, влияющих на аномию и характеризующих состояние религиозной сферы современного российского общества, он называет религиозное разнообразие, вызванное как миссионерской деятельностью, так и восстановлением традиционных конфессий, а также актуализацию вопроса религиозной идентичности, феномен «внеконфессиональной ереси» и межрелигиозные конфликты.

Во время конференции участники и слушатели активно дискутировали, обменивались мнениями по рассматриваемым вопросам. С уверенностью можно сказать, что конференция прошла успешно и плодотворно для всех, кто принимал в ней участие. По результатам конференции к печати готовится сборник текстов докладов ее участников.

П. И. Лешукова

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ ИОСИФА НАУМОВИЧА ГУРВИЧА (1952–2014)

Российская социология и социальная психология понесли тяжелую утрату. 9 января 2014 года на 62-м году жизни скончался доктор психологических наук, главный научный сотрудник сектора социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН, профессор Иосиф Наумович Гурвич.

Иосиф Наумович — замечательный ученый, который много сделал для развития девиантологии и становления психологии здоровья в России. Написанные им научные труды стали широко известны не только социологам и психологам, но также педагогам, медикам, социальным работникам, юристам и специалистам из других областей знания. Широкая эрудиция, глубокое знание предмета исследования, умение работать с людьми помогли состояться Иосифу Наумовичу не только как ученому, но и как педагогу, которым были подготовлены многочисленные кандидаты и доктора наук. Теоретик, эмпирик, практик — Иосиф Наумович Гурвич был достойным представителем российской науки, петербургской интеллигенции.

Дорогой Иосиф Наумович, мы всегда будем помнить Вас, Ваши труды, Вашу улыбку, Ваши шутки, Вашу интеллигентность!

*Коллектив
Социологического института РАН*

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА КЛЁЦИНА (1952–2014)

Ушел из жизни Александр Афанасьевич Клёцин — замечательный, мужественный человек, друг и коллега, заведующий сектором социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений Социологического института РАН (1996–2012). Его работа в институте была многогранна: он был и заместителем директора по науке, и научным руководителем сектора и аспирантов, и научным редактором.

А. А. Клёцин родился в Брянске в 1952 г. После окончания в 1978 г. факультета психологии Ленинградского государственного университета практически вся его профессиональная жизнь была связана с работой в Академии наук — в Институте социально-экономических проблем АН СССР, Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН, Социологическом институте РАН. Вывески менялись, а работа и научные приоритеты оставались неизменными. Он был одним из счастливых в профессиональном плане исследователей, на протяжении всей жизни оставаясь верным своим научным пристрастиям, верным своему учителю.

Его главными научными интересами были социология семьи и гендера. Александр Афанасьевич был первым и любимым учеником, последователем и продолжателем С. И. Голода. Становление и развитие сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений состоялось во многом его усилиями. Александр Афанасьевич обладал высоким профессионализмом. Его авторству принадлежат монография «Очерк истории социологии семьи в России (конец XIX — XX в.)», статьи по социологии семьи, гендерным отношениям в семье, исследованию вариативности в сфере сексуального поведения, вызывавшие неизменный интерес коллег.

А. А. Клёцин был одним из тех, кто стоял у истоков становления гендерной социологии как академической дисциплины. «Гендерные тетради», вышедшие под его редакцией, остаются одной из немногих работ, к которым исследователи обращаются до сих пор. Он являлся не только высококласным специалистом в области изучения гендерных и сексуальных проблем, но и неизменно способствовал распространению знаний по этой тематике в обществе. Александр Афанасьевич обладал научной смелостью. Следуя примеру своего учителя, брался за разработку острых тем, не получивших внимания в отечественной социологии. Он одним из первых обратился к изучению сексуальных домогательств на работе.

Как член редколлегии «Журнала социологии и социальной антропологии» он во многом содействовал укреплению позиций этого издания в нашем профессиональном сообществе.

Александр Афанасьевич был талантливым исследователем, научным руководителем, умевшим понять, помочь и поддержать не только сотрудников своего сектора, но и института в целом. В сердцах всех, кто знал и любил его, он останется достойным, интеллигентным, обаятельным и доброжелательным человеком, верным другом и коллегой.

Уход Александра Афанасьевича — тяжелая утрата для его семьи, друзей, коллег по сектору и институту. Светлая ему память.

*Коллектив
Социологического института РАН*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Алексей Эдуардович — Санкт-Петербургский христианский университет; abelov@spbcu.ru

Гурвич Иосиф Наумович — доктор психологических наук, главный научный сотрудник сектора девиантности и социального контроля, Социологический институт РАН.

Дивисенко Константин Сергеевич — кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений, Социологический институт РАН; divis@inbox.ru

Ежова Любовь Вениаминовна — научный сотрудник АНО «Центр независимых социологических исследований», директор ООО «Агентство “Экспертиза”»; lve58@mail.ru

Зайнутдинов Андрей Эдуардович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора истории российской социологии, Социологический институт РАН; andreyzayn@yandex.ru

Ирецкий Андрей Николаевич — невролог кафедры гигиены с основами экологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова; iretzki25@gmail.com

Кондаков Александр Александрович — научный сотрудник АНО «Центр независимых социологических исследований»; kondakov@cisr.ru

Кугель Самуил Аронович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Социологический институт РАН; si_ras@mail.ru

Лешукова Полина Игоревна — младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН; polettali@gmail.com

Максимов Борис Иванович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии науки и инноваций, Социологический институт РАН; maximovbi@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории русской философии, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; a.v.malinov@gmail.com

Масловская Елена Витальевна — доктор социологических наук, доцент, заведующий сектором социологии девиантности и социального контроля, Социологический институт РАН; ev_maslovskaya@mail.ru

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии, Социологический институт РАН; maslovski@mail.ru

Митягина Екатерина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; доцент кафедры философии и социологии, заведующий научной социологической лабораторией, Вятский государственный гуманитарный университет; mityagina2004@yandex.ru

Озерова Ольга Владимировна — младший научный сотрудник сектора социологии здоровья, Социологический институт РАН; ozerovaolga@list.ru

Олимпиева Ирина Будимировна — кандидат экономических наук, научный сотрудник АНО «Центр независимых социологических исследований», руководитель направления «Социальные исследования экономики»; irinaolimp@gmail.com

Панова Людмила Васильевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии здоровья, Социологический институт РАН; l_panova@list.ru

Полтинникова Мария Сергеевна — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник сектора теории и методологии, Социологический институт РАН; maria.poltinnikova@gmail.com

Слободской Александр Львович — доктор экономических наук, профессор кафедры социологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; als8@yandex.ru

Степашев Александр Викторович — аспирант, младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН; alexander.stepashov@gmail.com

Тукумцев Будимир Гвидонович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии науки и инноваций, руководитель Центра исследований социально-трудовой сферы, Социологический институт РАН; budimirt@yandex.ru

Тупахина Ольга Владимировна — аспирант, Социологический институт РАН; olga.tupahina@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи научных статей на русском и английском языках, ранее не публиковавшиеся.

К публикации не принимаются тексты учебно-образовательного, научно-популярного и публицистического характера.

Все рукописи рецензируются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Гонорар авторам за публикацию материалов не предусматривается.

Объем рукописей статей — от 0,5 до 2,0 а. л. (1 а. л. = 40000 знаков, включая пробелы).

Рукописи необходимо высылать на электронный адрес редакции: si_ras@mail.ru

Помимо текста рукописи публикационный материал должен содержать следующие сведения:

- информацию об авторе (соавторах), включающую фамилию, имя и отчество на русском и английском языках, ученую степень и ученое звание (при наличии), место работы/учебы (полное официальное название учреждения без аббревиатур), должность по месту работы, почтовый адрес (с индексом), номер телефона (с указанием кодов), адрес электронной почты;
- подробное резюме на русском и английском языках объемом 150–200 слов;
- ключевые слова (3–10 слов) на русском и английском языках;
- название статьи на английском языке;
- пристатейный библиографический список литературы.

Рукописи принимаются в электронной версии в формате *.doc, *.docx, *.rtf.

Ссылки на источники даются по тексту в скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка использованных источников в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с публикаций на русском языке.

Примеры библиографического описания:

Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интер. 2002. № 1. С. 75–83.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. — 319 с.

Егорова М. С., Зверева О. В. Влияние структуры семьи на представления дошкольников о желаемой семье // Психологические иссле-

дования: электрон. науч. журн. 2009. № 5 (7). [Электронный ресурс]. Дата обращения: 02.04.2013. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/219-egorova7>.

Denzin N.K. Evolution of Qualitative Research // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by Lisa M. Given. Los Angeles: Sage Publications, 2008. Vol. 1. P. 311–318.

Doronicheva E.V., Kulkovab M.A., Shackleyc M.S. Exploitation of Lithic Raw Material in The Northwestern Caucasus Upper Paleolithic // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Volume 41. Issue 2. June 2013. P. 40–53 Date of access 20.03.2014. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.aear.2013.11.004>

Giddens A. New rules of sociological method: A positive critique of interpretative sociologies. Stanford: Stanford University Press, 1993. — 193 p.

Rønnow-Rasmussen T., Zimmerman M.J. (eds.) Recent Work on Intrinsic Value. Dordrecht: Springer Netherlands, 2005. — 425 p.

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-ая Красноармейская, д. 25/14, каб. 526.

Тел.: +7 (812) 316-24-96

Факс: +7 (812) 316-29-29

E-mail: si_ras@mail.ru

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ – 2013

Сборник научных трудов

Выпуск 5

Корректоры *Н. В. Стрельникова, Т. В. Никонова*

Оригинал-макет *О. В. Пугачева*

Дизайн обложки *С. В. Кассина*

Подписано в печать 24.12.2014

Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 23,5

Тираж 200 экз. Заказ № 3999

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии

«Нестор-История»

197110 СПб., ул. Петрозаводская, д. 7

Тел. (812)622-01-23